

*Памяти отца
Елагина Анатолия Яковлевича,
без вести пропавшего
в Великую Отечественную,
посвящается*

Побратимы Арктики

*Композиция на заданную тему
в двух частях*

Издание осуществлено при материальной поддержке
Государственной администрации Приднестровской Молдавской Республики
и Администрации муниципального городского поселения Диксон

В книге использованы фотоснимки и слайды
Бориса Брена, Виталия Данильченко, Виталия Иванова, Владимира Иванова, Камиллы Кузнецовой,
Владимира Куницына, Александра Просекова, Валерия Смирнова, Ольги Молчановой,
Владимира Королёва, личного архива контр-адмирала Константина Стёпина,
личных фотоальбомов ветеранов Великой Отечественной войны и их семей,
отдельных изданий, отмеченных в списке литературы в конце книги,
на форзацах — кадры из телесериала «Конвой «PQ-17».

**Автор выражает особую благодарность руководителю Издательского дома «Дело» Игнату Казмалы,
заместителю директора ООО «Шериф», депутату Верховного Совета ПМР Илоне Тюряевой,
редактору республиканской газеты «Приднестровье» Владимиру Масленникову
и его заместителю Николаю Тимофееву, которые оказывали финансовую,
моральную и методическую помощь на всём протяжении подготовки этого издания.**

Елагин Н.А.

Е 47 Побратимы Арктики. Документально-публицистическое, эпистолярно-библиографическое,
поисковое повествование или Композиция на заданную тему. – Бендеры, 2008. – 536 с., илл. –
1000 экз.

Настоящее издание «Побратимов Арктики» состоит из двух, на первый взгляд, самостоятельных частей и значительно отличается от первого издания, осуществлённого в 2002 году в Тирасполе. Первая часть «И память проступает вновь...» посвящена защитникам заполярного Диксона, она исправлена от допущенных в первом издании ошибок, расширена за счёт писем ветеранов, дополнена новой информацией и иллюстрациями. Вторая часть «Конвои мужества» значительно больше по объёму. И этому тоже есть оправдание: во-первых, союзные полярные конвои не имеют прецедента в истории человечества по продолжительности такого международного сотрудничества (они осуществлялись антигитлеровской коалицией с самого начала и до конца Великой Отечественной войны); во-вторых, союзные полярные конвои со всеми их проблемами организации и проводки (даже при трагическом исходе конвоя «PQ-17») расширяют понятие «Побратимы Арктики» до планетарного значения, поскольку в них принимали участие десятки стран мира.

Подобное издание осуществляется впервые. Автор надеется на понимание его позиции в раскрытии такой важной темы, как «ленд-лизинг», и читатель не останется равнодушным к его лирическим и публицистическим отступлениям, которые дают возможность с современных позиций «читать» этот значительный кусок нашей непростой истории.

ББК 84-5 (4Мол.-П)

© Елагин Н.А., 2008-07-20

© Дизайн, оригинал-макет Елагин Н., Цветков А., 2008

И память проступает вновь...

Часть первая

«Я благодарен судьбе, что имел честь служить среди дежнёвцев и на «Дежнёве». Считаю, что многие черты моего характера сформировались именно на «Дежнёве», я получил там много различных знаний и навыков. Там я обрёл боевых друзей. Раз и на всю жизнь!»

Константин СПЁТНИЙ,
контр-адмирал.

Арктика, август 1942 года

Старшее поколение знает: путь к победе над германским фашизмом длительный и трудный. В достижении победы участвовала вся страна. Советский народ в неимоверно тяжёлой войне показал свою стойкость и мужество, беспредельную любовь к своей Родине, проявил массовый героизм. Этот подвиг не забудется в веках. Достоинство выполнили свой гражданский долг защитники Крайнего Севера.

...Лето 1942 года – тяжёлое время для нашей страны. На огромном протяжении советско-германского фронта идут ожесточённые бои. Ценой колоссальных усилий врагу удаётся выйти к Волге. На северном фланге противник пытается наступать, но успеха не имеет.

Однако, сосредоточив крупные силы своего флота на базах Норвегии, враг создал серьёзную угрозу нашим морским перевозкам. Гитлеровское командование намеревается провести специальную операцию к востоку от Новой Земли с целью прервать советские морские сообщения в Арктике. К участию в этой операции под кодовым названием «Вундерланд» («Страна чудес») привлечено значительное количество подводных лодок. В качестве главной ударной силы – крейсер «Адмирал Шеер», один из сильнейших кораблей немецко-фашистского флота. В его задачу входило уничтожение ледоколов и транспортов из состава караванов судов, осуществляющих переходы в Карском море и море Лаптевых.

16 августа крейсер «Адмирал Шеер» вышел из Нарвика. Расчёт врага: скрытно, используя большую скорость хода, внезапно появиться в районе мыса Вилькицкого, где, по данным разведки, в том числе и японской, ожидался одновременный подход караванов, следующих с запада и востока, уничтожить артиллерийским огнём транспорты, танкеры, ледоколы и боевые надводные корабли сопровождения.

Для разведки и уточнения ледовой обстановки предполагалось использовать подводные лодки, разведывательную авиацию и самолёт «Арадо» с крейсера.

Низкая облачность и густые туманы помешали нашему флоту обнаружить переход фашистского крейсера к северной оконечности Новой Земли.

Он проник в Карское море. Опасность нападения на караваны судов в Арктике стала реальной. Казалось, ничто теперь не мешает крейсеру выполнить коварную задачу. Однако первые же дни проведения противником операции в открытом Карском море выявили её крупнейшие просчёты. Разведка оказалась неспособной вскрыть обстановку. Подводные лодки эту задачу не решили. Единственный корабельный самолёт вскоре потерпел аварию и затонул. Неясная и сложная ледовая обстановка лишала противника возможности свободного маневра. Ставка на внезапность действий против караванов судов могла быть сорвана в любое время при первом же обнаружении крейсера.

25 августа 1942 года фашистский пират, ничего не добившись на подходах к проливу Вилькицкого, возвратился в центральную часть Карского моря. Ему нужен был успех, во что бы то ни стало. А время шло...

Это был период интенсивной арктической навигации. По трассе Северного морского пути шли караваны судов, совершали переходы отдельные суда, осуществляя транспортировку военных, народнохозяйственных грузов, производились перевозки для полярных станций.

С Новой Земли на Диксон следовал «Дежнёв». Для смены зимовщиков и доставки необходимых грузов на полярные станции спешил с Диксона в восточную часть Карского моря ледокольный пароход «Сибиряков». К полудню 25 августа он находился в районе острова Белуха. На судне шла обычная жизнь, ничто не предвещало беды...

Около 12 часов дня старшина сигнальщиков «Сибирякова» Иван Алексеев доложил: «Слева по курсу на горизонте вижу дым!» Спустя некоторое время можно было определить: приближается неизвестный крупный военный корабль. На «Сибирякове» сыграна боевая тревога. Экипаж занял места по боевому расписанию. Обнаруженный корабль не отвечал на запросы «Сибирякова», продолжал сближаться, требовал передачи данных о ледовой обстановке и местонахождении караванов судов. Почуввав неладное, командир ледокольного парохода Анатолий Качарава решил направить судно к острову Белуха, чтобы на случай нападения понести меньше потерь в людях. Одновременно на Диксон уходит сообщение об обнаружении крейсера неизвестной национальности, идущего без флага.

Тогда «Шеер» сбрасывает маску: поднимает фашистский флаг и требует от «Сибирякова» за-

стопорить ход, прекратить работу судовой радиостанции. Вслед за переданным сигналом «Спустите флаг, сдавайтесь!» фашистский крейсер открывает огонь по «Сибирякову».

Командир принимает решение вступить в бой. Огонь по врагу открыли комендоры во главе с командиром артиллерийской боевой части Семёном Никифоренко.

Это был неравный, героический поединок: транспортное судно с трехдюймовыми пушками сражалось против бронированного, мощного артиллерийского корабля. Первые же залпы фашистского крейсера нанесли «Сибирякову» значительный ущерб: уничтожена кормовая артиллерийская группа судна. Погибли расчёты этой группы. Смертью храбрых пал младший лейтенант Никифоренко. На корме возник пожар. Смертельно ранена судовой врач Валентина Черноус. Но «Сибиряков» продолжает вести огонь по кораблю противника. От вражеского снаряда загораются бочки с бензином на носовой палубе. В борьбу с огнём вступает боцман корабля Андрей Тихонович Павловский. Огонь подбирается к ящикам со снарядами. Рискуя жизнью, опасность ликвидирует матрос Малыгин.

Контужен командир, но продолжает управлять судном и действиями экипажа. Носовая батарея ведёт стрельбу. Там отлично выполняют свои обязанности комендоры Дунаев, Скворцов, Тарбаев. Радиосвязь с берегом поддерживает Шершавин. Сбит флаг. К нему бросается старшина Алексеев. Но он не смог вновь поднять знамя над кораблём, был тяжело ранен. Это сделал матрос Новиков...

Управление манёврами судна осуществляет уже с кормового рулевого боевого поста старший помощник Сулаков. Для восстановления связи поднимается на гротмачту и устанавливает аварийную антенну среди летящих осколков и снарядов парторг корабля Сараев.

На многих боевых постах во время боя сумел побывать комиссар Зелик Элимелаш. Тёплые слова одобрения слышали от него люди. Он помогает организовать подачу артснарядов на носовую батарею и поставить дымовую завесу...

На «Сибирякове» – критическая обстановка.

Судно теряет скорость из-за боевых повреждений в котельном отделении. Много убитых и раненых, кругом очаги огня. Невдалеке – остров Белуха. Но уже не дотянуть... Решение командира – спасти оставшихся в живых людей. Он отдает распоряжение поставить дымовую завесу и спустить шлюпки на воду...

Новый залп с фашистского крейсера выводит из строя радиостанцию. Носовая пушка продолжает стрелять по вражескому кораблю. Сейчас весь её расчёт состоял из одного человека – Дунаева. Из

строая вышла машина. «Сибиряков» горит. Убит старпом Георгий Петрович Сулаков. Посадку людей на шлюпки организует Элимелаш. Командир подтверждает старшему механику судна Николаю Григорьевичу Бочурко ранее отданное приказание: как только все люди покинут судно, приступить к его затоплению.

К.И. Стёпин. Снимок военных лет

В первой шлюпке, отошедшей от борта «Сибирякова» – женщины и раненые. Фашисты начинают обстреливать район нахождения «Сибирякова» осколочными гранатами, чтобы уничтожить оставшихся в живых. Вторично ранен командир. В бессознательном состоянии его опускают во вторую шлюпку. В это время переворачивается первая шлюпка. По приказу комиссара помощь тонущим оказывает боцман Павловский.

...На корме погружающегося в морскую пучину ледокольного парохода стояли, обнявшись, два человека. Это были Зелик Элимелаш и Николай Бочурко.

Так героически погиб ледокольный пароход «Сибиряков». Ему суждено было в своей жизни отличиться дважды. Первый раз – в 1932 году он впервые в истории прошёл Северным морским путём за одну навигацию с запада на восток и был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Второй раз – через десять лет, в августе 1942 года сам погибает, но спасает советские караваны. В бою с более сильным кораблем противника не спустил своего флага «Полярный «Варяг».

...Уцелевшая шлюпка направилась под прикрытием дыма к берегу. Её перехватывает катер

фашистского крейсера. Гитлеровцы захватывают в плен сопротивлявшихся сибиряковцев. Их осталось 19. Потом был фашистский плен – на крейсере до Нарвика, на каботажном судне – от Нарвика до Кила. Концлагерь «Марине-Гулак №330» под Гдыней в Польше. Освобождение из фашистского плена в 1944 году...

Единственный член экипажа, избежавший плена – кочегар Павел Иванович Вавилов. На шлюпке он добрался до острова Белуха. Там пробыл долгих 36 дней...

...25 августа 1942 года на фашистском крейсере празднуют первый успех: уничтожен «Сибиряков», часть его экипажа пленена. Однако задача, поставленная перед «Адмиралом Шеером», не выполнена. Более того, в результате сопротивления ледокольного парохода утрачена внезапность. Не достигнута и главная цель – от «Сибирякова» не удалось получить данные ледовой обстановки в Карском море, неизвестно и местонахождение советских караванов.

От острова Белуха крейсер направляется в центральную часть Карского моря и безуспешно ведёт поиск советских транспортов. Командир крейсера принимает решение напасть на Диксон, уничтожить склады, радиостанцию Главного управления Северного морского пути (ГУСМП), расположенные на острове, захватить пленных, ценные документы штаба морских операций. Предполагалось высадить десант численностью до 180 человек, которые, как считали фашисты, не встретив сопротивления, решат все поставленные задачи.

Над Диксоном нависла серьёзная опасность.

Из гражданского населения острова срочно создаётся отряд ополченцев. Их возглавили командир А.И. Мережков и комиссар С.А. Шатов. Для ведения боевых действий отряд располагал пушками мелкокалиберной артиллерии, пулемётами, ручными гранатами и автоматами. Женщины и дети эвакуируются из посёлка в тундру...

С получением данных о подходе к острову Диксон неприятельского корабля сформированный отряд народного ополчения занимает назначенные позиции на побережье. Полярники готовятся отразить десант противника всеми имеющимися у них средствами.

У причалов порта находились транспорт «Кара» и сторожевой корабль СКР-19 («Дежнёв»), прибывшие на Диксон 25 августа. На внутреннем рейде стоял на якоре транспорт «Революционер». Вблизи у причала на временной огневой позиции была развернута береговая батарея.

К моменту нападения фашистского крейсера все силы обороны были приведены в полную боевую готовность. Исполняющий обязанности командира СКР-19 старший лейтенант Сергей Александрович

Кротов принимает решение отойти от причала и вступить в бой на рейде.

Для отражения противника сил явно недостаточно. Враг располагал шестью 280 мм орудиями, 14 орудиями калибра 105×150 мм. С нашей стороны возможно было использовать только два орудия 152 мм, пять – 76 мм, четыре – 45 мм.

Вражеский корабль, обогнув остров Диксон с юга, направляется к проливу Вега, ведущему на внутренний рейд.

Вновь с волнением вспоминаешь прошлое... Это было в начале второго часа ночи, хотя, как нередко бывает в Арктике летом, трудно было понять, день это или ночь. Не темно и не светло: облачно, сумрачно, небольшой туман...

Когда крейсер появился в видимом районе пролива Вега, сторожевой корабль «Дежнёв» начал отходить от причала и пошёл на сближение с противником. На тёмном фоне силуэта фашистского рейдера сверкнули яркие вспышки огня: он открыл стрельбу. Немедленно открыл огонь и «Дежнёв». На мостике находились С.А. Кротов, комиссар В.А. Малюков, командир БЧ-2 К.И. Стёпин. На крыльях мостика изготовились к бою пулемётчики В. Скребцов и В. Шиляев. В ходовой рубке – штурман А. Назарьев, на руле – А. Транков и возле него – И. Шнейдер.

Вслед за «Дежнёвым» вступила в бой береговая батарея. Стреляли по кораблю противника из кормового орудия транспорта «Революционер».

Едва СКР-19 вышел на рейд, как попал под ураганный огонь крейсера. Раненый С.А. Кротов оставался на мостике и продолжал управлять боем. Выведен из строя почти весь расчёт командного пункта батареи 45 мм пушек. Тяжело ранен управляющий огнём этой батареи старшина М.М. Быков. Убиты Ульянов, Майсюк, Борисихин...

У нас на корабле возникает пожар. С ним отважно ведёт борьбу аварийная служба Ивана Федоровича Петряева.

Дальномерщик сторожевика старшина И.И. Буров докладывает: на юте вражеского корабля пожар, накрыли цель артиллеристы береговой батареи. Добиваются попадания в районе фок-мачты крейсера и комендоры нашего СКР-19.

Доклады об убитых и раненых поступают почти непрерывно. Большая часть раненых остается на своих боевых постах. Рискую жизнью, матросы Л. Кацман и М. Пунанцев предотвращают взрыв боезапаса на одной из пушек левого борта. Снова ранен С.А. Кротов, но продолжает управлять кораблем.

Разрыв снаряда крупного калибра выводит из строя большую часть расчёта 76 мм пушки левого борта. Вместо тяжело раненного Карагаева обязанности командира орудия принимает первый наводчик Андреев, место которого занимает

краснофлотец Астахов. Ещё ранее на этом оружии тяжело ранен Хайруллин. Обязанности подносчика снарядов принимает на себя пулемётчик Тонунц. Раненный, он помогал вести огонь по противнику до конца боя.

В сложнейших условиях химист Иван Майоров обеспечил своевременную постановку дымовой завесы.

Исключительно оперативно, без суеты, оказывали помощь раненым корабельный врач Брен и санитар Кубряков.

Деловито и спокойно организовал борьбу за живучесть корабля командир БЧ-5 старший техник-лейтенант Г.Г. Звягин. Как подсчитали после боя, только по левому борту «Дежнёв» получил до 500 различных пробоин от осколков и снарядов, в том числе и ниже ватерлинии...

Сторожевой корабль прекратил вести огонь по противнику только после того, как цель перестала наблюдаться из-за поставленной им дымовой завесы.

В ходе боя «Дежнёв» получил значительные повреждения, приняв на себя основной удар противника. 27 дежнёвцев получили ранения, из них 22 – тяжёлые. Смертью храбрых пали пять наших товарищей, двое умерли от ран по пути в диксонскую больницу: Павел Григорьевич Ульянов, Василий Иванович Давыдов, Алексей Михайлович Карагаев, Геннадий Иванович Майсюк, Фахрулла Хайруллин, Василий Иванович Сулов, Аркадий Прокофьевич Борисихин. Они похоронены с воинскими почестями на острове Диксон.

Раненым в бою дежнёвцам оказывали помощь врачи диксонской больницы Владимир Николаевич Андреев и Надежда Сергеевна Котельникова.

В бою при Диксоне весьма важную роль сыграла береговая батарея. Несмотря на сложные условия, личный состав под руководством командира батареи лейтенанта Н.М. Корнякова быстро и умело подготовился к выполнению поставленной боевой задачи. В подготовке к бою добровольно участвовали ополченцы Диксона Михаил Аносов, Иван Зубков, Галина Назарова и Антонина Яковлева.

Огонь по вражескому кораблю батарея открыла вслед за «Дежнёвым». Вскоре попала в крейсер противника. В самом начале боя осколками снарядов ранены Н.М. Корняков и командир орудия сержант И.Н. Сауляк. Несмотря на полученные ранения, оба оставались на своих боевых местах до окончания сражения. Отважно действовали Александр Соколов, Дмитрий Лавров, Михаил Ткаченко. Галина Назарова, Тамара Лобанова перевязывали раненых и подавали снаряды.

Батарейцы добиваются вторичного попадания по крейсеру. На этот раз пожар возник в его носовой части, что особенно встревожила про-

Командир БЧ-2 К.И. Стёпин

тивника. Сразу после этого фашистский рейдер начал разворачиваться, прекратил огонь и покинул пролив Вега.

Умело и мужественно действовали во время боя моряки судов «Революционер» и «Кара».

На «Революционере» быстро изготовили к стрельбе 76 мм орудие, расчёт которого вслед за береговой батареей начал вести огонь по врагу. От попаданий вражеских снарядов на судне возникают пожары. Ранен капитан Ф.Д. Панфилов. Борьбу с огнём на судне возглавили старший штурман Шошин, второй помощник капитана Загорюлько, боцман Суханов. Отважно действовали матросы Завьялов и Овечкин, кочегары Шкодин и Серухин. Маневрирование судна обеспечивала машинная команда во главе со старшим механиком В.Л. Макарьиним.

Особая роль выпала на долю транспорта «Кара». Вооружения на этом транспорте не имелось. Он же представлял особую опасность для порта: на его борту находилось 250 тонн взрывчатки, предназначенной для взрывных работ на шахтах Норильского горно-металлургического комбината. Моряки проявили исключительную выдержку. Вокруг «Кары» рвались снаряды и летали осколки. Но экипаж хладнокровно действовал в боевых условиях, сумел своевременно укрыться дымовой завесой и уберечь судно от неминуемой гибели.

Как оказалось впоследствии, прекращение огня крейсера и отход его в направлении Енисейского залива означали лишь завершение первой части боя. Потерпев неудачу в нападении на порт, «Адмирал Шеер» отошёл в район, расположенный к западу и северу-западу от острова, и уже оттуда произвёл обстрел туманной станции, радиостанции Новый Диксон и угольного склада. На береговых объектах, подвергшимся нападению, мужественно

вели борьбу с огнём К. Якубов, А. Булычев, В. Колобродов и другие.

По крейсеру открыла ответный огонь береговая батарея. После первого попадания наших артиллеристов рейдер прекратил обстрел и на большой скорости скрылся в северо-западном направлении. На этот раз окончательно.

Итак, ни одна из поставленных задач фашистам не удалась. Авантюристская операция немецко-фашистского флота окончательно провалилась.

Родина высоко оценила бесстрашные действия членов экипажа «Сибирякова» и защитников Диксона. Многие из них награждены орденами и медалями. Особой благодарности в те дни заслужили судоремонтники Дудинки. В исключительно короткие сроки они отремонтировали «Дежнёв», что называется, поставили его на ноги, устранив все боевые повреждения. Норильские врачи Смирнов и Родионов провели сложнейшие операции. В дальнейшем медицинские работники Норильска и Дудинки сделали очень много для того, чтобы ввести в строй раненых, эвакуированных с Диксона.

Различны дальнейшие судьбы участников боевых действий в Карском море 1942 года. Радостно сознавать, что при всей неуравновешенности и раскаченности нашего времени дружба, родившаяся и закаленная в боях, не ослабела, она окрепла. Об этом мы свидетельствовали сами при наших регулярных встречах. Традиции наши живут в боевой службе североморцев, в трудовых делах моряков арктического флота, в трудовых делах моряков арктического флота, в трудовых делах моряков арктического флота, в трудовых делах моряков арктического флота. Славные имена Сибирякова и Дежнёва с достоинством носят суда нового поколения, улучшенного арктического класса. Именами дежнёвцев и сибиряковцев названо несколько островов Арктики.

К настоящему времени о боевых действиях в Карском море 1942 года написано немало книг, брошюр, газетных и журнальных статей и очерков. Думаю, пришло время обобщить имеющийся материал и создать фундаментальный труд о защитниках Диксона.

С особым удовлетворением благословляю новое издание о североморцах – «Побратимы Арктики» и выражаю уверенность в том, что оно займёт достойное место в ряду документально-публицистических и исторических материалов на эту тему.

Достоинства «Побратимов Арктики» неоспоримы: искренность повествования, достоверность фактов, открытие неизвестных судеб отдельных североморцев, редкие фотоиллюстрации... Используя богатый библиографический материал, личные встречи и переписку, автор, на мой взгляд, последовал за лучшими публицистами Сергеем Смирновым, Константином Симоновым, Владимиром Рудным, Константином Бадигиным, Владимиром Реданским,

которым удалось запечатлеть неповторимые образы североморцев.

Надо было иметь гражданскую смелость, чтобы защитить право на подвиг экипажа «Сибирякова» и его прославленного командира капитана Анатолия Качаравы, снять со многих печать «изменников Родины», чем неизменно клеймили безоговорочно всех пленников, независимо оттого, при каких обстоятельствах пленение состоялось. Кто знает, какие бы жертвы ещё принесла на алтарь Победы Советская Арктика, если бы ценой собственных жизней сибиряковцы не оповестили Север о вероломном вторжении врага. Это и есть подвиг, в высшей степени его понимания, – за гибелью одних продолжается жизнь других...

Одна из встреч на Диксоне: Александр Забейворота, комсомольский лидер и контр-адмирал К.И. Стёпин

Сегодня нельзя без волнения читать исповедь матроса «Дежнёва» Федосея Фирсина и поименный список (судовую роль) «Сибирякова» образца августа 1942 года! Только настоящие патриоты могут объединяться неформально, по совести, в большую семью, как это сделали дети и внуки сибиряковцев военного и послевоенного времени. Кому-то ныне трудно понять, что двигало юных диксонцев, которые по крупицам собирали свидетельства очевидцев обороны Диксона для себя, для школьного музея. Для будущего...

С этих позиций настоящее издание ожидает признание благодарных ветеранов войны - защитников и побратимов Арктики, всех, кого любили мы, и кто нас помнит на общее наше мученье и наше общее счастье.

Константин СТЕПИН,
контр-адмирал,
бывший командир БЧ-2 СКР-19
(«Дежнёв»).

Родине, знамени присягают матросы и адмиралы...

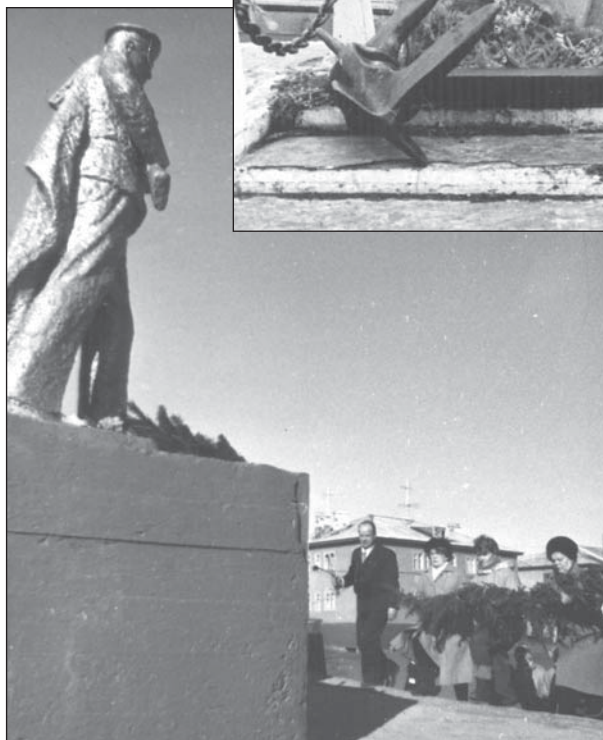
ВЗМЕТНУЛИСЬ В НЕБО ТРИ ШТЫКА –
ТРИ МОНУМЕНТА, ТРИ ГРАНИТА.
СЛОВА, КАК КЛЯТВА, НАВЕКА:
И НЕ ЗАБЫТ, И НЕ ЗАБЫТО!

СТОИТ В МОЛЧАНЬИ ВЕТЕРАН,
ЗАЩИТНИК МАТУШКИ РОССИИ.
И В ПАМЯТЬ БОЛЮ СТАРЫХ РАН
ВЕРНУЛИСЬ ВНОВЬ СОРОКОВЫЕ.

БОИ, ДОРОГИ, ЧЁРНЫЙ ДЫМ
И БЕЗЫМЯННЫЕ МОГИЛЫ.
СТАЛ КТО-ТО В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СЕДЫМ,
А КТО-ТО... ВЕЧНО МОЛОДЫМИ.

ЛАСКАЕТ СЕРЕБРО ВОЛОС
СТУДЁНЫЙ ВЕТЕР ОКЕАНА.
ВОТ НАМ И СВИДЕТЬСЯ СВЕЛОСЬ,
МОИ ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ.

В. ЛЕОНЕНКО.
пос. Диксон.

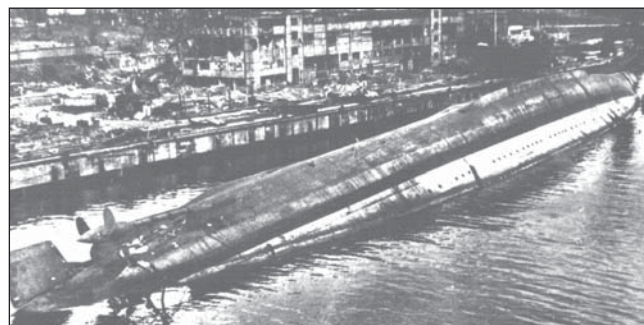

«Ни лошадиные силы», ни лёгкое вооружение ледокольных пароходов «Дежнёв» и «Сибиряков» не шли в сравнение с мощностью крейсера «Адмирал Шеер»

Горит «Сибиряков» (снимок сделан с борта фашистского рейдера)... Но нашёл свой бесславный конец и «Адмирал Шеер» в мае 1945 года у причала в Киле...

Боевой расчёт орудия СКР-19 (слева направо):
А. Кузнецов, В. Отрубин, В. Лукьянов,
П. Максименко

Траурный митинг на месте захоронения погибших дежнёвцев на острове Диксон

Воспитание историей

Не поленитесь, взгляните на карту бывшего СССР или нынешней России. Красноярский край – географический центр России, делит её как бы пополам, простираясь с юга на север более чем на две тысячи километров. На самом севере Красноярского края, там, где могучий Енисей впадает в Карское море, где уже не понять, то ли река такая необозримая, то ли уже море плещется о берег, и расположен арктический посёлок Диксон и одноимённый остров.

Неправда ли, по всем параметрам необъятной Великой Отечественной войны, это глубокий тыл? Но именно здесь разыгралась одна из трагедий того времени.

...Август 1982 года. Диксон отмечает сорокалетие обороны арктического побережья от фашистского рейдера «Адмирал Шеер». Буквально все – от мала до велика – пришли на открытие обелиска на Южной горе.

Незабываемое волнение и торжественность празднику придали ветераны Великой Отечественной войны, моряки-североморцы, впервые прибывшие сюда после тех памятных событий у Диксона: старшина второй статьи Иван Григорьевич Шнейдер, старший краснофлотец Алексей Иосифович Подлесный, краснофлотец Юрий Сергеевич Гудин, командир четвёртого орудия Федосей Герасимович Фирсин...

Тогда автор этих строк впервые встретился со своими героями. Вскоре появилась первая большая публикация в краевой газете «Красноярский рабочий» и первые отклики на неё.

Работница Норильского городского комитета КПСС Людмила Алексеевна Кулеш после публикации материала о дежнёвцах обратилась в краевую газету с просьбой сообщить «координаты» дежнёвцев, чтобы пригласить их в Норильск как самых дорогих гостей. Пришлось достать свой диксонский блокнот, сообщить все адреса, которыми я располагал к тому времени. Думалось тогда: пройдёт немного времени, и заполярный город непременно будет встречать североморцев, возможно, тех, кто после ранения в бою под Диксоном был доставлен на лечение в Норильск – город, неожиданно-негаданно ставший прифронтовым, вдали от фронта.

И ещё об одном письме. Его автор А.Горовенко выполнял обязанности начальника Дудинского диспетчерского участка Енисейского речного пароходства в годы Великой Отечественной войны.

«В моём подчинении, – писал А. Горовенко из Красноярска, – находились флот, работающий в границах от Туруханска до Диксона, порты и пристани. Мне не довелось быть непосредственным участником тех событий, но значительная информация о них проходила через меня. Корни неравного боя «Сибирякова» и «Дежнева» по своему патриотизму восходят к подвигу русских моряков «Варяга».

Но в опубликованных ранее статьях, которые мне приходилось читать, к сожалению, упускается одна существенная деталь боя при Диксоне. Если смотреть на этот поединок как бы со стороны Енисея, то, по докладу капитана парохода «Кооператор» («Молотов») Павла Алексеевича Казаринова и других лиц, он выглядел так.

В 20-х числах августа 1942 года портовики Игарки загрузили пароход «Революционер» пиломатериалами для зимовщиков Севера. Из

Штрихи к портрету побратимов

Из опубликованных статей и рассказов, неопубликованных писем, стихов и песен...

...И это ещё не все из большой семьи сибиряковцев

Дудинского порта вышел пароход «Кооператор» с лихтером «Северопуть», гружённый углём для Диксона.

В ночь на 27 августа «Кооператор», выходя с порожним лихтером из Диксонской бухты на внешний рейд, встретился нос в нос с немецким пиратом.

«Кооператор» – двухтрубный буксир и очертанием очень схож с миноносцем. Первый огонь орудий главного калибра «Адмирала Шеера» принял на себя именно этот пароход, чем отвлёк внимание врага и дал возможность подготовиться другим нашим огневым средствам... Первый снаряд лёг за кормой. Капитан Казаринов отдал буксир лихтера и, искусно маневрируя под огнём крейсера, вышел из-под обстрела, не получив прямых попаданий. После этого «Шеер» выбрал новую цель: СКР-19.

Хотелось, чтобы в последующих публикациях об этом подвиге учитывалась роль буксира «Кооператор».

...Постоянно пополняется новыми материалами комната боевой и трудовой славы Енисейского речного пароходства, и мы будем очень рады, если читатели «Красноярского рабочего», бывшие участники или очевидцы раскроют новые детали, поделится воспоминаниями о тех далёких, но незапамятных событиях августа 1942 года на Енисейском Севере», – заканчивает своё письмо ветеран.

Это письмо написала М.К. Комракова. Вместе с мужем и сыном она плавала на буксире «Молотов». Судно находилось во время боя «Дежнёва» с «Адмиралом Шеером» в акватории Диксонской бухты. Рассказав о своих переживаниях, подробно вспомнив детали того боя, М.К. Комракова подводит итог: «Вот такие были у нас дела в Сибири,

в глубоком тылу... Мне было очень приятно прочесть вашу статью, где вы упомянули наш пароход. Это – воспитание историей. Хотя и было небольшое наше судёнышко, но оно безотказно служило. Команда была, как одна семья, во главе с капитаном П.А. Казариновым».

Не знаю почему, но именно тогда меня поразила формула «Воспитание историей». Она как-то материализовалась в моём сознании. Память вновь и вновь возвращала меня к без вести пропавшему отцу, к морякам-североморцам. Их боль стала моей болью, их заботы – моими заботами. Вот когда я понял: память – это не только опорная часть нашего сознания, но и его движущая сила.

Какой близкой и понятной стала мне мысль русского поэта Егора Исаева о том, что человек не просто начинается своим отчеством и фамилией. Биография каждого из нас – это лишь небольшая веточка в необозримо великой кроне дерева по имени История.

Так начался поиск.

Первые адреса многих живых и здравствовавших тогда дежнёвцев мне сообщили сами североморцы, участники празднования 40-летия обороны Диксона. Кое-что узнал в школьном музее Диксонской средней школы. О месте проживания других героев арктического сражения подсказали в отделе пропаганды и агитации Диксонского райкома партии. Первые письма, как первые ласточки надежды, полетели в разные уголки нашей большой страны.

Сначала в коротких ответах выражалась радость, удивление, сомнение и даже искреннее сожаление. И все по одному поводу. Одни испытали радость оттого, что на далёкой арктической земле знают и помнят их. Другие уже строили предположения: в какое время лучше встретиться?

Дежнёв и Сибириков

В самом начале, как положено, познакомим читателя, откуда и как пришли имена основных действующих кораблей «А.Сибирикова» и «Дежнёва». Именно – Дежнёва, через «Ё». Когда мы не пишем этой буквы нашего русского алфавита, современные читатели (журналисты и даже учёные авторы!) забывают о ней. Меня просто покорило, когда молодой автор рассказывая по радио что-то о мысе Дежнёва, так и сказал: «Мыс Дежнева»... Поэтому не будем за-

бывать: в нужных местах ставить букву «ё», чтобы русский язык оставался незабываемым и охраняем законами правописания. Это только в кроссвордах и сканвордах, на которых нынче помешаны все от мала до велика, «Е» и «Ё», «И» и «Й» уравниваются. Там, видимо, другие правила игры. Зачем тогда эти буквы существуют в алфавитном порядке, всё-таки, отдельно, сами по себе?!

Итак, Семён Иванович Дежнёв. Это имя известные географы ставят в один ряд с Колумбом и Магелланом. Роду он крестьянского. Из Двинского уезда отправился для

несения службы на реку Лену, по поручению якутских властей собирав ясак (дань) на притоках Алдана.

В 1647 году вместе с товарищем Фёдором Алексеевым он пытается совершить поход на четырёх кочах (старинных русских поморских судах) на реку Анадырь для поиска земли, богатой морским зверем. Из-за тяжёлых льдов пришлось вернуться. Но от своей идеи Семён Дежнёв не отказался: в следующем году снаряжает отряд из шестидесяти человек и на шести кочах вновь отправляется в плавание.

С.А. Кротов с супругой Ольгой Петровной (много лет она была заместителем начальника управления Мурманского тралового флота) и внучкой. 70-е годы.

Третьи справедливо упрекали: долгонько же – почти сорок лет! – ждали ветераны, пока о них кто-то вспомнит...

9 мая 1984 года, ровно за год до 40-летия Победы в газете «Советский Таймыр» состоялась премьера рубрики «На поверке – дежнёвцы». Если бы мне даже не предложили вести этот раздел в окружной газете, я всё равно бы вызвался сотрудничать там. Обратного пути не было. Я вроде снова примерил солдатскую пилотку и посчитал себя мобилизованным. Заметили эту перемену во мне и мои коллеги. И когда стали появляться материалы в газете, даже подшучивали: «В окружной газете открылся военный отдел». «Окружной» – не от военного округа, а от округа – автономного, национального...

Первая публикация – рассказ писателя Владимира Рудного о Сергее Александровиче Кротове, человеке скромнейшем и мужественном. Он

командовал экипажем «Дежнёва» и вывел его из боя победителем.

«Хоть раз в два года, – писал В.Рудный, – но обязательно летает на Север капитан второго ранга С.А. Кротов. В Севастополе он подбил черту своему морскому труду, работая в бухте Камышовой лоцманом. На Севере родился, на Севере, в Архангельской мореходке, основанной ещё при Петре, полвека назад стал штурманом дальнего плавания. На Севере плавал и до войны, и воевал в войну, а после войны, командуя «Пассатом», «Бриллиантом», «Жемчугом» (все – наследники погибших в Отечественную войну), Кротов, морской пограничник, ловил иноземных браконьеров и любителей всякого тайного промысла возле наших военных баз».

В 1982 году Владимир Александрович Рудный и Сергей Александрович Кротов встретились в Архангельске на сборе участников Северных конвоев, побывали на Онеге, на родине Кротова, где он, шутка сказать, не был полвека... Сфотографировали друг друга у стелы в честь «Персея», здесь построенного – на том судне Рудный побывал во время войны в одной из бухт Рыбачьего. Кротов помнит «Персей» с детства – его отец строил корабль ещё в те годы, когда заводами на другом берегу Онеги владели концессионеры-норвежцы.

Потом они вновь, как старые друзья, встретились в Севастополе. Там в душевном разговоре Кротов признался Рудному, что точит его тоска по местам, где плавал и воевал, где в августе 42-го состоялось его настоящее крещение. «На Диксон бы хоть на денёк, склонить бы голову над братской могилкой матросов-дежнёвцев, отыскать бы деревянную домину, где лежал в полутёмном лазарете, перекрещенный кровавыми бинтами, пока не переправили на восстановительный ремонт в Ду-

20 июня 1648 года кочи Дежнёва вышли из Нижне-Колымска, и началось незабываемое путешествие вдоль берегов Чукотского полуострова. В пути буря разбила два коча. Первого сентября Дежнёв подошёл к Северо-Восточному мысу, носившему тогда название Большой Каменный Нос. Отсюда он повернул на юг, не подозревая, что открыл самую крайнюю восточную точку азиатского материка и что всего в 80 километрах отсюда находится другой материк – Северная Америка.

Дальнейшее плавание складывалось неблагоприятно: буря раз-

бросала кочи в разные стороны. Судёнышко Дежнёва прибило к южной части Анадырского залива, неподалёку от мыса Олюторский.

Это стоило многих жизней: из 90 человек экспедиции Дежнёва осталось всего 24. В пути к ним присоединился седьмой коч с ленскими казаками во главе с Герасимом Анкудиновым. Они совершили в суровое осеннее время труднейший переход на Анадырь и потеряли ещё девять человек. Здесь Семён Дежнёв прожил долгих десять лет! Только в 1659 году он переезжает на Колыму, оттуда

морем добирается до Лены и на следующий год – в Москву. Произведённый в казацкие атаманы, Дежнёв служил на реках Оленёк, Вилуй, Яна в Якутии. Умер в Москве в начале 1673 года...

Поход Дежнёва доказал существование Северо-Восточного прохода, соединяющего Северный Ледовитый и Тихий океаны.

Благодарная Родина чтит память своего сына. По инициативе выдающегося русского географа Ю.М.Шокальского и по ходатайству Русского географического общества Северо-Восточный мыс, спустя более двухсот лет, в

динку пароходом и узкоколейкой в Норильск».

Порадовало нас письмо от Сергея Александровича Кротова из славного города-героя Севастополя.

«Родился 25 августа 1909 года в Архангельской губернии, в семье крестьянина. Учился в начальной школе в городе Онеге Архангельской губернии. В 1931 году окончил Архангельский морской техникум (сейчас – мореходное училище им. Воронина). Затем работал вторым, старшим помощником капитана и капитаном на судах рыбной промышленности флота в Мурманске.

Во время войны с Финляндией (1939-1940 годы) был командиром СКР «Пассат», после чего начал работать в Арктическом пароходстве ГУСМП старшим командиром на танкере «Юкагир», а затем – на «Дежнёве».

В бою у Диксона 27 августа был ранен, после излечения в больнице Норильского комбината возвратился в Архангельск и сразу же был направлен на СКР-30 «Сапфир», который после окончания войны был передан обратно в пограничные войска. Таким образом, я стал морским пограничником (на Севере), командиром корабля.

В августе 1957 года по состоянию здоровья уволен в запас в звании капитана второго ранга. О бое у Диксона написано много, вдаваться в подробности нет смысла. Во время боя мне пришлось выполнять обязанности командира корабля, так как командир корабля, старший лейтенант Александр Семёнович Гидулянов в это время выполнял оперативное задание. Вступление корабля в бой и сам бой проходили, можно сказать, коротечно.

...После ухода в запас работал в Мурманском траловом флоте капитаном, морским ин-

спектором, переехал с семьёй в Севастополь в 1966 году. Работал лоцманом Севастопольского рыбного порта. В 1972 году по состоянию здоровья ушёл с работы, стал заниматься домашними хозяйственными делами, воспитываем внучат. Жена Ольга Петровна, продолжает работать.

Состою в совете ветеранов, встречаюсь с молодёжью.

Награды: ордена Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, «Знак Почёта» (получил ещё в 1937 году!), медали «За боевые заслуги», «За отличие в охране государственной границы СССР». Всего 14 правительственных наград.

С уважением С.Кротов».

«Кем для меня был Владимир Александрович Рудный? – писал в очередном письме С.А.Кротов. – Отвечу просто: писатель, журналист, очень хороший, порядочный человек.

...Когда в 1983 году мы были на очередной встрече участников конвоев, я полетел на свою Онегу, в которой не был с 1934 года (родных моих уже там не было), но потянуло в родные места. Со мной последовал и Владимир Александрович. Его интересовало, откуда я... Зашли в бывший наш домик. Женщина, живущая там, ещё помнила меня. Она в разговоре показала на печь, вот, мол, не могу добиться у руководителей горсовета рабочих для ремонта печи, а она почти развалилась на кухне. Владимир Александрович пошёл куда следует, обстоятельно побеседовал и попросил, чтобы женщине помогли. Помогли!..

Особенно Владимир Александрович беспокоился за моряков, которые как бы и не считаются участниками войны (я имею в виду торговых моряков). Об этом он везде говорил...

1898 году был назван именем Семёна Дежнёва. Позднее на карте появился пост Дежнёва на мысе Дежнёва, село Дежнёво на Амуре, хребет Дежнёва на Чукотском полуострове, бухта Дежнёва близ мыса Ананнон...

Имя Дежнёва получил ледокольный пароход, заложенный на Адмиралтейском заводе 18 ноября 1935 года. В июне 1938 года на «Дежнёве» торжественно поднят флаг. Перед выходом в море на «Дежнёве» побывал Иван Дмитриевич Папанин. Прославленный полярник ознакомился с судном, как говорится, «от киля до

клотика», сказал, что полярники будут довольны таким кораблём. И он оказался прав. Мощность паровых турбин – 2500 лошадиных сил! – давала ему возможность развивать скорость до 12-13 узлов на чистой воде и самостоятельно плавать в отдалённых районах Арктики. Ледовый пояс толщиной в 32-35 миллиметров, ледовые подкрепления в наборе и ледокольные обводы корпуса предохраняли судно от ударов льдин и сжатий.

Были и другие достоинства у нового ледокольного судна, начиная с основных размеров судна. По

тому времени его размерения, используя флотскую терминологию, были значительными: длина – 104 метра, ширина 15 метров, максимальная осадка почти 7 метров. Полное водоизмещение (вес воды в тоннах, вытесняемой судном, равный его весу) – 7330 тонн, стандартное (без учёта топлива и питательной воды) – 6530. На борт судно могло принять и разгрузить более 3000 тонн груза своими двумя тяжеловесными стрелами грузоподъёмностью в 10 и 20 тонн... Все эти качества пригодились ледокольному кораблю при обслуживании полярных станций

Им написана книга «Готовность №1», в ней он пишет об адмирале Н.Г. Кузнецове, который несправедливо попал в опалу. Владимир Александрович восстанавливал честное и порядочное имя этого человека.

Он пользовался большим уважением торговых моряков, участников конвоев, опубликовал несколько статей об этих мужественных людях. Недавно получил от его вдовы Лидии Федоровны книгу «В море нет обелисков» – сборник его статей о моряках в годы Великой Отечественной войны. Для меня Владимир Александрович останется скромным, порядочным человеком, которого можно уважать за всю его жизнь, за помощь товарищам и заботу о памяти друзей...

Память осталась

С Владимиром Александровичем Рудным мы встретились в том же 1982 году, на праздновании 40-летия обороны Диксона. Он был удивительно интересным собеседником, умел слушать и часами мог рассказывать с мельчайшими подробностями о простых моряках и великих полководцах. И сюда он приехал не ради праздного любопытства, а как один из самых активных организаторов встречи ветеранов-североморцев на земле, опалённой войной. Он живо интересовался судьбами дежнёвцев и сибиряковцев. Видно было по всему, он накапливал материал для будущей книги. К этому времени в газете «Правда» появилось его несколько интереснейших публикаций о моряках-североморцах, которые легли потом в основу книги «В море нет обелисков» (Издательство «Советская Россия», 1986 год).

Чуть раньше у него вышла книга «Готовность №1» – о Николае Герасимовиче Кузнецове, человеке, отдавшем всю свою жизнь флоту, прошедшем путь от матроса до военно-морского министра страны. Рудный хорошо знал Кузнецова, рассказывал о своём герое с глубокой симпатией и сожалением, что он «не был понят» в высших эшелонах власти.

В те дни Владимир Рудный уже жил другой книгой из серии «Герои Советского Союза» – об адмирале флота Советского Союза Иване Степановиче Исакове. С захватывающим интересом спокойный и ненавязчивый собеседник рассказывал о ранении, смерти и воскрешении Исакова. Его службе революции тогда исполнилось ровно двадцать пять лет... И, наверное, движимый чувством исполненного долга (у раненого началась газовая гангрена ноги), адмирал сказал хирургу, вынесшему решение ампутировать ногу:

– Доктор, спаси мне голову...

Когда пришла телеграмма с метой «правительственная», хирург, будто предчувствуя её значение, снова взял холодеющее запястье раненого, почти сжал в ладони и настойчиво сказал: «Иван Степанович, очнитесь, вам депеша из Ставки: «Не теряй мужества. По мнению врачей, вы сможете выздороветь... В случае трагического исхода лучший эсминец Черноморского флота будет назван «Адмирал Исаков». Сталин, Кузнецов».

Раненый открыл глаза. И пульс забился...

Владимир Александрович убеждал нас: это не его вымысел для эффектного начала рассказа об удивительном современнике, а свидетельство врача, знаменитого хирурга Бориса Александровича Петрова, который вспоминал случившееся как чудо.

и сопровождении полярных конвоев.

Много заслуг у старого морского работника «Дежнёва». В 1957-1958 годах он совершил кругосветное путешествие.

«Сибиряков» («Александр Сибиряков») ледокольный пароход арктического флота СССР. Если быть точным – это русский корабль. Назван он именем Александра Михайловича Сибирякова (1849-1893), русского золотопромышленника, мецената и исследователя Сибири. Построен в 1909 году, водоизмещением 3217 тонн, скорость 13 узлов (24,1 км/ч). В 1932 году

первым совершил сквозное плавание по Северному морскому пути из Белого в Берингово море за одну навигацию (начальник экспедиции О.Ю.Шмидт за эту операцию награждён орденом Трудового Красного Знамени). В годы Великой Отечественной войны (под названием «Лёд-6») входил в ледокольный отряд Беломорской военной флотилии: на нём были установлены два 76 мм и два 45 мм орудия, а также несколько пулемётов... Дальнейшая судьба «Сибирякова» подробнейшим образом раскрывается в настоящей публикации.

Версия лётчика Стрельцова

Чего испугался на рейде Диксона капитан фашистского рейдера «Адмирал Шеер»?

...Арктический «Варяг» ушёл на дно, не спустив флага и успев оповестить по радио о фашистском пирате всю Западную Арктику.

Командир «Шеера», капитан Вильгельм Меедсен-Болькен, сознавая это, почувствовал себя

Потом в книге, подаренной мне родственниками сибиряковцев два года спустя, я прочитаю: «Что же дало воле умирающего такой мощный толчок к жизни – реальность, надежды, прилёт жены или, быть может, гипноз имени, внезапное утоление честолюбия? Чтобы правильно рассудить, надо знать, какую жизнь прожил до этой трагической минуты человек».

Рудный рассказал о выдающемся флотоводце, военном теоретике, отдавшем более полувека становлению Военно-Морского Флота, написал честную книгу «о моряке до последней капельки».

Это отступление может показаться случайным. Но я думаю, читатель меня простит и поймет, когда я сделаю ещё одно запоздалое признание. Именно Владимир Александрович во многом определил направление в этом творческом журналистском поиске: «Записывай, Никандр, подробнее каждое выступление, каждое воспоминание ветерана. год от года их остаётся всё меньше и меньше. А как надо, чтобы память о них осталась в народе, не надуманная, а такая, какой они утверждали всей своей жизнью – без прикрас, по-житейски трудной и сложной, простой и мудрой одновременно».

В одной из своих публикаций он очень ёмко и точно выразил эту мысль: «Мы часто произносим слово «память». Это очень важно помнить. Но у памяти должно быть продолжение – не только в мемуарах, в очерках, в музее, на экране, но и в душах, в сердцах, в поступках тех, кто эту память наследует».

На Диксон он привёз с собой записанное на магнитофонную ленту поздравление-воспоминание контр-адмирала Константина Ивановича Стёпина, бывшего командира артиллеристов СКР-19. Это выступление звучало на встречах со школьниками, на торжественном заседании, посвящённом со-

рокалетию обороны Диксона, по местному радио. Я переписал это выступление на свой диктофон и, подробно рассказывая об этом празднестве по Таймырскому окружному радио, не мог найти лучшего варианта, как начать именно с этой записи...

Бывший гангутец, североморец, журналист и писатель, он был связным между прошлым, настоящим и будущим. Его роман «Гангутцы», вышедший в свет в 1981 году, переиздан Военным издательством в 1989 году. Живыми предстают перед нами многие защитники Гангута, мужественные воины, достойные вечной славы. В течение шести месяцев отражали они вражеские атаки, обороняя полуостров Ханко. Добрую память о себе оставил Владимир Александрович.

Писатель Войсунский («Красная звезда», 18 октября 1987 года): «Владимир Александрович прибыл на Ханко в разгар обороны в октябре 1941 года в качестве писателя-корреспондента, зачисленного во флот в первые дни войны. Человек с мягкими манерами и тихим голосом, он как-то по-особенному умел располагать к себе. Его глаза за стёклами очков умели многое приметить, многое оценить. Он побывал на всех участках обороны, его блокнот распухал от записей – так легли первые строки, которые потом, много позже развернулись в отличную книгу «Гангутцы»... Рудный был для меня примером высокого профессионализма и ответственности в работе, примером безупречной порядочности. Очень горько, что приходится употреблять глагол «есть» в прошедшем времени «был». Уходят ветераны, уходят друзья... Время беспощадно лишает нас близких, и сужается круг незабываемого морского братства».

К 40-летию Победы в Северо-Западном книжном издательстве готовилась книга «В конвоях и

неуютно во льдах. Ему мерещилось возмездие, он ждал его с воздуха от неведомо где затаившихся советских самолётов-торпедоносцев (ближайшее авиасоединение находилось в Архангельске).

Миновало всего несколько часов после боя с «Сибиряковым» и с борта крейсера внезапно увидели летящий на большой высоте в западном направлении самолёт. Об этом в корабельном журнале появилась соответствующая запись, констатирующая, что русские лётчики, судя по всему, не заметили «Шеера». Автор записи, однако, ошибался.

Экипаж двухмоторной летающей лодки «каталина», мощного гидросамолёта, способного сутки с лишним летать без заправки, возвращался из очередной ледовой разведки. Лётчики уже успели получить с Диксона оповещение о том, что в Карском море – враг, и потому вели не только ледовую, но и военную разведку. Увидев далеко внизу гитлеровский корабль, штурман зафиксировал его координаты, и командир самолёта Александр Стрельцов взял курс на Диксон – подлетать к крейсеру ближе было безрассудством, зенитчики быстро расправились

бы с невооружённой тихоходной «каталиной».

Так «Адмирал Шеер» оказался дважды обнаруженным в один и тот же день, 25 августа, и на Диксоне, услышав из уст очевидцев-лётчиков, какой гость пожаловал в арктические края, не мешкая, стали готовиться к обороне...

...С берега прозвучали первые выстрелы 152-миллиметрового орудия батареи лейтенанта Н.М. Корнякова. Два прямых попадания в корпус «Шеера» наверняка отрезвили гитлеровцев, хотя в записках командира крейсера об этих попаданиях не сказано ни

одиночных плаваниях». Владимир Александрович вызвался написать послесловие к этой книге. Не успел. Смерть неожиданно оборвала его жизнь. Ему стало плохо по пути к дому. Он зашёл в знакомую булочную, чтобы вызвать «скорую помощь». Но, разорвав вереницы машин, наполнив тревожной сиреной московские улицы и тихие переулки, «неотложка» не успела. Она только и сумела известить людей о кончине ещё одного ветерана Великой Отечественной...

И очень правильно поступило издательство, поместив вместо послесловия рассказ секретаря парткома Северного ордена Ленина морского пароходства Льва Николаевича Скарабевского «Память о Владимире Александровиче Рудном».

Писатель В.А. Рудный, дежнёвцы Ю.С. Гудин, А.И. Подлесный, И.Г. Шнейдер и ветеран Северного флота С.В. Быков у памятника морякам-североморцам на Диксоне.

Вспоминается его взволнованная статья «Судовая роль», напечатанная в «Правде» в марте 1981 года. Многие суда и корабли, о которых рассказал и которые посетил Владимир Рудный, посчитали бы за честь включить его в свой состав. С человеком, который считает, что «...палуба судна – верхняя ли, в машине, в трюмах – всегда передовая. И не зароешься, не укроешься, окопа не выдолбишь, любое место – боевой пост, и роль у всех одна...» можно смело идти в море.

Рудный был на целую голову выше меня по опыту и мастерству. Но я ни разу не заметил по отношению ко мне, молодому журналисту, ни позёрства, как это водится за столичными гастролёрами в сибирской глубинке, ни превосходства, ни снисходительности. годы не состарили его душу. И он, пробиваясь через крутые течения вихревого времени, так и остался Володей из «Вечёрки». О нём с такой симпатией писал в своё время Павел Ильич Мусьяков, генерал-майор в отставке, автор книги «Писатели на флоте в годы Великой Отечественной войны» («Советский писатель», 1977 г.)

В апреле 1942 года П.И.Мусьякову было поручено укрепить кадры редакции газеты «Красный флот». Делом это оказалось совсем не простым: прибыл в Москву из осаждённого Севастополя, почти не знал московских журналистов. В отделе печати Главного политуправления Военно-Морского Флота Петр Иванович Власов ему посоветовал взять к себе Владимира Рудного. Навёл справки в редакции, оказалось, что его хорошо знают, до войны работал в «Вечерней Москве».

– Володя из «Вечёрки»? Знаем такого, глубоко штатский очкарик. Одним словом, из «Вечёрки»...

Когда же поделился своими сомнениями о «штатском очкарике» с Власовым, тот привстал

словечка! Фашист начал отход из диксонской бухты, не прекращая, однако, обстрела построек на берегу. Но делалось это в явной спешке да ещё под прикрытием дымовой завесы, поставленной крейсером. А в бортовом журнале командир «Шеера» пошёл на прямую подтасовку, записав, будто целый час с 4 до 5 утра, он бомбардировал с рейда советский порт Диксон, тогда как обстрел длился всего восемь минут!

«Адмирал Шеер» тем же путём вышел в море к северу от Диксона и возобновил огонь.

Едва корабль вышел в откры-

тое море и стал отчётливо виден с территории порта, второе орудие батареи Корнякова несколько раз накрыло его прямыми попаданиями. Находящийся на корме «Шеера» фюзеляж потерпевшего аварию самолёта-разведчика «Арадо» вспыхнул и загорелся. А ведь ниже, под бронированной палубой, находилась крыйт-камера, то есть пороховой погреб, взрыв которого был чреват катастрофой. И тут крейсер вновь выпустил дымовую завесу (Меедсен-Болькен опять «забыл» отметить это в журнале) и, набирая ход, окончательно ретировался...

...О событиях тех дней напи-

сано немало. И, кажется, никаких «белых пятен» нет, хотя подробная история войны в Советском Заполярье пока не написана. И до знакомства с полярным лётчиком Александром Стрельцовым, до обстоятельной беседы с ним в июне 1976 года у меня и в мыслях не было, задаваться какими бы то ни было вопросами по поводу сражения на Диксоне.

Однако после его рассказа я сам удивлялся, почему прежде не возникал неизбежный вопрос: чего и кого испугался «Адмирал Шеер» в ту светлую летнюю ночь?.. Вес залпа всех его орудий достигал почти

со стула, не мог сдержать своего удивления, что Мусьяков не знает Володи из «Вечёрки»:

– Да ты знаешь, кто такой Рудный! Это наш лучший журналист на полуострове Ханко. Мы всегда гордились Володей Рудным – боевым, смелым и находчивым журналистом. Все проекты наиболее важных документов, издаваемых политотделом базы, писал именно он. В том числе и знаменитое письмо ханковцев москвичам...

Представление написано, Рудный в редакции... Очерки Рудного печатались с полуострова Рыбачий и Средний, из осажденного Севастополя, Цементного завода, из-под Новороссийска, где остановилась линия фронта. Вот он спешит на суда Волжской флотилии, чтобы отразить дни борьбы за Сталинград. С первыми частями вступает в морские города Одессу и Севастополь, ходит в боевые походы по Дунаю. Успевает побывать на Дальнем Востоке, где наши войска громили японских самураев...

Рудный, человек упорный и настойчивый, добился того, что его как корреспондента взяли на тяжёлых бомбардировщиках в тыл врага. Летал ночью и днём, оба раза пришлось отбиваться от «мессеров».

Рудный находил в себе мужество снять слабый очерк о подводниках, уже завёрстаный в полосу. «Зачем печатать средний материал, – говорил Владимир Рудный, – когда можно сделать хороший. Если не получился, пусть летит в корзину». Взыскательность его к себе, признаётся П.И. Мусьяков, всегда вызвала уважение. Володя писал немного, но хорошо. Роман «Гангутцы» выдержал десять изданий. Его знают миллионы читателей. Тысячи писем автор получил с благодарностью за свой благородный труд.

У Рудного были все основания относиться ко мне, как журналиста самого высокого ранга. Но я

ни разу не заметил даже малейшего поползновения к тому, чтобы он поспешил занять своё почётное место на выстроенном мною же пьедестале. Он был на равных и в тот памятный вечер, когда рассказывал о своих встречах с североморцами. Вот как он вспоминал свою первую встречу с Павловским: «...Мы были с этим рослым угрюмым человеком в чёрном пиджаке в помещении столовой большого сухогруза «Поморье» – это называлось «встреча ветеранов войны с экипажем». Нас пришло четверо, и мне показалось, что это слишком много для молодых людей, уходящих через несколько часов с пакетами леса в Лондон: каждому хотелось поговорить, внушить молодому сознание, что надо, надо помнить войну. А это не телепередача в эфир, где всё спрессовано расписанием и передаётся в эфир на свободный вкус и выбор: хочешь – слушай, не желаешь – выключай. Угрюмый человек выступал третьим. Он начал, как селянин на дороге:

– Здравствуйте. Меня зовут Павловский, Андрей Тихонович. Я с Летнего берега. Кто такой юнга, знают все. А что такое зүёк, слышали вы, наверно, от дедов или отцов. Вы же поморы. Я начал в двадцать седьмом плавать зуйком, мне было одиннадцать лет. Ловил треску, ходил на промысловом паруснике. К Архангельску было приписано полтысячи парусников. Подрос и попал на ледокол «Сибиряков». Краснознамённый – за то, что в одну навигацию прошёл всю Арктику насквозь, с запада на восток. Я же боцман, а вы разбираетесь, кто такой боцман на судне...

Смешок. И всем стало любопытно его слушать, а он рассказывал о вещах трагических, о подвиге и гибели своего корабля и экипажа в бою против фашистского тяжёлого крейсера «Адмирал Шеер» у острова Белуха в Карском море летом сорок второго года...

двух тонн смертоносного металла!

...У Александра Тимофеевича Стрельцова имела своя версия. А поскольку он был непосредственным участником тех событий, эту версию мы, по меньшей мере, обязаны выслушать. Тем более, что сама личность полярного лётчика Стрельцова безупречна, на этом сходятся абсолютно все, кто знал его, – и авиаторы, и моряки, и зимовщики, многие из которых обязаны ему жизнью.

Стрельцов пришёл в Заполярье незадолго до войны, стал ледовым разведчиком, летал в основном на гидросамолётах, высаживал на

отдельные острова зимовщиков полярных станций, выручал попавших в беду. Перед войной он получил орден «Знак Почёта», за войну – орден Красной Звезды, после войны – орден Ленина за всю свою арктическую работу. Вот записанный мною его рассказ.

«Сведения о том, что в Арктике готовится какая-то крупная акция германских ВМС, дошли до Диксонского штаба морских операций заблаговременно. Вот только не знали, где, когда и кто именно будет её осуществлять. Арёф Иванович Минеев, начальник морских операций Западного района

Арктики, приказал всей ледовой авиаразведке усилить наблюдения за морем. Наши рейсы продолжались и по десять, и по пятнадцать, и по двадцать часов без посадки – у «каталин» и «консолидейтедов», летающих лодок были для этого все возможности.

В конце августа наш гидросамолёт базировался в Усть-Таймыре. Ежедневно прочёсывали Карское море и возвращались туда на ночлег. Нашими соседями были ребята из экипажа Иосифа Денисовича Черепкова. 25 августа они полетели на разведку и не вернулись. Мы долго их искали, долетали до

Владимир Александрович с болью в сердце, сочувствием и сожалением говорил о том, что у многих моряков ледокольного и торгового флота в военных билетах, как и у Андрея Тихоновича Павловского, долгое время значилась запись: «В Отечественной войне не участвовал...» И он писал об этом в своих статьях и очерках, публиковал их в центральных газетах и книгах, добиваясь справедливости. Как это не участвовал Павловский в войне, если он чуть было не погиб вместе со своим ледокольным пароходом под прицельным огнём фашистского рейдера, прошёл через застенки концлагерей? Для устранения этой несправедливости много сделал писатель и журналист В.А. Рудный.

Откуда в нём это столь бережное отношение к людям, желание понять другого человека? На этот вопрос я хотел получить ответ от самого близкого ему человека – жены Лидии Фёдоровны. Сразу после смерти мужа она не нашлась, что сказать, горе ещё было так близко. Но Лидия Фёдоровна выслала мне три его книги, вырезку из газеты «Красная звезда» и биографию Владимира Александровича...

«Это вместо моего рассказа о нём. Не могу. Не получится, – сопроводила она бандероль коротеньким письмом. – Ещё есть в журнале «Дружба народов» (№7 за 1982 год) небольшой отрывок из книги «Золотая роза». В главе «Гостиница «Севастополь» Константин Георгиевич Паустовский упоминает очень тепло и душевно о Рудном. И ещё: может быть, Вам удастся выкопать в Ваших краях такую библиографическую редкость, как «Действующий фронт» Рудного. Оттуда можно тоже многое почерпнуть».

Не сразу я нашёл эту книгу. Во всяком случае, в библиотеках Дудинки и Тирасполя её не оказа-

лось. Я увидел её на московской квартире Златы Юлоновны – жены контр-адмирала Стёпина. Злата Юлоновна предложила мне посмотреть книги, оставшиеся после Константина Ивановича. Там был и «Действующий флот» Владимира Рудного, изданная в 1966 году Военным издательством Министерства обороны СССР в Москве. Книга почти на шестьсот страниц оказалась действительно интересной. Здесь опубликованы фронтовые дневники «Североморская тетрадь». Эта книга была, видимо, особенно дорога Константину Ивановичу: на 528-й странице есть приятное упоминание о Стёпине:

«...Мы отшвартовались у причала Печенгской гавани в порту Лиинахамари. Капитан разрешил остаться на «Державине» до утра. Несколько позже я встретил людей, редко упоминавшихся во время войны: это офицеры, служившие на острове Диксон и на сторожевых, которые воевали в Карском море. Оператор Константин Иванович Стёпин, высокий, худой капитан-лейтенант был в годы войны артиллеристом на ледокольном пароходе «Дежнёв», превращённом в сторожевой корабль №19. Это его орудия осмелились открыть огонь по германскому рейдеру «Адмирал Шеер», когда тот подошёл к Диксону, сжёг радиостанцию и сунулся было в порт. Диксон, Карское море, гибель парохода «Сибиряков», пиратство «Шеера» – это страницы большой океанской войны в высоких широтах, всё ещё неизвестных читателю».

Эти строки были написаны В. Рудным ещё в 1946 году...

И тогда я до конца осознал суть краткого письма Лидии Фёдоровны: Рудного Владимира Александровича надо искать в его газетных и жур-

Диксона, возвращались, делали галсы – никаких следов. Потом уже высказали соображение, что его сбили зенитки «Шеера», либо подбили с одной из таившихся в море подлодок (правда, в немецких документах об этом ничего не говорится). Почему Черепков ничего не передал на Диксон, ума не приложу. Видно, он близко подлетел к фашистскому крейсеру, приняв его за своего или за корабль союзников, и его сбили в тот же миг.

Во время одного из полётов того же дня мы увидели крейсер.

Вернувшись на Диксон, доложили об этом Минееву, и он на-

правил нас к каравану, стоявшему у входа в пролив Вилькицкого, предупредить. Все суда и ледоколы стояли там в сплошных льдах, сестя на гидросамолёте мы никак не могли и поэтому сбросили им вымпел, пенал такой, с вложенной запиской, где нарисовали силуэт немца и стрелкой указали его вероятный маршрут к каравану. Им вскоре подфартило, ветрами разделило ледовые поля, и суда, пройдя пролив, благополучно пришли в Тикси.

Весь день 26 августа опять летали, ночевали в Усть-Тарее, на реке Пясины. Спали очень

недолго, на исходе светлой ночи взлетели и пошли на Диксон. Вдруг радист зовёт меня и протягивает листок радиограммы. Читаю – и в толк взять не могу: «Командиру авиаотряда капитану Стрельцову. Срочно сообщите, когда намерены быть в Диксоне. Начальник штаба морских операций Западной Арктики Минеев».

Мать честная! Совсем они там с ума посходили – можно ли такой текст давать в открытую, когда идёт война, и враг не дремлет! Да ещё зачем-то понадобилось указывать моё воинское звание, авиаотряд упоминать!

нальных публикациях, в его книгах и... детских скитаниях. Родился в Туле, учился в Смоленске, тринадцати лет сбежал в Москву. В 1927 году – репортёр в газете «Безбожник»...

Совсем недавно, перебирая свои архивы, случайно наткнулся на старую визитку Лидии Фёдоровны Рудной, где она представлена, как ответственный редактор немецкого издания журнала Союза писателей СССР «Советская литература». Значит, подумал я, она должна хорошо знать немецкий язык. Человек, знающий «язык врага», не мог быть не мобилизован войной. Скоро я нашёл ответ и на этот вопрос: Лидия Фёдоровна действительно готовилась к забросу в тыл врага, и даже прошла курс специальной подготовки.

Владимиру Александровичу предстояла срочная командировка на Черноморский флот. Окончательные приготовления были и у разведчицы Лидии Фёдоровны. Уже назначено время её засылки во вражеский тыл. Возможно, это была бы их последняя встреча...

На этом эмоциональном взлёте расставания Лидия Фёдоровна признаётся мужу, что она может быть матерью. Это был их первый ребёнок. Должна ли она сообщить об этом своему начальству? А, может, пойти на жертву... Найти врача, который всё это проделает в сносных условиях, труда особого не составит... Время военное, и это даже деликатная «оплошность» может быть истолкована по-разному. Она – патриотка и ради победы над врагом готова на любую жертву. Но что подумают другие?

Всё обошлось. Редактор газеты «Красный флот» Павел Мусьяков по просьбе Владимира Александровича вызвал к себе Лидию Фёдоровну и после долгой беседы настоятельно попросил при любом варианте развития событий доложить о своём

Н.Рудная

«особом положении» руководителям. Через несколько дней Рудный вернулся из командировки и... нашёл жену дома. На радостях она сообщила мужу, что «туда» она не летит, а поработает пока переводчицей в Москве...

Вскоре родилась девочка, назвали Наташкой. Мусьяков вспомнил неожиданную встречу со своей «крестницей» почти через двадцать лет. Осенью 1963 года при просмотре кинофильма «Иоланта»,

Посоветовался со своим штурманом Викентием Викентьевичем Жадринским (он, к слову, старше меня по званию был, майор, хотя командиром экипажа был я). Извертели листок в руках, покумекали, хотели было ответить шифровкой, как полагается, но подумали: раз начальство тебя раскрывает, значит, время не ждёт – такое объяснение мы тогда нашли случившемуся. Ну и отбили тоже открытым текстом, что, дескать, через сорок минут предполагаем быть на Диксоне. И подпись: «Капитан Стрельцов».

Подлетаем к Диксону и глазам своим не верим: всё в чёрном

дыму, повсюду следы разрушений, огромные воронки от снарядов, горят какие-то постройки, полыхает угольная база на острове Конус. Да, подумали, не иначе как наш недавний знакомый сюда пожаловал, только сели в бухту, нам с причала кричат: «Не глушите моторы, сейчас полетите вдогонку за немцем. Минеев приказал следовать курсом на северо-запад, как только настигнете – тут же назад, ни в коем разе не подлетайте к нему близко. Минеев велел, чтобы никакой самостоятельности. Найдите немца, убедитесь, что он уходит, засеките его курс – и назад. Если

корабль возвращается, вам надлежит заняться эвакуацией с Диксона людей, ценных документов».

Примерно через полчаса после взлёта мы увидели, как «Шеер» дымя трубами, полным ходом чешет к мысу Желания Новой Земли, к выходу из Карского моря. Вернулись на Диксон. Доложили обо всём Минееву. Арёф Иванович нам сказал «спасибо», и тут же передал шифровку в штаб Северного флота, в Полярное под Мурманском. А мы своим делом занялись, был самый пик навигации, без ледовых разведчиков морякам бы не справиться».

ему показалось лицо главной героини до боли знакомым. Титров он не видел, поскольку опоздал к началу демонстрации киноленты... Только к концу фильма стал понимать: она неуловимо похожа на Рудных: подбородок – от отца; верхняя часть лица – от матери. Газетные рецензии раскрыли для него и этот «секрет»: там не скрывали – главную героиню фильма великолепно сыграла Наташа Рудная...

«... У «крестницы» сейчас уже двое детей, – вспоминал потом старый газетчик. – Их тоже могло не быть на свете, как и много хороших ролей, сыгранных ею в кино и в театре». Вот оно как! Сейчас даже трудно предположить, как бы всё было, если бы... А и не надо предполагать, тут всё очень определённо: Наталья Рудная окончила Московское театральное училище им. Б.В. Щукина, ныне – актриса Центрального академического театра Российской Армии. И сыграла ещё много запоминающихся ролей в фильмах «Сотрудник ЧК» (1963), «Лебедев против Лебедева», «Царская невеста» (1965), «Мятежная застава» (1967), «Осень» (1975), «Хозяйка детского дома» (1983), «Курортный роман» (2001)...

Кровное родство

...Мы сидели в номере диксонской гостиницы. За окном – белая августовская ночь. Ветераны распивали чай. Вспоминали, с кем сегодня встречались, о чем расспрашивали их юные диксонцы. В разговор вступил и Владимир Александрович Рудный. Был он немногословен. Но хорошо помню: рассказывал он тогда о случае, происшедшем с ним

в Архангельске. Кстати, этот случай он описал в одной из своих газетных публикаций. Воспользуюсь ей, чтобы не нарушить своим вмешательством достоверности повествования:

«Местное телевидение попросило участвовать меня в короткой передаче вместе с Николаем Михайловичем Корняковым, когда-то лейтенантом и командиром тяжелой батареи, которая сумела прямо с причала открыть по «Шееру» огонь и с первых выстрелов попасть в него. Перед камерой Корняков сказал всего несколько фраз: о мглистой полярной ночи с морозящим дождём, и о самом мгновении, к которому он, верно, готовился всю свою лейтенантскую жизнь, – мгновении открытия огня. Сказал и заплакал».

Кто-то из ветеранов вздохнул, и как бы, между прочим, сказал: у Корнякова умерла жена, да и сам он очень болен, трудно ему, на письма не отвечает, родственники почему-то «оберегают» его от встреч с бывшими сослуживцами...

В это время, словно буйный весенний ветер, пронизанный, светом солнца, ворвался в дверь райкомовский шофер Юра и, заговорщицки подмигнув, радостно возвестил:

– Встречайте! Кого я вам привёз!

– Кого?

Все вскочили с мест, как молодые, – не терпелось узнать, кто ещё из дежнёвцев откликнулся на зов.

В дверном проёме показался грузный, пожилой мужчина на костылях. Им не надо было представлять друга: все узнали его и бросились обнимать. Они стояли кругом, обнявшись, положив руки на плечи друг другу и сойдясь склонёнными седыми головами. Товарищи бережно усадили Фирсина на кровать. А он, всё ещё не веря, оглядывается, рассматривает всех. Узнаёт и не узнаёт. Руки его

Выходит, желая напугать гитлеровцев, Диксон пошёл на военную хитрость. Рассчитывая на то, что немцы внимательно прослушивают эфир, перехватывая все радиопереговоры. Минеев велел открыто передать «сверхсекретную» депешу. Указав воинское звание командира воздушного корабля, диксонское руководство давало фашистам понять, будто бы где-то совсем близко, на подходе, находится самолёт-торпедоносец, да скорее всего не один, а целый авиаотряд, так что крейсеру лучше убираться подальше-поздорову! Видимо, командир «Шеера» Меедсен-

Болькен именно так всё воспринял. Понимая, что в бухте ему будет трудно маневрировать под ударами с воздуха, он приказал немедленно уходить в открытое море и вовсе из советских вод. Этот момент и стал кульминацией провала всей операции «Вундерланд»!

Рассказывая обо всём происходившем 27 августа, Александр Тимофеевич Стрельцов не мог не ощущать недоверия своего собеседника и потому несколько раз повторил:

– Да вы у Арефа Ивановича спросите, у Викентия Викентьевича, моего штурмана.

Да, Александр Тимофеевич не знал, что не было уже к тому времени в живых ни Минеева, ни Жадринского, ни других членов экипажа... А вскоре не стало и самого Стрельцова. Вдова штурмана, с которой я встретился позже в Ленинграде (она ведала там фондами Арктического и Антарктического института), уверенно сказала, что никаких записок о войне Викентий Викентьевич не оставил. Если даже он и вёл в те годы дневник, то, скорее всего, тогда же и уничтожил его, потому что заниматься такими делами строго-настрого запре-

дрожат, глаза затмевают слёзы. Я ловлю каждое движение, каждое пророненное слово. Кто-то предложил:

- А ну-ка, чайку ему флотского!
- Не пью, моторчик барахлит...

Услышав слово «моторчик», я вспоминаю, что мой диктофон ещё не «прислушивается» к этому разговору. Делаю торопливое движение, чтобы задать «моторчику» диктофона работу...

В прежних своих публикациях я, как правило, использовал отдельные фрагменты записей этого разговора. Памятуя о напутствии Владимира Александровича Рудного о том, что необходимо каждое слово ветеранов сохранить, хочу здесь воспроизвести почти полную расшифровку той фонограммы...

– Ничего, за такую встречу промочить горло не грех. Шутка ли, сорок лет не виделись...

Шнейдер: «Тебя нельзя не узнать...»

Подлесный: «Меня не узнаёшь? Никто не узнаёт».

Шнейдер: «Почему? – к Фирсину, – Ты знаешь, кто это? Подлесного помнишь?»

Фирсин: «Видались... Вот сколько лет не виделись, а я его сразу узнал. Только личность... тогда он был моложе...»

Шнейдер: «Тогда он маленький был. А сейчас красивый и солидный. И очки носит...»

Фирсин: «Очки-то все мы носим...»

Шнейдер: «А ещё кого-нибудь помнишь?»

Фирсин: «Сомневаюсь, узнал ли бы сейчас всех дежнёвцев, соберись они вот таким кружком. Время-времечко пролетело. С тех пор не встречались, все поразлетелись, кто куда... Через книгу узнал – Кубряков помер...»

Шнейдер: «Я с его сыном Виктором переписывался. Он прислал мне фотографию Кубрякова.

Я сдал её в музей здесь, твою фотографию могу вернуть, и тебе вручить, сегодня тоже музею передал...»

Фирсин: «Нет, пусть-пусть, я посылал в школу, просили ученики... Сiju в самолёте супротив женщины. Разговорились. Она – учительница, муж на аэродроме инженером работает. Она видит, что я на костылях. Они же тут все знают друг друга – народу мало. «К кому в гости?» – спрашивает. А я ей так и так: еду по приглашению на встречу ветеранов, оборонял Диксон, говорю. Она и ахнула. Спрашиваю: «Никого тут из наших нет?» Она говорит: «Не знаю». Ну, я вижу, что в самолёте никого знакомых нет. Тут я и загорюнился: один, видно, прилечу...»

Шнейдер: «А здесь, когда тебя встречали, сказали, что мы уже тут?»

Фирсин: «Учительница говорит тогда мне: «Вон впереди секретарь райкома сидит».

– Бойко?

– Ага. Она сказала ему, что я – ветеран обороны Диксона. Поздоровались. Ага... Тут я ему и рассказал о своих мытарствах. Никак себе билет на самолёт не мог купить...

Фирсин очень долго, с мельчайшими подробностями, рассказывает, у кого он побывал в эти дни, что говорил, что ему отвечали, куда только его не посылали. Бюрократическая машина работала чётко и в этом случае. Больно было слушать, как чиновники добивали ветерана, ранили и без того ослабленное сердце. Фирсин совсем разволновался, просит налить чаю, поглаживает рукой грудь с левой стороны, где сердце, приговаривает: «Жмёт, жмёт...»

– Что был инфаркт?

– В семидесятом году...

– Перехватывает или как?

щалось. Что же до архивов, в которых могли бы сохраниться тексты радиопереговоров между Диксоном и «каталиной» (хотя и это маловероятно), то фонды за 1941-1945 годы пока наглухо закрыты...

Эпизод, связанный со Стрельцовым, ещё более ярко высвечивает ситуацию, отражённую в ... романе Вениамина Каверина «Два капитана»!

Вениамин Александрович, как известно, завершил работу над своим произведением во время войны в Полярном. О том, что происходило в Арктике, он

узнавал непосредственно в штабе Северного флота от командующего флотом адмирала А.Г.Головко. (Писатель не раз отмечал, что его главный герой Саня Григорьев многими чертами своего характера близок к Самуилу Яковлевичу Клебанову, погибшему при воздушном фотографировании разбомбленных им вражеских объектов).

Каверин знал о пиратском рейде «Адмирала Шеера», о его сражении с «А.Сибиряковым», о бое на Диксоне, но фамилия лётчика Стрельцова и эпизод, связанный с бегством крейсера,

были писателю неизвестны. (Мне удалось расспросить его об этом в том же 1976 году). Однако, посмотрите, как он начинает одну из последних глав романа: «Мы вылетели в два часа ночи, а в половине пятого утра утопили рейдер. Правда, мы не видели, как он затонул. Но после нашей торпеды он стал «парить», как говорят моряки, то есть потерял ход и скрылся под облаком пара».

Не будем излишне строги к автору за то, что он столь легко «утопил» крейсер одной торпедой, пущенной с одного-единственного самолёта. Настоящего «Адмира-

– Беспокоит...

– А чем лечишь?

– Валокордин, валериановые капли, валидол...

Не время было думать о болячках, рядом кружком сидели боевые друзья. Расскажам и расспросам не было конца. Никогда в жизни мне не приходилось слышать столь длинные монологи. Федосей Герасимович Фирсин рассказывал и рассказывал:

– Нас почти сразу ранило. Как только подал первый снаряд, зарядили пушку... Ну, я по левой стороне замка стоял, а Карагаев – по правую. Наводчик Андреев – с другой стороны. Дали залп, и в этот момент разорвался вражеский снаряд. Осколками засыпало ему живот. Мне правую ногу всю разбило, правую руку... Понимаете, за одну секунду вся жизнь промелькнула – от детства и до этого времени. Память какая-то быстродействующая. Упал. Вгорячах думаю: фашистам надо хоть как-то отомстить. Но ни рукой, ни ногой не владею...

Подлесный: «Хотел встать и не встал?»

– Ага... Раз – и упал. Я в одну сторону перевернулся, завалился, Карагаев – в другую. Хайруллина перед этим чуть не пополам разорвало. Один Курушин там... А потом и Курушина ранило. Только Андреева и ещё, забыл фамилию, матроса – не ранило. Потом – Волчек... Он был пулемётчиком. Пулемёты бездействовали, не доставали. Кто выбывал из строя, пулемётчики заменяли. И Тонунц подбежал. Мы основные были артиллеристы, штатные. Нас сразу четыре человека – двоих ранило, двоих убило... Тут дымовую завесу сразу поставили метрах в пяти. В дыму не видно, там траса какие-то, бухты, глубинные бомбы... Расположение помню. Ползком, думаю, надо. Выползу на тот борт, там

меня батарейцы Алимова и подберут. Дым такой валит густой и на нашу сторону. Алимовцы спрятались за башню, и наблюдает, как снаряды врываются...

Шнейдер: «У них орудие вышло из строя?»

Фирсин: «Нет, они не стреляли, потому что им нельзя. Ведь огонь, если стрелять по направлению можно только одним бортом. И с того, и с другого – нельзя... Левым крылом тѣх-тѣх, за трюмом, туда дополз, увидели. Кричат: «Фирсин ранен!» За полушубок меня затащили к правому борту, как туда заходить в коридор...

– К санчасти?

– Ну-ну, надо раздевать, перевязывать. Одна штанина осталась – и всё. И рука – в полушубке. Я кричу. Они разрезали это всё, за борт выбросили к чёрту. Ну, куда? Положили в лазарет. Слышу: суматоха такая... Думаю, неужели подойдёт, возьмёт на буксир и передавит всех. Мы перед ним – моська против слона. Как не набрался я сил и не вывалился за борт, чтобы не видеть этого кошмара...

– Думал, что «Шеер» подойдёт?

– Ну, я так и думал...

– Все мы думали так.

– Я не думал, что он отступит. Счастье наше – не распознал этого дела.

Здесь, видимо, надо пояснить: «Адмирал Шеер» действительно был готов завершить расстрел «Дежнёва» и высадить 180 автоматчиков на Диксон. Но этого не случилось. Почему? Только после войны станет известно признание командира «Адмирала Шеера» Меедсена-Болькена: он не знал о существовании береговой батареи, огонь которой оказался особенно метким. Это заставило фашистов отказаться от своей затеи. Чуть позже Рудный поделиться своим предположением на этот счёт:

ла Шеера» возмездие настигло не тогда и не там, а в апреле 1945 года в Кильской бухте, где он был пущен на дно бомбовыми ударами авиации союзников. Но как удивительно совпадает время атаки на крейсер со временем полёта «каталины» Стрельцова, неведомого писателю полярного лётчика, которого, как и лётчика Григорьева из романа, звали Александром, и который по воинскому званию тоже был капитаном!

Зиновий КАНЕВСКИЙ.

«Воздушный транспорт»,
№25 за 1991 год.

Рейс «Адмирала Шеера»

В августе 1942 года германский тяжёлый крейсер «Адмирал Шеер» скрытно вошёл в Карское море. Там он, как писал бывший адмирал кригсмарине Ф. Руге, «потопил мужественно и искусно сопротивлявшийся большой ледокол и повредил ещё один ледокол, а также ряд других судов при обстреле им 27 августа крупной базы Диксон» (Ф. Руге, «Война на море», пер. с нем., М.1957)

В нашей литературе эти события преподносились иначе. Вот

что сообщает «История Великой Отечественной войны Советского Союза (т. 2. М., 1961): «27 августа «Адмирал Шеер» приблизился к о. Диксон и обстрелял из орудий всех калибров корабли, стоявшие у причалов. Орудия береговой обороны и корабельной артиллерии открыли ответный огонь по крейсеру и нанесли ему повреждения».

В «Боевом пути советского Военно-морского флота» (М., 1964) сказано туманнее: «В то время советскому командованию из радиogramмы с «Сибирякова» стало известно о нахождении рейдера в Карском море, и оно принимало

«...Вряд ли командир «Шеера», придя августовской ночью на рейд Диксона, испугался одних только трёхдюймовок «Дежнёва», открывших по нему огонь; батарея Корнякова, после предупредительных радиogramм с ледокола «Сибирякова», заняла временную позицию прямо на причале и стреляла так близко от сторожевика, что у матросов на палубе «Дежнёва» потекла из ушей кровь. Шестидюймовые снаряды, настигшие «Шеера», пролетали над сторожевиком. Во мгле и тумане на фашистском рейдере могли принять эти снаряды и за корабельные. А раз у неизвестного корабля есть такие пушки, у него могут быть и торпедные аппараты – возможно, это побудило командира «Шеера» бежать с рейда».

«Шеер» уходил... Стало тихо. «Дежнёв» выбросился на мель. У острова Пирожок. Из-за острова фашистский крейсер бил уже наугад. Подошёл катер, чтобы вывезти раненых на берег...

– В первую очередь, – продолжал рассказывать Фирсин, – на катер передали тяжело раненых. Меня вот в таком одеяле... Погода, знаете, какая была? У меня раны были большие. Я с крови сошёл сильно. Пока петляла машина, привезли нас, я чуть тёплый, сознание потерял... Ну, когда я в себя пришёл, чувствую плохо. Ногу раздуло. Вот как бывает на небе радуга, такая полумесяцем, фиолетовая... Смотрю – руку всю раздуло. Если чуть глубже – и без руки бы остался... Врач – диксонская – говорит: потерпеть надо.

– Как ее звали? Мария Сергеевна?

Рудный показывает фотографию и снова спрашивает:

– Вот это не она?

– Ага, она! Фамилию забыл. Они с мужем были. Котельникова? Во-во, Котельникова!

– А это кто?

– Это медсестра, у неё муж, по-моему, на «Сибирякове» погиб. Парнишка у сестры в Сталинграде, она всё плакала, там же такая бойня шла...

– Как её фамилия?

– Не знаю... Но она всё плакала: муж туда уехал с экспедицией...

– Он не из команды?

– Не-э... Тогда с Диксона...

– Понял-понял...

Фирсин: «О чём я говорил?»

Шнейдер: «Привезли тебя полудохлого...»

Фирсин: «Ну, так оно и было. Когда я в себя пришёл, спрашиваю, что не делаете мне никакой помощи. Я говорю, что чувствую себя так плохо... И рука, и нога, как не мои. А мне говорят: сделали переливание крови. Кровь собирали по всему посёлку...

Только на четвёртые сутки удалось из-за непогоды самолётом доставить врачей из Норильска. Оказали настоящую помощь. Фирсину сделали операцию. Последнему... А перед этим состоялся серьёзный разговор.

– Придётся вам, товарищ Фирсин, ампутировать ногу, – говорил хирург. – Большая потеря крови, прогрессирует газовая гангрена, в вашем распоряжении всего несколько часов...

Фирсин заплакал. Не хотелось молодому парню, в расцвете сил, оставаться инвалидом, но умирать не хотелось тем более. Вопрос жизни и смерти продиктовала жестокая война...

Хоть и без ноги, остался жить краснофлотец Фирсин. Долгое время лечился в Норильске, потом всю войну и после неё работал в этом заполярном городе. Женился, переехал, жил и работал в неизвестном Красноярске-45. Здесь его и отыскал красноярский литератор Леонид Щипко, сообщил совету ветеранов дежнёвцев.

срочные меры к его уничтожению... В порту была объявлена боевая тревога, и все наличные средства изготовились к бою».

Ещё короче писали авторы книги «Северный флот» (М., 1966) И.А. Козлов, В.С. Шломин: «На следующий день рейдер совершил нападение на о. Диксон, но здесь получил должный отпор». Так что же на самом деле произошло в Арктике в августе 1942 года?

1942 год оказался неудачным для Советского Союза. Весной был оставлен Керченский полуостров, летом – Севастополь, крупные соединения Красной Армии попали

в окружение на Харьковском направлении, не удалось разблокирование Ленинграда, немцы вышли к Волге и Кавказу. Потеря заводов, оставшихся на оккупированной врагом территории, сказалась на снабжении войск оружием, а эвакуированные предприятия ещё не вышли на полную мощность. Поэтому были так важны поставки боевой техники союзниками. Основной поток англо-американских грузов шёл через северную Атлантику в Мурманск и Архангельск. Для того, чтобы прервать арктическую трассу, немцы перебросили в захваченную ими в 1940 году Норвегию и союзную

им Финляндию надводные и подводные корабли и авиацию. Однако исправно действовало и советское судоходство по Северному морскому пути, вдоль побережья Сибири.

Летом 1942 г. в нацистском штабе войны на море задумали внезапный набег на северные советские коммуникации, и 1 июля адмирал Карльс доложил в Берлин план операции «Вундерланд» («Страна чудес»). Предполагалось атаковать караваны в Карском, Западно-Сибирском морях и разгромить полярные порты силами тяжёлых крейсеров «Адмирал Шеер» и «Лютцов» (водоизмещение – по 11 700 т, скорость 28

Фирсин: «Вот так, благодаря добрым людям, я сам себя нашёл. Пришло поздравление от бывших сослуживцев. Так оно меня согрело. Без всякой задержки фотокарточку выслал в музей... Ну, думаю, для музея флота надо. Я сдохну, памяти не станет, никому ничего, а для музея – надо. Там нашей братвы, чёрт знает сколько... Сродственники и знакомые придут, посмотрят, вспомнят, дескать, был человек. Там брат плавает, больше двадцати пяти лет в Мурманске. Вон невестка приезжала как-то с братом моим и говорит: «Были в

Ф.Г. Фирсин. Снимок военных лет.

музее и видели там стенд – все про ваш корабль. И фотокарточки, кого разыскивали, – все есть. И твой портрет видели. Экскурсовод про тебя рассказывал, кто ты да что ты. А я и говорю: «Это же мой сродственник».

– Брат-то чего делает в Мурманске?

– На тральщике плавает, за границу, в Атлантику ходит. Радист-наставник.

– Как брата звать?

– Иван Герасимович...

– Когда пришло приглашение на 40-летие обороны Диксона, Фирсин раздумывал, надо ли ехать?

– Никаких раздумий! Одно втемяшилось, может, это последняя возможность встретиться с друзьями, с кем разделил трудную годину. Сердце моё быстрее самолёта рвалось сюда на встречу...

В Диксоне Фирсин и Щипко оказались в одном номере гостиницы. Утром Щипко скажет: «Что вы с ним сделали? Фирсин не спал всю ночь. Плакал. А потом ему вызывали неотложку...»

Кто знает, возможно, за сорок прошедших лет у него не было и уже не будет больше такого мощного эмоционального взрыва, как тот, вызванный бурей волнения и неудержимого потока воспоминаний. Всё верно в его негромко сказанных словах: «У меня с этим краем кровное родство. Потому и связал с ним свою дальнейшую жизнь».

Второй очерк так и назывался «Кровное родство». Публиковался он в «Советском Таймыре» за 9 мая 1984 года. Жаль, что мы не смогли тогда воспроизвести подробности той незабываемой встречи. Но газета давала нам возможность возвращаться к рассказу о Фирсине ещё и ещё раз...

Газета с очерком и нашей анкетой нашла Фирсина в больнице. Не сразу получили ответ. Но он пришёл, отпечатанный на машинке на четырёх

узлов; вооружение: по шесть 260 мм, восемь 150 мм, шесть 88 мм, шесть 105 мм пушек, восемь зениток, столько же торпедных аппаратов, по два гидросамолёта), пяти субмарин, при поддержке двумя самолётами дальней разведки.

Немцам удалось узнать, что с 19 июля по 9 августа на трассу Северного морского пути выйдут три каравана, да японцы сообщили, что с востока по нему идут три эсминца и транспорты. Скорее всего, все караваны встретятся в конце августа в проливе Вилькицкого, куда подойдут почти все советские ледоколы. Тогда можно

будет одним ударом уничтожить транспорты, а главное – ледоколы, надолго парализовав СМП.

Итак, немцы готовились захлопнуть наши суда в ловушке. А те разными курсами тянулись в неё. Почему? Начальником Главсевморпути тогда был известный полярник, Герой Советского Союза, контр-адмирал И.Д.Папанин, державший прямую связь с Верховным Главнокомандующим и считавшийся ни от кого не зависимым, в том числе и от командующего Северным флотом вице-адмирала А.Г.Головки. Видимо, успокоенный тем, что до сих пор корабли противника не показывались в

Карском море, Папанин счёл охрану караванов боевыми кораблями ненужной и не сообщил Головке графика их движения. Так что, немцы совершенно верно рассчитывали не только на неожиданность, но и на безнаказанность. Впрочем, и у них далеко не всё шло гладко.

При выходе в море «Лютцов» наскочил на подводные камни, его заменили крейсером «Адмирал Хиппер», но у него забарахлили машины, и «Шееру» пришлось идти одному. Оба самолёта-разведчика оказались неготовыми.

18 августа «Шеер» встретил субмарину «U-601». Её командир

страницах. Слог выдержанный, но подвергнутый стилистической обработке, написано под его диктовку.

«Поездка на Диксон, – писал Фирсин, – для меня обошлась очень дорого... Я там очень расстроился и сильно заболел, приехал оттуда чуть живой. Пролежал в больнице два месяца, хотели уже выписать, но меня парализовало, сейчас я прикован, кроме квартиры никуда не могу выйти».

Но ветеран и тогда находит в себе силы и пишет нам подробное письмо, из которого мы узнаём, что родился Фирсин Федосей Герасимович в 1913 году в Брянской области, в селе Семечки Трубчевского района, в крестьянской семье. Кроме него было в ней ещё два брата и сестра. Работал сначала в единоличном хозяйстве, затем трактористом в колхозе. В Белоруссии служил связистом с 1934 года. В 1937 году демобилизовался из Красной Армии, получил паспорт и уехал в Мурманск, связал свою дальнейшую судьбу с флотом. На второй день объявления войны призван и назначен на ледокольный пароход СКР-19 («Дежнёв»).

Фирсин очень подробно описывал события, предшествовавшие ночи на 27 августа, и сам бой, ранение, операцию, выздоровление. С полмесяца пролежал в больнице на Диксоне. Отправили последним пароходом через Дудинку в Норильск... За 15 дней в Дудинке «Дежнёву» сделали такой ремонт, что в Архангельске или в Мурманске в мирное время не сделали бы и за полгода...

«Из Норильской больницы меня выписали последним – 29 декабря 1942 года. Отнесли внимательно, дали две большие комнаты в центре города. Я ещё месяц отдыхал, а затем пошёл работать в столовую № 8, работал контролёром в кассе с февраля 1943 года по август 1949 года. После этого жил два с половиной года в Брянске,

Вот таким Ф.Г. Фирсин предстал перед друзьями-дежнёвцами на Диксоне через сорок лет

но вернулся в Сибирь, на Ирша-Бородинском разрезе прожил 12 лет, работал комендантом в горнопромышленной школе. В декабре 1962 года переехал в Красноярск-45, где до пенсии работал более пятнадцати лет сторожем во вневедомственной охране.

не нашёл караваны, но передал на крейсер данные о ледовой обстановке, и тот уверенно направился в Карское море. За день до этого «U-209» затопила два буксира с баржами, погибло 305 человек. 19 августа «U-209» и «U-456» безуспешно атаквали корабли Беломорской флотилии, входившей в состав Северного флота. На следующий день «Шеер» имел randevu с «U-251», однако, не получил нужной информации.

21 августа, когда «Шеер» был у архипелага Норденшельда, в разведку отправили бортовой гидросамолёт, он достиг пролива

Вилькицкого – ничего... Тем временем «U-209» и «U-456» обстреляли из пушек посёлок в губе Белушья на Новой Земле – немцы старались внушить североморцам, что действуют исключительно субмаринами и только в Баренцевом море. И это удалось. 22 августа, прервав радиомолчание, вышел в эфир караван, находящийся юго-западнее архипелага Норденшельда, радисты сразу перехватили это сообщение, запеленговали передатчик, крейсер ринулся к верной добыче, но попал в густой туман и снизил ход. Потом немцы выпустили гидроплан, но тот ничего не нашёл и только 23 авгу-

ста, при новом полёте, обнаружил стоящие на якоре суда.

«Шеер» двинулся к ним, однако, вновь напал туман, появились льды, на следующий день крейсер застрял в них и долго выбирался на чистую воду. А тут ещё командование известило командира рейдера Меедсена-Болькена, что субмарины переключаются на «свободную охоту» и в тот же день «U-601» потопила в Карском море транспорт «Куйбышев».

Тогда же капитан I ранга Монд из британской миссии в Полярном известил Головки о выходе «Шеера» из Нарвика, подчеркнув, что в Ат-

Инвалид Отечественной войны первой группы. Имею правительственные награды: орден Славы III степени, медаль «За оборону Советского Заполярья», медаль «Ветеран труда», юбилейная медаль «За победу над Германией».

В другом коротком письме Фирсин сообщал: «После поездки на Диксон я никак не могу поправиться – одна болезнь за другой. Много пришлось поработать для фильма, который получился на славу и превзошёл все мои ожидания, развеял сомнения. Это хороший подарок всем дежнёвцам».

Сразу связался с Красноярском и попросил журналиста Валерия Ярославцева разузнать о новой киноленте.

Любительский кинофильм «Матрос с «Дежнёва» снят студией «Гелиос» Красноярского дворца пионеров и школьников под руководством Ю.Р. Клевакина.

– Подвиг защитников Диксона, сорвавших гитлеровскую операцию «Вундерланд» в Арктике, сразу взволновала нас, – рассказывал Юрий Родионович. – Ребята часто встречались с Фирсиным, слушали его рассказы. Тогда и возникла мысль снять фильм о старом матросе и его подвиге.

Клевакин побывал на Диксоне, снял здесь места былого боя, памятники североморцам.

«Матрос с «Дежнёва» имел небывалый успех: на краевом конкурсе любительских фильмов, посвящённых 40-летию Великой Победы, занял первое место среди 42-х конкурсных фильмов, отобранных из 118, представленных на просмотр. Руководитель студии Ю.Р.Клевакин получил специальный приз краевой организации Союза журналистов СССР за лучшую сценарную работу. Но Юрий Родионович критически оценил своё достижение: «Победил-то всё-таки дежнёвец Фирсин, славный русский моряк».

Слушал воспоминания Фирсина и литератор Леонид Щипко из Красноярска, хотел понять того молодого Фирсина, который сорок лет назад стоял у орудия и метко стрелял по «Адмиралу Шееру». Как ему показалось, он понял, какими были они, герои тех лет. «После каждой встречи с трудящимися Диксона, – писал Л.Щипко в газете «Красноярский рабочий», – старый воин возвращался в гостиницу совершенно больным. Здесь его отпаивали валерьянкой и валидолом, уговаривали: «Не нужно больше ездить на встречи, Федосей. А если едешь, не выступай». Но проходило время, Фирсин брал костыли, спускался к машине и приговаривал: «Зачем я тогда приехал? Я должен рассказать правду о войне!»

Встреча за встречей...

Время физически старит и изнашивает человека. Но времени не подвластны нравственные человеческие ценности, обретенные в боевом морском содружестве.

Первые запросы ничего не дали, хотя к тому времени мне было известно около тридцати адресов дежнёвцев. Ветеранам не верилось, что о них вспомнили через столько лет. Или мы обращались по устаревшим адресам, жизнь постоянно вносит свои поправки. Существовал психологический барьер между незнакомыми людьми. Надо было его устранить. Но как? Опыт подсказывал положиться на силу печатного слова. В письма мы вкладывали первые публикации, рассылали по знакомым адресам вместе с простенькой анкетой, которую опубликовали

лантике его не заметили. Значит, он двинулся на восток. В штабе Северного флота не знали о караванах и решили, что английская разведка ошиблась или упустила рейдер, – штабистам и в голову не пришло, что он уже неделю крейсирует в наших внутренних водах.

В 5 часов утра 25 августа «U-295» обстреляла метеостанцию на мысе Желания (Новая Земля), однако, полярники успели радировать о нападении. А «Шеер» затаился в Карском море. Иногда с него выпускали гидроплан, но он то и дело попадал в туман, потом неудачно приводнился, и повреждённую ма-

шину затопили – крейсер «ослеп».

Тогда Меедсен-Болькен решил захватить одиночное судно, раздобыв на нём сведения о караванах и ледовой обстановке. Тут ему повезло – сигнальщики заметили старый ледокольный пароход «А.Сибиряков» (1909 года постройки, бывший канадский «Белавенчер», водоизмещением 3000 т, скорость 13 узлов), совершавший обычный рейс между полярными станциями...

Теперь Меедсен-Болькен понял, что фактор стратегической внезапности утрачен и можно рассчитывать только на тактическую. А наши выслали на поиски «Сибирякова»

летающую лодку «каталина». Пилоты не обнаружили пароход (скорее всего, координаты места боя были неточными), хотя с крейсера видели «каталину».

Информация о «Сибирякове» поступила к Папанину, тот сразу сообразил, чем для него обернётся разгром караванов, позвонил Сталину и предупредил, что вражеский рейдер вот-вот начнёт топить наши суда, а Головки ничего не делает для их защиты. Сталин вызвал наркома ВМФ Н.Кузнецова и устроил ему разнос, а Головки всё ещё не знал ни о караванах, ни о рейдере! К счастью, предупре-

в одном из ближайших номеров. Прошло более двадцати лет, и эта простенькая анкета уже стала своеобразным историческим документом. Собственно, благодаря этой анкете, мы мостили, как ныне говорят, виртуальные и реальные мосты, на которых сходились через тысячи километров бывшие сослуживцы. Нашу анкету с обращением мы вкладывали в каждое письмо. Вот их содержание:

«Мы идём к большому празднику – 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Редакция газеты «Советский Таймыр» планирует опубликовать материалы о воинах-таймырцах: о тех, кто не дожил до наших дней, о ныне здравствующих ветеранах войны, о тех, кто отдал всё для того, чтобы мы жили под мирным небом. Вот с такой анкетой мы обращаемся к дежнёвцам:

«Особое место в истории занимает оборона Диксона в августе 1942 года, участником которой вам довелось быть. Редакция газеты решила провести проверку дежнёвцев, рассказать об их судьбах, чтобы на примере их подвига и дальнейшей работы воспитывать подрастающее поколение в духе высокого патриотизма и гражданского долга.

Мы хотим, чтобы Вы рассказали о себе. Если Вас не затруднит, ответьте, пожалуйста, (как Вы посчитаете нужным – кратко или подробно), на несколько наших вопросов:

Где и в каком году Вы родились?

В какой семье?

Как Вы оказались на флоте: по призыву на действительную службу, по семейной традиции или другой причине?

Как Вы пришли на «Дежнёв»? Что Вы конкретно делали во время боя у Диксона?

Как сложилась ваша дальнейшая судьба и работа?

Какие правительственные награды и почётные звания имеете?

Какое участие принимаете в военно-патриотическом воспитании молодёжи?

И, наконец, кого из дежнёвцев помните, с кем из них поддерживаете связь, что знаете об их дальнейшей судьбе?

Какие качества или черты характера больше всего цените в человеке? Проявились ли они в дежнёцах и при каких обстоятельствах?

Каждое Ваше слово нам очень дорого.

Ответы на вопросы мы опубликуем на страницах окружной газеты. Желательно, если есть возможность, прислать снимки – последних лет или военного времени. Если они вам чем-то дороги, мы обязательно вернём их Вам с опубликованным в газете материалом.

Заранее Вам благодарны. Желаем Вам крепкого здоровья и всяческих успехов».

Одним из первых откликнулся, как и положено на проверку, боцман с «Дежнёва». Правда, по старой боцманской привычке он немного пожурил нас за долгое молчание. Но, честное слово, было так хорошо на душе, когда читали его письмо! Мы нашли, кажется, хорошие слова при его публикации: «Спасибо, Иван Фёдорович, за вашу жизнь, с которой, наверняка «делали свою жизнь» многие молодые люди. И простите нам столь позднее обращение к вам за советом, за словом. Но если нам, людям нового, более молодого поколения, необходимо ваше слово, значит, мы дорожим этим, значит, не прервалась нить преемственности, ваше дело по наследству стало нашим кровным делом. Значит, будем жить, трудиться и побеждать!»

ждённые «Сибиряковым» суда успели укрыться в море Лаптевых и во льдах...

Только в полдень 26 августа командующий Беломорской флотилией получил телеграмму Папанина с требованием послать в море Лаптевых бомбардировщики на поиски рейдера, следом поступило распоряжение наркома ВМФ сделать всё для защиты арктических коммуникаций. Головка приказал привести в боевую готовность береговую оборону, Беломорскую флотилию, морскую авиацию бригады эсминцев и подводных лодок. В 20 часов Головка известил Главный

штаб, что в Карском море не вспомогательный, а тяжёлый крейсер, что резко меняло положение дел.

(Дальнейшие события не вызывают особых сомнений у автора, хотя есть и тут субъективные оценки поведения командования на Диксоне, – прим. Н.Е.)

...В Карском море Меедсен-Болькен впервые вышел в эфир, сообщив о потоплении транспорта и разгроме порта, 28 августа ему приказали возвращаться, в Баренцевом море его встретили эсминцы, и 30 августа он отдал якорь в Нарвике.

В штабе Северного флота об этом не знали, и 31 августа по-

слали к мысу Надежды на Новой Земле подводную лодку К-21 – на перехват рейдера. Но операция «Вундерланд» завершилась. Вопреки послевоенным заявлениям Ф.Руге, немцам не удалось разгромить караваны, потопить ледоколы. Повреждённые «Дежнёв» и «Революционер» отремонтировали, портовые сооружения восстановили. Но признаем – они были близки к цели и только из-за того, что руководство «Главсевморпути» допустило немало ошибок и просчётов, тем самым поставив под угрозу жизни сотен моряков и полярников. Так кто же выиграл битву за Диксон?

Иван Фёдорович Петряев

Так мы начинали создавать коллективный портрет героя-североморца, хотя, честно признаться, в их лексиконе слово «герой» отсутствовало. Они писали о себе и о своих товарищах просто и кратко. Но за всем этим стояли большие и интересные судьбы настоящих защитников Родины, тружеников, которые в послевоенные годы, не жалея сил, работали на восстановлении разрушенных городов.

Итак, боцман Иван Фёдорович Петряев.

Родился 27 мая 1914 года. Семнадцать лет ушёл добровольцем на Балтийский флот из тихого дон-

ского городка Павловска. По окончании школы боцманов служил в боцманской команде линкора «Марат». Отслужил четыре года, после демобилизации вернулся на родину, работал на пароходоколёснике «Роза Люксембург» рулевым. Но душа просила простора океанского, и в 1938 году с комсомольской путёвкой отправляется в Заполярье (Мурманск, «Главсевморпуть»). Через год был уже на «Дежнёве» и оставался там до 22 мая 1945 года, когда на флагштоке вновь подняли Красный флаг СССР, как написал Иван Фёдорович, частицу Знамени Победы, обгадренного кровью товарищей...

Потом были годы мирной работы на морях, погрузка и выгрузка грузов в Арктике, в других портах нашей страны и других государств мира. Последние десять лет, перед пенсией, трудился в Волго-Донском пароходстве на пассажирских и буксирных судах.

Почётный полярник, почётный работник Морского флота СССР, ветеран Краснознамённого Северного флота и Мурманского морского пароходства закончил своё плавание в 1975 году старшим механиком.

Орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, восемью медалями оценила Родина его ратный труд. Вот что писала газета «Северная вахта» в 1942 году: «Боцманская команда, возглавляемая большевиком Петряевым, показывала образцы напряжённой работы. В бою с сильным врагом И.Ф.Петряев проявил стойкость и бесстрашие. На корабле возник пожар. Руководя аварийной партией, Петряев под градом осколков умело боролся за живучесть корабля. Ликвидировав пожар, он поспешил на помощь комендорам и мастерски управлял огнём пушки».

И вот ещё одно свидетельство. Оно тоже – из газеты. На этот раз о боцмане «Дежнёва» рассказы-

«Преклоняюсь перед мужеством и героизмом полярников – экипажей и персонала научной станции на борту «Сибиряков», экипажей «Дежнёва», «Революционера», артиллеристов и портовиков Диксона, – все они выполнили долг советских патриотов, – писал бывший командующий Северным флотом адмирал А.Г.Головко. – Отпор, который они дали немецкому рейдеру, порвал планы гитлеровцев». Лучше не скажешь...

П.КИРИЛЛОВ.

«Истоки», № 4, 1990 год.

В ночь на двадцать седьмое...

Материалы, опубликованные в «Водном транспорте» о героическом бое моряков ледокольного парохода «А. Сибирякова» с фашистским «карманным» линкором «Адмирал Шеер», вызвали в памяти воспоминания о тревожных августовских днях 1942 года. Тогда я командовал грузовым судном «Революционер» Северного морского пароходства. Имевшееся у нас на борту оружие было рассчитано не для боя с

вражеским рейдером, но никто из нас не мог себе представить, что оно сыграет свою роль. Сердцем моряка я чувствовал, что экипаж нашего парохода выполнит свой долг, как бы трудно ни было, какая бы опасность ни угрожала.

В мае 1942 года «Революционер» шёл в составе каравана в Мурманск. В Гренландском море, вблизи острова Ян-Майен, нас атаковали фашистские самолёты, преследовавшие суда в течение пяти суток. Иногда на караван один за другим обрушивалось до восьмидесяти самолётов. Экипаж нашего парохода, отбивая на-

ваает диспетчер речного порта города Георгиу-Деж: «Энергичный и принципиальный, с обостренно развитым чувством личной ответственности за всё происходящее, он всегда в гуще общественной и производственной жизни... На всё у него хватает времени, до всего доходят руки».

«В школах бываю, когда не болею. Рассказываю детям, что помню, и насколько хватает моего красноречия. Воинское звание – мичман, должность – главный боцман. Он возглавляет аварийную команду в борьбе за живучесть... Да разве перечислить список обязанностей боцмана! – заканчивает своё письмо Иван Фёдорович. – Кажется, всё. Со многими я не переписываюсь. Да и многих уже нет в живых. Война, старые раны, пережитое настигают нас в мирные дни и укорачивают наш век».

К письму Иван Фёдорович Петряев приложил фотографию военных лет. Ясные глаза, волевое лицо. Кажется, мы где-то видели его. Да-да, видели! В кадрах военной кинохроники, на снимках военных лет. Они были, на первый взгляд, непохожими, но едины в непоколебимом порыве к победе. И победили!

И ещё к письму он приложил список адресов И.В. Садовниченко из Ставрополя, С.А. Кротова из Севастополя, К.И. Стёпина из Москвы, Ю.Б. Брена из Днепродзержинска, А.В. Новожилова из Вышнего Волочка...

С Алексеем Иосифовичем Подлесным впервые встретились в августе 1982 года. Тогда был установлен хороший личный контакт, и на анкету он откликнулся очень быстро. Его письмо было опубликовано под заголовком «Такая простая история». Биография А.И.Подлесного действительно короткая и простая, хотя ему к тому времени шёл уже восьмой десяток лет.

Алексей Иосифович Подлесный

Родился в Пустозёрске 20 марта 1916 года. Семья многодетная: восемь детей – шесть мальчиков и две девочки. Все братья и сестра Антонина – участники Великой Отечественной войны.

До начала войны с 1930 по 1934 год работал в торговом флоте в Архангельске кочегаром первого класса. В 1934 году вышел на Северный морской путь в должности кочегара-машиниста.

22 января 1941 года А.И.Подлесного направляют работать на ледокольный пароход «Дежнёв» кочегаром первого класса. На этом корабле его застала война, на нём вместе с сослуживцами он получил боевое крещение.

Фёдор Панфилов

падение врага, проявил немало мужества. Штурман Загоруйко, матрос-рулевой Овечкин и остальные моряки, как на палубе, так и в машинном отделении, выполняя команды, удачно маневрировали, вовремя отклоняли судно от падающих авиационных бомб. Ни одна из них не разорвалась на палубе. Огнём наших зенитных пушек удалось повернуть вспять гитлеровских лётчиков, прорвавшихся к «Революционеру».

В ту же навигацию нам пришлось выдержать неравный бой и с тяжёлым крейсером «Адми-

рал Шеер», который так подло напал на ледокольное судно «А.Сибиряков». Из Игарки мы шли на Диксон, буксируя лихтер, гружёный углем. У меня болела раненая нога, но я всё же выходил на мостик. Ещё когда спускались по Енисею, радист Иевлев принял радиogramму о том, что в Карском море гитлеровский пират атаковал «А.Сибирякова».

На Диксоне, кроме нас, были пароходы «Дежнёв» и «Кара». С капитаном последнего – Мирошниченко договорились, что, когда закончится погрузка нашего судна, «Кара» подойдёт к борту

«Во время боя у Диксона, – писал бывший кочегар-машинист Алексей Иосифович, – я, как и все краснофлотцы, находился на своём посту, в румпельном отделении (помещение рулевой машины, на самой корме судна).

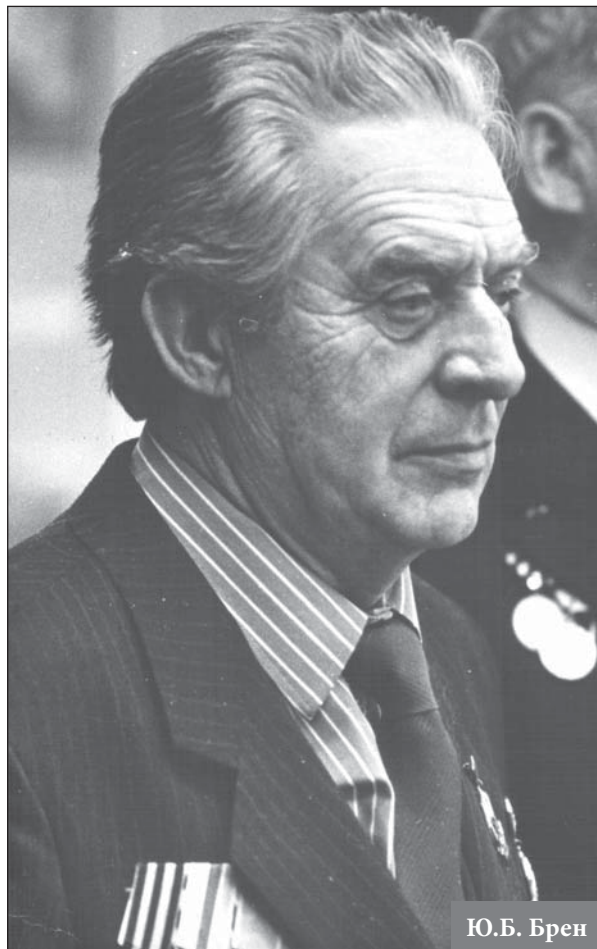
Всё время боя мы с краснофлотцем Юрием Гудиным там находились, покинуть пост не имели права ни при каких обстоятельствах. Это мы и сделали...»

После войны Алексей Иосифович Подлесный ходил на судах Севморпути. Своё плавание завершил в 1975 году старшим механиком. Сокрушался в своём письме Алексей Иосифович, удастся ли им ещё поехать в Диксон, почтить память товарищей и возложить венки на их братскую могилу. «А хотелось бы! Диксонцы хорошо принимали нас. Здесь чтят память о тех незабываемых днях...

Снимки военных лет и подробный рассказ прислал с очередным письмом бывший начальник медицинской службы СКР-19 Юрий Борисович Брен. Родился за месяц до Великой Октябрьской социалистической революции в городе Або (ныне – Турку), в Финляндии.

«Но я – русский, – торопится объяснить Юрий Борисович. – И к моему происхождению Финляндия не имеет никакого отношения. В это время шла первая мировая война, и моего отца мобилизовали на строительство Або-Аланских укреплений...»

Тогда почему же автор письма носит такую фамилию? Словно предвидя этот вопрос, Брен пишет: «Фамилия моя французского происхождения. Мой прапрадед – сержант наполеоновской армии, вторгшейся в Россию в 1812 году, был пленён, остался в России». И, как замечает с улыбкой автор письма, хорошо всё так сложилось, иначе бы ему никогда не появиться на свет.

Ю.Б. Брен

«После Октябрьской революции, ввиду наступления белофиннов вся наша семья была эвакуирована на Урал. Отец умер в Перми от сыпного тифа в 1919 году. Моя мать участвовала в финской войне 1939 года в качестве дружинницы в полевом госпитале на Карельском перешейке, награждена медалью «За боевые заслуги», всю Отечественную

«Революционера» и передаст паровой котёл для бухты Кожевникова.

Но сделать это не удалось. В ночь на 27 августа прозвучала боевая тревога. Начальник военной команды – лейтенант Волков, заместитель политрука Сорвачёв, старшина Силантьев, матросы Полагутин и Гаврилов, заметили неизвестный военный корабль, движущийся в тумане по внешнему рейду Диксона. Это был «Адмирал Шеер», – он шёл со стороны Скуратовского створа. Оттуда и открыл огонь по Диксону.

Участники одной из встреч защитников Диксона в феврале 1978 года, здесь и члены экипажа «Революционера»

войну служила фельдшером в боевой части, также на Карельском перешейке. Умерла в 1969 году.»

...В начале июня 1941 года Юрий Брен по окончании четырёх курсов Первого Ленинградского медицинского института имени И.П. Павлова проходил практику в Мурманске. Здесь его вместе с 45-ю товарищами по курсу и застала война. Отстояв огромную очередь призывников у кинотеатра «Северное сияние», в ряды моряков Северного флота он вступает добровольно, и уже через неделю его определяют добровольцем на СКР-19.

Вместе с ним добровольцами ушли на фронт его друзья – Гера Кушнарёв и Андрей Торопов. Первый был назначен на СКР-20 («Штиль») и погиб через 20 дней при высадке десанта на губе Западная Лица: немецкая авиабомба угодила в кормовую часть корабля, где как раз находился Г. Кушнарёв. Второй получил назначение на СКР-23 («Муссон»): год спустя его корабль подорвался на mine при выходе из Маточкина Шара; при взрыве Андрей получил тяжёлую травму – перелом бедра. Но всё-таки сумел выбраться в море, где был подобран в шлюпку товарищами; корабль затонул, а он остался жив, доставлен на лечение в Белушью губу, затем в Архангельск, а после ещё служил на ЭПРОНе...

«Почему я пошёл именно на флот, а не в армию? – спрашивает Юрий Борисович, и тут же отвечает. – Некоторые из моих предков по отцовской линии были моряками торгового флота. Но вряд ли для меня имела значение эта традиция. Просто в юности у меня было романтическое отношение к морю, морякам, кораблям...»

Начальнику медицинской службы Ю.Б. Брену самое главное боевое крещение пришлось испытать в глубоком арктическом тылу, в бою «Дежнёва» с «Адмиралом Шеером». Пусть об этом лучше расскажет сам Юрий Борисович:

Один из снарядов вражеского рейдера попал в «Революционер». Возник пожар в рулевой и штурманской рубках, в каютах. Выйти через дверь я уже не смог, огонь и дым преградили путь. И хотя нога ещё болела, через иллюминатор и без верхней одежды выбрался на палубу.

Моряки нашего судна во главе со старшим штурманом Шошиным боролись с огнём. Я подумал о том, что, в случае пробоины, пароход может затонуть, и тогда приказал: «Немедленно приготовить машину, завести пароход в глубь Лётной бухты на мелкое место».

Старший механик Макарьин спустился в машинное отделение и сразу же сообщил о готовности. Штурманская и рулевая рубка были ещё в огне, штурман Шошин с полуюта отдавал команды, и «Революционер» медленно втягивался в глубь бухты.

Лейтенант Волков вместе со своей командой вёл из пушки огонь по фашистскому рейдеру.

– Есть попадание! – радостно выкрикнул краснофлотец, наблюдавший в бинокль.

В это время всё чаще стали раздаваться выстрелы и с берега. Затем «Дежнёв» развернулся

бортом к пирату и продолжал стрелять из своих пушек.

Я не помню сейчас, кто первый у нас заметил отход «Адмирала Шеера», но на судне раздалось радостные возгласы: «Уходит! Не выдержал!»

Фашистский рейдер поспешно скрылся в северо-западном направлении. Каждый из нас смотрел на матросов лейтенанта Волкова и думал: «До чего хороши ребята!» А экипаж «Революционера»! С каким спокойствием и решительностью под огнём вражеского рейдера моряки боролись с пожаром, спасая судно от гибели.

Юрий Борисович Брен (снимок военных лет)

«27 августа, во время боя, я находился в лазарете. Раненые хлынули потоком – и своим ходом, и на носилках. Вместе со своим помощником, санитаром Андреем Петровичем Кубряковым, оказывал помощь – перевязки, наложение шин, инъекции морфия, распределение на койки и по каютам.

Вскоре вызвали на мостик для оказания первой помощи старшему помощнику командира корабля Сергею Александровичу Кротову, взявшему на себя командование на время боя. В это время командир корабля Александр Семенович Гидулянов находился в штабе, чтобы определить подходящее место для установки пушек в проливе Превен. После перевязки, раненный в руку и ногу Кротов отказался покинуть мостик и отправиться в лазарет...

А меня уже звали к орудиям на полубак, где раненный машинист И. Чумбаров в страшном возбуждении слал проклятия фашистам, и никак не хотел идти на перевязку. С трудом уговорили, помогли доставить его в лазарет...

После боя прибывший тут же на борт командир приказал мне эвакуировать всех раненых в больницу порта Диксон. В больнице они находились на попечении врача Надежды Сергеевны Котельниковой и моём до прибытия на самолёте из Норильска хирурга Владимира Ефстафьевича Родионова, который мастерски провёл необходимые операции. Семерых наших товарищей, погибших в бою, мы похоронили в братской могиле на острове Диксон. «Дежнёв», стоявший в Самолётной бухте, дал прощальный залп из орудий...

Первого сентября, заделав своими силами по возможности подводные пробоины, мы пошли устьем Енисея в Дудинку на ремонт. Жители окружного центра устроили нам незабываемую встречу. В небольшом деревянном, приземистом здании клуба собрались наши моряки и представители Дудинки. Были речи. Были танцы. Я танцевал с очень симпатичной юной жительницей Дудинки – Надей Сергеевой. А вот какая была музыка, кто играл – не помню...

Много тёплых слов Юрий Борисович посвятил своему помощнику Андрею Петровичу Кубрякову. Родом он из-под Шенкурска, что в Архангельской области. С детства работал с отцом на продольной пиле. Окончил только четыре класса. Потом – матрос на рыбных тральщиках.

«Жил он в кубрике, – вспоминает Брен, – был в курсе всех матросских дел и не раз подкашивал, кому из матросов нездоровится. Кто-то просто из-за своей скромности стеснялся идти в лазарет или не придавал значения своему недомоганию. Тогда я уже вызывал больного сам – и, как часто бывало, не напрасно...

Андрей Петрович пользовался большим уважением всего экипажа корабля... После войны работал в траловом флоте Мурманска. Перед

А.П. Кубряков

выходом на пенсию, страдая гипертонией, в результате аварии в море, получил кровоизлияние в мозг. Это и послужило причиной его кончины 5 января 1965 года.

Редеют ряды наших дежнёвцев... Нет уже нашего командира А.С. Гидулянова, замполита В.А. Малюкова и многих других. Последнее, печальное известие: 27 апреля 1984 года скончался Лёша Гапонов, тогда ещё совсем молоденький

Обожжённые лица, окровавленные руки... Моряки «Революционера» выполнили свой долг. Когда закончился бой, из которого мужественные защитники арктического порта вышли победителями, начальник штаба морских операций приказал нам взять курс на Игарку, и, если в пути встретим суда, идущие к Диксону, возвращать их назад. Выполнить это распоряжение было не так просто. Наш пароход получил повреждения, из строя вышло рулевое управление. Старший механик Макарьин, боцман Суханов, радист Иевлев, матрос Завьялов

и другие моряки проявили много инициативы, чтобы быстро его отремонтировать. Сейчас трудно припомнить подробности этого рейса. Бесспорно только одно, что экипаж сделал всё, чтобы восстановить управление судном и обеспечить плавание в Нордвик и бухту Кожевникова.

Настроение у моряков «Революционера» было боевым. Дважды мы встретились лицом к лицу с фашистскими пиратами и дважды отстояли свой пароход, выполнив задания родной страны.

Фёдор ПАНФИЛОВ,
капитан дальнего плавания.

Я прохожу этом путь однажды...

Знаток морского дела Георгий Кононович в своей книге «Законы моря» (Мурманск. 1996 г.), много слов написал о хороших и не очень хороших капитанах. Одну из глав книги он заканчивает словами, которые имеют прямое отношение к нашему герою и автору Ф.Д. Панфилову.

«...Можно перечислить множество достойных поступков наших лучших капитанов. Но я закончу эту главу ещё одной цитатой. Цитатой –

матрос. Четыре года тому назад не стало и моего друга – штурмана корабля, а после войны – капитана дальнего плавания Андрея Анатольевича Назарьева. Как пишут друзья, строится судно, которому предполагается присвоить его имя...»

Возвратившись к мирной жизни, Ю.Б. Брен закончил в Ленинграде пятый курс медицинского института, работал в районной больнице посёлка Пестово Новгородской области. Защитил кандидатскую диссертацию. Почти двадцать лет, перед уходом на пенсию, работал в Благовещенске-на-Амуре.

Первое письмо от Юрия Борисовича мы получили из Днепродзержинска (Украина), где он «жил мечтой вернуться в Россию» (это его слова). И последние письма уже шли из Новгорода...

Больше всего писем приходило из Архангельской области. Да это и понятно, основной костяк североморцев составляли предки знаменитых мореходов-архангелогородцев.

Город Архангельск, как известно, по указу царя Ивана Грозного основан в 1584 году, о чём свидетельствует сохранившаяся грамота. Ещё на месте будущего Петербурга простирались гиблые болота, а на черноморских картах не упоминались ни Одесса, ни Николаев. А летопись городов русских, составленная соловецким историографом Василием Крестининым, уже провозглашала: «Город Архангельский почтен быть должен и действительно почитается житницею и сокровищницею Российского Севера». В то время Россия действительно не имела выхода к морям. До основания царём Петром I города Петербурга, Архангельск был единственным и первым портом России. Тогда его годовой таможенный сбор составлял 60 процентов всех пошлинных сборов страны. Товарооборот порта достигал почти миллиона рублей.

В исчислении того времени (XVI–XVII века) это была громадная сумма.

Город заложили в 45 километрах от Белого моря, на правом берегу реки Северная Двина (мыс Пур-Наволоок) по велению Ивана Грозного. «И как к вам ся грамота придёт и вы б часа того велели град делать на том месте и по той мере, по росписи и чертежу, какову есте роспись и чертёж к вам прислали», – говорилось в знаменитой грамоте царя от марта 1583 года. Сейчас город разросся, занимает оба берега реки и несколько островов... Но это уже история – история Архангельска.

С этим городом связана вся сознательная жизнь мореходов Гудиных. Это подтвердил в своём письме Юрий Сергеевич Гудин. Его отец, Сергей Васильевич Гудин, родился в Архангельске в 1894 году. С детства приобщился к морю. Ещё мальчишкой видел, как экспедиции уходили в Арктику и возвращались снова с Архангельск. С тех пор, как начали осваивать Арктику, все экспедиции, русские и советские, уходили именно из Архангельска. Кроме двух – шхуны «Святая Анна» и парохода «Челюскин». В наши дни, по мнению Юрия Сергеевича, немного традиции изменились. Первенство перешло к северному собрату – порту Мурманску...

Плавать Сергей Гудин начинал юнгой и матросом на купеческих судах. В 1917 году окончил Архангельское мореходное училище. Участвовал в революционных событиях на Севере. Был участником второй Карской товарообменной экспедиции, ряда последующих арктических экспедиций, в том числе и экспедиции по поиску пропавшего экипажа дирижабля «Италия» во главе с Нобиле.

Юрий Сергеевич очень подробно рассказывал о своём отце. Безжалостным редакторским пером я хотел вычеркнуть все эти абзацы, но рука не под-

принципом. Цитатой – кредо. Принадлежит она Фёдору Дмитриевичу Панфилову, потомственному помору того неповторимого склада, который присущ этим благородным северным морякам.

Панфилов не раз бывал в критических ситуациях, когда плавал во время войны в северных конвоях. Он был тяжело ранен, но не оставил мостика, когда «Адмирал Шеер» обстрелял Диксон. Фёдор Дмитриевич никогда не бахвалился и не сетовал на судьбу, столь неласково с ним обходившуюся. Однажды, только однажды, в порыве откровенности, он попросил меня:

«Георгий Осипович, дайте мне листок бумаги и ручку, я напишу вам своё кредо». Он даже как бы стеснялся произнести вслух столь дорогие ему слова. Он написал по-английски, а я потом перевёл: «Я прохожу этот путь лишь однажды, и поэтому должен делать всё как можно лучше».

Панфилов эту свою заповедь исполнил безупречно.

Дарю вам на долгую память эти слова, мой читатель.

И желаю вам – исполнить их столь же безупречно».

Этой заповедью капитана дожили члены экипажа «Револю-

ционера». Ни одному экипажу после войны не удалось собраться вместе. Старые раны, перегрузки военных лихолетий, болезни так быстро, как бумеранг, промчались над их седыми головами, вырывая из рядов одного за другим...

И добрым словом вспоминали Фёдора Панфилова его фронтовые друзья, пришедшие на шестую встречу участников конвоев: дневальная Т.И. Бармина, кочегар П.П. Корякин, матрос Н.В. Овечкин, кочегар Е.А. Зелянин, буфетчица М.П. Купаева (в военные годы она плавала в экипаже парохода «Петровский»), матрос Л.И. Наумов,

Ю.С. Гудин

нялась. Не посмел лишить человека его корней. В этом проявляется не обычное кровное родство, а подтверждается в высшей степени нравственная связь поколений. Каждый ли из нас с такой гордостью, с такими подробностями может поведать о родном городе, о родном отце?

«Капитаном научно-экспедиционных судов «Персей» и «Н. Книпович», – рассказывал дальше Юрий Сергеевич, – отец участвовал в работах второго Международного полярного года. Капитан В.И. Воронин готовил поход на «Челюскине»,

пригласил отца на должность старшего помощника капитана. Как известно, этот рейс моряков закончился высадкой всех на лёд и последующим спасением их советскими лётчиками.

Все челюскинцы были награждены орденами Красной Звезды. Потом отец много лет плавал на ледоколе «Ф.Литке», стал капитаном-наставником «Главсевморпути». За ледовые проводки судов в 1936 году получил второй орден – «Знак Почёта». Началась война, стал командиром СКР-18 («Ф. Литке») – флагманского корабля Северного ледокольного отряда Беломорской флотилии. В этот отряд входил и СКР-19, наш «Дежнёв».

Встали в один строй отец с сыном.

«С детства, – пишет далее Ю.С. Гудин, – всё свободное время, особенно летом, я отдавал реке. Зимой на детской водно-технической станции моделировал суда и готовился стать яхтенным рулевым. Сдал нормативы на значок «Юный моряк». Зимой много времени отдавал лыжам.

С наступлением лета вместе со сверстниками, кажется, из воды не вылезал. Участвовал в многодневных походах на яхтах. К началу войны имел удостоверение, подтверждающее звание яхтенного капитана.

22 июня 1941 года застало меня в гавани яхт-клуба. По окончании школы, в июне 1942 года призван на военно-морскую службу во флотский полуэкипаж. Находились мы тогда в нашей корабельной Соломбале, отделённой от центральной части города небольшой рекой Кузнечихой. Тут же находится, теперь соединённый дамбой, Моисеев остров. Раньше на нём был построен небольшой одноэтажный деревянный домик, в котором жил Пётр I, когда он приезжал в Архангельск. Остров он называл «Мой сей остров!», и был он тут три раза – в 1693, 1694 и 1702 годах.

камбузница В.С. Скотникова, машинист А.М. Семёнов, кочегар Л.И. Дивичевский. Сколько раз в тот вечер часто звучало: «А помнишь?..» Из рук в руки переходили старые фотографии фронтовых лет. И нам особенно приятно, что некоторые из них мы увидим вместе с вами...

Один из ветеранов нас как-то упрекнул, что мы незаслуженно в тени оставили другие суда, участвовавшие в обороне Диксона. Мы нисколько не хотели принизить достоинства каждого и по мере сил и возможностей осветили ситуацию августа 1942 года с разных позиций

и разных точек зрения. У нас есть возможность замолвить доброе слово о славной истории «Революционера». Вот только три эпизода из его «фронтового дела».

В январе 1943 года пароход «Революционер» в составе конвоя «РА-51» прибывает в английский порт Глазго. И здесь экипаж, кажется, впервые за многие сутки перевёл дыхание на спокойный ритм. На переходе судно дважды избежало вражеских торпед, удачно совершив манёвр. В конце января транспорт из Глазго совершает переход до Нью-Йорка в составе океанского конвоя. Здесь «Револю-

ционер» останавливается на два с половиной месяца, ремонтируется, вооружается. На пароходе устанавливается одна 75-миллиметровая пушка, шесть пулемётов системы «Гочкис», два спаренных пулемёта – на верхнем мостике и два – на ботдеке (один из боевых расчётов этого судна можно увидеть на снимке военных лет). В завершение Нью-Йорк загрузил «Революционера» продовольствием, и он отправляется в конвое в дальнейшее путешествие через Панамский канал, в Сан-Франциско загружается бочками с авиационным бензином. Во время стоянки в этом порту американцы

По указу его величества на судовой верфи, в Соломбале, ныне территории судоремонтно-судостроительного завода «Красная кузница», было заложено первое русское коммерческое судно «Святой Павел». Его спускал на воду сам Пётр 1 в 1694 году. Это судно совершило первый коммерческий рейс из Архангельска в Англию. Соломбала всегда была районом моряков и корабелов».

Было что защищать юному моряку – и малую родину, и честь большой России, и морскую славу Отечества.

На СКР-19, юный Гудин, как он говорит, с молчаливого согласия командира БЧ-1 лейтенанта А.А. Назарьева и командира отделения А.Ф. Транкова, был отдан на выучку И.Г. Шнейдеру. Учение было не из легких. Оно длилось, по признанию самого Гудина, на протяжении нескольких лет. Выбивание детских и домашних привычек, наравне с соответствующими наставлениями и передачей морских навыков, дали свои плоды. Он стал моряком на всю жизнь. После войны в должности капитана различных судов проплавал более четверти века.

Архангельск... В нём всё для семьи Гудиных – и сила, и слава, и роковое совпадение. В навигацию 1943 года командование принимает решение караваны транспортов из США провести на запад Северным морским путём. Для организации похода на Дальний Восток в мае 1943 года прибыл начальник «Главсевморпути» контр-адмирал И.Д. Папанин. По его указанию выехала также группа наиболее опытных капитанов ледовых проводок. В их числе Гудин-старший. Ему поручили провести первый караван транспортов – конвой ВА-18 в составе пароходов «Архангельск», «Киров», «Моссовет» и теплохода «Андреев». Старший лоцман каравана Гудин свою задачу выполнил.

Василий Прокофьев
и Юрий Гудин

29 сентября 1943 года Гудин вывел суда из ледового плена на чистую воду Карского моря. Там их встретил отряд боевого охранения. На рассвете 30 сентября 1943 года караван атаковала группа немецких подводных лодок. Торпедировано два транспорта. Затонул «Архангельск», часть команды, а с ними – и Сергей Васильевич Гудин...

Гудин-младший встретил День Победы на СКР-19 у одного из причалов Архангельска.

...Прошли годы. В 1952 году Юрий Сергеевич закончил в Архангельске мореходку, работал

русского происхождения пригласили русских моряков в русский клуб и передали в дар детям Сталинграда 10 тонн изюма...

... В навигацию 1943 года И.Д. Папанин побывал во многих арктических пунктах, от бухты Провидения до бухты Нарвик у побережья Таймырского полуострова. В июле начались первые проводки караванов судов через льды и ... первые неприятности. В радиogramме говорилось, что грузовый пароход типа «либерти» «Войков» с грузом в 10 тысяч тонн на борту сел на камни поблизости бухты Провидения. Папанин немедленно

но переходит на борт парохода «Революционер», свободный от груза и отдаёт приказ капитану Ф. Панфилову идти полным ходом к Берингову проливу.

Оказалось, капитан «Войкова» И.А. Ман вёл судно в порт Провидения и в густом тумане, ошибся курсом – радиолокаторов на судах тогда ещё не было, – и с ходу судно село на камни. В средней части «либерти» пробежала предательская трещина, и малейшее промедление со спасательными работами, «Войков» мог переломиться. Синоптики предсказывали ухудшение погоды...

Срочно к обоим бортам «Войкова» пришвартовали два порожних судна – «Революционер» и «Аркас», – собрали все команды и судовые средства, сняли с работы всех, кто трудился в порту. И работа закипела. Корабельные краны «Войкова» еле успевали переносить грузы на пришвартованные суда. Десять тысяч тонн были переброшены за считанные часы. Освобождённый от груза «Войков» приподнялся высоко над водой. Чтобы корабль не разорвало по трещине, его носовую и кормовую части соединили стальными канатами, переброшенными через мачту.

г. Архангельск

капитаном одного из зверобойных судов, потом – капитаном плавбазы «Архангельск». Проплавал 34 года. Вновь вернулся к родным берегам, бросив якорь на постоянную стоянку в Архангельске, ставшем строкой истории Флота российского

и главной строкой – в биографии, обычной для многих архангелогородских семей, подобных Гудиным. Первый российский порт удивительно подтверждает изо дня в день, из года в год, вот уже более 400 лет прозорливое предвидение замечательного русского историка Случевского: «Мало городов России, которые подобно Архангельску имели бы столь пульсирующие жизненные периоды существования. Он быстро возник, быстро расцвёл, опять падал, но, несомненно, расцветёт опять – и расцветёт небывало!»

Секретная экспедиция

Здесь видимо, будет своевременным сделать ещё одно отступление и воспользоваться документальным рассказом заслуженного врача РСФСР В.Е. Родионова. В воспоминаниях дежнёвцев имя Владимира Ефстафьевича встречается часто. Можно подумать: он – член их команды.

«Поздним вечером 27 августа 1942 года, навестив послеоперационных больных, отправляюсь с надеждой на спокойную ночь, хотя такие ночи бывали очень редкими. Автор этих строк находился во время войны далеко – на далёком Таймыре, на строительстве заполярного горно-металлургического комбината и города Норильска. Как и у всех, у нас, медиков, день насыщен работой, у хирурга мало остаётся времени на отдых: днём и ночью поступают больные с травмами и хирургическими заболеваниями, надо оказывать помощь, оперировать. А работают одни и те же врачи круглосуточно, без смены и выходных. Зато мы, по сравнению

И.Д. Папарин
и А.А. Качарава

Буксир дал медленно передний ход, стальные тросы натянулись, как струны. «Войков» вздрогнул всем корпусом и плавно сошёл с камней на открытую воду. Раздалось оглушительное «ура». Корабль

и грузы были спасены. Репутация капитана И.А. Мана – тоже. А «Революционер» на свой счёт записал ещё одно доброе дело.

...Сентябрь 1944 года. Пароход «Революционер», гружённый в США взрывчаткой, серной кислотой, военной техникой идёт Северным морским путём. На его борту груз для Норильска, груз чрезвычайно необходимый и опасный! И всё бы, как говорится, путём, если бы при проходе у мыса Челюскин путь этого огромного «взрывного устройства» не преградила немецкая подлодка. Чудом судно спаслось от прямой вражеской атаки. От вражеской

торпеды «Революционера» спас СКР-29, принявший торпеду на себя. Увидев мчащуюся к «Революционеру» торпеду, моряки СКР-29 полным ходом ринулись ей наперерез и ценой многих жизней спасли находившихся на пароходе людей и груз оборонного значения. Командир героического корабля старший лейтенант М.В. Махоньков посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени.

В списке погибших сторожевых кораблей обозначен «Бриллиант»: 23 сентября 1944 года, Карское море, координаты – 76°10', 87°45'. Находясь в охране конвоя

с другими, в привилегированном положении: в тепле!

...Так и в эту ночь на 28 августа я был разбужен дежурной сестрой по приказу начальника, прошившего связаться срочно с ним по телефону. Набираю нужный номер, выслушиваю распоряжение:

– К семи часам утра быть готовым отправиться на самолёте к месту происшествия для оказания помощи пострадавшим людям, производства сложных операций на месте. В соответствии с этим должна быть обеспеченность инструментами, перевязочным материалом и большим количеством донорской крови.

Место происшествия и даже приближённое число нуждающихся в хирургической помощи названо не было. И я получил предупреждение об абсолютной секретности экспедиции. В связи с перевозкой крови мне удалось узнать приблизительную длительность полёта – 6 часов. Было три часа ночи. На все приготовления отпущалось четыре часа. Задача трудная. На ноги поставлен весь персонал больницы, аптеки. Привезены полусонные доноры, взята и упакована кровь, стерилизованы несколько комплектов белья.

К семи часам утра мы были полностью готовы к полёту. В подбегавшей за нами машине уже сидел врач, заместитель начальника санитарного отдела С.М. Смирнов, который также летел с нами. Разместили наш груз. И, приняв меня с операционной сестрой Д.И. Макухиной, машина тронулась.

Внезапные вылеты и выезды на всевозможных видах транспорта, включая олени и собачьи упряжки, для меня были не в диковинку. Но они не носили такой степени секретности. Я

невольно строил догадки. Мысли о событиях военного характера не возникало. Через полчаса мы были в аэропорту на реке Норилке, где нас ожидал гидросамолёт, раскачивающийся на сильной волне.

Погода – штормовая: дождь, снег... В обычных условиях погода явно не лётная. В аэропорту нас встретил лётчик в гражданской форме. С возмущением он посетовал на то, что начальник порта не даёт разрешения на взлёт, заставляет ждать лучшей погоды. Я снова попытался узнать что-нибудь о маршруте полёта. В ответ – расхожая шутка: «Военная тайна».

Посидев около часа, мы позавтракали, чего не успели сделать дома в спешных сборах. Пропавший лётчик снова явился к нам вместе с начальником порта. Оба возбуждены. Обращаются ко мне: согласен ли я на полёт при условиях «не совсем законной погоды»? Безопасность полёта лётчик гарантировал: «летал и в худшую погоду», а здесь, мол, такое дело, что требует некоторого риска. Я ответил согласием, как и мои спутники.

Теперь у лётчика появились лишние козыри на право вылета. Но начальник неумолим: он всё же не вправе дать разрешение на вылет, разве что – начальник комбината...

Видимо, санкция была получена, так как начали погрузку в самолёт нашего багажа, а затем и нас пригласили на катер. С опасением оказавшись в воде мы забрались по очереди на крыло самолёта, а с него через верхний люк, спустились в полутёмное чрево, разместились на ящиках и чемоданах, так как специальных мест для сиденья самолёт не имел. Над нами закрыли и закрутили люк, и мы очутились в полном мра-

«ВД-1», торпедирован подводной лодкой «У-957» и через две минуты затонул вместе со всем экипажем. Рассказывая о судьбе одного корабля, мы вознеслись до подвига другого. Вечная память экипажу «Бриллианта» (СКР-29)! Он тоже навечно будет принадлежать славной когорте Побратимов Арктики.

Они прошли этот путь однажды... Но мы вместе с родственниками, друзьями, сослуживцами и моими читателями будем проходить этот путь многократно, чтобы осталась память для наших потомков.

Моя родословная

Они стали для шеговарских школьников предметом исследования по филологии, которые ведутся уже несколько лет под руководством учителя русского языка и литературы Лидии Николаевны Петровой. А работы её учеников Тараса Клим и Анны Морозовой включены даже в методический сборник «Учебно-исследовательская деятельность в образовательном процессе».

Сейчас и Тарас, и Аня учатся в десятом классе. В прошедшем учебном году Лидия Николаевна

Петрова сама предложила Ане Морозовой исследовать молодёжный сленг в речи старшеклассников Шеговарской средней школы.

Сбор материала, его обработка, конечно, заняли много времени, но получилась очень живая, интересная работа, которая вполне может стать основой для словаря молодёжного сленга.

Тарас Клим - автор работы «Из истории рода Усачёвых, жителей деревни Варамино». А в начале исследования своей родословной было первое конкурсное сочинение Тараса в шестом классе, которое он написал о своём деде.

ке. Так поначалу показалось, но свет проникал через щели и небольшие окошки сверху. Заревели моторы, и мы – в воздухе. Через 25-30 минут полёта садимся, откинув люк. Перед нашими глазами подошёл катер, на борт которого переброшен какой-то сверток. Самолёт сильно болтает. Проходит ещё два часа, и в самолёте – лучи солнца.

Через щель вижу широкую ленту Енисея с пустынными пологими берегами. Сомнений нет, летим на север, к морю. По небу несутся разорванные клочья свинцовых облаков. В кабине устойчиво светло. Около трёх часов дня самолёт пошёл на посадку. Через свой наблюдательный пункт вижу столбы дыма, огонь, волны бушующего океана, очертания острова, порттовые постройки – Диксон.

Открывают люк. Катер подтягивает самолёт поближе к берегу. Пересаживаемся на катер, и мы – на земле. Странная картина – остатки догорающих зданий, на плаву – повреждённые корабли, невдалеке от нас на берегу – огромная воронка. Нас встречают вооружённые в гражданской одежде люди. Не остаётся сомнений в событиях военного характера.

В управлении порта узнаем: Диксон подвергся нападению немецкого корабля, обстрелявшего наши суда, стоявшие в бухте. Много раненых, нуждающихся в неотложной помощи, врачей нет.

...Предварительное знакомство с контингентом раненых обнаружило необходимость немедленной организации госпиталя с операционной, что и было осуществлено общими усилиями. Стационарную электростанцию Диксона разрушил снаряд, и для освещения лазарета подвели специальную линию с одного из кораблей. Оставшиеся здоровыми и легко

раненые матросы стали санитарями. Заработали автоклав, кипяильники, над импровизированным операционным столом укрепили судовую фару. Началась работа. Пострадавшим ввели противостолбнячную сыворотку, обескровленным наладили переливание крови. Многие раненые нуждались в сложных, полостных операциях, приходилось ампутировать конечности...

Приступив к этой работе, мы продолжали её более двух суток с небольшими перерывами. На операционном столе перевязывали легко раненых. Привезённой крови оказалось недостаточно. Но её источник был неиссякаем: кровь давало население Диксона. Усилия всех были предельны и не напрасны: всем раненым удалось сохранить жизнь, а многих вернуть в строй. Нуждавшиеся в длительном лечении были переправлены в больницу Норильска...

Дела давно минувших дней... Память не сохранила всех имён и деталей, но никогда не забыть мужественные лица, смотревшие на меня с операционного стола, когда велась борьба со смертью за их жизнь. Это были герои дня, краснофлотцы Васенин, Волчек, Фирсин, Кацман...»

Подготовивший к печати воспоминания Родионова норильский журналист Анатолий Львов делает пометку: «Написано 15.11.65».

В дальнейшей судьбе многих дежнёвцев хирург Родионов действительно сыграл определяющую роль: вернул их к жизни, дал им возможность поверить в силу выздоровления. Позже мне пришлось встретиться с живыми дежнёвцами. Слава богу, признался один из них, с лёгкой руки Родионова здоровья хватило на десятки лет, ратных и мирных.

- Мой дед Михаил Никанорович Усачёв имел много наград. Он воевал, ходил на ледокольном пароходе «Дежнёв», был на Новой Земле, работал председателем сельсовета, - рассказывает Тарас. - Я его не застал, но мне о нём рассказывала мама. Сохранились документы, газетные вырезки с материалами о нём и его самого. В сборе материалов о моих дедушке и бабушке мне помогли мама, учительница Лидия Николаевна, использовал книгу «Побратимы Арктики», беседовал со старыми людьми в Варамино, которые их знали, жили в одной деревне. Для

меня исследование интересно тем, что я узнал новые факты из истории моей семьи. Думаю, что я буду продолжать собирать материалы о моей семье, о моих предках, составлять родословную.

Валентина ПАВЛОВСКАЯ.

Шенкурский район.

«Правда Севера»,

17 января 2009 г.

• • •

...И вот новая, долгожданная встреча с «Сибиряковым». Имя легендарного судна перешло новому теплоходу, построенному для Северного морского пароходства

в Польской Народной Республике. Об этом похлопотали ветераны – моряки и полярники – хранители славных традиций нашей истории.

Новый теплоход не идёт ни в какое сравнение с прежним «Сибиряковым»: он вдвое крупнее и сильнее.

Познакомиться с экипажем приехали боцман А.Т. Павловский, перенёсший страшные годы фашистского плена и успевший немало поплавать в послевоенные годы, вдова погибшего помощника капитана М.С. Бурых, дети, внуки, правнуки сибиряковцев...

Воспоминания Владимира Ефстафьевича Родионова, заслуженного врача РСФСР, прислал в «Заполярную правду» (22 февраля 1985 г.) старый норильчанин Георгий Александрович Попов. Он сохранил эту рукопись. Для Попова Родионов был прежде всего добрым другом. Он вспоминает о Владимире Ефстафьевиче, как о талантливом организаторе, первоклассном хирурге и человеке большой души. Именно эти человеческие качества очень помогли становлению медицины в Норильске.

Попов сообщает краткие данные о Родионове: в 1927 году окончил Казанский медицинский институт, в трудные военные и послевоенные годы работал в Норильске, с 1956 года – главный врач города Шуя.

В своих воспоминаниях (1971 г.) В.В. Чигирёва очень тепло отзывается о Родионове – стальном хирурге, который находил время у кровати больного посидеть, работу медперсонала проверить, пробу снять с пищи, которой будут кормить больных. Он и грубияну даст отповедь, и с ослабевшим поговорит по душам. И тот, и другой всю жизнь будут помнить.

И ещё одно откровение. Оно принадлежит Леониду Александровичу Кацману. Вместе с участниками большого дежнёвского десанта он непременно хотел найти в Диксоне старое здание Дома инженеров и техников, как оно тогда называлось, самое красивое здание, срочно переоборудованное под больницу, где ему была проведена сложнейшая операция по ампутации руки.

Нашёл, поклонился. Первый этаж его совсем в землю врос. Вот тогда растроганный Леонид Александрович, человек знающий цену шутке, вспомнил, как Родионов, каждое утро спрашивал: «Как наши дела?» Больной, как заведённый,

отвечал: «Ничего, доктор. Только всё время есть хочется».

Владимир Ефстафьевич просил сестру записать в книге обхода: «Давайте ему есть досыта, сколько захочет». И ему снова несли икру кабачковую и молоко...

Родионов – прекраснейший человек. Не было такого, чтобы он дважды на день не зашёл в палату. А однажды, когда дело совсем пошло на поправку, он заходит и вместо вопроса, замахивается, чтобы ударить по руке, которой нет. От ожидания боли Кацман подпрыгнул на кровати. «Ничего, – говорит, – герой, привыкай. Жизнь ещё не раз тебя будет ударять и крепко. Пусть ушедшую боль никогда не пересилит боль другая». Прекрасные, многозначительные слова. Интересный человек. Очки. Худощавый. Я не маленького роста, а он на полторы головы выше меня. Человек долга. Уж то, как он добирался в Диксон из Норильска, заслуживает уважения», – это тоже слова Леонида Александровича Кацмана, знающего цену словам и делу.

27 августа 1942 года: диксонская больница

...Подрастают новые поколения североморцев, но связь между ними не слабеет, а становится всё сердечней и прочней. Теперь их семья пополнилась целым экипажем нового теплохода.

Гости принесли морякам не только букеты цветов, но и первые экспонаты для будущего судового музея – любовно собранные альбомы с фотографиями, газетными и журнальными публикациями, книги, посвящённые сибиряковцам, портреты героев.

Тепло приветствовал гостей, благодарил за дорогие подарки капитан теплохода С.М.Быков.

– Мы рады встретить вас на судне не только сегодня, но и в каждый предстоящий приход, – сказал он. – Пусть наш «Сибиряков» будет и вашим. Нам хочется, хотя в этом теперь нет ничего необычного, повторить рейс того ледокольного парохода и пройти из Архангельска на Дальний Восток. А пока нам предстоит первая встреча с Северным морским путём – завтра уходим в Игарку, за сибирским лесом, а оттуда пойдём к берегам Африки...

Б. СЕВЕРОВ.

«Правда Севера», 19.07.89 г.

Письма рассказывают

В парткоме ордена Ленина Северного морского пароходства есть объёмистая папка. В ней письма от ветеранов войны и труда – участников августовского сражения у о. Диксон в военном 1942 году. Со всех концов нашей необъятной Родины пришли весточки – из Москвы и Ленинграда, Севастополя и Благовещенска, Киева, Мурманска и других городов. Пришли отклики и от бывших дежнёвцев, членов экипажей «Революционера» и «Кары», прожи-

Л. Кацман

Хорошо, что из этого сегодня мы не делаем секретов. Но сколько утраченных страниц этой истории безвозвратно кануло вместе с ушедшими из жизни людей. Может, ещё документы архивов хранят подробности, которые тоже станут достоянием гласности. Но это уже зависит от людей, живущих ныне, от их отношения к непростой диксонской истории, в которой за налётом романтики покорителей Арктики скрыта настоящая позолота ещё ненаписанных строк...

Рассказывают дежнёвцы: когда Леонид Кацман, потеряв во время боя левую руку и глаз, всё-таки вернулся к жизни, он вновь оказался в гуще событий, стал секретарём комсомольского комитета в ремесленном училище города Архангельск, где обычно швартовался «Дежнёв». Кацман не раз приходил на родное судно.

Однажды набрался смелости и обратился к командиру Александру Семёновичу Гибулянову с просьбой разрешить ему вернуться на «Дежнёв». Но командир не решал таких вопросов, необходим приказ самого высокого начальства. И Леонид дошёл до командующего флотом. Арсений Григорьевич Головкин самым внимательным образом выслушал «списанного подчистую» моряка и с сожалением заметил: «Куда же нам, братец, без руки и без глаза? Не могу я принять такого решения, даже если вся команда «Дежнёва» за тебя поручится». Кацман пустил тогда в ход свой последний довод: «Адмирал Нельсон тоже был без глаза и без ноги!» Адмирал улыбнулся, развел руками, похлопал по плечу бывалого моряка и сказал: «Положил

ты меня на обе лопатки. Согласен, но только при условии, если ты пойдёшь на моё место...»

Страницы из норильской биографии команды «Дежнёва» постарался написать с уточнениями и подробностями кандидат наук М. Важнов.

«Мне хотелось бы продолжить этот рассказ, поскольку я длительное время занимался поиском материалов о лечении дежнёвцев в Норильске, их последующей судьбе. Впервые об этом более или менее подробно написано в заметке «Из норильской тетради» (смотри «Летопись Севера» т. 6 за 1972 г.). Её автор – бывший главный врач норильской больницы, начальник санитарного отдела комбината Г.А. Попов. Есть и другие литературные источники: книги И.Г. Шнейдера, В.Г. Реданского, статьи в газетах», – писал Михаил Важнов в очередном выпуске «Норильской биографии» («Заполярная правда», 2 мая 1985 г.)

Но авторов, повествовавших о бое у Диксона, в большей мере интересовали собственно военные события. К тому же, при сопоставлении публикаций сразу же обнаруживалось много расхождений, противоречивых сведений. Не было ясно, сколько к нам попало раненых, каким образом их доставили в Дудинку, как складывалась норильская и дальнейшая жизнь бывших моряков.

Сошлюсь на С.М. Смирнова, в ту пору одного из руководителей санитарного отдела комбината. Он дополняет несколько штрихов к рассказу В.Е. Родионова о необычном полёте:

«Диксонский лазарет – одноэтажное здание, десятка полтора комнат. Если потесниться – примерно на пятьдесят коек. Есть всё необходимое: процедурная, операционная (небольшая, но зато с лампой!), материалы и медикаменты. Оперировали с утра и часов до восьми вечера. Накоротке обедали, пили чай. Ночевали тут же, в больнице.

вающих в Архангельске, Вельске, Шенкурске.

«Будет интересно встретиться с товарищами, с которыми участвовал не только в бою с фашистским рейдером, – строки из письма Виктора Николаевича Гусева, работника Госснаба СССР, – но и перенёс все трудности ледовых походов...»

Охотно принял приглашение приехать на встречу в Архангельске бывший начальник штаба обороны острова Диксон, заслуженный работник СССР, лауреат премии Союза журналистов СССР Александр Васильевич Баранов, работающий в еженедельнике «Экономическая газета».

Но самый дальний адресат из города Спасск-Дальний, Приморского края – бывший командир котельной группы СКР-19 Александр Елисеевич Заскалько просил передать привет всем ветеранам-дежнёвцам. А работает он уже 30 лет начальником автотранспортного предприятия...

Капитан 2-го ранга в отставке Александр Михайлович Палеха из Белгородской области сообщает, что привезёт специально подготовленный альбом для передачи его в школьный музей Диксона.

Есть о чём рассказать и хозяевам большой встречи боевых друзей – архангелогородцам: старшему ме-

ханику с «Революционера» В.Л. Макарьину, Н.В. Овечкину – матросу с этого же судна, ныне начальнику агентства «Транспорт», Л.И. Девиченскому – бывшему кочегару; отважным женщинам с парохода «Революционер» – Т.С. Кожиной, З.С. Скотниковой, Т.В. Барминой – кавалеру ордена Ленина.

Л. МОРОШКИН.

«Северный комсомолец»,
12.02.78г.

• • •

«Самой родной и любимой в жизни моей есть великая партия большевиков. Дратся с врагами,

Крови всё-таки не хватало. Ещё четыреста граммов дала Дарья Ильинична Макухина, наша медсестра. К слову, многие диксонцы предлагали свою...»

В архиве Норильского комбината отыскался операционный журнал, где есть записи о Фирсине, Кацмане, Васенине, Голове...

Когда СКР-19 ушёл ремонтироваться в Дудинку, человек двадцать раненых остались на Диксоне. Тех, кто чувствовал себя лучше, ко второй половине сентября отправили в Архангельск, на основную базу. Остальные были эвакуированы в Дудинку, а затем – в Норильск, для стационарного лечения. Капитан «Дежнёва» А.С. Гидулянов вспоминал, что первоначально предполагали разместить раненых в Нарьян-Маре, но, учитывая мнение Родионова, командование корабля ходатайствовало через окружку партии о норильском варианте.

Кого же привезли в Норильск?

Некоторые фамилии не вызвали сомнений: по воспоминаниям и литературным источникам довольно быстро удалось выявить С.А. Кротова, старшего лейтенанта, который командовал сторожевиком во время боя, Ф.Н. Гавричева, П.А. Васенина, Н.Е. Волчека, Л.А. Кацмана, Ф.Г. Фирсина.

Сопоставляя данные рапорта, копия которого была получена от старшего научного сотрудника Военно-Морского музея Алевтины Васильевны Кривенко с письмами дежнёвцев, Важнов, наконец, устанавливает фамилии всех, кто попал на лечение в Норильск. В его руках оказалось и фотодоказательство, присланное Л.А. Кацманом. Николай Емельянович Волчек из Красноярска вспомнил всех, кто изображён на снимке, включая и медсестёр. К ранее названным автор прибавляет ещё И.И. Дёрова, М.И. Курушина, Г.Г. Маркова, М.К. Жбанова, Ф.М. Голова.

Л.А. Кацман

...Но вернёмся к осени 42-го. На нулевой пикет поселка Норильск подкатил поезд из Дудинки. Его встречали А.А. Панюков, начальник комбината, В.И. Козловский, начальник политотдела, руководители САНО. На специально оборудованных машинах раненых доставили в больницу.

Несколько слов о норильской больнице военной поры. Собственно говоря, строилась двухэтажная гостиница, рядом с Домом инженерно-технических работников (это здание известно как ДИТР). Однако медики убедили А.П. Завенягина, и, как оказалось, очень кстати.

Волчек, уроженец Одесской области, как только подоспело время боевых действий, быстро занял пост у пулемёта. Он один из первых дал очередь трассирующими пулями по надвигающейся

защищать Родину мою желаю коммунистом. А если суждено умереть, умру как большевик».

Из заявления старшины 2 статьи В. Лукьянова о приёме в партию.

• • •

В своём письме Анатолий Михайлович Кузнецов прислал номер газеты «Двинская правда» за 30 июля 1977 года, где опубликован очерк Н. Шарапова «Дежнёвцы». Газета вышла в канун Дня Военно-Морского Флота. Был повод вспомнить о военных моряках – бывшем старшем матросе Анатолии Михайловиче Кузнецове, крестьянине

из деревни Нечаиха Забелинского сельсовета и бывшем артиллеристе Николае Алексеевиче Никандрове, рабочем из Котласа. Судьба распорядилась так, что землякам пришлось служить в одной команде СКР-19.

С волнением вспоминают ветераны будни морской службы, многочисленные боевые тревоги во время походов в Баренцевом и Карском морях. «Дежнёв» тогда доставлял военные грузы в арктические порты и на полярные станции, сопровождал суда, уходящие на восток и прибывающие оттуда. Он выполнял роль не толь-

ко корабля-воина, но и рядового труженика моря.

• • •

О С. Никифоренко в газете «Моряк Севера» (10.02.78 г.) пишет его друг и сослуживец А. Данилов: «Это был славный парень, с которым мы вместе учились на курсах начальствующего состава в Ленинграде с февраля по август 1941 года... Никифоренко любил курсанты, он был весёлым, жизнерадостным человеком, хорошим другом, любил юмор.

В бою он проявил себя отважным командиром. В архивах сохра-

Николай Волчек

тёмной громаде «Шеера». Но тот пока оставался за пределами недосягаемости пулемётного огня. Волчек бросается опрометью на помощь артиллеристам. Здесь его и ранило осколком снаряда...

Из письма Н.Е. Волчека: «В Норильске встретили нас очень тепло, душевно. Часто навещали и взрослые, и школьники. Устроили вечер, посвящённый морякам». Норильские школьники военного времени Н. Галкина, И. Фетисенко, Ю. Трушин вспоминали, что не раз бывали у раненых. А те, выздоравливая, договаривались об ответных визитах к старшеклассникам. Одна из

таких встреч в гимнастическом зале помнится особенно, собрались все ученики. Гостей встречали Эдик Елян и Юра Трушин – командир и начальник штаба школьной военизированной дружины. Как говорят, Елян общался с моряками и чаще других щеголял в бескозырке.

«Ивану Дёрову, – продолжал Николай Емельянович, – повезло: Родионов оказался его земляком. За разговорами выяснилось, что их деревни рядом, километрах в десяти-двенадцати, Владимир Ефстафьевич многих по фамилии помнил...

Хорош стоял октябрь! Числа двадцатого, после обеда, попросили разрешения погулять. Уж очень хотелось на свежий воздух. Было солнечно, чуть морозило. Мы не спеша топали по Октябрьской, в сторону Соцгорода. Любопытно было узнать, чем торгуют в магазинах, на рынке. У автобазы постояли, осмотрелись и – домой.

Обхаживали и лечили нас так, что к концу месяца я, например, мог передвигаться с костылями. В ноябре некоторые уже устроились работать. Удовлетворили и наше желание получить гражданскую одежду».

Получив пенсию, Николай сидеть без дела не стал, сразу же определился по своей корабельной специальности – помощником машиниста, только теперь на электростанции. Примерно через полгода его перевели помощником машиниста турбины, недавно сданной ТЭЦ.

В мае всем дежнёвцам предстояла военно-врачебная комиссия. Васенина, Кацмана и Фирсина списали «под чистую». Некоторые вернулись на флот. Как им завидовали первые! А Иван Дёров с Волчком вновь угодили в больницу: у них открылись раны...

Но даже со второй операцией Николаю не повезло: нога заживала плохо, лечение затянулось.

нилась характеристика, которую подписали командир ледокольного парохода А. Качарава и военком З. Элимелак: «...С работой справляется. Боевую технику, имеющуюся на вооружении корабля, знает, постоянно совершенствуется в своих знаниях. Умело организует боевую подготовку личного состава, соревнование моряков. Дисциплинирован. Агитатор... Достоин повышения знания».

3 августа 1942 года С. Никифорова присвоили воинское звание лейтенанта, а через 22 дня он погиб вместе с кораблём...

В море нетobelisks

...Об этом поколении когда-то сказал Семён Гудзенко: «Мы не от старости умрём, от старых ран...»

Корняков стрелял с причала. «Дежнёв» с пятью большими и сотнями малых пробоин бил с акватории порта. «Революционер» успел стрельнуть из трехдюймовки, но его зажёл снаряд, горел мостик, а на пароходе сухой лес. Опытнейший капитан Ф. Д. Панфилов приказал выбрать якорь, перейти на мелководе – если тонуть, то там «Кара» стрелять

не могла: не из чего, вооружать её собирались в Англии, куда ей предстояло вскоре пойти. А пока на носу и в корме стояли «два полена», как вспоминает третий помощник капитана Виктор Твардовский, что-то вроде пугала для перископов вражеских подводных лодок, чтобы поостереглись возле «Кары» всплывать; единственное, что могла «Кара» сделать, – выдать дымовую завесу и поскорее уйти, ведь в её трюмах находилось двести тонн взрывчатки...

Но бабахали ещё пушечки с сопки Весёлой, говорят, они наделали в ту ночь шума больше

Вот уже и товарищей проводил перед закрытием навигации в 43-м – Пашу Васенина и Дёрова... В феврале 44-го Волчек перешёл на другую работу и трудился без малого шесть лет. После выехал из Норильска в Красноярск. «После войны, – вспоминал Н.Е. Волчек, проработавший до выхода на пенсию диспетчером одной из строительных организаций Красноярска, – ребята разлетелись по своим домам, а я прикипел к Сибири».

Много раз бывал в Красноярске по своим журналистским и профсоюзным делам, но всё никак не мог выделить пару часов, чтобы по известному адресу найти Николая Емельяновича, побеседовать с ним и вспомнить боевых друзей. Никогда не прощу себе такой беспечности. Была уже на выходе рукопись книги, когда я всё-таки решился на встречу. Но было уже поздно, он ушёл из жизни. Теперь разве что можно отыскать в разросшемся Красноярске дома, которые возвела строительная организация, где трудился Волчек диспетчером до выхода на пенсию... Я было даже придумал себе оправдание: дескать, стоит ли идти путём, который прошёл до меня красноярский литератор Леонид Щипко. Но себя не обмануть, разве что поступиться совестью. Этот путь надо было пройти, потому что он всё равно был бы непохож на путь другого литератора, хотя бы потому, что у него были другими и начало, и продолжение. В одну реку нельзя войти дважды, тем более двум совершенно разным людям...

Работал в Норильске и Леонид Кацман. Оформлен на инженерную должность. После избрания комсоргом ТЭЦ занимался общественными делами. Под осень 43-го уехал в Архангельск. После войны Леонид Александрович стал строителем, главным технологом одного из республиканских трестов в Киеве. Здесь, недалеко от столицы

Украины, на левом берегу Днепра стоит небольшой обелиск. Здесь в годы войны разыгралась одна из трагедий: оставляя город, гитлеровцы расстреляли в лесу свыше десяти тысяч человек – заключённых одного из многочисленных концлагерей. Памятник прост. Спроектировал его и помог установить человек, который хорошо знает, что такое война. Он же выбрал надпись для обелиска:

Люди!

Покуда сердца стучатся, –

Помните,

Какой ценой

Завоевано счастье,

Пожалуйста,

Помните!

Этот человек – Леонид Александрович Кацман.

...В норильской больнице оперировали Сергея Александровича Кротова, старпома СКР-19. Наверно, полдюжины осколков из руки и ступни достали ему на память. После выздоровления Сергей Александрович работал диспетчером отдела технического снабжения комбината. В сентябре 43-го года вернулся на Северный флот, в экипаж родного корабля.

...Норильские медики возвращались домой тоже на «Дежнёве». Они помогали ухаживать за ранеными (часть легко пострадавших не покинула сторожевик), делали перевязки.

Чтобы обезопасить себя, СКР-19 огнём не жигал. А.С. Гидулянову всё время казалось, что на первых порах судно преследовала немецкая подводная лодка. И он принял все меры предосторожности, чтобы лодка не села им на хвост. Всё могло быть. После войны очевидцы рассказывали, что видели фашистские подлодки в районе Игарки, намного южнее Дудинки, куда следовало сторожевое судно...

всех: за десять минут прямой наводкой по «Шееру» выпустили сотню снарядиков – хоть один попал же в цель?! Это была батарея противотанковых, ею командовал электросварщик «Диксонстроя» Иван Воробьёв. Да, электросварщик! Батарея была ополченческая.

Много ли мы знаем о самом северном ополчении минувшей войны? Его создали на Диксоне летом сорок первого года, когда пароход доставил туда из Архангельска винтовки, гранаты, пулемёты и эту батарею. В ополчение записались все мужчины и многие

женщины. Мужчины прибыли на «Диксонстрой» из Красноярского края по контракту строить причалы, склады, жильё, радиостанции, всё необходимое Арктике. Командовал ополчением полярик Андрей Мережков, главный инженер «Диксонстроя». Изучали оружие, строй, уставы, бой против танков бутылками с горючей смесью, занимались этим каждый вечер, чтобы в любой момент быть готовыми к отправке на горячий фронт. Не думали, что фронт проникнет и в Арктику, не ждали, что сюда придёт надводный рейдер. В пять утра 24 августа Мережков

расстался с командиром «Сибирякова» старшим лейтенантом Анатолием Качаравой, прибежал десятник Михаил Аверьянов и доложил, что всё необходимое для установки радиомаяка на одном из арктических островов погружено, бригада рабочих-ополченцев на борту. «Сибиряков» ушёл. А потом услышали его радиogramму о бое с «Шеером». На «Сибирякове» погибла и бригада Аверьянова.

Вот тогда ополчение Диксона было поднято по тревоге. Ночью, едва подошёл «Шеер», ополченцы заняли намеченные рубежи. А в

14 сентября сторожевик покинул Дудинку. Добавлю: за свою последующую жизнь «Дежнёв» побывал в Дудинке ещё дважды – осенью 45-го (надо было подлечить капитана А.С. Гидулянова) и в 1964 году...

Норильская часть биографии некоторых дежнёвцев, а также отдельные детали эвакуации раненых в Норильск выяснены не полностью. В отдельных публикациях причисляли к «норильчанам» и Гургена Тонунца. Эту же ошибку в одной из первых публикаций допустили и мы.

«Да не был я в Норильске, – взмолился как-то Гурген Оганесович. – Сколько можно ошибаться!» Тонунц действительно был тяжело ранен в ногу и обе руки. Однако долечиваться его отправили в Архангельск, в Соломбалу, в морской госпиталь. Долго лечился, осколок перебил нервы на руке... Осколок, память о «Шеере», бывший краснофлотец всю жизнь носил в ладони левой руки. Но тогда инвалид второй группы – по всем документам – не мог смириться с тем, что его списали в обоз. Он ещё долго лечился в Московском институте экспериментальной медицины. Здесь решает идти на фронт, чего бы это ему ни стоило. Не мог поступить иначе в критические дни битвы с врагом за Волгу, за Сталинград. Моряку-североморцу, как думал Тонунц, возможна узкая переквалификация. Он становится разведчиком, затем – командиром взвода разведки. От стен Сталинграда до стен поверженного Берлина – сколько глухих тропок и наезженных дорог пришлось пройти! Здесь он получил свою первую боевую награду – медаль «За отвагу».

...Все мы хорошо знаем киноактёра, народного артиста Российской Федерации Гургена Тонунца, неповторимо запечатлевшего образ революционера Камо. Сначала я даже не мог предположить,

Гурген Тонунц

что киноактёр и дежнёвец Гурген Тонунц – одно и то же лицо. Но короткое письмо, пришедшее из Москвы, развеяло все сомнения. В письме содержался лаконичный ответ на нашу анкету:

«Дорогие друзья! Получил ваше письмо, и хотя, честно говоря, очень не люблю рассказывать о себе, решил всё же ответить на ваши вопросы. Родился 2 сентября 1922 года в семье коммунистов с подпольным стажом. На флот в войну пришёл добровольцем. На «Дежнёв» пришёл до-

дома по внутренней трансляции был передан приказ: женщинам взять с собой тёплые вещи, запас продовольствия и уйти с детьми в тундру. И потянулись цепочкой навьюченные жёны с детьми...

Их вернули, лишь когда кончился бой. Ещё двое суток ополченцы патрулировали побережье: возможен десант...

Когда в Архангельском Доме офицеров уже началось собрание всех приглашённых, рядом со мной вдруг присел щупленький на вид человек в возрасте, худощавый, с впалыми щеками, видно, только что приехал, не

успел с дороги отдохнуть и прямо пожаловал на торжество. На нём был ладный, но дешёвенький пиджачок без единой ленточки или значка, в отличие от всех в зале и на сцене, изукрашенных орденами и ветеранскими знаками, часто похожими на ордена.

Мой сосед, осматриваясь, немного ступсывался, он и на мои колодки взглянул искоса и зашептал: «И у меня есть орден, ещё с сорок второго, да не успел попасть домой. Сын принёс в больницу письмо от Павловского Андрея Тихоновича, позвал, наконец, боцман, и я сбежал. В чём

был, подхватился – из госпиталя сюда. Как на фронт, – пошутил он в смущении. – Сын только харчи и денюжат доставил, я ж на бюллетене. Из Павлодара, в Ленинграде пересадка, вот я и костюм купил. Уценённый. Я ж тут, считай, лет тридцать пять не был, если не боле...»

Когда этому моему соседу объявили слово, оказалось, что в том бою всё с него и началось: старшина 2-й статьи Иван Алексеев, сигнальщик «Сибириякова», первым обнаружил силуэт крейсера, всё доложил – как тот поднял, гад, американский флаг – обма-

бровольцем в первый день войны. Во время боя у Диксона сначала вёл огонь из крупнокалиберного пулемёта, а потом перешёл на орудие 76 мм на корме. После ранения в бою ушёл воевать на сушу. Командовал взводом разведки. Был ещё трижды ранен. Инвалид Отечественной войны. Награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды и шестнадцатью медалями. Почётный гражданин городов Новоукраинка и Шумен (Болгария). Народный артист республики, лауреат Государственной премии...

С дежневцами переписываюсь и иногда встречаюсь. Вот, друзья, всё, что могу сказать.

Ваш Г. Тонунц.

Скромное признание. Чтобы познакомить читателя с подробностями жизни и деятельности этого удивительного человека, потребовалась бы отдельная повесть. Было бы несправедливо отделаться этим кратким сообщением. Ещё при встрече дежнёвцев на праздновании 40-летия обороны Диксона Иван Григорьевич Шнейдер, рассказывая о судьбах своих сослуживцев, как-то обронил: «И кого только среди нас нынче нет: маслоделы и строители, моряки и художники. Есть и народный артист республики, создавший образ легендарного революционера Камо. Это тоже наш дежнёвец – Гурген Тонунц».

Вот тогда Тонунц уже заинтересовал меня не только как актёр, но и как воин, защитник Родины. Как дежнёвец!

...Смело действовал Тонунц в бою СКР-19 с «Адмиралом Шеером». Новый взрыв снова ударил рядом с орудием. Находившийся на месте наводчика краснофлотец Файзулла Хайруллин, получив смертельное ранение, истекая кровью и теряя сознание, всё же успел выкрикнуть:

– Братцы, бейте их, гадов!

Это слышали раненые при взрыве Тонунц, Волчек и оставшийся невредимым Андреев. Они оживили, замолкнувшую было огневую точку...

Вконец ослабевшие Тонунц и Волчек опустились на палубу, Андреев действовал один за все номера расчёта, сам себе командовал: «Огонь!» – и делал выстрел. За себя, за убитых, за раненых товарищей...

Во время Великой Отечественной войны Тонунц после излечения вновь пошёл на передовую, участвовал в боях, совершал подвиги, был инициатором дерзких по своей смелости военных операций. Газета «Советский воин» в сентябре 1944 года писала о нём: «По пояс в воде гвардии лейтенант Тонунц повёл взвод в обход... и внезапно атаковал противника с тыла. Взвод гвардии лейтенанта Тонунца открыл путь по дамбе».

Храбрость и смекалка, умение ориентироваться в самых сложных и неожиданных ситуациях, неизменно высокое сознание долга выручали Тонунца не раз. Даже тогда, когда казалось, что выхода нет, когда он, оставшись один, сам подтаскивал снаряды к орудиям и вёл огонь...

А вот ещё эпизод, рассказанный И.Г. Шнейдером в своей книге «Дежневцы».

...Зима 1944 года. Замёрзшее озеро Балатон в районе Секешфехервара. По льду, на котором толстым слоем лежит снег, ползком пробирается группа советских разведчиков, одетых в зелёные немецкие шинели. Перед выходом на берег все встают, тщательно отряхивают с одежды снег. Потом строятся в колонну и быстро шагают по дороге.

Вдруг в ночной тишине звучит грозный окрик: «Хальт!». От колонны отделяется человек, облачённый в форму офицера СС. Он идёт к часовому, что-

нужно было, будто союзники, как открыл огонь, а когда с ледокола в ответ пальнули, так полосатый флаг – долой, а до места – флаг с пауком...

Кажется, после этой нашей встречи в Архангельске пошла новая полоса в жизни бывшего сигнальщика, когда он вернулся в свою котельную на ферму совхоза Песчаное, под Павлодаром. Валентин Иванович Дерябин, дежнёвец и энтузиаст ветеранского дела, прислал ему номер газеты «Моряк Севера» с репортажем о встрече. «Всё написано правильно, – сообщил мне Алексеев. –

Особенно портрет. Газета теперь на похват – из школы в школу, – другой такой в Павлодаре не найдёшь...»

В Архангельске он сам был нарасхват. Едва кончил говорить, а говорил он короче всех, не искушён ещё, к нему подобрались пионеры школы из Емецка под Архангельском. В этой школе учился Михаил Кузнецов, комсорг «Сибирякова». Кузнецов погиб, это точно, а вот спор шёл: на корабле или в фашистском застенке? Алексеев сказал твёрдо: «На корабле. Помню». Так сходится и с документами, найдёнными

емецкими школьниками. Это всё важно. Именем их земляка назван остров к северо-западу от Диксона.

В море нет обелисков. Но есть теперь точки на морских картах, есть проливы, мысы, острова, носящие имена не только знаменитых первооткрывателей, но и рядовых защитников нашей земли.

Есть и пролив Сибиряковцев. Есть мыс Сулакова на Земле Франца-Иосифа, названный в честь погибшего старпома ледокола Дмитрия Петровича Сулакова; есть остров Матвеева Николая,

Дорогие друзья!

Получил ваше письмо и, когда, всё поговоря, очерк не любя рассказывать о себе, решил все же ответить на ваши вопросы.

1. Родился 2-го 1922г. в семье коммунистов с подпольным статусом.
2. На флот в войну пришел добровольцем.
3. На десант пришел добровольцем в первый день войны. Во время боя у Диксона скакала вил оторвалась из карабинного механизма, а потом перешел на орудию Т-34 на корабль.

Копия письма Гургена Тонунца

то говорит ему по-немецки. Проходят секунды, и часовой обезоружен.

Группа колесит по дорогам в расположении фашистских войск. Затем спускается к озеру и под прикрытием темноты по-пластунски пробирается на другой берег, где находился наш передний край. В штабной землянке разведчиков уже ждут. По докладу командира группы на карте делаются отметки, где стоят вражеские батареи, танки, самоходки...

Это снова Гурген Тонунц. Он участвовал в

4. После ранения в бою у Диксона, успел воевать на суше. Командовал взводом разведки. Был еще командир роты. Участвовал в Отечественной войне.
 5. Награжден орденом «Красная Звезда», «Отечественная война», «Красная Звезда», «За отвагу» и т.д. Всего 16^{ти} наград. Почетный гражданин г. Ново-Уренск и г. Уфы в Башкортостане. Народный артист республики, лауреат Государственной премии.
 6. За военно-патриотическую работу награжден знаком «Отличник военно-учебной работы».
 7. С «десантниками» переписывался и иногда встречался.
- Вот, друзья, все, что могу сообщить.
Ваш Г. Тонунц

освобождении Венгрии и Румынии. Отличное знание немецкого языка и качества разведчика определили его фронтовое призвание. Несколько раз он ходил в тыл врага с небольшой группой и, возвращаясь, приносил очень важные сведения. В Бухаресте Тонунц с друзьями-разведчиками оказался за три дня до прихода советских регулярных войск...

Человеком удивительного мужества, с сильным характером, с установившимся мировоззрением пришел Гурген Тонунц во ВГИК. Занимался в

кочегара – он бросил в офицера с «Шеера» топор, когда его потащили из шлюпки с ранеными сибиряковцами на фашистский катер, и был застрелен. Есть остров кочегара Вавилова Павла, он больше месяца бедовал на пустынном острове Белуха, был снят с него Иваном Ивановичем Черевичным, долго ещё плавал на других судах, стал Героем Социалистического Труда и умер в семидесятые годы. Есть остров Никифоренко Семёна, младшего лейтенанта, командира артиллеристов на ледоколе; есть остров Дунаева, в честь комендора Васи Дунаева, погибшего на

бревне в воронке вслед за судном. Есть остров Иванова Павла, штурмана «Сибирякова». Есть остров Прошина Юры, юнга, ученика машиниста; острова Бочурко и Элимелаха, механика и комиссара. Девять островов в Карском море носят имена сибиряковцев, семь названы именами дежнёвцев – матросов и старшин Борисихина, Давыдова, Карагаева, Майсюка, Сулова, Ульянова, Хайруллина. Не знаю, может, и повезёт ребятам из емецкой и вельской школ побывать летом на этих островах в Карском море. Нелёгко путь к Диксону... Как заманчиво путешествие к свое-

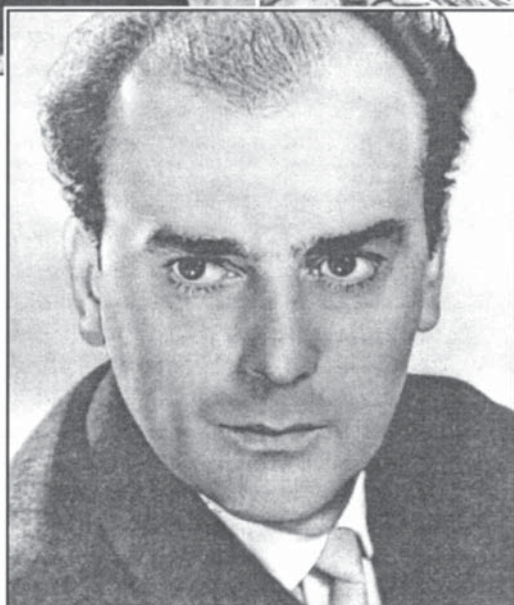
образным обелискам беспримерному мужеству – к этим островам.

В мореходке Архангельска мечтают о другом путешествии – за экспонатами на «Сибиряков». Мы помним интерес миллионов телезрителей и читателей к поискам следов Русанова. «Сибирякова» искать не придётся. Его координаты зафиксированы точно. Полярный «Варяг» лежит на глубине 40–50 метров. А вдруг найдутся любители водолазы и помогут мореходке?

...Среди писем, получаемых обычно авторами очерков, публикуемых в центральной печати, пришло и такое в два адреса – в Ар-

«Художником революции»,
«человеком без позы»,
«беззаветно храбрым,
спокойным и ясным»
называл Камо Максим
Горький. Таким он и
предстал этот нестигаемый
революционер Семён
Аршакович Тер-Петросян,
известный под партийной
кличкой Камо, в
кинофильмах «Лично
известен» и «Чрезвычайное
поручение» в исполнении
Гургена Тонунца. И совсем
другим предстаёт перед

нами Тонунц – Насреддин из
Ходжента.
«...Совершенно особо
нужно говорить о молодом
талантливом актёре Тонунце,
играющем роль Камо, – писал
в своё время известный
советский режиссёр Михаил
Ромм. – Он подлинно
артистичен, умён, гибок, легко
перевоплощается, работает
непринуждённо, изящно,
не нарушает чувства меры.
Сцены симуляции безумия
считаю по силе актёрского
исполнения выдающимися».

А эта встреча на Мурманском телевидении была неожиданной для многих дежнёвцев: Бориса Константиновича Ануфриевского, Ивана Ивановича Чумбарова, Алексея Иосифовича Подлесного, Ивана Петровича Старковского, Фёдора Григорьевича Белобородова, Александра Фёдоровича Транкова, Алексея Михайловича Гапонова и Гургена Оганесовича Тонунца. Кстати, Гапонов и Тонунц учились вместе в Мурманской мореходке...

Кадры из фильма с участием Г. Тонунца
«Лично известен». (Реж. С. Кеворков, Э. Карамян)

мастерской Льва Кулешова по режиссуре, по актёрскому мастерству – у В.Белокурова. Работал в Кустанайском драматическом театре. Тогда сформировался Тонунц-актёр. Он внутренне был готов к большой и трудной роли Камо. Созвучие образа с человеческими данными исполнителя во многом предопределило успех картины, посвящённой жизни коммуниста Семёна Аршако-

вича Тер-Петросяна, известного под партийной кличкой Камо.

Первая роль Тонунца была словно подготовлена его жизнью. Родился он в Тбилиси, на улице Камо. В детстве Гурген играл со своими сверстниками «в Камо», так же, как русские мальчишки играли «в Чапаева». В дореволюционные годы родители Тонунца были близко знакомы с Камо по партийной работе. Они много рассказывали маленькому Гургену о Камо, о нём говорили школьные учителя, знакомые, друзья. Это имя стало для него на всю жизнь героической легендой.

Но путь к созданию образа Камо оказался долг. К незабываемым впечатлениям детства прибавилась морская служба. Мечта о море, о подвигах, о дальних странствиях жила в нём, она и привела Тонунца сразу после школы в Мурманское высшее мореходное училище. Много раз он принимал участие в трудных северных экспедициях, участвовал в освобождении ото льдов парохода «Седов», побывал на Шпицбергене, на Земле Франца Иосифа. Особая строка его биографии – диксонская...

За прошедшие годы мы увидели отважного дежнёвца, военного разведчика не только в трилогии о Камо, но и в фильмах «Повесть о чекисте», «Дикий мёд», «Тройная проверка», «Огонь, мерцающий в ночи». Он сыграл близкие по образу жизни и характеру роли капитана торгового судна в фильме «Опекун» и командира разведки в картине по повести А. Бека «Волоколамское шоссе». Эпизоды фильма «Закон Антарктиды» снимались в родной и памятной для него стихии – в районе Тикси.

...Пути господни неисповедимы. К дежнёвцам и сибиряковцам я протапывал пути-дороги с Крайнего Севера. А ведь одна из них прошла совсем рядом в 1970 году. Перелистывая накануне

хангельск комсомольцам мореходного училища и в Москву автору: «Прочитав «Продолжение памяти» в «Правде» и обсудив на совете клуба, мы решили предложить вам свою помощь в обследовании и подъёме реликвий с «Сибирякова». Наш спортивно-технический клуб «Садко» г. Николаева на протяжении 15 лет занимается поиском и обследованием кораблей Черноморского флота, погибших в годы Великой Отечественной войны. Нами накоплен определённый опыт, считаем, что работа на ледоколе «Сибиряков» нам по плечу. На Чёрном море нами об-

наружены и обследованы эсминец «Фрунзе», монитор «Ударный», минный заградитель «Колхозник», броненосец «Чесма» и ряд судов торгового флота, погибших в войну. Нами подняты орудие, компасы, штурвалы, сейфы с документами, бортовые надписи и многие другие реликвии, которые переданы в музеи Севастополя, Одессы, Николаева, Очакова, документы из сейфов отправлены в центральный военно-морской архив. О героической судьбе «Сибирякова» мы знали и раньше, но не располагали информацией о глубине его залегания. Из статьи же

узнали, что он лежит на глубине, доступной для нашей работы...» Может быть, и состоится такая экспедиция?.. Анатолий Мельников, радист героической семёрки, дошедшей до Северного полюса на лыжах, услышав об этом письме, сказал: «А что ж, это интересно и доступно».

А ведь это слова человека, который не только прошёл к полюсу, но и участвовал в долгих поисках следов экспедиции Русанова.

Владимир РУДНЫЙ.

«Океанская служба».

Издательство «Советская Россия». Москва, 1980 г., стр. 80-86.

тридцатилетия Молдавской ГРЭС газету «Энергетик», я наткнулся на любопытную информацию: Гурген Тонунц был гостем молдавских энергетиков, в Днестровске!

«Увлекательно рассказал он о своей творческой деятельности, – писала газета за 3 июня 1970 года. – 79 ролей – в театре, 48 – в кино. И большинство из них – главные, сложные по своему творческому замыслу. В настоящее время идут съёмки десяти-серийного телевизионного фильма «Визит вежливости» режиссёра Юлия Райзмана с участием в главной роли Г. Тонунца».

Грех не прислушаться к словам, которые он адресовал молодым морякам-архангелогородцам: «Есть такое понятие – «морская душа». Точнее, это не понятие, а тип характера. Где же, как не в море, лучше всего проверяется человек, учится мужеству, морскому братству, верности родной земле, надёжной и стойкой любви к людям? Желаю нашим юным наследникам пораньше узнать, что такое морская душа. С ней они и в океанских плаваньях, и на берегу будут настоящими людьми».

Отдели меня сейчас от этих простых и конкретных людей, от павших на поле Куликовом, под Бородином, от уснувших вечным сном на бескрайних просторах Родины в гражданскую и Великую Отечественную войну, я задохнусь. Я перестану быть человеком... Недавно один из приднестровских литераторов признался мне, что у него хранится дневник отца, в котором он вёл записи с начала войны и до битвы под Сталинградом... Дневниковые записи, кажется, оборвались на полуслове, как недопетая песня... Надо ли теперь об этом вспоминать, сетовал мой собеседник, мода на военную тему, вроде бы, прошла... Меня в испарину бросило от этих слов. Как может так говорить человек, верующий, глубоко право-

славный! Если мы по моде, а не по человеческим документам будем лепить Летопись России, то скоро в ней не останется русской души, чем всегда отличалась Наша История.

... Четвёртый цех уже давно причисляли к ряду хронически отстающих. Вроде привыкли к этому положению. Ни одну турбину не сдавали в срок. И всё из-за крепежа. Болты, шпильки длиной до полутора метров и диаметром до ста миллиметров шли с большим перенапряжением. Вдруг цех вышел в лидеры. Нашёлся-таки человек, который ночами недосыпал и после смены задерживался, чтобы решить одну задачку. Решил её Алимов! Как всё гениальное – просто: применил твердосплавные резцы, немного преобразил их на свой лад. Эта «простота» дала производству революционный скачок: с одного станка стали снимать за смену вместо трёх деталей – двадцать! Передовой опыт новатора обобщили в специальном плакате, выпущенном на Харьковском турбинном заводе...

И тут я ловлю себя на мысли: харьковскими турбинами в своё время «вооружались» энергоблоки Молдавской ГРЭС. И когда я слесарил на ремонте этих блоков, касался руками деталей, которые делал Алимов. Помню-помню эти «забойные» полутораметровые болтики и шпильки. Вот уж действительно не ведаешь, что эту руку я пожму спустя десять лет в арктическом Диксоне...

Беспокойный характер дежнёвца чувствовался даже в письме: «По-моему, осталась только одна братская могила, которую не могут навестить однополчане. Это – могила друзей-дежнёвцев. Кто виноват? Виновато расстояние. Но я верю, что мы и его преодолеем, чего бы нам это ни стоило!»

«Благодарю за внимание к ветеранам, – писал в первом письме Александр Павлович Алимов, отвечая на вопросы нашей анкеты. – Прошу из-

В гымке времён...

Елена Крюкова, дочь дежнёвца Николая Ивановича Крюкова занимается музыкой и литературой. Даже рисует, как отец... Откуда у неё это? По наследству? Когда пришла мысль заняться этим профессионально? В роду были музыканты, литераторы? На эти вопросы Елена достаточно эмоционально и детально ответила в одном из интервью:

«...Музыкантов, кажется, нет, литераторы – да. А вообще, по семейной легенде одна из прабабок со стороны матери – цыганка, таборная,

Елена КРЮКОВА (литературный псевдоним Елена БЛАГОВА)

винить за задержку с ответом – была причина. Посылаю вам несколько материалов из моего архива. Надеюсь получить их обратно, так как на этих документальных материалах я воспитывал своих сыновей (у меня их четверо) и начал воспитывать внуков (их семеро!). Родился я в Харькове 1 августа 1918 года, в семье рабочего-слесаря.

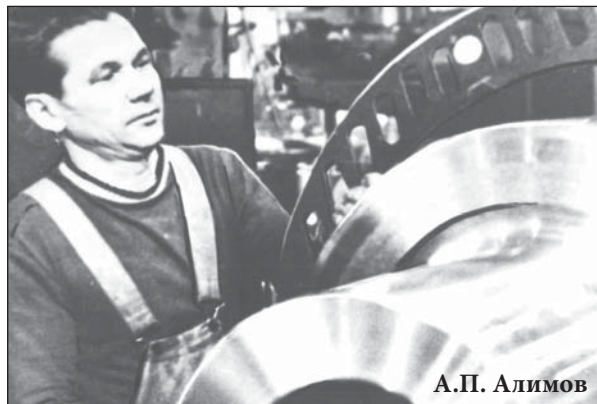
Призывался на действительную службу 5 мая 1939 года. Попал на Северный флот. Учебный отряд. Служба на минном заградителе «Мурман». Участвовал в войне с белофиннами.

В 1941 году окончил школу старшин. Началась война, меня направили на СКР-19 («Дежнёв»). С 25 июня 1941 года по март 1946 года служил на этом корабле.

Во время боя у Диксона командовал орудийным расчётом 76 мм орудия №3. Находясь на правом борту, нам удалось сделать 8-10 выстрелов по противнику. Когда отдали швартовы и развернулись левым бортом к противнику, вся тяжесть сражения легла на огневые точки левого борта. Бой длился несколько минут. Из них правый борт вёл огонь не более одной минуты. Так что наш орудийный расчёт вынужденно бездействовал.

После демобилизации в декабре 1946 года поступил на свой родной завод в Харькове в качестве токаря. С 1934 года за свою производственную деятельность приходилось короткими периодами работать на выборных должностях, на руководящей работе, но всё это, честно признаться, было не по душе. С малых лет полюбил специальность токаря и получал большое удовольствие, когда снимал со станка готовую деталь.

В 1949 году был переведён на Харьковский тур-

А.П. Алимов

бинный завод, где проработал до мая 1983 года, пока не вышел на заслуженный отдых.

Награждён медалями «За отвагу», «За оборону Советского Заполярья», «За Победу над Германией» и всеми последующими юбилейными наградами. Имею много почётных грамот и дипломов за активное участие в военнопатриотическом воспитании молодежи. На протяжении 15 лет переписываюсь с учащимися посёлка Комсомольский, Вельского района, Архангельской области, с учащимися Диксона – в течение последних трёх лет.

С 1967 года, благодаря В.Г. Реданскому, автору известной книги о дежнёвцах «Арктики рядовой», наладил связь со многими сослуживцами...

Если что упустил в своём письме, прошу писать и спрашивать, не стесняйтесь. Всегда к вашим услугам. Привет трудящимся Таймыра.

А. Алимов,
бывший командир орудийного
расчёта СКР-19 «Дежнёв».

Чем больше работал с дежнёвцами, тем больше покоряли они меня своей скромностью. Мне приходилось извиняться перед ними, если вдруг очень

настоящая, имя не запомнила: то ли Марфа, то ли... Пусть будет Марфа. Огненно-рыжий прадед Василий выкрал Марфу из табора и обвенчался с ней по православному обряду. Деды – степняки, смуглые, высокие, черноволосые, раскосые – Нижняя Волга, «борозды» татарских, калмыцких кровей, жгучее солнце, Восток. Маме до сих пор снятся сны, как она скачет на лошади, – степи, курганы, ослепительные реки. Азия. Корни другой прабабки уходят в Польшу. Самарский помещик Ушков купил и привёз из Великопольши крестьян и крестьянок, во время оно. Смутные видения, сны – мне снились сны по-

польски... когда я ездила в Варшаву – язык выучила моментально...

Со стороны отца: Донбасс. Шахтеры. Смешение русских и украинских кровей. Вся родня – Шевченки. В детстве я горделиво думала, что вот, Тарас Григорьевич мне родственник. Папа – мальчишкой – сбегал на море, сначала на Чёрное, потом на Балтику. Учился в Питере во фрунзенском военно-морском училище, после – Северный морской путь, «Дежнёв» (СКР-19), война, 41-й год – под Москвой, снова северные моря, битва «Дежнёва» с «Адмиралом Шером»... Тяга к рисованию была всегда, сизмальства, и во время войны

отец писал портреты всей команды «Дежнёва» боцманскими – малярными – красками. В 45-м году поехал из Архангельска сразу в Питер – в Академию Художеств и был принят в класс Грабаря; заканчивал – у Иогансона. Затем – Вологда, этюды вместе с Николаем Ромадиным, большое полотно «Вологодские кружевницы», масса портретов и пейзажей, встреча с мамой... Сколько себя помню – запаха масляной краски, мольберты, холсты, и дома, и в мастерских, и на отдыхе, на пленэре...

Отец редко писал мои портреты. Выражение моего лица менялось ежеминутно. «Сиди спокойно! – кри-

громко и высокопарно начинал рассказывать о них на страницах окружной газеты.

Так случилось и с публикацией об Алимове.

«Спасибо за письмо, – писал Александр Павлович. – Ответить на Ваши вопросы подробнее обещаю в ноябре, как только вернусь со Ставропольщины, куда едем с женой к своему однополчанину Садовничему Ивану Васильевичу. Мы дружим семьями, часто навещаем друг друга. Этот дежнёвец проявил незаурядные способности в борьбе за живучесть корабля. Он – старшина трюмных машинистов. Если вы с ним не списались, обещаю наладить связь...»

И далее: «Должен высказать свои критические замечания по поводу пятой публикации. Ваш рабкор (материал я тогда подписал псевдонимом, – Н.Е.) уж очень громко озаглавил подвальную статью «Жить по-алимовски». Читая её, мне становится не очень приятно, что так возвеличили мою фамилию. В жизни были у меня и ошибки, и промахи, – всё было. И чтобы быть образцом для подражания, мною сделано ещё мало».

Трудно было не согласиться, но взять обратно свои слова я уже не мог... Пришлось извиняться в частном порядке, в очередном письме. Но образовавшиеся доверительные отношения между нами послужили нашей долголетней переписке.

В следующий раз А.П. Алимов писал: «Отвечаю на ваши вопросы. Приехал со Ставропольщины ровно месяц назад – 19 октября. Очень неудачной оказалась поездка. Погода отвратительная – дождь с мокрым снегом, и к тому же я там приболел, поэтому пробыли мы в гостях у нашего дорогого Ивана Васильевича Садовничего недельку и вынуждены были уехать. Болею и в настоящее время, имею направление в больницу. Но мест нет. Днями всё равно положат. Болят ноги... Столько они вы-

стояли, да протопали!

Иван Васильевич чувствует себя удовлетворительно, но писать письма уже не может – дрожат руки. Просил извиниться, что не ответил, на ваше письмо...

О моих сыновьях могу сообщить следующее: старший Саша, 1946 года рождения, работает в СМУ газосварщиком, в Харькове; второй сын Виктор, с 1948 года, в леспромхозе в Лесосибирске, Красноярского края; третий сын Анатолий, с 1950 года, инженер-строитель, начальник участка, тоже – в Харькове; четвёртый сын Владимир, с 1954 года, проходил службу в Таллине, там и остался, работает в рыбколхозе...»

На первых порах мы тоже испытали чувство смятения: не рано ли играть большой сбор дежнёвцев? С другой стороны, мы уже стали свидетелями одного десанта дежнёвцев на Диксон в 1982 году. Эту уверенность придавали новые публикации. Определилась почётная роль газеты – организатора встречи. Черета воспоминаний выстраивалась в стаю гордых птиц и с приближением осени на-

А.П. Алимов (в центре)
с супругой Верой Захаровной
и Фёдором Даниловичем Журавлёвым

чал он и чуть не ломал кисти. – Что за импрессионистская натура!..» Любимое выражение отца: «Люблю сильных людей». Он был из породы «вымирающих мастодонтов» русской культуры – необычайной широты и размаха человек, интеллигент в первом поколении, сам себя великолепно сделавший, подобно Шалапину, Кустодиеву, Сурикову, и в живописи он был им подобен, громоподобен и колоритен, то был колорист милостию Божьей. И он забыт, он не открыт. Но я его воскрешу. Я! Одиннадцать лет его нет на свете. Мы живём в окружении его картин. О нём в Нижнем ходят

легенды. Его блестящий юмор, его разудалое озорство, его помощь слабым, его сражения с бездарностью и тупостью... Они боялись моего отца – тогдашний (и всегдашний) официоз, тупорылая номенклатура от искусства. Отец прямо в лицо говорил этим людям, чего они стоят. Случалось, и дрался – за правду, за честь. Я с детства впитала, как губка, это: «Будь смелой! Не предавай свою душу и Бога!» Он реставрировал, расписывал церкви – Высоковскую церковь в Нижнем, Арзамасский собор – в глухие годы, когда работать в храме считалось почти преступлением... Чудо, что его не посадили.

И всю свою жизнь я только и делаю, что расписываю пустые, голые стены огромного храма, имя которому – Жизнь, своими корявыми, неумелыми, яркими, страстными фресками, и мне важно успеть сделать то, чего не сделал он. И я мечтаю – это тоже из серии детских несбыточных снов – расписать когда-нибудь маленький храм или часовню – в лесах, в полях. Настоящими красками, темперой, яичным золотом...

А мой двоюродный дед, Михаил Ерёмин, в юности наставлявший меня в словесности, пушкинист, критик, литературовед, профессор Литинститута, кричал возмущённо: «Ну зачем

чинала обретать форму строгого волнующего журавлиного клина. И летели птицы нашей памяти по чистому небу, волнуня и маня...

Свойство души хранить сознание о былом, так определяют старинные словари, слово «память». Осознание своего места в том «промежутке малом» не дает угаснуть этой памяти.

Большая семья

Скоро случилось ещё одно событие, которому суждено было сыграть определённую роль в расширении и углублении поиска.

Предыстория такова. В Диксоне судьба свела меня со Степаном Васильевичем Быковым. Не участник обороны Диксона. Но давно интересовался судьбами североморцев и их семей. Прослышав о наших дежнёвских публикациях, с нескрываемой обидой высказался о незаслуженном умалчивании подвига сибиряковцев, предвосхитивших подвиг дежнёвцев. И вообще их нельзя рассматривать в отдельности друг от друга. Это же – побратимы Арктики.

Я сказал тогда Степану Васильевичу: критику его принимаем и в последующих публикациях замолвим доброе слово о сибиряковцах. Он тут же предложил своё содействие в этом деле.

В дальнейшем не раз убеждался: он умеет держать слово. Быков стал автором многих интересных публикаций «Советского Таймыра». Он свёл меня с людьми, о существовании которых я не мог предположить. С его помощью значительно расширилась география поиска, появились новые адреса жён, братьев, сестёр, матерей, сыновей, до-

черей, внуков и просто знакомых сибиряковцев.

В этом круговороте поиска обретала крылья память. Она как бы касалась каждого своим крылом, объединяла, роднила, устанавливала новые связи, по второму и третьему кругу. Многие из сибиряковцев стали встречаться, как родные. Их теперь приглашали на встречи участников конвоев и одиночных плаваний, на юбилейные торжества, связанные с «Сибиряковым» в Архангельске, Мурманске, Диксоне...

...Я ждал эту телеграмму. Всё заранее было оговорено с Быковым в письмах. Телеграмма пришла неожиданно, тем более, написана она была в детективном ключе: «Выходим назначению пятого. Быков». Читать её надо было следующим образом: с группой сибиряковцев Быков пятого августа выходит теплоходом на Диксон. Надо спешить на встречу!

У этих людей особый интерес к Диксону, который для них в грозном 1942 году стал как бы водоразделом в исчислении времени: что было до него, что стало после...

По прошествии сорока двух лет больно вспоминать о похоронке, которая обжигала руки, и каждое её слово острым лезвием резало душу. Какой бы радостью светились лица сибиряковцев, сколько бы детей ещё нарожали, если б не эта проклятая война... Печаль и скорбь навсегда отпечатались и застыли на лицах Валентины Андреевны Бурых и Анны Дмитриевны Гайдо – жены второго штурмана Самуила Федоровича Бурых и жены старшего радиста Петра Эдуардовича Гайдо.

Ранним утром мы собирались ехать на катерке к островам, носящим имена сибиряковцев. Громкоговорители оглашали Диксон песней Яна Френкеля и Расула Гамзатова «Журавли». Волнующая, искренняя песня. Анна Дмитриевна дрогнувшим

тебе ещё эта поэзия, в России не пишет только немощный или младенец!.. Все пишут!.. А у тебя в руках музыка – высшее из искусств...» Я училась в Московской консерватории сразу на двух факультетах – фортепьянном и органном – и тайком от сокурсников бегала вольнослушателем на лекции мэтров в Литинститут.

...Я всё время говорю: «тяжело, трудно» – и создаётся впечатление, что я годы напролёт провожу на пахоте, на барщине... А мне писать – счастье невероятное!

Это всё враньё, что поэт не должен быть счастливым. Я беспрдельно счастлива в замужестве.

Муж – художник. Володя послан мне... отцом. Когда мне было смертельно плохо в Москве, в лишениях и нужде, измотанной дворницкой работой, я, лёжа на полу одинокой квартирёшки, взмолилась духу отца: «Папа... или возьми меня к себе, или пошли мне мужа! Художника, как ты. Такого же доброго, смелого. И я буду любить его, как тебя...» И на другой день, на выставке в Дворянском собрании, куда мы пришли вместе с Маргаритой Фёдоровой, я увидела своего будущего мужа. Как в сказке. Отец услышал меня.

Основная «тема» всей художнической жизни Володи – интерпре-

тация мифов и легенд Центральной Азии. Он, Владимир Фуфачев, сибирский казак, из Хакасии родом. Он впитал мифы «с молоком матери», с воздухом и ветром гор и степей. Пространство его холстов уходит в бесконечность. За его плечами – гора выставок, и русских, и зарубежных. Это он открыл мне Францию: наше свадебное путешествие было – в Париж! Володя писал там, как заведённый, по пять-шесть этюдов в день, и ночью писал, на Монмартре. Я делала по ночам первые наброски французской книги, а днём были Лувр, Орсэ, Сакре-Кер, Опера, Дефанс... Мой муж – человек

голосом сказала: «Песня про нас и про наших...»

В разговоре я узнаю: в семьях сибиряковцев в особом почёте эта песня и «Раскинулось море широко». Собираются вместе и по традиции поют эти песни с особым самозабвением, до слёз, потому что возникают образы самых близких и дорогих людей.

Спустя несколько лет, когда были написаны эти строки, и когда я снова перечитывал их, в моей памяти возник сразу целый букет воспоминаний, связанных с песней. На голубом огоньке, который был дан диксонцами в честь дорогих гостей, прозвучало много песен. Диксонцы с большой любовью пели о родном поселке, не без гордости говорили о нём, как о столице Арктики, и о том, что не без их помощи покоряется людям Северный полюс:

*Так пусть ликуют и свирепствуют метели,
Суровые морозы жгут до слёз,
Но если вместе песню мы запели,
Она спокойно долетит до звёзд...*

Не мастерство исполнителей, ни совершенство музыки и слов покоряли слушателей. Песня, как средство раскрепощения души, заставляла проявлять солидарность с автором и исполнителем, доверять его искреннему порыву, который позвал его к звёздам с маленькой, затерянной в суровой Арктике точки с магическим и звучным названием – Диксон.

Наверное, в такую минуту вспомнили дежнёвцы свою песню военных лет, сочинённую самодеятельными авторами и ставшую визитной карточкой СКР-19. Под бурные аплодисменты они напомнили её мотив и слова. Тогда я не записал слов песни. Пришлось в очередном письме обратиться за помощью к Александру Павловичу Алимову, одному из активных участников судовой

самодеятельности и одному из авторов той песни. Вскоре пришёл ответ: «В своём последнем письме Вы, Н.А., просили прислать песню военных лет, которую мы сами сочинили и исполнили... Дело в том, что всё содержание песни я уже не помню, но последний куплет остался в памяти на всю жизнь:

*Нас в походы водил Гидулянов,
Командир наш боевой,
На флагиштоке флаг серпастый реет,
Мы всегда готовы в бой!»*

К 24-й годовщине Великого Октября на корабле готовили праздничный концерт. Отобрали несколько лучших номеров: Саша Алимов и Гриша Власик должны были исполнить песни под гитару и мандолину, Гурген Тонунц и Павел Васенин – «Песню о Цусиме», Фёдор Голов и Павел Васенин – частушки, написанные Васениным. В программу концерта включили «Песню о сторожевике, сочинённую комиссаром «Дежнёва» Владимиром Малюковым. Но концерту, который так долго и старательно готовили корабельные артисты, не суждено было состояться – весь праздник прошёл в работе и боевой учёбе...

И опять-таки ценность песни не в словах и мелодии, а в личностном самовыражении моряков, в её объединяющем начале. Песня, как флаг, в минуты отдыха, во время репетиций и на концертах объединяла единомышленников.

В «Комсомольской правде» за 9 мая 1987 года меня привлекла одна из публикаций: сборкор этой газеты Ю. Сагайдак беседует с участником легендарных союзнических конвоев англичанином Алексом Даунигом. Наиболее сильными впечатлениями от встречи с Москвой того времени Алекс Даунинг назвал корреспонденту три: пять дней непрерывных боев, когда шёл с конвоем, Боль-

природы. Он любит волю и простор; безошибочно чувствует ложь; бесконечно добр и щедр к тем, в ком видит проявление человеческой любви, к попавшим в беду.

Мой сын – иной. Сын музыкантши, литераторши, внук художника, он избрал своей будущей специальностью физику, и я вижу в этом проявление и характера, и влияний современного мира. «Physis» – Природа... Кто знает, может, он ещё будет писать. Гены «взыграют» и проявятся. Он бесподобно талантливый мальчик, и я сильно люблю его, до болезненной, страдальной ревности к бабушке, с которой он – большую часть вре-

мени. Хорошо матери быть всегда со своими детьми. Но это у меня по жизни не получилось. Когда была музыкантом – гастролью. Когда стала писать – учеба, литинститутские сессии, попытка «переброса» в Москву насовсем... Сын обхватывал меня ручонками, целовал. Его слёзы – потом – видела и вытирала бабушка... Господи. Я люблю моего мальчика. Чем я отработаю Тебе его и мою любовь?! Чем я искуплю перед ним свою вину? Неужели – книгами?! Старухой – там, далеко – в дымке времён – я буду счастлива, если мой Коля прочтёт, поймёт и полюбит книги своей матери...»

ОТЕЦ

Триптих

Из стихов Елены Крюковой, посвященных отцу – дежнёвцу Николаю Ивановичу КРЮКОВУ

1.

Папины волосы
дыбом стоят надо лбом.
Заварка загара.
Крутой кипятик седины.
Курит запоем.
И дымным тяжёлым столбом
медные руки и щёки
озарены.

«Дежнёву» везло на талантливых людей...

шой театр и его замечательный балет «Лебединое озеро» и песни... Да, русские песни, которые пели вместе с советскими моряками!»

Неожиданно для корреспондента старый моряк запел приятным баритоном: «Синенький скромный платочек падал с опущенных плеч...»

«Сначала мы подпевали русским, не понимая слов, просто потому, что нравилась мелодия. А потом выучили слова, – рассказывал Алекс Даунинг. –

Я горжусь тем, что принимал участие в конвое, что был в России в тяжёлые годы войны. Я горжусь братством по оружию, горжусь тем, что две нации могли здорово сотрудничать перед лицом единого врага».

И всю дорогу домой, подчеркивает корреспондент, нежно звенела в голове мелодия: «Синенький скромный платочек...»

...А в тот вечер мы вспомнили, кажется, все песни военных лет. Было так душе тепло и уютно, что, кажется, подтаяли самые потаённые льды. Мы вернулись в гостиницу и вспоминали всё новые и новые песни со Степаном Васильевичем Быковым. А между песнями говорили о жизни... Наверное, это было действительно непривычно смотреть со стороны, коли об этом в своём письме вспоминала Алла Павловна Шаларёва: «На днях получила газету «Красноярский рабочий» и ваш материал в соавторстве с В.Ярославцевым «Лёд и пламень»... Побежала к Степану Васильевичу. Как ни зайду к нему, он всё что-то пишет, готовит, звонит. Вот неутомимый! И сразу вспоминаю, как вы с ним песни пели ночью после огонька, и улыбаюсь при этом...»

Хорошо, что у нас есть большая семья и общие песни, которые пробуждают в нас самые добрые человеческие чувства, объединяют нас, делают нас людьми.

Семья сибиряковцев – особая ячейка нашего общества, объединённая мужеством мужей, отцов, братьев.

Выражение «таймырский фронт» ранее употреблялось для обозначения метеорологической ситуации. Летом 1942 года оно неожиданно приобрело буквальное своё значение. Оборона Диксона стоила многих жизней сибиряковцев и дежнёвцев. Теперь ранее безымянные острова в Карском море

Сорок лет он пишет
портреты людей.
И оттого, что столько лиц
через сердце прошло,
Сотни морщин на лице,
как сотни лучей,
И от лица, как от солнца,
идёт тепло.

2.

Отец реставрировал церковь,
Под куполом звёздным висел.
Скрипели верёвки и цепи.
Он матом ругался и пел
В сиянии нимбов и тел!
От страха, что может свалиться,
Всё – к чёрту, туда и сюда!..

Святых удивлённые лица
Пылали во тьме от стыда.
Вот так он работал – до ночи.
И помнил берёзовый сруб,
Монашек бездонные очи,
Солонку, горбушку и суп.
И пар над спиной поднимался,
Как после весенней страды!
И пел мой отец, и смеялся,
Как сам Моисей у воды!
И, водку в стакан наливая,
Раздумывал сиплый дьячок:
«Мария, браток, как живая,
Да больно весёлый зрачок!»
Отец через плечи косые
Рубаху лениво снимал
И тонкую шею Марии

В отчаянном сне обнимал.
И плакали свечи и краски,
И лица святых его жгли -
В косынках, пилотках и касках,
Прошедшие лоно земли.

3.

На белом теле городской зимы
Пожар зиял.
Ветра в окно свистели.
И неуклюжий длинный
бинт метели
Обкуривали горькие дымы.
Горела мастерская.
Дым валил.
Раскинул руки
бедный остов дома.

носят имена Бочурко, Дунаева, Элимелаха, Кузнецова, Матвеева, Никифоренио, Прошина... Среди них есть и остров Вавилова.

Пока наш катер, разрезая серые арктические воды, уносит нас всё ближе к этим островам, у меня есть возможность поближе познакомиться с каждым участником этой экспедиции.

Рассказывает В.А. Бурых, жена второго штурмана «Сибирякова» Самуила Фёдоровича Бурых:

– Нашу жизнь уже невозможно измерить теми далёкими сороковыми годами. Мы радовались с Самуилом нашему семейному счастью. Росли у нас две дочери Белла и Марина. Война перерезала наш счастливый путь. 20 августа 1942 года Самуил отпраздновал 32-летие, спустя пять дней погиб... Похоронки получила одновременно – на мужа и брата, погибшего под Ленинградом.

Из рассказа Валентины Андреевны узнаём: Самуила Фёдоровича воспитывала мачеха. Трудно приходилось. Рано пошёл работать. Зуйком, мальчиком на побегушках, по теперешним понятиям – юнгой.

Уже совсем взрослым окончил мореходку. Необычайно настойчив был в достижении поставленной цели. Исключительный семьянин.

– Очень любил детей и мою маму, Софью Сергеевну. Она была для него живым примером, олицетворением материнства и преданности делу партии. Она была членом партии с 1920 года, – продолжает рассказ В.А. Бурых. – Мой отец Гурьев Андрей Иванович был направлен петроградскими рабочими на установление Советской власти в Архангельской области. В захваченном интервентами Архангельске он был арестован. Через пять месяцев пребывания в тюрьме отправлен на Мудьюг. Вместе с другими товарищами за организацию побега Андрей Иванович поплатился жизнью...

С.Ф. Бурых

У меня сохранилась давняя фотография членов экипажа «Пеликан», тогда Самуил Фёдорович Бурых плавал с А.С. Гидуляновым и В.И. Дерябиным. Когда Гидулянова назначили капитаном «Дежнёва», он звал с собой Бурых, но тот остался верен «А. Сибирякову». Дерябин ушёл на «Дежнёв», потому что до последнего дружил с Гидуляновым. После гибели «А. Сибирякова» Гидулянов успокаивал меня, присылал телеграммы.

Холсты пылали
ржавою соломой.
И кистью жар
по сердцу проводил.
Пожарники старались,
как могли.
Кричали дети.
Плакали соседи.
И пламя гнали
снежные медведи
Вдоль полной
одиночества земли.
А он стоял,
художник и должник,
На молодом морозе –
в безрукавке,
И был он суше

прошлогодней травки.
И был мудрее он
сгоревших книг.
И понял он,
что молодая мать,
похоронив, отмучавшись,
отплакав,
опять в любовь восходит,
как на плаху,
и просит бога
роды принимать.
Собаки глухо лаяли в огонь,
Он поднял тюбик
красного краплака.
Хотел завывать, заплакать,
как собака –
и красный сгусток

даванул в ладонь.
Раскрыл ладонь.
Кровавилась рука.
Валялся гвоздь.
Снега вставали комом.
Он улыбнулся:
вот сюжет знакомый, –
И посмотрел уже издалека.
И, вывернув рыданием тоску,
Он постоял.
И выхватило пламя
Его портрет
в пустой оконной раме –
С куском белил,
приваренных к виску.

П.Э. Гайдо

Жизнь моя сложилась нелегко. Семи лет осталась без отца. Во время войны погибает муж, и на руках у меня – двое малышек. Разве можно всё это выразить словами! Берёшь похоронки на мужа и брата и умываешь их слезами. Теперь уже дочки самостоятельные люди: Белла, преподаёт в школе, Марина – научный сотрудник института леса и лесохимии.

– Валентину Андреевну Бурых знаю давно, – вступает в разговор Анна Дмитриевна, жена Петра Эдуардовича Гайдо. – Они вместе с моим Петей на курсах радистов учились. А уж как

случилась наша общая беда, неразлучно живём одной семьёй. Мы так все и называем себя: сибиряковцы... Скромничает Валентина Андреевна, в войну она удостоилась двух значительных наград государства – ордена Красной Звезды и медали «За боевые заслуги».

Вдруг лицо Анны Дмитриевны озаряет улыбка, она с волнением вспоминает:

– Познакомились мы с Петей в доме отдыха в Архангельской области. Добрый, общительный, он сразу мне по душе пришёлся. Вскоре поженились. Пять лет ждали ребёночка. Петя не переставал всем говорить: «Будет у меня сын!» Когда родился Эдик, Петя был готов всем знакомым, соседям, друзьям, первому встречному кричать: «У меня сын родился!»

Эдуард Петрович смущённо улыбается, кладёт руку на плечо матери, согласно кивает головой.

– С началом войны, по настоянию Пети мы уехали в Шенкурский район. На побережье стало беспокойно, – продолжала Анна Дмитриевна. – Привычно уходили в море сибиряковцы, все думали, что это – обычный рейс в тыл. Последний рейс в Арктику. Был уже август... Как гром среди ясного неба пришло извещение о гибели Петра. Я переехала в Архангельск, продолжила учёбу в институте, стала преподавать математику в школе. Надо было жить... Теперь вот уже сын старше своего отца...

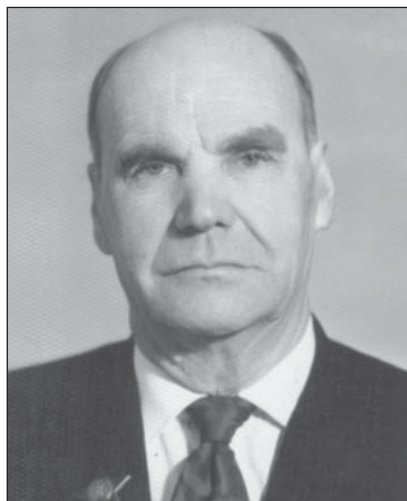
Анна Дмитриевна взмахивает рукой, точно отгоняет далёкие, нелёгкие воспоминания, отворачивается. Но уже поздно – не скрыть слёз. На помощь приходит сын:

– Война разрушила многие человеческие жизни и города. А мне хотелось строить. Пошёл в строительный институт. После окончания института два года отстраивал родной Архангельск.

По следам «Сибирякова»

Из рассказов боцмана А.Т. Павловского

Он коренной помор – родом из Лопшеньги. Ещё до войны М.И. Калинин вручил боцману Андрею Тимофеевичу Павловскому орден Трудового Красного Знамени. Второй такой орден северянин заслужил за ударный труд в послевоенное время. Скромнейший и скупой на слова человек, он не сразу поведал о том памятном бое, когда я пришёл в его архангельскую квартиру на проспекте Советских космонавтов. Но

А.Т. Павловский

потом стал говорить, делая долгие паузы. Вот выдержки из его рассказа, записанного на магнитофон.

«Когда сыграли тревогу, то выскакивали, кто в чём попало. И мысли у всех были, что это учебная, раз с нами с Диксона в рейс пошли два офицера. Но видим, идёт военный корабль. Был ещё промежуток, и капитан предложил: «Кто налегке, сходите переодеться». Я был в фуфайке и сапогах. Сбежал в каюту, взял только рукавицы. В аварийной партии, я, боцман, значился помощником командира.

Потом спрашивали: почему к острову не пошли, ведь остров был

Это были хорошие годы. Вдруг все повернулись лицом к первому городу-порту России. Может, и мы заслужим похвальное слово от своих предков? Через год после основания Архангельска французский капитан Жак Соват записал в своём «памятном журнале»: «Постройка города превосходна. Нет ни гвоздей, ни крючьев, но так хорошо всё сделано, что нечего хулить, хотя у русских все орудия состоят в топорах, но никакой архитектор не сделает лучше, как они делают». От топоров, мы, конечно, ушли давно. Используются современные промышленные методы застройки. Так вырос и изменился Архангельск в последнее время к нашей общей радости!.. Окончил аспирантуру в Ленинградском строительном институте, защитил диссертацию, преподаю на том же факультете. Работаю вместе с женой Татьяной, воспитываем двух дочек – Олю и Катюшу. Растёт семья сибиряковцев...

Рядышком по кругу с Анной Дмитриевной сидит Альфред Зеликович Элимелах. С ним следующий диалог.

Карандаш в моей руке почему-то дрогнул... Очевидцы вспоминали: в последние секунды политука Зелика Абрамовича Элимелаха видели на корме «Сибирякова» стоящим в обнимку со старшим механиком Николаем Григорьевичем Бочурко...

Альфреду было чуть больше двух лет. Конечно, отца он не помнит, но знает о нём по рассказам матери такие подробности, что иногда предстаёт перед ним отец из того далёкого времени, как живой.

– Отец родился в деревне Носовичи Гомельской области, – вспоминает Альфред Зеликович. – Поворот в его жизни связан с окончанием университета красных комиссаров. По достоверным

данным, он учился и в лётном училище. В своей жизни он хотел достичь многого. Но был брошен клич: «На флот!» – и он решил, что его силы и знания пригодятся сегодня именно советскому флоту. Его направляют на ледокол «Ленин», с 1939 года до последнего дня – на «Сибирякове».

После гибели З.А. Элимелаха судьба разбросала его семью. Только недавно нашлись его братья – Лев Абрамович и Давид Абрамович.

Альфред Зеликович окончил Ленинградский кораблестроительный институт, работал в Ленинграде, теперь – в Северодвинске. Не случайная переадресовка. Поближе к сибиряковцам. «Когда мы рядом – одна семья». Степан Васильевич Быков помог ему устроиться на работу.

Альфред Зеликович с искренним уважением говорит:

«Мы работаем вместе с сыном Степана Васильевича – Валерием Степановичем, орденосцем, уважаемым на заводе человеком. Что ещё о себе? Жена, Раиса Андреевна, ваш коллега – журналист, в заводской многотиражке работает. Сын окончил ПТУ при Ленинградском адмиралтейском заводе, служит в армии, дочь – в седьмом классе учится.

Они и сейчас рядом – З.А. Элимелах и Н.Г. Бочурко

рядом, Белуха. Мы шли. Но как же за остров «Сибиряков» мог убежать, когда у него ход восемь миль, а у «Шеера» больше двадцати! Он мог вокруг нас несколько раз околесить. Да и мысли у нас не было, чтобы убежать или ещё что...

Потом говорят мне, чтобы дымовую завесу ставить. Но завесу-то нельзя было ставить. Разведём огонь, а у нас тут бочки с бензином.

Они накрыли нас своими снарядами. На корме орудия и расчёты снесло. На носу загорелось горячее. А на корме были артиллерийские погреба, под самой деревянной палубой хранились снаряды. И

они не взрывались, а просто летели оттуда, как будто кто-то их выкидывал. На палубе трудно находиться – немецкие снаряды рвались, да ещё и наши.

...На правом борту собралась группа людей. Я подошёл туда. Там оказался и Качарава... Был он сильно ранен. Кто свёл его с мостика, не знаю. Я вижу, что капитан в одной тельняшке. Нашёл фуфайку, надел на него. Надел на него и нагрудник.

Когда мы попытались тушить стволами пожар, упал плотник Замятин Иван. У него сильное ранение в голову. С трудом мы по-

дошли с ним на правый борт, где были люди.

Народу собралось довольно много. Я смотрю – дело-то безвыходное. Или здесь гореть, или что-то надо делать.

А вокруг всего судна горел бензин. Такой горящий хомут. Всё горит, и несёт огонь полосой.

...Наверху я рассмотрел, что шлюп-тали отстреляны, шлюпку на таях спускать нельзя. Между прочим, хоть потом и говорили, что в последние минуты всем на судне руководил боцман, но это не так. На мостике я не руководил. А моё руководство было здесь, когда

**Н.Н. Чечулина-Кононова (слева),
автор книги, С.В. Быков**

Если бы был жив отец, порадовался бы за нас. Отец с одиннадцатого года. Тридцать один год ему был. Я сейчас на 13 лет его старше. На семидесятом году умерла моя мать – Мария Соломоновна. Больше чем на полжизни оставила её война одинокой. И кто подсчитает, насколько война сократила её жизнь?

...Навсегда в памяти Нины Николаевны Чечулиной-Кононовой остался день прощания с отцом. Никого не пускали на «Сибиряков», а шестилетняя Нина прошла. Запачкала где-то платице. Отец застирал его и вывесил на палубе. Вот эту картину и запечатлела её память на всю жизнь, как на фотографии, с мельчайшими подробностями...

В сорок лет умерла мать – Лидия Егоровна. Нина осталась с братом Николаем, на три года младше её. В 18 лет Нина стала опекуном, как гласили официальные бумаги, а в жизни – второй матерью... Сейчас Николай живёт в Молдавии, работает в Рышканской ПМК. Сама Нина Николаевна – диспетчер Архангельского ЛДК. Дочь Ольга учится в медицинском институте, сын Анатолий служит в армии.

– Через Алфёрова нашли нас, – дрогнувшим голосом говорит Нина Николаевна. – С остальными познакомились на 40-летию гибели «Сибирякова», в Архангельске. С тех пор мы роднее родных.

Наше знакомство с сибиряковцами продолжалось. Нина Николаевна представляет Валентина Александровича Алфёрова – сына машиниста «Сибирякова» Александра Степановича Алфёрова.

В семье Алфёровых до сих пор хранится памятный документ – копия приказа №918 по Главному управлению Северного морского пути от 27 июня 1939 года за подписью П.П. Ширшова: отличился в тяжёлых условиях дрейфа ледокольного парохода «Георгий Седов» третий механик Всеволод Алфёров. Он удостоен за участие в этом беспримерном дрейфе звания Героя Советского Союза.

В известной книге «На морских дорогах» Константин Бадигин, капитан «Седова», вспоминает такой эпизод: «С борта ледокола уже опустили на лёд деревянные сходни: оба трапа были разбиты штормом ещё в Баренцевом море...

– Посылаю вам смену, – кричит Папанин.

Через какую-нибудь минуту по трапу нашего ледокольного парохода поднялся Александр Алфёров, брат нашего Всеволода. Мы обмениваемся рукопожатием, целуемся. Алфёров скороговоркой выпаливает:

– Товарищ капитан! Разрешите стать на вахту у котлов, сменить брата...

– Хорошо. Обратитесь к старшему механику, – говорю я».

Это упоминание об Александре Степановиче Алфёрове, отце Валентина Александровича. Братья Всеволод и Александр были очень дружны между собой. На «Георгии Седове» они проплавали почти четыре года...

пришёл и посмотрел, кто в живых остался, сколько погибло, которых я видел, а многих не видел.

Потом я капитану говорю: «Анатолий Алексеевич, спустить шлюпку можно. Вернее, не спустить, а сбро-

**Всесозный староста
М.И. Калинин только
что вручил награды
представителям разных
республик и пожелал
сфотографироваться вместе
с ними. Среди награждённых:
А.Т. Павловский (верхний ряд,
третий слева), З.А. Элимелх
(второй нижний ряд,
первый справа)**

Валентин Александрович хотел стать по примеру отца моряком. Мать никак не могла согласиться с этим: «Море отняло у вас отца, – говорила она. – Не хочу, чтобы оно лишило меня сына».

Валентин Александрович, возможно, убедил бы мать в том, что не море, а война отняла у них самого близкого человека. Тогда же он согласился с матерью. Окончил педагогический институт; преподавал в одной из школ Архангельска. Воспитывал крепких парней, настоящих защитников Родины, таких, какими были отец и его братья: Всеволод – Герой Союза – погиб в автомобильной катастрофе в 1947 году, Борис – военный, живёт в Москве... Сестра закончила культпросветучилище, вышла замуж за военного моряка, мотается за мужем – то во Владивосток, то в Севастополь...

Мы договорились, что по возвращении домой Валентин напишет мне подробно об отце, вышлет снимки. Слово своё сдержал. Учитель физкультуры, человек натренированный, но мне показалось, что не сразу выправился его почерк в том письме. Трудно писать набело биографию погибшего отца.

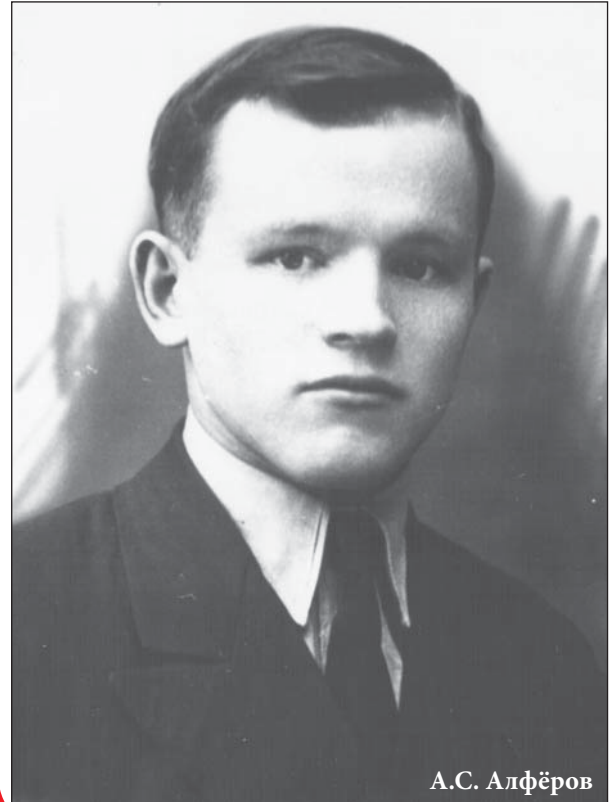
«Алфёров Александр Степанович родился 11 сентября 1914 года, в деревне Якуниха, Шенкурского района, Архангельской области. Окончив семь классов, работал в колхозе. Морячить начал в 18 лет, – писал Валентин Александрович. – Под видом учёбы выехал в Архангельск. Работал браковщиком на двадцать пятом лесозаводе. Вернулся из Арктики старший брат Всеволод и забрал его на «Г. Седов». Писем с моря присылал мало, в основном – радиogramмы».

Сохранившуюся вырезку из областной газеты «Правда Севера» Валентин Александрович прислал нам. Посвящена она возвращению из последнего рейса «Г. Седова». Заметка появилась

тоже благодаря Валентину Александровичу. Он пришёл в редакцию и сказал:

– Я из Соломбалы. Могу рассказать о двух седовцах. Они не придут на торжественную встречу. Они погибли...

Он рассказывает о братьях, об отце и дяде. Валентина ещё не было на свете, когда «Г. Седов» совершил свой исторический дрейф. Они ушли совсем молодыми, когда Валька успел сделать свои первые неуверенные шажки по этой беспокойной земле.

А.С. Алфёров

силь просто». Он, конечно, мне никакого ответа не дал, потому что был тяжело ранен, и ничего мне сказать не мог. Тогда я к ребятам – шлюпку надо спускать. Наверху всё горит. Пожар-то рядом со шлюпкой, горит радиорубка. И из машинного зала тоже пламя. Всё это рядом со шлюпкой. Раз капитан никаких указаний не даёт, я обращаюсь к команде: «Ну что, раз шлюпку спускать не будем, то будем тонуть вместе с судном?» Вот такие были мои слова, и ничего больше, о чём потом писали. Тогда поднялись несколько человек, они пошли со мной, мы занесли на шлюпку фалинь.

В первую очередь спустили капитана, как тяжело раненого. Всего в шлюпке оказалось девятнадцать человек – половину из них спускать пришлось только на носилках. Кто был легко ранен, сам сходил. Не помню, ставили ли штормтрап. Мы ведь от воды были недалеко, скорее всего, что спускались по концам, так вроде. Среди ребят были и крепкие мужики, они спустились в шлюпку и принимали раненых.

...Когда катер «Шеера» подходил к нам, то задача у нас стала такая – ликвидировать все документы, которые были с собой.

Уговорились ни говорить, что с нами есть капитан. А как же иначе – так и должно было быть. Когда подошёл катер и стал нас забирать, в это время «Сибиряков» начал тонуть.

Пошёл он в воду носом. Того, что сбитый с мачты флаг был перенесён на корму и «Сибиряков» погружался вместе с ним – этого я не видел. Глаз-то в шлюпке было порядочно...

И вот что я ещё скажу: кочегара Вавилова спасло то, что наша шлюпка потом оказалась на плаву. Вавилов в воде плавал, уцепившись за какие-то обломки. Насчёт того,

Валентин впитывал в себя каждый рассказ, каждое слово бабушки Апполинии Семёновны. Всё вроде было для подтверждения смерти сыновей. Но она до последнего дня всё ждала сынков.

Слушал Валентин рассказы матери, друзей-моряков, сверял свои мысли с документами и выцветшими фотоснимками. Вот счастливые и строгие, крепкие и коренастые соломбальцы стоят у судовых машин, играют на гитарах, дрейфуют среди гигантских торосов, пьют горячий чай из жестяных кружек и, кажется, впереди – нескончаемая жизнь.

...Встречать ледокол «Г. Седов» из последнего рейса Валентин пошёл с матерью – Валентиной Михайловной, с которой отец познакомился в тридцать пятом году в Кронштадте, где стоял в ту пору «Г. Седов».

«В 1936 году мать и отец поженились, – заканчивает своё письмо Валентин Александрович. – В тридцать седьмом у них родилась дочь Людмила. Потом суждено было родиться мне. Но я так и не увидел из-за войны родного отца. В 1942 году, двадцати восьми лет от роду он погиб в расцвете сил... Когда началась война, все мы, кроме отца, оказались в городе Торопец под Великими Луками, на родине матери. Из-за частых бомбежек, вредительства на железных дорогах, не отважились выезжать. Тогда отец даёт телеграмму о немедленном выезде, если мы не хотим остаться вообще... Только с началом эвакуации, в сентябре все родственники выехали: кто – в Шенкурск, кто – в Архангельск, а мы – в Соломбалу...»

С Валентином Александровичем Алфёровым завязалась постоянная переписка. Он присылал мне архангельские газеты, которые подробно рассказывали о сибиряковцах; помог найти в старых газетах воспоминания Анатолия Алексеевича

Качаравы, – их мы опубликовали в очередной подборке материалов о побратимах-североморцах.

«А теперь о наших делах. Плохих делах, – писал в очередном письме Валентин Александрович. – В августе 1988 года в бассейне скоропостижно скончался Эдуард Гайдо, утонув. Врачи сказали, что откачивать его было всё равно бесполезно. Очень жаль, совсем молодой – с 1941 года. Я себя чувствовал неважно, и это известие меня надолго выбило из душевного равновесия. Я даже не смог пойти на похороны. Хотел в тот же день позвонить Быкову, но жена сказала, что сам не отошёл, а хочешь старика доканать. И я не стал звонить... На другой день ему позвонила Бурых. Он очень переживал, через несколько часов сам умер.

Вот такая цепная реакция – друг за другом. Я начинал учебный год в таком состоянии, что не думал до конца его дожить... Что-то мой организм стал давать перебои, сказывается стрессовая обстановка. Это не перестройка, а какая-то ломка человеческих судеб. Прав был Горбачёв, сказав, что наступает трудный момент. Не знаю, хвалить его за это или проклинать...

Материалы по сибиряковцам пока находятся у сына Быкова. Он никому их не даёт, ждёт пока пройдёт год. Он обвиняет Бурых в смерти отца, а та в свою очередь так расстроилась, что тоже ничего хорошего не жди...

Вот такая царит у нас обстановка. В городе подскочила подростковая преступность. Экологическая обстановка в городе хуже некуда. Воздух грязен, нефтепродукты в реке. Тяжкое испытание выпало на долю нашего поколения. Валентине Михайловне пошёл 79-й год, нам до её годков уж не дожить...»

А пока ещё одно знакомство: дочь Павла Дми-

что носовая пушка ещё долго вела огонь – это так. Вавилов там был подносчиком снарядов. На носу ведь были пушки. Носовые пушки были подальше от всех разрушений, поэтому они и стреляли дольше. А «Шеер» стрелял ещё и шрапнельными снарядами – по людям. Я потом из ворса своего свитера выковырял кусочек шрапнели.

...А когда «Шеер» Диксон обстреливал, перестрелки мы не слышали. А узнали о ней по таким признакам. У немцем в носовом помещении были закреплены вёсла. И вдруг они начали падать вниз. Это происходило от сотря-

сения верхней палубы, в которую попадали наши снаряды. И ещё – немцы сразу же приставили к нам тогда двух часовых, а обычно стоял один.

...С Качаравой мы после войны так встретились. Он на «Леваневском» плавал, а я – на «Сухуми». И однажды оба этих судна стояли на Диксоне. Качарава присылает к нам практиканта, тот говорит мне: «Вас наш каштан просил зайти». Было это в 1946 году. Я пришёл на «Леваневского», и мы встретились с Качаравой. А когда вернулись в Архангельск осенью, Качарава в политотделе твердо заявил: «Я дол-

жен плавать вместе с Павловским, во что бы то ни стало».

Между прочим, в политотделе помогли мне и с орденом, который утонув вместе с «Сибиряковым». Выдали мне дубликат ордена.

И вот стали мы плавать вместе с Качаравой. Когда у него собирались гости, то он всегда меня приглашал и представлял им так: «Вот, если б не этот человек, меня бы в живых не было».

Он жил тогда в Архангельске, в деревянном доме, где на улице Урицкого заворачивает трамвай...»

Л. ШМИГЕЛЬСКИЙ.

«Правда Севера», 12.11.86 г.

триевича Иванова, третьего штурмана «Сибирякова» Алла Павловна Иванова-Шаларёва.

– Отец был человеком эрудированным, отличался упорством в достижении цели. Так рассказывала мне его племянница. Я отыскала её через сорок лет. Отец хотел плавать в заграничные рейсы. За три месяца выучил английский язык, – рассказывает Алла Павловна. – Обидно, что не осталось у нас ни одной его фотографии. Сгорели во время бомбежки... Десять лет, как умерла мама, Александра Тихоновна Гостева. На Дальнем Востоке я работала после окончания рыбопромышленного техникума. Рыбаки, узнав, что я – дочь одного из погибших сибиряковцев, подарили мне книгу Новикова и Тараданкина «Сказание о «Сибирякове». Прочитала её и начала поиск... отца. Одно из писем меня привело к Михаилу Федоровичу Сараеву. Бывший главстаршина и парторг «Сибирякова» ответил мне так: «В последнюю минуту, как покинуть пароход, я видел твоего отца уже мёртвым. Погиб при обстреле...» До сих пор снится мне отец, жду его возвращения... Брат и сестра умерли рано. Отец, уходя в поход, просил мать: «Сохрани дочку, пожалуйста».

Алла Павловна активно переписывалась с газетой, готовила материалы, выступала инициатором и организатором встреч сибиряковцев. Она переслала нам копии писем и телеграмм комсорга «Сибирякова» Михаила Кузнецова, которые разыскал и сохранил его земляк Степан Васильевич Быков. Простые до наивности письма, опалённые войной, нельзя читать без волнения. Они и публикуются в том порядке, как их представила Алла Павловна со своими комментариями.

«Миша служил у меня на ледокольном пароходе «Сибиряков», был комсомольским вожаком. Чудесный парень, отличник военно-морской

подготовки, пример для молодёжи. В те тяжёлые годы Отечественной войны за время пребывания на корабле он многое делал, чтобы личный состав, комсомольцы всегда были готовы к встрече с врагом. Мы с ним были очень дружны. На берегу он меня всегда сопровождал по роду работы, и по боевой тревоге был рядом со мной. Удивительно честный, скромный, прекрасный комсомолец и большой патриот...»

(Из письма бывшего командира «Сибирякова» А.А. Качарава).

У него была самая мирная профессия – учитель. Он не бредил морем, не мечтал быть военным моряком. Его и сестру воспитывала мать-колхозница Пелагея Васильевна. Отец погиб на фронте в 1915 году, через два месяца после рождения сына. После окончания педучилища 19-летний паренёк получил назначение в одну из сельских школ Архангельской области.

Работал заведующим школой, школьным инспектором, продолжал заочно учиться на историческом факультете Архангельского педагогического института.

Время как будто специально сохранило письма Михаила, одного из погибших сибиряковцев, для нас, потомков, как доказательство того, что коллективный подвиг экипажа не был случаен. Эти письма кажутся по датам такими далёкими, но такими близкими и современными по содержанию. Особенно много писем той поры, когда Мишу призвали на действительную службу в 1939 году на Черноморский флот.

«...Прошёл благополучно все комиссии, зачислили учиться в школу связи. Интересно, что здесь очень много людей разных национальностей. Соберёмся вечером, – и кто на чём играет, и кто как поёт...» (20.11.39 г.)

Огун на скале

...Вавилов и ещё два его товарища металась по горящему судну. Пылали палубные надстройки. Стена огня отрезала им путь к корме. Оставалось повыше забраться на мачту и прыгать. Из трюих вынырнул только Павел.

На воде горел разлившийся бензин. Чёрным стало море от всплывшей угольной пыли. Плясали доски, брёвна, ящики, чемоданы. Увидел неподалёку шлюпку. Пока плыл к ней, затонул и израненный, но не сдавшийся ледокол.

Когда взобрался в шлюпку, почувствовал, как болят обожжённые руки. Озноб бил так, что не попадал зуб на зуб. Разделся, выжал одежду, снова надел на себя. Осмотрел ящики, устроенные вдоль бортов. В них хранился неприкосновенный запас – галеты, запаянная банка со спичками, в парусиновом мешочке ракеты. Но ракетного пистолета не оказалось. Нашлись два топора, ведро, три анкера с водой, спиртовка, шлюпочный компас, кобура с наганом и запасной обоймой.

К борту прибило мешок с мукой. Сил поднять его не было.

Он привязал его шкериком к кольцу на корме шлюпки. Подобрал потом плавающий неподалёку спальный мешок с тёплой одеждой, ещё несколько нужных вещей.

Вдали проглядывались берега небольшого острова. На берегу моряк закрепил конец со шлюпки, съел галету. Немного передохнул и по крутому скалистому берегу начал карабкаться вверх, где стояла решётчатая башенка маяка – мигалки. Подошёл к ней, увидел на одной из стоек прибитую доску с надписью «Белуха» – так назывался остров.

«...У нас в ответ на наглую провокацию финской буржуазии было уже два митинга. Обстановка напряжённая. Но и мы готовы к отпору в случае нападения на нас». (1.12.39 г.)

«...Сегодня радостный день у меня: получил от вас первое письмо... Хлеб надо беречь, так как вообще могут быть затруднения с хлебом в стране. Впрочем, о событиях вам, наверное, агитаторы рассказывают. Но если, мама, чем интересуешься, задай мне вопросы, и я отвечу, потому что и я – агитатор». (20.12.39 г.)

«... Не проходит дня, чтоб я не вспомнил о доме. Да и как мне забыть мать, которая для меня отдала всё! Откуда бы я ни пришёл, ты меня, мама, всегда ждала, куда бы я ни ушёл, ты всегда заботилась. У тебя настоящее материнское сердце. Как ты теперь, мама, живёшь?» (2.02.40 г.)

«...Много наших емецких ребят там, на Балтфлоте, и на финской границе. В трудных условиях ведут борьбу. За три первые недели войны наших убито 1700 человек, а ранено 7000. Потери белофинов во много раз больше, хотя им помогают Англия, Франция, Норвегия, Швеция...» (14.01.40 г.)

«...Мама, я потом приеду, и буду работать учителем. Книги мои берегите, они мне пригодятся. Обо мне не беспокойтесь. В армии не я один. А служить требуется каждому гражданину...» (24.01.40 г.)

«...Мама, мы очень весело провели День Красной Армии – 23 февраля. Таких праздников я ещё никогда в жизни не видел. Без вина, дружно, весело, торжественно. Действительно, наша армия и наш флот крепки и непобедимы». (7.03.40 г.)

«...Являюсь отличником боевой и политической учебы». (12.03.40 г.)

М.В. Кузнецов

«...А там, где я нахожусь, принимают людей проверенных. Международная обстановка сейчас сложна...» (30.04.40 г.)

«...Много на фронте знакомых ребят погибло, но ничего не сделаешь, защищать страну надо, во что бы то ни стало». (9.05.40 г.)

«... Всё время учусь, учусь и учусь. Оценки у меня только отличные. Группа наша небольшая, дружная, живём, как родные братья». (12.06.40 г.)

«...Куда интереснее белые ночи на Севере. Вечером роса, немного сыро, ночью тихо-тихо.

«Надо вести счёт дням, – подумал Вавилов, и провёл на бревне, найденном тут же, чёрной краской жирную полосу.

Спустившись к месту высадки, он перенёс к маяку все оставленные вещи и сделал, как оказалось, вовремя. На завтра крутые штормовые волны разбили шлюпку о камни, мешок выбросило на берег, но в нём оказалась не мука, а отруби.

Павел сколотил небольшой домик, укрывший его от дождя и ветра. День за днём он обследовал остров. Как-то раз увидел в ложбинке матёрую медведицу

с двумя медвежатами. Но что сделаешь с ними, имея в руках один наган? Опасаясь нашествия непрошенных гостей, перебрался из домика на верхнюю площадку маяка, перенёс наверх все свои припасы.

Мучительно тянулись дни. Сберегая спички, Павел раз в три дня разжигал костёр и варил в ведре месиво из отрубей и галет, согревался кипятком, сушил одежду.

А, между тем, на столбе становилось всё больше и больше чёрных полос, их было уже более двадцати. Дни становились всё

холоднее, пронзительнее дули ветры, выпадали снежные заряды. Одиночество становилось всё невыносимее. Когда-то обходя остров, он увидел под скалой белое пятно. Павел принял его за спящую медведицу. Вынув из кобуры наган, начал медленно подкрадываться. И только приблизившись совсем близко, понял, что это снег.

«Плохи твои дела, Вавилов, – подумал он, – если уже галлюцинации начались...»

Может, галлюцинацией были и появляющиеся изредка на краю горизонта силуэты судов, и гул

Хорошо бы сейчас побродить по сосновому бору, поискать красные, белые грибы...» (20.08.40 г.)

В сентябре 1940 года Михаил Кузнецов был демобилизован. Он продолжал работать в отделе народного образования. Но в ноябре 1941 года призывается на Северный флот и в звании старшины 1-й статьи служит на ледокольном пароходе «Сибиряков». Его избирают секретарём комсомольской организации. И опять идут домой его письма.

«...Наш краснознамённый корабль получил правительственное задание. Поэтому некоторое время, возможно, не буду писать. Но вы не пугайтесь. Знайте, что жив». (20.12.41 г.)

«...Сегодня, после продолжительного плавания в море вернулись в полном порядке. Наш корабль выполнил свою боевую задачу. В походе от командования получил оценку «отлично». Уплатил за билеты лотереи 200 руб. Кончится война, деньги будут снова. А сейчас надо помогать каждому всем, чем можно, для разгрома врага». (31.01.42 г.)

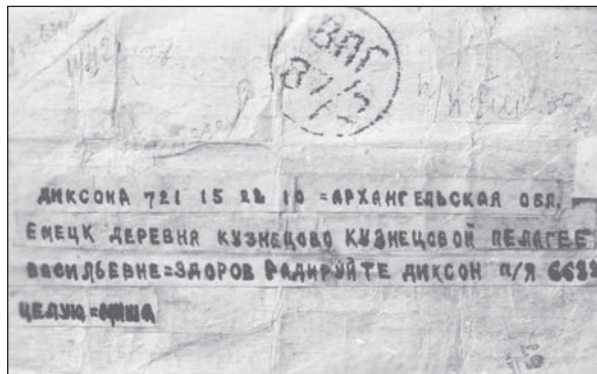
«...За зиму мы сделали четыре боевых похода в море. Надо во что бы то ни стало покончить с Гитлером. На заём подписался – всего 560 рублей. Половину внёс наличными деньгами. Выигрыш будет тогда, когда крепче будет удар по врагу, когда он будет разбит». (7.05.42 г.)

«...Скоро – в море на три-четыре месяца. Пойдём в Арктику...» (18.06.42 г.)

Вот и его последнее письмо:

«...Горячий краснофлотский привет. Прошли уже более 2 тысяч километров морем. Нахожусь на Диксоне. Впереди много работы. Думаю, что со всем этим я и мои товарищи-моряки справимся. Обо мне не беспокойтесь». (28.07.42 г.)

И последняя телеграмма – от 22 августа 1942 г.:

«Кузнецовой Пелагее Васильевне. Здравой, радируйте Диксон. Целую, Миша».

Из документов архива:

«Старшина 1 статьи Кузнецов Михаил Васильевич, 1915 года рождения, член ВКП(б), русский, служащий, призванный Емецким РВК Архангельской области, проходивший службу на ледокольном транспорте «Сибиряков», погиб в бою 25 августа 1942 года. Место погребения – море».

Мать, Пелагея Васильевна, ещё не знала этих тревожных подробностей и продолжала писать сыну на фронт:

«1 сентября 1942 г. Поздравляю тебя с днём твоего рождения и желаю быть тебе здоровым и крепким советским воином. И чтобы скорее разгромили заклятых фашистов. Крепко целую. Мама и Настя. Ждём со скорой победой».

«10 сентября 1942 г. Здравствуй, дорогой сын и брат Михаил Васильевич! Большая радость: сегодня получили от тебя письмо. Теперь знаем: ты находишься далеко-далеко...»

В Емецкой средней школе был пионерский отряд имени М. Кузнецова. В день рождения Миши здесь ежегодно проходила торжественная линейка,

самолётов, пролетающих над островом?

Но на тридцать второй день его пребывания на острове, когда в коробке осталось всего несколько спичек, он явственно увидел пароход. Схватив шест, с прибитым к нему брезентом, он и забегал по острову.

Но видели ли его? Не могли не видеть. А если заметили, помощь придёт непременно. Теперь уж недолго её ждать. На завтра над островом появился гидросамолёт. Вот от него отделился мешок и упал на землю. В мешке были тёплые вещи, шоколад, сгущённое

молоко, жареная рыба, чайник, примус. В записке, находившейся там же, он прочёл: «На крутой волне сестра не смогла, но при первом же случае прилетим за тобой...»

Спустя несколько дней, когда море немного успокоилось, И.И. Черевичный поднял в воздух свой гидросамолёт, сел на воду, подрулил к берегу. «Человек бросился в холодные волны, нам навстречу, – вспоминал Иван Иванович. – Он назвался Павлом Ивановичем Вавиловым, кочегаром с погибшего «Сибирякова».

Так впервые о подвиге сибиряковцев узнали во всех подробностях от Вавилова вначале на Диксоне, а затем и в Москве, куда он срочно был отправлен...

...Мы сидим с женой Павла Ивановича – Анной Степановной в её небольшой, уютно убранной квартире. Выросли дочери Женья и Ольга, сама она стала не только бабушкой, но и прабабушкой. годы идут.

Она показывает дорогие ей фотографии, книги, газеты, журнальные статьи о Павле, его документы. Боевые награды, орден Ленина и Звезду Героя Социалистического

Участники той памятной встречи на Диксоне

спортивные мероприятия. Его имя носит одна из улиц Емецка.

...Среди сибиряковцев образца 1984 года, как они в шутку называли себя, был и Альберт Николаевич Пшеницын, физрук школы, где когда-то учился комсорг «Сибирякова» Михаил Кузнецов. Здесь работает школьный музей. Экспонаты, документы и фотографии рассказывают о подвиге сибиряковцев, на примере М. Кузнецова воспитывается уже не первое поколение патриотов.

В первый день учебного года, после первого звонка на уроках мужества Альберт Николаевич как очевидец будет рассказывать теперь о Диксоне и о том, что в Карском море есть острова, которые носят имена североморцев. Есть и остров Михаила Кузнецова. Он видел его...

Начальник морских операций западного сектора Арктики произносит краткую речь. Приспускается на катере флаг, тревожно, с надрывом звучат гудки, по серой, зыбкой поверхности моря один за другим поплыли венки. Слова излишни...

Из-за тяжёлых свинцовых туч косые лучи солнца, как лучи уставших прожекторов, падают на стывшее море, словно ищут чей-то затерявшийся след и никак не могут отыскать. К горлу подступает твёрдый комок, ветер с колючим снегом выжимает слезу...

Потом в письме Анна Дмитриевна Гайдо признается: «Надолго, а, скорее всего, на всю оставшуюся жизнь, запомнится Диксон. Об этой поездке я давно мечтала втайне. Пусть она и воскресила в нас тяжёлые воспоминания, но участие, тепло и внимание людей, с которыми мы встречались на Диксоне, действовали, как целебный бальзам, пролитый на нашу скорбь. Впечатление такое, как будто мне довелось встретиться с давними знакомыми и добрыми друзьями. Память о войне объединяет нас.

Начальник морских операций западного сектора Арктики произносит краткую речь. Приспускается на катере флаг, тревожно, с надрывом звучат гудки, по серой, зыбкой поверхности моря один за другим поплыли венки. Слова излишни...

листического Труда. А вот и указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1960 года о присвоении ему высокого звания.

— Недолго пожил Павел после этого, — рассказывает Анна Степановна. — Здоровье-то было сильно подорвано, но никогда ни одной жалобы не слышала от него. Да и дома в отпуске всё переделает сам — побелит, покрасит, и валенки подошьёт, и кастрюлю запаяет. Никакое дело не валилось из рук.

Читаю недавно полученную радиogramму с Диксона: «Уважаемая Анна Степановна! В

день сорокалетия легендарного подвига команды ледокольного парохода «Сибиряков», членом которой был Ваш муж, примите на память самые лучшие пожелания в жизни. Райкомпарт Шлыков, райисполком Лашенковский».

Подобная телеграмма пришла и с борта теплохода «Павел Вавилов» от капитана Колесова и первого помощника Иванова. «Замечательное судно, — говорит Анна Степановна, — только осмотреть его, не один час нужен. Долгая память будет Павлу».

Б. СЕВЕРОВ.

«Правда Севера», 25.09.82 г.

Мой брат Павел Вавилов

Из письма сестры Анастасии Ивановны Голдиной-Вавиловой

Уважаемые журналисты! Получила из Архангельска от жены Павла Ивановича ваше письмо. Она просит написать вам. Вы спрашиваете, каким был Павел Иванович Вавилов в семье?

Он был скромный, стеснительный, голоса никогда не повышал, трудолюбивый, без дела никогда не сидел. Всегда находил работу для себя.

В последнем письме муж писал: «Опасную часть пути миновали благополучно. Заходим в Карское море...» Оно-то и оказалось таким коварным, могильным для близких нам людей...»

Имя на борту

...Август 1984 года запомнился по многим причинам: состоялись интересные встречи, пришло ещё несколько писем от дежнёвцев, нашим гостем был Владимир Георгиевич Реданский, сотрудник журнала «Морской сборник», один из первых, кто написал интересную книгу «Арктики рядовой». От этого человека особенно было приятно услышать добрую оценку нашей скромной работы. Реданский не замедлил представить своё плечо нашему подвижническому делу. Скоро с Диксона, куда он уехал, пришло письмо и рассказ о необычной встрече на арктической земле.

27 августа Владимир Георгиевич Реданский у памятника погибшим на острове Диксон увидел стоящего в скорбном молчании высокого, статного, немолодого человека. На груди – Золотая Звезда Героя Социалистического Труда и знак лауреата Государственной премии СССР. Александр Андреевич Пахалкин не участвовал в том памятном бою. Он пришёл на СКР-19 через два года. Последний раз на Диксоне был в победном сорок пятом... Но годы летят, как бы не опоздать побывать здесь ещё хотя раз...

Два года назад разменял седьмой десяток. Пора отдать долг памяти. Здесь погибли дежнёвцы, его боевые друзья.

– Втайне мечтал оказаться хотя бы на эсминце, – вспоминает А.А. Пахалкин. – Не скрою, был разочарован, когда попал на «Дежнёв». Но, узнав необычную боевую биографию в прошлом мирного судна, возгордился, что довелось служить именно на нём. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что нас троих – меня, Лёню Сахарова и Мишу Стрельника – сплочённая команда сторожевого корабля приняла, как родных. Особенно вспоминаю рано ушедшего из жизни старпома Андрея Анатольевича Назарьева. Вот кто действительно проявил о нас подлинно отеческую заботу. Для меня особенно важно – на корабле довелось служить впервые... Я и сейчас с большой теплотой вспоминаю Ивана Петряева – главного боцмана (служить мне довелось в боцманской команде и по боевому расписанию был я в расчёте «эрликона» старшин Саши Алимова и Миши Балукова).

– Поездку на Диксон, – продолжает свой рассказ Александр Андреевич, – задумал давно. Да всё времени не хватало. А сейчас приурочил к очередной годовщине боя. Летел из Архангельска, с которым у меня связаны последние военные и первые послевоенные годы. Возвращаться буду через Красноярск. Этот замечательный город, как и Новосибирск, да и вообще Сибирь, занимает в моей биографии, а точнее в жизни, особое место. Здесь произошло становление как квалифицированного специалиста.

Вот так налаживались самые непредвиденные мосты через время, через расстояния. Соединялись неповторимые по своей глубинной сути человеческие судьбы. Один рассказ как бы предзнаменовал другой, а новое письмо продолжало предыдущее и вызывало на встречу следующее.

После рассказа Пахалкина об Андрее Анатольевиче Назарьеве мы невольно задали себе вопрос: а

Нам подшивал валенки, плотничал, если дрова рубил (мне особенно это запомнилось), всё ровненько складывал – в поленицы. Щепочки все подметёт, очень уж был во всём аккуратный.

Он окончил три или четыре класса до войны, да, в то время о высшем образовании никто особенно и не думал у нас в деревне. Я мало знаю о Павле, была слишком маленькая, да и он жил в деревне недолго.

В неполных 18 лет его взял с собой один наш знакомый в Архангельск.

Приезжал Павел Иванович в отпуск всегда с гостинцами и обновками, с северной хорошей рыбой. Даже

однажды, что хорошо запомнилось, привёз чучело большой какой-то рыбы. Не помню, уж какой...

Вот ещё его одна характерная черта – скромность. Не ручаюсь за точность, году где-то в шестидесятом он приезжал в Калининград. Привозили лес. А потом Павел Иванович решил поехать поездом до Калининграда. Он, уже был удостоен звания героя, но звёздочку не носил. Тогда они пошли с моим мужем за билетом. Это было летнее время – билетов, как обычно, не достать. Мой муж спросил: «А где же ваши наградные документы?» Только тогда он вынул бумаги, и билет, конечно, тут же дали...

П.И. Вавилов

**Такая неожиданная встреча побратимов
Арктики в Дудинском морском порту...**

не тот ли это Назарьев, чьим именем назван рудовоз, недавно заходивший в порт Дудинку? Скоро теплоход «Капитан Назарьев», новенький, почти «с иголочки» (Государственный флаг на нём поднят 7 июня 1984 года), рудовоз усиленного ледового класса, построенный на верфи Ростка (ГДР), мы встретили у нас, в Заполярье.

Первый помощник капитана Владимир Александрович Богомолов удовлетворяет моё любопытство: «Капитан Назарьев» пошёл и есть от имени известного в Арктике капитана Андрея Анатольевича Назарьева, бывшего дежнёвца, коммуниста, чей ратный и мирный труд отмечен орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, медалями. Продолжается новая жизнь Назарьева. Посвятив всего себя морскому флоту, он прошёл путь от матроса до капитана крупнотоннажных судов. Мы дружили с Андреем Анатольевичем. Обаятельный человек, высокой внутренней культуры, знающий своё дело. Экипаж у нас молодой, но мы делаем всё, чтобы не посрамить память о ветеране. Добрая биография пишется с первой строки...»

Но так сказать о человеке, значит не увидеть по курсу маяка. Что же за человек был капитан Назарьев? Перенесёмся в Мурманск тридцатых годов...

Мурманск – один из самых северных причалов – в это время оказывается синонимом становления морской державы.

В это время начальником Арктического пароходства становится Михаил Николаевич Максимов. Среди работников торгового порта его помнят румяным, улыбчивым, русоволосым юношей, активно участвовавшим в становлении советской власти. Общительный и любознательный парень активно участвует в партийной работе, возглавляет порт.

Он сыграет решающую роль в судьбе Андрея Назарьева. Понимая необходимость в своих кадрах, М.Н. Максимов собрал по судам группу молодых моряков, заключил с ними договор и послал учиться за счёт конторы на штурманов и механиков в только что открывшийся в Мурманске в 1933 году морской техникум. Среди них был и Андрей Назарьев. Об этом он вспоминает на страницах газеты «Арктическая звезда» от 8 августа 1979 года.

Андрей Анатольевич Назарьев родился 31 марта 1911 года в Астрахани, в семье моряка. В начале 1917 года семья Назарьевых переехала в Мурманск, где его отец Анатолий Владимирович три года работал капитаном порта.

Вот как об этом времени вспоминает А.А. Назарьев:

«Мурманск тогда представлял из себя несколько поселков барачного типа. Это – нижний портовый посёлок, верхний портовый, где сейчас улица Челюскинцев, железнодорожный посёлок, район улиц Володарского и Октябрьской. Пять

Очень он рано ушёл из жизни. Я благодарна всем, кто его заслуги не забывает. Мои внуки с гордостью рассказывают о его подвиге. Да и мы все гордимся.

Уважаемые газетчики! Может, вам это и не нужно, но я напишу о нашей большой семье... Мы уроженцы Ярославской области, Любимского района, деревни Павлигино. Из крестьянской семьи.

Отец Иван Матвеевич умер рано. Мать Евдокия Петровна жила довольно долго, до 84 лет. Детей нас было девять человек (да ещё умерли маленькими пятеро, всего - четырнадцать).

Из семьи пошли защищать Родину четыре брата и я - пятая. Выпало и на мою долю всего с лихвой. Всем досталось. Но на судьбу мы не в обиде.

Взяли меня на фронт как комсомолку. Обучали «морзянке». Конечно, училась и всей остальной военной науке. Это для девушки, казалось, не под силу. Но, сцепив зубы, выдержала. Служила на 1-ом Украинском фронте, в третьей танковой армии. Был у нас там отдельный батальон связи. Дошла до Берлина. В последнем тяжёлом наступлении ранило в ногу.

Имею награды: орден Красной Звезды, медали «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За по-

беду над Германией». Ну, понятно, есть и послевоенные...

Хорошо запомнился мне тот день, когда прислали из деревни письмо в 1942 году, что погиб «А. Сибиряков», ледокольный пароход, на котором ходил мой брат П.И. Вавилов. Для меня это было очень тяжёлое сообщение.

Я, конечно, сейчас на пенсии. Муж умер. Тоже – архангельский. И в финскую, и в германскую воевал.

У меня две дочери, две внучки, два зятя. Живём, как все. Я в этом году собираюсь в Архангельск на могилу к брату...

«Советский Таймыр»,
12.03.92 г.

углов. Сплошное болото, лес, отдельные, разрозненные бараки.

Революцию я видел в Мурманске. Потом – интервенция, белогвардейщина. Все эти тяжёлые годы, хотя я был мальчишкой, помню хорошо...

Помню, что город весь утопал в зелени. По сопкам – корявые, приземистые, толстые сосны, березняк, рябина, черёмуха...

Постепенно город разрастался, природа отступала. Считалось: если идти на охоту или за грибами, это очень далеко. И только после того, как изгнали белых, Мурманск начал интенсивно строиться. Сначала – улица Ленинградская, проспект Ленина, в конце 20-х – начале 30-х годов строится посёлок для работников рыбной промышленности.

Что из себя сначала представлял Мурманск? Порт и железная дорога. Мой отец был первым капитаном торгового порта в Мурманске. Потом начали развиваться рыбный порт, рыбные промыслы. Школу я окончил в Мурманске. Здесь начал плавать в 1930 году юнгой, по окончании школы. Потом – матрос на зверобойных судах. Ходили в Карское море, к Земле Франца-Иосифа, промыслили в Белом море тюленя, моржа, белого медведя. Довелось плавать с известным в то время капитаном Поспеловым.

В 1933 году в Мурманске открылись мореходка и морской рыбопромышленный техникум...

С 30-го года не порывал с единственной конторой, где я проработал всю свою жизнь. Менялись вывески, но основа была той конторы, в которую я поступал. «Ленторг» потом именовался зверобойной конторой, арктическим пароходством, Мурманским морским пароходством.

Окончив мореходку в 1937 году, сразу попал на ледокол «Ермак» к капитану Воронину. Плавал

штурманом, после «Ермака» – на «Дежнёве», с его постройки и до 1946 года. Война застала нас в доке. «Дежнёв» сразу же стал под вооружение, его передали Северному флоту, как только начались военные действия. Весь экипаж остался на «Дежнёве», добавили военных специалистов, «Дежнёв» стал сторожевым кораблём.

Сначала нас приписали к дивизиону сторожевых кораблей – дивизиону «плохой погоды»: в него вошли СКР-15, 16, 17. Их называли «Смерч», «Гроза», «Ураган». Поэтому и смеялись. Но, как показали боевые действия, погоду они делали, что надо!

С первых же дней войны «Дежнёв» не вышел из завода, он стоял, как батарея. На «Дежнёв» враг специально организовал налёт целого звена самолётов. Первый бой, сбит первый самолёт.

А.А. Назарьев и Е.А. Бочаров

Пулемётчик Иван Тарбаев

В Архангельской области, в родной деревне Аничкин Починок Устьянского района живёт ещё один сибиряковец – Иван Григорьевич Тарбаев.

...Сначала эту книгу, повторяя фразу за фразой, читал он сам, потом его сыновья и дочери, потом их дети. Читать в семье книжку о героическом пароходе, на котором плавал в годы войны глава фамилии, было кому. Только внуков у Ивана Григорьевича – двадцать один! Вот и оказалось в самом прямом смысле

Слева направо: И.Г. Тарбаев, А.Т. Павловский, С.В. Быков, И.А. Алексеев. Июль 1982 года.

Истории известен бой, участником которого мне пришлось стать. Это – Диксон...»

После этого боя Андрея Анатольевича перевели на должность помощника командира корабля. Плавал на «Дежнёве» до января 1946 года. В последующие годы А.А. Назарьев работал старшим помощником капитана на ледокольном пароходе «Прончищев», на танкере «Юкагир», на ледорезе «Ф. Литке».

С 1950 года Андрей Анатольевич – капитан. В этом качестве он работал на танкере «Юкагир», на дизель-электроходах «Днепрогэс» и «Цымлянский», на пароходах «Тбилиси», «Александр Суворов», на теплоходах «Сестрорецк» и «Вацлав Воровский». Андрей Анатольевич хорошо знал условия плавания в Арктике, он внёс достойный вклад в освоение Северного морского пути.

В апреле 1974 года по состоянию здоровья ушёл на заслуженный отдых, но до конца своей жизни не терял связи с парокhodством.

М. Горбунов, Д. Ровчак, А. Новожилов,
В. Долгобородов, Т. Васильев –
отделение радистов «Дежнёва»

27 января 1980 года Андрея Анатольевича Назарьева не стало. Его похоронили в старинном русском северном городе Архангельске. Но продолжается новая жизнь капитана...

Эта жизнь возвращает нас снова к письмам. Их много накопилось за последнее время.

От бывшего радиста «Дежнёва» Александра Васильевича Новожилова пришло письмо из Ленинграда. В первом издании книги мы незаслуженно отделились только этим упоминанием. А в письме рассказывалось ещё об одной простой и удивительной судьбе североморца. Двенадцатую публикацию «На поверке – дежнёвцы» по письму Новожилова мы озаглавили «Я – СКР-19».

«Я родился 2 февраля 1912 года в г. Ленинграде, в семье дворника. Отец умер в 1918 году. С 1924 года по 1928 воспитывался в детском доме. годы, проведённые в детском доме, оставили самые тёплые воспоминания. Прекрасные педагоги и воспитатели сумели привить нам вкус к учёбе и труду, и за три года я прошёл программу шести классов.

Время было трудное. Нынешняя молодёжь с трудом верит в то, что тогда, в конце двадцатых годов у нас была безработица. А мне по достижении 16 лет пришлось искать работу. И, когда в феврале 1928 года мне с большим трудом удалось устроиться учеником маляра на кроватную фабрику, я считал, что мне сильно повезло. Работал очень старательно, профессию освоил быстро, меня хвалили. Но жила во мне мечта – стать моряком. Мечта эта появилась после просмотра фильма «Броненосец «Потёмкин», который я смотрел много раз. Ну, конечно, и книги о море и моряхах...

Однако мои попытки «приблизиться» к морю, здесь в Ленинграде, оказались безуспешными.

зачитанным до дыр «Сказание о «Сибирякове». Пришлось делать этой книжке новый переплёт. Она 78-летнему сибиряковцу очень дорога, да ещё с памятной надписью. Авторы книги Л. Новиков и А. Тараданкин одними из первых рассказали о подвиге доблестного ледокольного парохода. И хотя в этой документальной повести было немало и неточностей, которые отмечал в предисловии ещё адмирал А.Г. Головкин, добрую роль она сыграла. Просто сегодня мы строже стали относиться ко всяким литературно «заданным красотам». Подвиг «А.Сибирякова» и без домисла прекрасен. А суровая

правда трагедии их боя в «кромешном аду» делает североморцев ещё ближе к людям.

Вот и Иван Григорьевич Тарбаев хорошо отличает, где написано, как в жизни, а где – нет. Он и раньше нам об этом говорил. А на днях я, как родственник, по просьбе редакции говорил по телефону с Иваном Григорьевичем, и он подтвердил то, что когда-то поведал своим родным: «Написали, например, что во время схватки с «Шеером» я в прорезь орудийного прицела смотрел, делал наводку. Но я артиллеристом никогда не был. Служил на «Сибирякове» пулемётчиком. Мой ДШК стоял на

корме по левому борту. Когда к пароходу стали приближаться два фашистских катера, мы выпустили по одному из них пулемётную очередь. Этот катер ушёл обратно. Следующая лента попала с трассирующими пулями. Немцы нас засекли. Снарядом с «Шеера» разбило пулемёт, меня ранило и выбросило за борт. Из воды наши заволокли меня в свою шлюпку...»

Как рад был Иван Григорьевич встрече с боевыми друзьями А.Т. Павловским и И.А. Алексеевым в архангельском Дворце культуры моряков в 1982 году. Очень их разволновало, что тогда собрались

Вскоре я узнал, что в Мурманске начал бурно развиваться рыбопромысловый флот, поехал туда. Прибыл в Мурманск в июле 1931 года, в разгар полярного лета, попытался устроиться на корабль... Не удалось. Но я не отступал. Устроился на работу, чтобы зарабатывать на жизнь, поступил на курсы радистов при Мурманском обществе друзей радио. Учиться было трудно, приходилось порой и недоедать, и недосыпать. Но в июне 1932 года я всё же успешно окончил курсы, и мне было присвоено звание радиста второго класса. Это давало право занимать должность радиста на судах морского флота.

...И вот настал день первого выхода в море. Это было 22 июня 1932 года, когда на рыболовецком траулере РТ-31 «Налим» я впервые вышел в бескрайние просторы Баренцева моря. Очень волновался. Радость исполнения мечты немного омрачалась естественным страхом перед морем. Беспокоился: а справлюсь ли с работой? Первые три-четыре дня работа не ладилась, меня немного укачивало, хотя погода была хорошая, море спокойное. Очень переживал, что работа идёт далеко не так, как надо.

В это трудное для меня время на помощь пришёл коллектив траулера, и в первую очередь капитан Фёдор Егорович Сашков. Благодарную память об этих людях, об их доброте, отзывчивости, душевной щедрости я сохраняю до конца своих дней. Постепенно освоился с работой, всё наладилось, и к 1941 году, после непродолжительной учёбы на курсах, мне было присвоено звание радиста первого класса.

22 июня 1941 года запомнился навсегда. В этот день мы возвращались с промысла, проходили норвежский город Вардэ. Я рассматривал его

в бинокль с мостика, а, придя в радиорубку и включив приёмник для прослушивания последних известий, узнал о том, что фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину.

На другой день после возвращения в порт был призван в ряды ВМФ. Меня назначили на сторожевой катер гидроакустиком. На этом катере (номер его сейчас не могу припомнить) участвовал в высадке первого десанта в Западной Лице: это было в первых числах июля. А по возвращении из Западной Лицы был назначен радистом на СКР-19 («Дежнёв»). Сперва был рядовым радистом, а в начале 1942 года был назначен старшиной группы радистов.

Главной задачей нашей группы было обеспечение надёжной связи корабля с командованием флота, флотилии и отряда. Решение этой боевой задачи достигалось постоянной, упорной, без ссылок на усталость и время, работой, когда отрабатывали различные ситуации, какие только могли предусмотреть. Наши усилия не пропали даром.

Во время боя с фашистским рейдером «Адмирал Шеер» были повреждены антенны, выведены из строя аккумуляторы, но связь практически не прерывалась ни на минуту. Командир отделения радистов Тимофей Алексеевич Васильев очень быстро установил аварийную антенну, а радист Ефременко заменил повреждённые аккумуляторы. В целом группа радистов отлично справилась со своими обязанностями.

После боя быстро восстановили главную и вспомогательную антенны и привели в полный порядок все средства связи корабля, хотя это потребовало от нас больших усилий. В качестве примера можно привести работу по ремонту радиопеленгатора, корпус и обмотки которого

их семьи — дети, внуки, вдовы сибиряковцев.

А год назад товарищи горевали, что ушёл из жизни бывший командир отделения сигнальщиков Иван Алексеевич Алексеев.

Ныне Иван Григорьевич собирается приехать в Архангельск, да всё откладывает пока этот визит. В августе этого года мы с женой Анной Ивановой, дочерью Ивана Григорьевича, побывали у него в гостях, поздравили с днём рождения. Живёт он в деревне с сыновьями Александром и Григорием, рядом — крыльцо в крыльцо...

Л. МИНИН.

«Правда Севера», 13.11.86 г.

Увековечить память

«Помполит приказал всем покинуть судно. Горим, прощайте. 14 часов 05 минут», — передал на Диксон последнюю радиogramму судовой радист. Ценой собственной жизни сибиряковцы выполнили свой долг. Они совершили коллективный подвиг.

Но в коллективном подвиге есть место подвигу личному. Именно его совершил старший механик Николай Григорьевич Бочурко. Он выполнил приказ капитана, сознавая, что вместе с судном погибнет и сам.

Если весь экипаж «А. Сибирякова» повторил подвиг русского крейсера «Варяг», то Н.Г.Бочурко повторил подвиг двух матросов русского эскадренного миноносца «Стерегущий», открывших кингстоны и погибших вместе с миноносцем. Произошло это во время русско-японской войны.

...В музее Архангельского мореходного училища имеется скромный стенд с фотографией Н.Г.Бочурко, краткой биографической справкой и орденом Отечественной войны II-й степени за № 927465, которым он был посмертно награждён...

Сын железнодорожного мастера

были повреждены во время боя осколками. Такие повреждения, наверное, трудно устранить и в условиях специализированной мастерской, а в походных условиях задача сначала казалась неразрешимой. Однако упорство, настойчивость и, не в последнюю очередь, смекалка радистов преодолели все трудности: радиопеленгатор был успешно восстановлен и потом ещё долго работал. Здесь я должен отметить большой вклад в эту работу командира отделения радистов Т.А. Васильева.

А потом были опять плавания, они отличались по степени трудности, но все требовали максимальной отдачи, сил и энергии.

В мае 1945 года я был демобилизован и направлен в распоряжение «Главсевморпути». Одну навигацию плывал в Арктике на ледокольном пароходе «Дежнёв» в должности заведующего радио.

В декабре 1945 года возвратился в Мурманск на прежнее место – траловый флот, где сначала работал техником по электронавигационным приборам, а в марте 1946 года был направлен на курсы радиодетекторов при Гидрографическом отделе Краснознамённого Северного Флота. Так я стал одним из первых радиодетекторов рыбной промышленности Северного бассейна. Сначала эту работу выполнял в Мурманском траловом флоте, а потом – в Мурманском ордена Ленина морском рыбном порту.

Первые три-четыре года я справлялся один с обслуживанием судов, но уже в начале 50-х годов, в связи с бурным ростом рыбопромышленного флота, была создана группа радиодетекторов из пяти человек, в подготовку которых я вложил много сил.

Имею награды: ордена Красной Звезды и Трудового Красного Знамени, медали «За трудовую

доблесть», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией», различные юбилейные медали и памятные знаки «Отличник ВМФ», «Почётный радист», «Ветеран Краснознамённого Северного Флота», «Ветеран Карельского фронта».

В связи с резким ухудшением здоровья в 1969 году вынужден был уйти на пенсию, хотя была мечта поработать до 1982 года, то есть до 70 лет, чтобы стаж работы в рыбной промышленности Севера был 50 лет...

По мере своих сил я принимаю участие в военно-патриотическом воспитании молодёжи. В городе Вышний Волочёк, где я жил до недавнего времени, ко мне часто обращались учащиеся соседней школы за помощью при написании сочинений на патриотическую тему.

Вот уже 14 лет идёт активная переписка с пионерами отряда «Юный дежнёвец» из посёлка Комсомольский, Архангельской области, и, надо сказать, что пионеры этого отряда вот уже многие годы занимают первые места в учёбе и других школьных делах. В этом году уже третий (или четвёртый) состав отряда «Юный дежнёвец» заканчивает восьмой класс, а вот кому передадут эстафету, пока не знаю...»

Такое длинное письмо написал нам дежнёвец А. Новожилов. И ещё он написал длинный список сослуживцев, с которыми он поддерживал тогда связь и кого не забывал поздравить со знаменательными праздниками, а, когда была возможность, и встречаться.

Из Архангельской области откликнулись сразу четыре дежнёвца – Анатолий Михайлович Кузнецов, Фёдор Асафович Неклюдов, Михаил Никанорович Усачёв, Константин Фёдорович Смирнов.

З.А. Элимелак

со станции Шалакуша Архангельской области, Николай шестнадцатилетним юношей начал работать на судах нашего пароходства. В 1924 году он вступил в комсомол, а через два года стал членом партии... За стахановскую, безаварийную работу в арктических условиях Н.Г.Бочурко награждён орденом «Знак Почёта».

«А.Сибиряков» затонул на глубине 40-50 метров. Координаты его гибели известны. С помощью водоплазцов можно извлечь из морской пучины отдельные детали, приборы, другое оборудование. Все это, без сомнения могло стать реликвиями

морской славы и с успехом экспонировалось бы в музеях нашей страны. Надо подумать и о том, как увековечить в нашем городе, имеющем прочные морские традиции, мужество экипажа «А. Сибирякова» и подвиг старшего механика Н.Г. Бочурко.

**В. ДЕРЯБИН,
Г. ПОПОВ.**

Координаты славы

Мы летим на ледовом разведчике Ил-14 с мыса Челюскина на Диксон. Штурман, сверившись

К.Ф. Смирнов

Каждый из них замечал в этой истории свой неповторимый или кем-то незамеченный штрих.

«В минуты боя у острова Диксона, – писал К.Ф. Смирнов, – по боевой тревоге я находился в котельном отделении, у котла по левому борту корабля. На правом котле – Фёдор Журавлёв, на носовом – Семён Кучеренко. Мы все выполняли команды главстаршины Саши Заскалько одновременно. Вместе с нами были ещё старший котельный машинист Павел Фоменко и Алексей Зубарев, который обеспечивал подачу угля. Хочу пояснить, что СКР-19, построенный на судовой верфи Ленинграда, был предназначен для плавания в Арктике, поэтому имел множество

водонепроницаемых переборок, отсеков непотопляемости. А также твиндечную палубу, в каждом отсеке люк с крышкой, герметически закрывающейся. Во время подготовки корабля к бою всё было задраено. Это и спасло нас. Хотя корабль получил множество пробоин ниже ватерлинии, СКР-19 остался на плаву.

Мы, находясь в котельном отсеке, отрезанными, как говорится, от всего мира, не смогли наблюдать, что происходит наверху корабля. Но отзвуки боя доходили и до нас. Всё гудело от стрельбы наших орудий и рвавшихся снарядов фашистского пирата. Стояло облако угольной пыли, и мы с трудом различали друг друга. Хотя и продолжался наш бой несколько минут, всё равно он остался в памяти на всю жизнь.

Из перечисленных мною боевых друзей по котельному отсеку в живых остался только Алексей Алексеевич Зубарев, который проживает со мной в одном городе. Встречаемся часто. Саша Заскалько умер в Комсомольске-на-Амуре, Павел Фоменко захоронен в Архангельске, Семёна Кучеренко приняла родная земля на Украине, Фёдор Журавлёв умер в городе Шевченко.

Послевоенная моя судьба простая: получил диплом судомеханика, работал на судах заграничного плавания.

Имею много грамот и благодарностей за военно-патриотическое воспитание. Награждён орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

Жена Лидия Ивановна, сын Александр, дочь Наташа, внуки и правнуки – все живём в Архангельске.

К. Смирнов».

М.Н. Усачёв – крестьянский сын, родился в деревне Варамино Шенкурского района, Архан-

с картой, сказал: «Белуха». Все прильнули к иллюминаторам, внизу промелькнул небольшой скалистый остров с маяком.

После я прочел в лоции Карского моря: «Навигационный светящийся знак Белуха представляет собой бетонную башню – это своеобразный памятник ледокольному пароходу «А.Сибиряков», погибшему вблизи острова в бою 25 августа 1942 года. При прохождении траверза острова Белуха мореплаватели призываются почитать память погибших сибиряковцев подачей продолжительного звукового сигнала».

...Наш самолёт качнул крыльями над братской могилой героев, покоящихся в студёной морской пучине. А корабли, каждый раз, проходя близ острова Белуха, приспускают флаг и протяжным гудком оглашают ледяные просторы. Голые скалы острова отзываются эхом – долгим и печальным, словно героическое прошлое шлёт кораблям ответный привет...

Каждому моряку известно понятие – «координаты славы». Это точные географические координаты гибели военного корабля. Нанесены на все судоводительские карты и координаты славы «Сибирякова».

Где погиб «Сибиряков»?

По инициативе ветеранов – североморцев и участников героического боя в августе 1942 года ледокольного парохода «Александр Сибиряков» с фашистским рейдером «Адмирал Шеер» нынешней осенью были приняты поиски покоящегося на дне Карского моря легендарного корабля.

...Они считают, что нужно выяснить возможность его подъёма, чтоб превратить в музей боевой и трудовой славы, или хотя бы

М.Н. Усачёв

гельской области. На присланной фотографии он сидит на деревянной лавочке у высокого, добротно срубленного деревянного дома. Спокойный, мудрый, уверенный в себе. По глазам и морщинистому лицу нетрудно заметить, что годы не пощадили ветерана.

Еще до войны он успел пройти путь от матроса до начальника одной из пристаней Северного пароходства. Войну встретил в зрелом возрасте: ему было 31 год. Он очень гордился тем, что орудием,

у которого он стоял, сбит первый фашистский самолёт в Мурманске. Мужественно действовал во время боя с «Шеером». До конца войны конвоировал транспорты по Северному морскому пути. За войну имеет медаль Нахимова. Как известно, эту медаль вручают за особую матросскую доблесть. «Запасы пресной воды на судне, – вспоминает бывший комендор М.Н. Усачёв, – были большие, до 900 тонн. Но часто в походах нам приходилось довольствоваться только одной кружкой воды в день, так как мы, как правило, делились своими запасами с тральщиками и другими кораблями».

После войны Михаил Никанорович пять лет занимался промыслом морского зверя на Новой Земле. В родной деревне Варамино работал председателем колхоза, председателем сельсовета...

О своей семье сообщает: «Семья наша была многодетной: четыре брата и сестра. В живых остались только сестра и я. Отец-моряк, служил на флоте».

У нас с женой Анастасией Филипповной, 1914 года рождения, семеро детей. У детей судьба сложилась по-разному. Один сын работает в Котласе, по гражданской обороне, другой сын в Москве, в министерстве лесной промышленности. Третий сын работает на железной дороге в городе Александровске. Сын есть в Алма-Ате, рабочий. Дочь тоже в Алма-Ате, медсестра. Сын работает в родном колхозе, дочь – учительница иностранных языков. Хорошая семья, не правда ли? Внукам успел порадоваться».

«Думаю, что жизнь свою я прожил не зря, – заканчивает письмо М.Н. Усачёв. – Родину защитил, детей воспитал».

Из белорусского городка Лунинец откликнулся комендор с «Дежнёва» Семён Андреевич Гальковский. С первой до последней минуты боя под Дик-

поднять некоторые его части, которые могли бы служить экспонатами.

Однако поиски связаны с большими трудностями. Неизвестны точные координаты гибели корабля, а имеющиеся сведения противоречивы. А.А. Качарава сообщил такие: 76°12' северной широты, в 9,2 мили к северу от острова Белуха. В гидрографическом предприятии Министерства морского флота СССР, куда обратились ветераны, провели тщательный анализ всех данных и пришли к выводу, что пароход вряд ли затонул именно в этой точке.

Диксон. Переключка североморцев спустя сорок лет...

соном он был на боевом посту, на носовом орудии. Бил по врагу, как подобает североморцу. Кроме него, как сообщил Гальковский, воевали ещё два брата: один погиб при обороне Ленинграда, второй защищал Сталинград...

После службы работал шофёром, трактористом в Воркуте, шахтёром – десять лет. «Какие качества или черты характера ценю? Взаимовыручка, бесстрашие, умение в любой обстановке прийти друг другу на помощь. Дежнёвцы мужественно сражались с врагом. Хайруллин упал со снарядом, умер, но так и не выпустил его из рук...»

А это уже письмо Ф.А. Неклюдова:

«Получил анкету и отвечаю, как могу.

Родился я 17 февраля 1918 года в деревне Марека Шенкурского района Архангельской области, в крестьянской семье, русский.

С 1938 года работал в Северном речном пароходстве в должности помощника механика. На «Дежнёв» пришёл в июне 1941 года в составе экипажа.

Во время войны я был наводчиком орудия и в момент боя находился на своём боевом посту, у орудия, посылая снаряды по фашистскому линкору «Адмирал Шеер».

В сентябре 1945 года демобилизовался согласно приказу. Работал шофёром. Во время войны был награждён рядом наград. Но в бой мы шли не ради наград, а чтобы Родину защитить, чтобы наши дети жили в мире.

В настоящее время часто встречаюсь с учащимися Боровской восьмилетней школы, провожу с ними беседы.

В подготовленной справке отмечается: «По утверждению Качаравы, курс судна был проложен с таким расчётом, чтобы пройти в 8 милях от о. Белуха. Судно двигалось общим направлением на северо-восток, находясь к западу от острова. В 12 часов произошла встреча с рейдером. Сразу же был изменён курс и дан самый полный ход – 8–8,5 узла, – чтобы скрыться за остров, т.е. оказаться южнее этих островов. Этим курсом и с этой скоростью судно шло примерно 1,5 часа (погибли, по утверждению Качаравы, в 14 часов 20

минут). Следовательно, судно, которое находилось от острова с западной стороны и идущее к нему в течение полутора часов, не могло оказаться севернее его в 9,2 мили».

В книге Е.М. Сузюмова, который в годы войны был адъютантом начальника «Главсевморпути» контр-адмирала И.Д. Папанина, «Подвиг «А. Сибирякова» сказано, что в момент гибели корабля до острова Белуха было около двух миль. Известный историк Арктики профессор М.И. Белов в четвёртом томе своей «Истории открытия и освоения Северного

морского пути» на странице 496 приводит схему, на которой видно, что «Сибиряков» погиб к западу от этого острова. В протоколе заседания ветеранов записано, что А.Т. Павловский, который в то время был боцманом «Сибирякова», сказал в своём выступлении: когда они высаживались с гибнущего парохода в шлюпку, остров Белуха хорошо был виден на северо-востоке.

При отсутствии достоверных данных о месте гибели корабля поиск его представляет значительные трудности, связанные с большими материальными за-

Дежнёвцев помню всех, со многими имею переписку и неоднократно встречался в Архангельске.

В семье нас было четыре брата – все участники войны. Старший брат тоже был моряком. Моя жена – ветеран Великой Отечественной войны, имеет много правительственных наград. Мы с ней вырастили шестерых детей. Один из сыновей продолжил службу на Балтийском флоте.

Возможно, никогда бы не встретились уроженцы Вологодской области, если бы судьба не свела их в одном боевом экипаже СКР-19. Иван Петрович Майоров, корабельный химик, бессменный комсорг, и Василий Иванович Отрубин.

Первый – из города Пскова, второй – из посёлка Новостройка, Вологодской области. Сейчас их письма сошлись в Дудинке. Они составили седьмую газетную публикацию под рубрикой «На поверке – дежнёвцы» в «Советском Таймыре» за 15 августа 1984 года.

«Родился я в 1914 году в деревне Погост Вытегорского района Вологодской области, в семье бедняка, – писал Василий Иванович. – После финской войны был призван на действительную службу. Меня направили в военно-морскую школу, которая находилась на Васильевском острове. Готовили там комендоров для пополнения корабельных экипажей. В 1941 году, в апреле, был направлен в Мурманск и до войны служил на корабле «Мурман». 22 июня 1941 года началась война, и весь личный состав списали с корабля, оставив только по расписанию. Так я попал на «Дежнёв» в качестве комендора. Это было в первых числах июля. И прослужил на нём до августа 1945 года. Затем списался в спецкоманду. Но началась война с Японией, и я дослуживал на берегу. Демобилизовался в

И.П. Майоров

октябре 1945 года.

... Когда начался бой, я приник к прицелу, поэтому что делалось вокруг боевых постов не видел. Всё увидел после боя. У моих ног лежали убитые, ранен был командир моего орудия Жбанов. Погибших товарищей похоронили мы на берегу. Потом с подведённым пластырем «Дежнёв» прибыл в Дудинку на ремонт. После ремонта опять в поход...

После демобилизации прибыл на своё предприятие, откуда пошёл в армию. В 1946 году женился. Пошли дети. Четыре моих сына –

тратами. Для поиска, отмечается в справке, необходимо взять, как минимум, окружность радиусом 10 миль – это составляет площадь более 1000 квадратных километров...

...И все же в год 40-летия героического боя и 50-летия сквозного плавания по Северному морскому пути были предприняты поиски «А. Сибирякова».

На помощь пришли лётчики. Два самолёта прощупали специальными приборами предполагаемый район гибели корабля и вроде обнаружили некий металлический объект, по-

коящийся на дне. Морской водолазный бот «Нептун» аварийно-спасательного отряда Мурманского пароходства поставил в указанном месте буи. На борту бота была группа водолазов, возглавляемая начальником отряда спасательно-технических работ Архангельского областного совета ОСВОДа, председателем Мончегорского клуба аквалангистов «Альфа» С.П. Поболем. Он спускался на дно (глубина там около 40 метров), но ничего не нашёл.

Капитан «Нептуна» П.П. Носин рассказал:

– Видимость на дне была нулевая, слой ила толщиной с метр. Наши водолазы не стали спускаться – длина водолазных шлангов у нас 100 метров, а самолёты могли дать координаты с погрешностью до 200 метров – скорость у них большая...

К сожалению, ничего не обнаружило и гидрографическое судно «Павел Башмаков» Архангельской гидробазы... Тайна «Александра Сибирякова» осталась нераскрытой...

В. ЯРОСЛАВЦЕВ.

«Красноярский рабочий», 1982 г.

Виктор, Николай, Владимир, Василий – классные специалисты, умеют водить и машину, и трактор, работают в одном леспромхозе. Дочь Тамара работает в детском саду, дочь Татьяна – в комбинате бытового обслуживания. А женился я на вдове, муж которой отдал жизнь за Родину, вырастил их дочь Галину. Она почитает меня за отца.

В сорок лет окончил курсы шоферов и до выхода на пенсию работал шофёром. Сыновья, видно, в меня пошли. Вот рассказываю сейчас о себе, а как будто ответ держу перед ними.

Имею девять медалей и почётных знаков, и главные из них – медаль Нахимова и «За Победу над Германией».

Как напишет Отрубин, люди, перенёвшие тяжёлые испытания войной, по-новому глядели на мирную жизнь, старались сделать всё, чтобы залечить раны, чтобы добрее быть друг к другу. И то, что он поведал нам в своём письме, лучшее подтверждение этому.

...Когда израненный корабль надо было прикрыть от вражеских глаз дымовой завесой, вступил в свои обязанности химик Майоров. Что делать, чтобы завеса была более плотной? Комсорт залез на мачту и зажёл там дополнительные дымовые шашки. Уже спускаясь с мачты, он почувствовал удар в спину. Боли не было. Майоров спрыгнул на палубу и извлек из противогазной сумки горячий рванный кусок снаряда. Сказал вгорячах:

– Шалишь, фашист, не так просто убить нашего брата-моряка.

– Долго будешь жить, Ваня! – шутили после боя друзья-североморцы, узнав о том, как Майорова противогазовая коробка спасла.

Скуп на слова ветеран, особенно когда дело касается его собственной персоны.

«...Что рассказать о себе?»

Родился в 1920 году в Вологодской области, в крестьянской семье.

Окончил неполную среднюю школу и школу ФЗУ. С 1936 года работал на молочном заводе мастером-маслоделом.

В 1940 году был призван на военную службу на флот. О море и не мечтал, я просто никогда его не видел. С октября 1940 по июль 1941 года проходил службу в учебном отряде Северного флота, где готовили специалистов для военных кораблей. На кораблях много разных специальностей. Я был подготовлен как корабельный химик.

И.П.Майоров, А.И.Подлесный
(середина 80-х годов)

Связь прервалась...

Глубокоуважаемый Никандр Анатольевич, здравствуйте!

Прошу извинить за столь долгое молчание. Не буду приводить уважительных причин и оправдываться. Виноват! Виновата плохая привычка, – откладывать на «завтра». Сколько раз боролся с нею, частенько удавалось от неё избавляться. Да вот опять распустился...

Я сердечно благодарен Вам за газеты, а, главное, я благодарен за доброе внимание ко мне, а в моём лице ко всем дежнёвцам,

живым и мёртвым. Это внимание волнует и радует! Я благодарен всем организациям, в том числе и вашей редакции, за отличную организацию встречи по случаю 40-й годовщины Победы над фашистской Германией и освещение этой встречи в газете. Вообще я очень благодарен труженикам Таймыра за добрую память о подвиге дежнёвцев в те грозные годы, и о тех, кто покоится на таймырской земле.

Вы спрашиваете о радистах, которые на фото, и кто из них жив. Увы! Уже давно нет в живых Горбунова Михаила Васильевича,

Белобородова Василия Гавриловича и Васильева Тимофея Алексеевича. О судьбе Ровчака Мити ничего не знаю. Связь прервалась сразу же после демобилизации.

Горбунов сразу после войны где-то учился и был офицером. После демобилизации и учёбы работал учителем и директором то ли школы, то ли ГПТУ. Кстати, он ещё и до войны работал педагогом у себя в Белоруссии.

Белобородов вернулся в Онежский район и работал на одном из лесопильных заводов.

Васильев окончил курсы штурманов, потом – заочно мореходное

А.Т. Павловский, Л.А. Кацман, К.И. Стёпин
в Таймырском окружном краеведческом музее
знакомятся с экспозицией «Подвиг СКР-19»

В июле 1941 года группу подготовленных химиков расписали по кораблям. Меня послали на сторожевой корабль СКР-19 на должность командира отделения химиков. На «Дежнёве» мне доверили руководство комсомольской организацией. В войну эта должность была не выборная, комсорг назначался. Так до конца войны я и прослужил химиком и комсоргом корабля. Все большие походы и бои во время Отечественной войны у меня были связаны с «Дежнёвым». В 1942 году у Диксона я, как и все, действовал по боевому расписанию, точно выполнял приказы с командного пункта.

В августе 1945 года «Дежнёв» был переведён на гражданскую работу, а нас, военнослужащих срочной службы, списали по частям и кораблям для прохождения дальнейшей службы. Тогда служили на флоте по пять лет. Я был назначен в должности дивизионного химика на корабль, который охотился за подводными лодками...

Награждён медалью «За отвагу», медалью Ушакова.

Посылаю фотографию большой давности, которая дорога мне как воспоминание.

С уважением дежнёвец И. Майоров.

По возвращении домой Майоров снова работал на родном заводе мастером-маслоделом. Окончил институт, вырос от мастера до директора комбината. Перед уходом на пенсию в 1980 году работал преподавателем технического училища, готовил специалистов для молочной промышленности. Оставляет свой след в жизни...

Побратимы Арктики

Проходят дни, недели, годы... Стоило мне отыскать одного из дежнёвцев, как через него дорога пролегла ко второму, третьему...

С годами у каждого журналиста формируется главное направление в творчестве. У меня, наверное, уже больше не будет более важной темы. О судьбах защитников арктического Диксона много написано в последнее время. Но каждый пишущий имеет свой взгляд, своё отношение к этой теме.

Каждый год, когда май спешит к девятому, а июнь – к двадцать второму, беспокойно спят ветераны. Это волнение передается и мне... Я уже не могу проехать мимо во время отпуска, если знаю, что где-то рядом по известным адресам живут североморцы. Я снова спешу на одну из таких встреч.

...В конце октября в Причерноморье властвует бабье лето. Оно разжигает такие осенние костры на деревьях, что диву даёшься их палитре: яркий

78

училище, работал штурманом и капитаном на судах Северного морского пароходства.

Сейчас не могу припомнить, от кого, но примерно в 1950-1951 году слышал, что Ровчак работал радистом на станции на Азовском море, а потом поступил в военное училище. Вообще Митя Ровчак был очень способным, он быстро всё осваивал, всё ему давалось легко. Немного словен, но очень внимательный слушатель. Видимо, поэтому всё так быстро схватывал...

С уважением
А. НОВОЖИЛОВ.

За мужество и стойкость, проявленные членами экипажа Краснознамённого ледокольного парохода «А. Сибиряков» в бою с фашистским крейсером «Адмирал Шеер» в период Великой Отечественной войны, наградить:

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I-й степени:

БОЧУРКО Николая Григорьевича,
НИКИФОРЕНКО Семёна Фёдоровича,
ЭЛИМЕЛАХА Зелика Абрамовича;

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ:

АЛЕКСЕЕВА Ивана Алексеевича,
ГЕРЕГУ Серафима Изосимовича,
КОПЫТОВА Ивана Фёдоровича,
ПАВЛОВСКОГО Андрея Тихоновича,
СЕДУНОВА Фёдора Васильевича.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР
от 29 апреля 1961 года.

пурпур и червонное золото, светлая охра и бурая зелень...

Хоть говорят, что рано в гости не ходят, мне надо было успеть к пятичасовому утреннему маршрутному автобусу Днестровск – Одесса. И вот он катит по широкой трассе, разрывая лучами фар чёрную южную ночь, выхватывая из темноты буйные деревья, то красные, то жёлтые, то ещё вовсе зелёные. Отражённый свет от них веет то грустью увядающей природы, то теплом уходящего лета. Может, весь этот наряд осени как-то согласовывался с моим душевным состоянием – я ехал на встречу ещё с одним дежнёвцем. Он жил под Одессой, в пригороде Ильичёвска.

Ранним утром, пройдя через калитку и чисто прибранный дворик, я постучал в дверь небольшого, почти дачного, домика.

Заспанная, седенькая женщина громко спросила:

– Кого вам надо?

Объясняю: здесь должен жить дежнёвец Павел Данилович Орлов.

– Павел Данилович болен. Сейчас спрошу, сможет ли он вас принять...

На летнюю веранду, приспособленную под кухню, вышел высокий пожилой мужчина. Знакомимся. Наше письмо он получил, но по болезни всё откладывал ответ. Руки его вздрагивали, на щеках появился румянец. Глаза, ещё не отошедшие ото сна, вдруг потеплели, засияли молодым блеском.

...Родился и вырос Павел Данилович в многодетной семье под Ростовом, отец его разъезжал в почтовых вагонах, а сына притянуло к себе море.

– На всю жизнь, – подтверждает Павел Данилович. – Сначала – на «Сибирякове», затем – на «Дежнёве». Начинал кочегаром. На «Дежнёве» – машинист. Третий механик – на «Седове». Весь

Север обошёл, все острова, все полярные станции и зимовки. Везде подставлял свой горб Арктике. Тяжёлая же эта ноша! Испытал коварство пролива Вилькицкого. Туда он тебя пустит, а обратно – надо с ним бороться. И кто – кого... Перед войной, в зиму с тридцать седьмого на тридцать восьмой год, зимовал у Северной Земли. Трудная была зимовка. Что запомнилось? Утром подушку от борта отдираешь, примерзла... Из бочки смастерили печку. Уголь экономили. Зима – длинная, полярная. Но не было отчаяния, одиночества...

Пожалуй, именно после знакомства с Орловым я стал искать и находить в биографиях «Сибирякова» и «Дежнёва» неразрывную связь. Вместе они выполняли мирные операции, не раз участвовали в совместных конвоях. Да и подвиг «Сибирякова» как бы предвосхитил подвиг «Дежнёва».

– Что ещё объединяет эти ледокольные пароходы? – переспрашивает Павел Данилович. – Люди. Эти корабли, не для громкого словца, настоящие побратимы. Их экипажи дополняли и пополняли друг друга. Да вот хотя бы меня возьмите. На «Сибирякове» прошёл школу моряка под руководством Павла Вавилова. Да, того самого Вавилова! Спасся на шлюпочке, много дней голодал, пока его не снял с острова полярный лётчик Черевичный. Хороший человек! Наставлял уму-разуму не назиданиями, а личным примером. Сильный и добрый... Бой «Шеера» с «Сибиряковым» походил на борьбу слона и мышонка. Как дал крейсер дуплетом, так насквозь и просадил «Сибирякова». В одну такую пробоину чудом удалось пройти Вавилу. Долго он плавал на «Сибирякове», усидчивый был, что ли... Другие рвались в загранку, а мы – на зверобойку, в Арктику...

Как тут не вспомнить слова бывалого моряка Константина Бадигина? В своей книге «На мор-

...И бой начался

«Моряке Севера» за 10 февраля 1978 года, в записи И. Князева опубликованы воспоминания Василия Ваптосовича Бабинцева, бывшего комиссара Северного отряда кораблей, базировавшихся на Диксоне:

– В день, когда фашистский рейдер «Адмирал Шеер» расстрелял в море ледокольный пароход «А. Сибиряков», я на СКР-19 прибыл на Диксон. Не знаю причины, но мне было приказано снять с острова батарею и перебросить её на один

из побережных пунктов. Когда мы прибыли, батарея уже была демонтирована, и орудия находились в баржах.

Буквально на следующий день получаю приказ: восстановить батарею. Спрашиваю у командира батареи лейтенанта Н. Корнякова: «Сколько нужно времени, чтобы установить орудия на прежних позициях?» А он отвечает: «Не менее трёх дней для того, чтобы их доставить до позиций...» Такого времени у нас не было. Мы уже знали, что немецкий крейсер со дня на день подойдёт к Диксону.

В тот же день с командирами

батарей – Корняковым и Завирухой – выбрали и обсудили позиции батарей, наметили план отражения возможной атаки. Вскоре с командиром СКР-19 А. Гидуляновым на портовом буксире «Туруханск» вышли из порта (командира отряда Н. Аннина в то время на Диксоне не было). И только вышли мы из бухты, как на время прояснилось. И на рейде отчётливо увидели силуэт большого военного корабля. Это был он, фашистский пират.

Тут же развернулись, и обратно – в порт. Только причалили, раздались первые выстрелы с крейсера. И сразу же в ответ заговорили орудия

ских дорогах» он с гордостью писал, что он пришёл из Главсевморпути. И на капитанский мостик он вновь решил вернуться в разгар войны. «Всё-таки это моё первое дело. Я, моряк торгового флота, капитан дальнего плавания, люблю море и свои корабли и теплоходы. Все они мне дороги. – писал он. – На каждом судне можно встретить кого-нибудь из знакомых, с кем стоял на вахте в пути или выгружал груз на зимовке в Арктике... Или, может быть, наши пароходы стояли когда-то на соседних причалах. Особенно приятны встречи с однокашниками, с кем постигал в мореходке мудрость судовождения».

В разговоре я припомнил эти слова. А Павел Данилович, как будто процитировал далее слова из книги, что сразу же с начала войны, стало ясно, что вчерашние мирные корабли – первые помощники фронту. Взять хотя бы тот же «Сибиряков» или «Дежнёв», которому присвоили даже военное звание «СКР-19»...

Разбередил я душу Павла Даниловича. Он уже не жаловался на болезнь, как бы вскользь обмолвился, что вот, мол, уж на пенсии несколько лет. И сейчас бы работал, если бы несчастье не подстергло. Случилось, машина наехала...

Жена, Тамара Игнатьевна, вместе сорок лет прожили, задела тень на лице мужа, забеспокоилась, вступила в наш разговор, чтобы увести его в сторонку.

– Совсем глухая! Без аппарата ничего не слышу... Ждём вот – зять должен подъехать. Тоже плавает, в Архангельске живёт с Ириной, дочкой нашей. Сын Аркадий тоже моряк. Морская семья!

...Выхожу на улицу. Солнце к зениту подбирается. Тепло, как в середине лета. Осень... Может, мне просто кажется. И до осени ещё далеко.

Письма, письма...

Было потом и письмо от жены Орлова. Тамара Игнатьевна писала: «Письмо с публикацией получили. Большое спасибо. Скоро большой праздник. У нас в семье – большое горе. После вашей встречи муж уже не вставал на ноги. Всё жаловался в последнее время, что у него болит палец на правой ноге. Врач советовал – ванны, мазь. В декабре стало хуже. Меня уже не слушал. Пришёл врач и на «скорой» – в больницу. 26 декабря ему ампутировали ногу выше колена. До 25 января я была с ним в больнице, привезла домой. Прошло после операции три месяца, и левая нога не работает... Сей год зима суровая, нет ещё весны, обычно в это время уже картофель сажаем. Мне так трудно одной: уголь, дрова, вода – всё таскать. А мне восьмой десяток... В Архангельске зять ходил в военкомат. Сказали: если бы мы жили там, то дали бы к празднику квартиру, советуют хлопотать здесь. Но это не Россия, а Украина...

Плохо мне, я совсем глухая, просила сходить в горисполком соседей. Там сказали, что у нас своя хата, квартира не положена. Но присылали человека проверить условия. Не знаю, что будет. Надо бы сходить в военкомат. А что теперь толку. До смерти нужна была помощь... Вы же знаете, у нас плохая хата. Для лета, как дача, – замечательная. Ведь имеют же люди и квартиру, и дачу. А почему больному человеку нельзя?

Из Мурманска была открытка, собираются на Диксон, Павла приглашали. Они ещё не знали о нашем горе... Фотографий я не нашла, он не любил их хранить.

С уважением Орлова».

Так уж получилось: сошлись письма двух партторгов Михаила Фёдоровича Сараева с «Сибирякова» и Ивана Васильевича Садовниченко с

«Дежнёва», затем – батареи Корнякова и Завирухи. Начался бой...

• • •

...Первыми на встречу участников боя у острова Диксон приехали два вологжанина – Василий Иванович Отрубин и Степан Александрович Моськин. До удивительного схожи судьбы земляков...

Войну оба начали на заградителе «Мурман». На следующий же день после нападения на Советский Союз гитлеровской Германии Отрубин и Моськин были направлены на ледокол «И.Сталин», а затем на ледокольный пароход «Дежнёв»...

– Трудно вспомнить, сколько раз выстрелило наше орудие, – рассказывает Степан Александрович. – Кажется, мы успели выпустить десятка полтора снарядов. Затем три или четыре вражеских снаряда прошили «Дежнёв» насквозь, пробили оба борта. Несколько снарядов разорвались на палубе.

– Поздней, когда закончилась схватка, – добавляет Василий Иванович, – я увидел, какие потери мы понесли в этом бою. Сзади меня лежали двое убитых товарищей, один из них был из моего расчёта. На бушлате увидел кровь. Чувствую, что-то с рукой неладно.

Осмотрел, оказывается, руку задело осколком...

Отрубин и Моськин плавали на «Дежнёве» до конца войны, оба награждены медалями за мужество и героизм, демобилизовались почти одновременно.

Двадцать два года работал шофёром в леспромхозе В.Отрубин. Более тридцати лет руководил колхозными хозяйствами С.Моськин, как правило, партия посылала его туда, где труднее.

А. ГУНДОРОВ.

«Моряк Севера», 10.02.78 г.

«Дежнёва». Одно – из Ленинграда, другое – из Ставропольского края.

... Через час, как только стало известно на СКР-19 о тревожных радиосигналах «Сибирякова», посовествовавшись с полковым комиссаром В.В. Бабинцевым (он участвовал в этом походе «Дежнёва»), парторг Иван Садовничий собрал всех коммунистов и призвал их усилить бдительность, не пожалеть живота своего в бою, если придётся его принять.

Пришлось. Пали смертью храбрых коммунисты А. Карагаев, Г. Майсюк.

Вот строки из письма Ивана Васильевича Садовничего. С ним обещал познакомить нас Александр Павлович Алимов. Оба слово своё сдержали.

«Глубоко тронут вашим вниманием, и прошу извинить за долгое молчание.

Родился в 1910 году в крестьянской семье, в селе Преградное, Ставропольского края, где проживаю и в настоящее время.

В 1931 году призвали на Черноморский военноморской флот по комсомольскому набору. В 1932 году вступил в партию.

В Севастополе окончил машинную школу, направлен с группой мотористов в Мурманск, в морскую пограничную охрану на корабль «Пурга». Здесь прослужил до 1934 года. С 1935 по 1937 год службу продолжал в Ленинграде.

После демобилизации поступил работать в Севморпуть, назначен машинистом на «Дежнёв». В 1939 году мобилизовали на финскую войну. В июле этого же года демобилизовали.

С 1941 года на «Дежнёве» (СКР-19) – старшина трюмно-котельной группы, возглавил партийную организацию.

Во время боя у Диксона находился у главного

поста – спасательного насоса в машинном отделении по расписанию боевой тревоги. У СКР-19 – пробоины. По указанию главного механика откачиваю насосом воду из отсека.

По окончании войны направлен в спецкоманду Северного флота. Служил на флотском танкере «Полярник» Тихоокеанского флота старшиной трюмно-котельных машинистов. В августе 1956 года демобилизовался. Вернулся на родину. По просьбе руководителей колхоза установил паровые котлы в кормоцехе, обучал колхозников работе на паровых котлах. Работал в колхозе до 1980 года. В настоящее время на пенсии...

Награды: орден Красной Звезды, медали Нахимова, «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Советского Заполярья», «За боевые заслуги».

Ценю в человеке дисциплинированность, безукоризненно быстрое, точное выполнение команд, указаний на своём боевом и трудовом посту. Считаю, что во время боя у Диксона эти черты характера помогли дежнёвцам выиграть боевое сражение с превосходящим в силе и технике противником...

С уважением И.В. Садовничий.

...В самый разгар боя парторг «Сибирякова» Михаил Сараев обратил внимание, что противник усилил огонь по объектам радиосвязи. Одним из снарядов сбило передающую антенну, нарушилась связь с Диксоном. Не раздумывая, Сараев срывает трансляционную антенну, соединяет её с оборванной и поднимается по вантам к месту её крепления. Во время подъёма Сараева ранило в руку, тогда он схватил антенну зубами и, достигнув необходимой высоты, все же закрепил её. В эту минуту он почувствовал сильный удар в спину.

«Златых гор достойно»

В нашем повествовании мы неоднократно говорили о том, насколько важно иметь в условиях плавания в арктических морях прогнозы погоды и данные ледовой разведки. В своё время великий русский учёный архангелогородец Михаил Васильевич Ломоносов сказал пророческую фразу: «Предсказание погоды златых гор достойно». И трижды был прав.

За подобные сведения на огромном пространстве северных

морей противоборствующие стороны платили человеческими жизнями. Перед тем как были открыты кингстоны «Сибирякова», шифровальщик судна Михаил Кузнецов уничтожил все секретные документы, в том числе – шифры и все данные ледовой обстановки в этом регионе. Фашисты не рассчитывали, что сибиряковцы пойдут на этот отчаянный шаг, ускорят потопление корабля, и секретные документы не попадут в руки врага, что потом будет отчитывать капитана «Адмирала Шеера» высокопоставленное начальство. Не удастся с этой целью и высадка

десанта на Диксон...

Среди тех, кому было поручено спасти секретные документы, был и М.М. Сомов, выдающийся ледовый разведчик, гидролог и географ. Вот как об этом пишет Зиновий Каневский в своей книге «Льды и судьбы»:

«...Сомов почти тридцать лет отдал ледяным широтам, северным и южным. Он принимал участие в бесчисленных полётах и посадках на приполюсные льды, участвовал в первом послевоенном полёте на Северный полюс в октябре 1945 года, работал в Центральной Арктике в составе

Михаил Сараев
(1942 г.)

Упал на палубу... Только через 20 дней хирурги извлекли из спины парторга осколок снаряда. Взвесили – 325 граммов! Он ударил в правую подлопаточную часть грудной клетки, разрубил четыре ребра и застрял...

Анатолий Шершавин и Петр Гайдо уже передали необходимую информацию.

Побратимы Арктики

82

Именно этот эпизод из военной жизни Михаила Сараева приходит на память, когда начинаешь читать его письмо:

«...Родился 22 октября 1914 года в Петербурге, в семье служащего. Образование среднетехническое. Трудовую деятельность начал в 1931 году на заводе «Электроприбор» в Ленинграде. В 1935 году по специальному набору призван в ряды Военно-Морского Флота, направлен в Кронштадт. Осенью 1936 года распределяюсь в подразделение подводных лодок Северного флота.

Участник финской войны. В ноябре 1940 года демобилизовался в связи с окончанием срока службы. В июле снова призван по всеобщей мобилизации, направлен в Архангельск, где базировалась Беломорская флотилия Северного флота.

Естественно, хотелось снова попасть в свой подводный отряд, но судьба распорядилась по-другому. Первоначально меня и сменщика, Ивана Алексеевича Алексеева, направили на «Сибиряков», который участвовал в проводке и конвое английских судов, следовавших в Архангельск с грузом для фронта.

После выполнения задания «А. Сибиряков» мобилизован и зачислен в ледокольный отряд Беломорской флотилии. Капитан Анатолий Алексеевич Качарава стал командиром корабля в звании старшего лейтенанта. При содействии И.Д. Папанина он добился в штабе флотилии, чтобы мы с Алексеевым продолжили службу на «А. Сибирякове».

После ранения, потеряв возможность подняться на ноги, я ещё долго ползал в крошечном дыму по палубе в поисках людей. Бой ещё продолжался. Правда, односторонний. Сибиряковцам от-

«прыгающих» научных отрядов. А в 1955-1957 годах доктор географических наук Герой Советского Союза возглавлял первую антарктическую экспедицию (после чего ещё дважды посетил южный ледяной континент). Медаль «Золотая Звезда», три ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, ряд высших научных наград нескольких государств и в их числе золотая медаль «Вега» шведского Королевского общества антропологии и географии увенчали его отважную деятельность в высоких широтах.

(До чего же трудно писать о героях и героических экспедициях! Проще всего перенасытить книгу эпитетами типа «легендарный», «уникальный», «мужественный», «исторический» и т.п. Или поступить, как в анекдоте о знаках препинания, – собрать все слова такого рода воедино и скопировать: «Марш по местам!» А ещё лучше – постараться обойтись без громких прилагательных, но это почти невозможно.)

Выйдя на пенсию, Михаил Михайлович работал над воспоминаниями, писал о ледовых разведках и разведчиках, об Антарктиде.

Но вот о дрейфе СП-2 книги так и создал. Он охотно рассказывал об СП-2, говорил о событиях тех дней с откровенностью и юмором, но одновременно с большим тактом и скромностью. На вопрос о книге отвечал:

– А зачем книга? У меня есть кое-что получше – вахтенный журнал нашей станции. Тут всё, как оно было на самом деле. Все триста семьдесят шесть суток. Идеальная «шпаргалка» для всех – ни тебе фактических неточностей, ни авторских украшательств. Так что устраивайтесь поудобнее и читайте себе на

бываться было уже нечем и некому. На палубе около входа в машинное отделение я обнаружил группу людей: Качарава, Элимелах, Бочурко и ещё несколько человек (рассмотреть не мог, голова не поднималась).

Элимелах всех успокаивал, говорил, что принимаются меры для спасения оставшихся в живых. Качарава отдавал последний приказ Бочурко открыть кингстоны и ускорить затопление «Сибирякова». Средства для спасения заключались в одной шлюпке, остальные разбили фашисты. Правда, был спущен уцелевший ялик, в котором находились три женщины – повар, буфетчица и уборщица.

Павловский через борт спустил меня в воду, но ялик от снаряда перевернулся, женщины не всплыли. Я ухватился за киль и долго держался...

«А. Сибиряков» тонул, я ещё был в сознании. Под кормой держался за винт какой-то человек. Вскоре я потерял сознание. Пишу со слов товарищей. Когда с «Сибирякова» спустили шлюпку и посадили людей, одновременно с «Адмирала Шеера» спустили катер с автоматчиками. Оставшихся в шлюпке сняли, несколько человек подобрали из воды. Алексеев и другие говорили, что мои руки фашисты не могли оторвать от шлюпки, хотели уже отступить, но всё же разъединили, может, потому, что на мне была офицерская форма.

«Сибиряков» получил много повреждений от снарядов, на палубе горели бочки с бензином и живой скот, сборные дома и собаки, предназначенные для новых полярных станций. Одним из снарядов полностью уничтожило орудие в кормовой части корабля, погиб весь обслуживающий оружейный персонал.

М.Ф. Сараев

Всё было настолько ужасно, что, не пережившему это, трудно поверить. Погибли в бою 67 человек. Командир Качарава тяжело ранен, старший помощник Сулаков, второй штурман Самуил Фёдорович Бурых и третий штурман Павел Дмитриевич Иванов погибли. Машина и

здоровье. У вас сейчас СП-2 на уме, а я, признаться, всё больше 1942 год вспоминаю, Диксон, бой с немецким линкором. У нас мало знают о войне в Арктике, о той цене, какую приходилось платить за обычный прогноз погоды. Вы-то сами знаете об этом?

...Михаил Михайлович Сомов получил орден Красной Звезды за бой с «Адмиралом Шеером». В августе 1942 года он работал гидрологом в штабе проводки западного района Арктики на Диксоне. Когда порт готовился к обороне, ему и двум его коллегам было дано единственное поруче-

ние: спасти всю документацию, в том числе метеорологические и ледовые сведения. Были подготовлены тяжёлые мешки, которые на плечах предстояло унести в глухую тундру, как можно дальше от Диксона, где уже разгорался тяжёлый бой. Унести, сохранить до прихода своих или уничтожить в минуту крайней опасности. Под огнём, под разрывами гитлеровских снарядов, прогибаясь под тяжестью бесценного груза, гидролог Сомов спасал бумаги с обычными колонками цифр и карты, испещрённые замысловатыми значками, – всё то, что в руках

синоптиков и ледовых разведчиков превращается впоследствии в прогноз погоды, прогноз ледовой обстановки. А ценой такого прогноза были жизни наших моряков и полярников.

Кончилась война, и Михаил Михайлович Сомов снова занялся делом, которое он защищал в бою на Диксоне – исследованием высоких широт.

Зиновий КАНЕВСКИЙ.

«Льды и судьбы».

Издание «Знание». Москва. 1980. стр. 88–89, 93.

рулевое управление выведены из строя, а носовое орудие под командой Василия Дунаева всё ещё посылало снаряды по врагу...

Что сказать о себе? По боевому расписанию обеспечивал политическое руководство как парторг и поддерживал радиосвязь по специальности. Пришлось заниматься всем, вплоть до подноски снарядов, заменить выбывших из строя.

...На «Адмирале Шеере» лежали в штрафном каземате вместе с Качаравой. Остальные – отдельно. В сознание пришёл ночью, в период обстрела с Диксона. Тогда мы думали, что встретились с англичанами, надеялись на спасение. Мучения начались, когда нас высадили, или вернее, вынесли в Нарвике. Затем – Гдыня... Горя пришлось хватить много. Держались стойко. Во время боев за Гдыню бежали. Дней десять находились между линией фронта, затем соединились с нашей армией 2-го Белорусского фронта, где я служил до демобилизации в ноябре 1945 года.

После войны в театрах Ленинграда – на административной работе, в частности, директор Малого театра, театра драмы и комедии. В 1978 году ушёл на пенсию. Инвалид войны II группы, член КПСС с 1939 года. Женат, имею дочь (1949 года рождения).

22 октября 1984 года отметили моё семидесятилетие. Поздравить приехали: Андрей Тихонович Павловский – бывший боцман, Алла Павловна Шаларева – дочь штурмана П.Д. Иванова, Анна Дмитриевна Гайдо – жена радиста П.Э. Гайдо, Степан Васильевич Быков – ветеран Северного флота, патриот «Сибирякова», Эвника Георгиевна Светланова – специальный корреспондент «Советской России».

В заключение хочу сказать: сибиряковцы выполнили свой священный долг.

Спасибо за публикации.

С уважением М.Ф. Сараев».

Несмотря на инвалидность, Михаил Фёдорович до последних дней принимал активное участие в жизни Санкт-Петербургской РОО «Полярный конвой». Ещё, кажется, только вчера единственный из оставшихся в живых сибиряковцев М.Ф. Сараев 1 сентября 2001 года, на 60-летие «Дервиша» шагнул на Параде ветеранов – участников союзных конвоев. Когда я ехал в Санкт-Петербург уже на 65-летний юбилей «Дервиша» в 2006 году, думал, позвоню по телефону, договорюсь о встрече и непременно навещу Михаила Фёдоровича. Но, видно, не судьба... Камилла Эдуардовна Кузнецова, секретарь РОО «Полярный конвой» сказала грустно: «Совсем недавно похоронили мы Михаила Фёдоровича...»

...Спешит на встречу ещё одно письмо из Москвы – от Д.И. Гречишникова.

Дмитрия Ильича Гречишникова моё письмо отыскало в больнице. Раны, полученные во время войны, дают о себе знать. Коротко он ответил на вопросы нашей анкеты. Родился в Днепрпетровской области в 1919 году, в семье рабочего-железнодорожника. Призван на действительную флотскую службу в 1938 году. В сороковом году направлен на полуостров Средний, что в трёх милях от Петсамо. В сорок первом тяжело ранен, в госпитале Полярного залечивал раны, эвакуирован в Архангельск. По выздоровлении получает направление на «Дежнёв» в должности командира отделения пулемётчиков.

«Во время боя, – пишет Д.Гречишников, – мы с матросом К.Нечаевым вели огонь из ДШК по «Шееру». Хотя наш пулемёт мало вреда при-

48 страниц из истории войны

«Провал операции «Вундерланд» историка Михаила Ивановича Белова (Издательство «Морской транспорт». Москва. 1962 г.) – одна из первых книжек, посвящённых обороне Диксона. Скорее всего, это брошюра на 48 страниц. В ней лаконично рассказывается о борьбе советских людей на Крайнем Севере в те далёкие грозные годы. Михаил Иванович внимательно изучал историю Севера. Его публикации

о златокопнящей Мангазее до сих пор вызывают бесспорный интерес историков и исследователей. Мне посчастливилось встретиться с ним в 1975 году в заполярной Хатанге, которая отмечала тогда своё 350-летие. Собственно, он один из тех, кто отыскал в старинных скрижалях первое упоминание об этом поселении и отстаивал историческую справедливость, что провинциальная, затерянная в тундре, Хатанга старше стольного града Таймырского автономного округа – Дудинки. Факт этой встречи засвидетельствован на этой фотографии.

Спустя сорок лет после выхода книги «Провал операции «Вундерланд», мне её передала жена контр-адмирала К.И. Стёпина – Злата Юлоновна. Константин Иванович, видимо, не раз перечитывал брошюру, делал свои поправки и заметки на полях. Нас заинтересовало это издание с двух позиций – тут есть некоторые подробности о пароходе «Кара» и воспоминание М.М. Сомова. Цитирую дословно два отрывка из этой книги:

«Пароход «Кара», сносимый ветром, шёл в Самолётную бухту. В его трюмах находилось свыше

**Каким был бой у Диксона,
объясняет К.И. Стёпин
в Таймырском краеведческом музее**

носил бронированному крейсеру, но живая сила испытывала неудобства. Нам удалось поджечь самолёт, который находился на борту «Шеера». В этом бою я был легко ранен в ногу, выেলчился в условиях корабельного лазарета.

Вот и сейчас нахожусь в больнице, осталось шесть дней до выписки... Фото пришло по выходу. По последнему ранению меня признали инвалидом Отечественной войны второй группы.

Вот, кажется, и всё».

Накануне 40-летия Победы наша почта пополнилась ещё одним интересным письмом. Его прислал бывший дежнёвец, ныне контр-адмирал, руководитель совета ветеранов ледокольного парохода Константин Иванович Стёпин.

Он извинился за столь долгое молчание. Причин много, включая и то, что лежал в госпитале. Из

ответов на анкету мы впервые узнаем подробности жизни этого человека.

«Родился в Москве 12 августа 1919 года, в семье служащего.

В 1936 году окончил десятилетнюю школу, поступил в Московский текстильный институт. В 1939 году по путёвке ВЛКСМ направлен на учёбу в Высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе (г. Ленинград).

В октябре 1941 года учёбу прервали и досрочно выпустили из училища лейтенантами. Направили на Северный флот, в Беломорскую военную флотилию (г. Архангельск). Служил сначала на ледоколе «Ленин» военным помощником, с января 1942 года – командиром боевой артиллерийской части сторожевого корабля № 19. 27 августа 1942 года управлял огнём артиллерии...

В дальнейшем служил на Северном флоте – помощником командира на «Литке». Вся дальнейшая моя служба – штабная: в Москве, на Тихом океане, на Балтике, на Чёрном море. С начала 1971 года – на преподавательской работе в Москве. Продолжаю военную службу. Контр-адмирал. Кандидат военных наук, доцент. Награждён четырьмя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине» III степени, четырнадцатью медалями».

«В этом году, – писал далее Константин Иванович, – группа дежнёвцев, сибиряковцев и артиллеристов береговой батареи предполагает прибыть на Диксон. Пока в списке восемнадцать человек. Полагаю, их будет меньше. годы и фронтовые раны дают о себе знать...»

Нашлись у Степина и активные помощники: Иван Григорьевич Шнейдер, Юрий Сергеевич

двухсот тонн взрывчатки. В случае попадания снарядов взрыв разнёс бы в щепки не только корабль, но и островные сооружения Старого Диксона, где находился штаб, принимающая радиостанция и жилой посёлок. Экипаж «Кары» вёл себя мужественно и организованно. Об этом говорят скупые, но спокойные строки вахтенного журнала: «27 августа. Порт Диксон. Разгружаемся. С утра у буя пролива Вега немного рассеялся туман, вырисовывался силуэт немецкого крейсера, была объявлена тревога «все по местам». Крейсер тотчас же открыл артил-

лерийский огонь, прежде всего по причалу, где стояли «Кара» и «Дежнёв». Снаряды ложились сначала с правого борта, затем с левого борта и по корме в нескольких метрах. У бортов судов высоко поднимались всплески воды от разрыва снарядов. Пароход «Кара» сильно вздрагивал и вибрировал, осколки осыпали всё судно, особенно кормовую часть. Одним осколком пробита вывеска названия судна на мостике и цистерна...» Во время боя экипаж «Кары» соблюдал полное спокойствие, хотя опасность была очень велика.

Штаб проводки понимал необходимость немедленного вывода из гавани, но связи не было. Тогда начальник штаба Еремеев на катере, который вёл механик Д.И. Анютин, под градом осколков подошёл на рейде к пароходу и приказал немедленно отходить на Енисей. На корабле всё было готово у выполнению этого приказа. И вот тихоходное судно, рискуя каждую минуту взлететь на воздух, двинулось к проливу Вега. «При разворачивании и следовании из гавани, – читаем в судовом журнале, – крейсер продолжал обстрел. Несмотря

Гудин, Владимир Георгиевич Реданский. Сначала они встретились в Москве: Шнейдер приехал «случайно» из Ленинграда, Гудин – из Архангельска. Писатель Реданский живёт в Москве. К этому времени из Киева позвонил по телефону Леонид Александрович Кацман, из Харькова – Александр Павлович Алимов...

«Получился «дежнёвский день», – заканчивает письмо Степин. – Многое обсудили, наметили... Дежнёвцы – замечательный народ! Боевой коллектив не распался и после войны, несмотря на различия в дальнейшей судьбе. Многие показали себя не только в морском деле. Видимо, это отдельный разговор. Коротко об этом – в книге И.Г.Шнейдера «Дежневцы». Она замечательная во всех отношениях. Её нужно переиздать большим тиражом или написать новую книгу...»

В мае 1985 г. Диксон встречал дорогих гостей. За всё послевоенное время это был самый большой «десант ветеранов» – защитников арктических берегов Красноярского края. К названным уже Стёпиным товарищам присоединились: С.А. Кротов, Ю.Б. Брен, И.П. Майоров, А.И. Подлесный, В.А. Прокофьев, К.А. Смирнов, А.А. Пахалкин, комсорт батареи Корнякова С.К. Сергиенко, С.В. Быков, А.П. Шаларёва (Иванова), А.Т. Павловский.

В эти дни они побывали в Норильске, который поразил их размахом строительства. Не узнали они в современном многоэтажном городе и деревянной одноэтажной Дудинки военных лет, когда «Дежнёв» прибыл сюда на восстановление. Дудинский морской порт с его кранами, стоящими у причала судами усиленного ледового класса, осуществляющих круглогодичную навигацию, не шли ни в какое сравнение с портом сороковых годов...

Здесь как будто специально для встречи с ними только что причалил к берегу необычный дежнёвец – теплоход «Капитан Назарьев». Североморцы поспешили на судно, носящее имя их боевого товарища. Трогательной была встреча. Ветераны и молодые моряки экипажа согласились с предложением создать на корабле мемориальный музей А.А. Назарьева.

Побывали ветераны в окружном краеведческом музее, познакомились с экспозицией, посвящённой боевым действиям в Карском море, дополнили её новыми экспонатами.

Каждый день пребывания североморцев на Таймыре был заполнен незабываемыми встречами и событиями. Когда самолёт Ил-14 из Дудинки взял курс на Диксон, где-то внизу, вдоль Енисея, шла комсомольско-молодёжная лыжная экспедиция: её участники везли в капсулах землю Диксона – от братской могилы и с горы Южка. Эта священная земля будет предана в Дудинке земле у обелиска в честь таймырцев, погибших в годы Великой Отечественной войны...

Пока мы летим в самолёте, от писателя Владимира Реданского узнаю: наша газета очень верно поступила, начав переключку дежнёвцев. По морской традиции такая переключка будет завтра. Этот обязательный уставной ритуал на военных кораблях проводится ежегодно... Потом он прервался с возвращением «Дежнёва» к мирному труду. Снова традиция возродилась 5 августа 1967 года на большом сборе дежнёвцев в Архангельске, впервые за 25 лет.

на плохую погоду, вынуждены были, с риском наскочить на мель, следовать форсированным ходом от неприятельского крейсера, уходя из гавани за Малый Олений (остров – М.Б.), слышать непрекращающиеся орудийные выстрелы».

Вывод парохода «Кара» из зоны огня неприятеля – один из важных моментов обороны Диксона.

Гражданское население, вооружившись винтовками, заняло заранее определённые позиции на побережье. Штаб проводки судов принял все меры, чтобы от-

разить возможный десант противника. А.И. Минеев и Н.А. Еремеев в течение всего боя находились на связи с транспортом. По их указанию сотрудники штаба должны были вывезти в тундру документацию о ледовой и синоптической обстановке Карского моря, за которой так охотились гитлеровцы; в случае же угрозы захвата документацию надлежало сжечь.

М.М. Сомов вспоминает, что он и В.В. Фролов, вооружившись гранатами и одной винтовкой, засунув в карманы плащ-палатки бутылки с керосином, вышли из

здания штаба в гавань. Они хотели переправиться на материк. Каждый тащил по тяжёлому мешку с документами. В гавани они не застали катера, уже ушедшего на «Кару». Пришлось изменить план. В это время линкор снова появился вблизи острова с северной стороны и обстрелял его. Снаряды свистели над головами. Тогда они решили при первых же признаках появления десанта сжечь секретную документацию и обороняться до последнего патрона. Так как десант высажен не был, все документы были сохранены полностью...

И память проступает вновь, как кровь через бинты...

Молча стоят воины в ровных шеренгах. Чеканя шаг, на плац строем выходят дежнёвцы. Впереди боевой флаг, под ним совершил подвиг СКР-19. Флаг несёт член экипажа послевоенного «Дежнёва» Николай Жеребцов.

На трибуне – участник боя, бывший секретарь парторганизации сторожевого корабля Иван Садовнический. Это он перед решающим боем собрал коммунистов корабля (а их было в экипаже большинство) и сказал: коммунистам стоять насмерть. На корабле в решающие минуты никто не думал о себе, не струсил, не бросил пост, хотя многие получили ранения, семеро погибли...

Садовнический на мгновение замолчал, вглядываясь в лица дежнёвцев. Затем обратился к бывшему главному боцману корабля Ивану Петряеву:

– Боцман, произвести переключку, согласно списку личного состава СКР-19!

Из строя вышел Петряев, развернул список и начал переключку:

– Старшина первой статьи Павел Григорьевич Ульянов...

Не может отозваться табличный второй батареи Ульянов. Он лежит в братской могиле на острове

А.П. Борисихин

Г.И. Майсюк

Диксон. За него отвечает Александр Алимов:

– Старшина батареи Павел Григорьевич Ульянов погиб смертью храбрых в неравном бою с врагами.

– Краснофлотец Геннадий Иванович Майсюк...

– Краснофлотец Геннадий Иванович Майсюк погиб смертью храбрых в неравном бою с врагами...

– Старшина второй статьи Василий Иванович Давыдов...

– Старшина второй статьи Алексей Михайлович Карагаев...

– Краснофлотец Фахрулла Хайруллин...

– Краснофлотец Василий Иванович Суслов...

– Краснофлотец Аркадий Прокофьевич Борисихин...

Их имена сегодня высечены на мраморной плите братской могилы.

Кто они, чьи имена навечно отчеканены в самом крепком камне?

«...Дальномерщик зенитной батареи, – вспоми-

Спустя несколько дней Меедсен-Болькен доложил своему начальству о результатах своего «вояжа» в Карское море. Хвостовству не было границ. Получалось, что своим пиратским рейдом «Адмирал Шеер» нарушил навигацию на Северном морском пути, потопил ледокол и натворил много всяких других бед. В действительности навигация на Северном морском пути проходила по строго разработанному плану... Что касается порта Диксон, то нанесённые ему повреждения были не велики. Можно сослаться на доклад А.И. Минеева и Н.А. Ере-

меева начальнику Главсевморпути И.Д. Папанину о результатах боя с крейсером «Адмирал Шеер». Этот документ составлен 1 сентября, спустя четверо суток после боя с немецким пиратом, так сказать, по горячим следам. В нём читаем следующие строки: «Необходимо отметить, что весь личный состав порта и полярной станции вёл себя с исключительной выдержкой и хладнокровием. Каждый выполнял свой долг. Эффективность обстрела противником чрезвычайно мала, по сравнению с теми огневыми средствами, которыми он располагал.

Главная цель противника – разрушить основную базу – не удалась. Человеческих жертв, кроме погибших на пароходе «Дежнёв», ни в порту, ни на полярной станции не было. Частичные повреждения на Новом Диксоне и на Конусе быстро ликвидированы, и уже 1 сентября коротковолновая мощная передающая станция Диксона введена в действие. Конус был восстановлен через два дня после налёта».

Михаил БЕЛОВ.

«Провал операции «Вундерланд».

Издательство

«Морской транспорт».

Москва. 1962 г., стр. 38–41.

нает Иван Григорьевич Шнейдер, – не выдавший многого из того, что происходило в расчётах орудий, продолжал измерять дистанцию до цели и наблюдать результаты стрельбы. Максименко, не отрываясь от окуляров, отлично видел вражеский корабль и сразу же заметил, что наши снаряды взорвались в районе фок-мачты крейсера, что на юте рейдера возник сильный очаг пожара. Обрадовавшись, он крикнул:

– Смотрите, Майсюк, Борисихин, смотрите! Дали немцу прикурить!

Ответа он не дождался. Как раз в это время рядом разорвался вражеский снаряд, угодивший в шлюпбалку, и осколки веером сверху осыпали палубу. Подняв голову и оглянувшись, Максименко увидел, что Майсюк, Борисихин и Ульянов распластались на палубе, сраженные насмерть. Сидевший рядом старшина второй статьи Василий Давыдов – он поддерживал телефонную связь дальномерного поста с орудиями – безжизненно свесился вниз с дальномерной площадки...

У сослуживцев Павел Ульянов вызывал восхищение щеголеватой манерой носить военноморскую форму. Он живо интересовался жизнью родного коллектива, активно участвовал в установке дальномеров. Позднее определён табличным на дальномер. В бою держался спокойно, с присущей ему выдержкой. Его гибель в бою сначала была непонятной: товарищи не обнаружили на его теле ни единой царапины. И только потом кто-то обратил внимание на его каску, в которой была еле заметная пробоина. От осколка в голову и скончался Павел...

Не расходилось дело со словом у Василия Давыдова. Его с особым вниманием слушали на партийных собраниях, он как коммунист заботился о боевой выучке, слаженности и сплочён-

ности корабельного коллектива. Он не дрогнул и в свой звёздный час. Иван Шнейдер рассказывал на встречах в Диксоне, как смертельно раненный Василий попросил выпить спирта. Ему принесли, но пить он не смог. Попросил Ивана принести фотографию с двумя дочурками. Посмотрел и закрыл навсегда глаза.

Алексей Карагаев был опытнее многих товарищей, прошёл артиллерийскую школу на боевых кораблях. Поэтому расчёт, которым он командовал на «Дежнёве», считался одним из лучших. До последнего дыхания Карагаев находился на боевом посту. После его гибели дежнёвцы читали его переписку с женой Зоей, и, кроме всех достоинств, обнаружили ещё, что он – настоящий патриот, беспредельно преданный Родине.

Краснофлотец Геннадий Майсюк. Родился в Белоруссии. Но бывалый моряк... К нему в экипаже относились с особым уважением. В тридцать восьмом году на пароходе «Курск» трижды ходил в Барселону, доставлял грузы республиканской Испании, успел посидеть во франкистской тюрьме и получить в мирные дни орден «Знак Почёта». Последним рейсом «Курск» принял на борт обездоленных войной испанских детей. Сколько в их глазах было тоски и страданий. Детей благополучно доставили в Одессу, и наша страна стала им второй родиной... Товарищи навсегда запомнили его добрую, светлую улыбку. Человек – труженик, серьёзно занимался английским языком. Отец Геннадия Майсюка – Иван Михайлович до недавнего времени жил в г.Слободка, Одесской области...

Незаметным был в экипаже Василий Суслов. Без лишних слов он осваивал свою морскую профессию. Говорил тихо, но в час испытания сказал своё слово со всей силой боевого мужества, проявив характер настоящего североморца.

Чишма узнала героя

Здравствуйте, Никандр Анатольевич!

Пишет вам жена Александра Григорьевича Хайруллина. 3 августа 1983 года он умер, а так хотел дожить до 40-летия Победы. Родился он 21 января 1921 года в Башкирской АССР, Дюртюлинском районе, деревне Чишма. Воевал честно на Карельском фронте. Два ранения имел, награждён орденом Красной Звезды и орденом Славы III степени. Он – радист, на зимовках не раз бывал, то на Микул-

кином Носу, то на Канином Носу. Вырастили трёх дочек, выучили, замуж выдали, внуки растут...

Вы уж, наверное, догадались, что мой Саша – родной брат Фахрулле, Фёдору, как мы его по-русски зовём. Он из деревни Чишма уехал в Мурманск ещё в 1934 году. Как только устроился на работу и брата Александра с собой забрал, из детского дома. Относился Фахрулла к брату очень хорошо, никогда не ругал, был добрый, так, во всяком случае, вспоминал его мой муж.

Работал брат на траловом флоте. В начале войны мобилизо-

вали на Северный флот, и связь с ним прервалась. После войны муж долго разыскивал брата, но всё безрезультатно. Летом 1960 года мы ездили на родину в деревню Чишма, там и узнали, что Фахрулла-Фёдор погиб и больше ничего.

В деревне о брате очень тепло отзывались. Когда приезжал в отпуск, никогда не сидел без дела, помогал колхозу: то сено косил, то пас лошадей, то плотничал. Очень был трудолюбивый, внимательный к старшим. Хорошо играл на гармошке. Только в 1979 году нам сообщили из Чишмы, как погиб

Ф. Хайруллин

Аркадий Борисихин «ближе всех видел врага», сидя за дальнометром, хладнокровно докладывал артиллеристам дистанцию до «Адмирала Шеера». Он первым увидел стволы тяжёлых орудий, которые вот-вот начнут сеять смерть вокруг. Только один залп орудий главного калибра составлял почти две тонны металла и взрывчатки. Соотношение было неравным – один к десяти. И всё же дежнёвцы приняли бой и своим превосходством в мужестве и стойкости заставили повернуть вспять вероломного врага – ценой жизней своих товарищей. Жаль, что они не увидели, как пятился назад бронированный монстр...

Юношей приехал в Мурманск из Башкирии Фахрулла Хайруллин. Начинал матросом. Стал кормщиком на небольшом беспалубном рыболовецком судне. И, как заметит потом в своей книге Иван Григорьевич Шнейдер, поносило его по морям, пообдавало солёными волнами, посквозило холодными ветрами так, что руки задубенели от соли. Старшина 2-й статьи Карагаев, оглядев новичка на «Дежнёве», без колебаний взял его к

брат. Погиб геройски и захоронен на Диксоне.

В 1980 году муж ездил на родину, встречался там с писателем Вилем Казыхановым, он ему всё подробно и рассказал о гибели брата. А 9 мая 1982 года мужа приглашали опять на родину, на открытие мемориала. Да вот поехать он уже не смог, болел сильно...

С уважением
Клавдия Николаевна.

«...Сколько грузов перевёз корабль-труженик на полярные станции, сколько раз он приходил на помощь зимовщикам... Не сосчитать! Вот один такой случай. В 1936 году во время зимовки на Северной Земле жесточайший вид цинги, грозивший внутренним кровоизлиянием, сразил будущего папанинца Эрнста Кренкеля. Но «А. Сибиряков» подоспел тогда вовремя и спас жизнь радиста!

Отчётливо сознаю, какое значение имел бой этого небольшого ледокольного парохода с «карманным» линкором «Адмирал Шеер» в 1942 году. «А.Сибиряков», его экипаж

открытой грудью встретил врага и выручил ценой собственной гибели своих арктических собратьев.

В Архангельске я узнал о замысле открыть в первом морском порту России диораму, посвящённую подвигу «А.Сибирякова» и других защитников Арктики. Это прекрасная идея! Эмоциональное, политико-воспитательное значение такого необычного мемориала трудно переоценить... Пусть она станет форпостом памяти – началом будущего музея морской истории Севера. Архангельск такой музей давно заслужил».

Марк ШЕВЕЛЁВ,
Герой Советского Союза.

себе в расчёт подносчиком снарядов. Последними словами Фёдора, как звали по-русски его друзья, были: «Бейте их, гадов!»

Много интересных материалов о жизни Ф. Хайруллина опубликовал журналист Виль Казыханов, директор средней школы из поселка Дюртюли.

Письмо из деревни Чишма, Дюртюлинского района, Башкирской АССР, где родился и вырос Фахрулла Хайруллин, без волнения нельзя читать...

«Вся наша школа, – писали комсомольцы Чишминской восьмилетней школы, – гордится своим выпускником, моряком-североморцем Фахруллой Хайруллиным. Мы оформили альбом о жизни своего земляка. Каждый год в школе проводятся сборы, посвящённые Ф. Хайруллину. 9 мая, в День Победы, у мемориальной доски, установленной в честь Хайруллина, проводится митинг, посвящённый ветеранам войны и труда. На фасаде сельского Дома культуры деревни Чишма установлена мемориальная доска с высеченными на ней словами: «В этой деревне родился и вырос отважный краснофлотец, герой Великой Отечественной войны Хайруллин Фахрулла Хайрулович, 1914–1942 гг.»

Школьники прислали несколько снимков, на которых запечатлены моменты торжественного открытия мемориальной доски, и старшекласники, возлагающие к ней венок. Светлая память об отважном моряке, замечательном человеке живёт в сердцах его земляков.

В семье Хайруллы, по имени которого носили фамилию семеро его детей: Имамзуфар, Лутфулла, Лутфурахман (в тридцатые годы они умерли в деревне Чишма), сестры Разия (умерла в городе Мурманске), Рашида (пропала без вести) и брат Фахрулла.

Редактор районной газеты Я. Валиев, учитель и журналист В. Казыханов «открыли» заново доброе имя земляка Ф. Хайруллина.

Помнят жители Чишмы своего земляка. «Мы были соседями, – вспоминает Аклима-апа Ахиярова. – Когда я училась в четвёртом классе, Фахрулла-ага приехал в деревню. Был он в матросской форме, по-русски говорил хорошо, искусно играл на гармонии».

...Волнующей была встреча с Диксоном. 9 Мая. Торжественная манифестация у братской могилы дежнёвцев. День выдался морозным и ветреным. Но никто не замечает холода. Контр-адмирал Константин Иванович Стёпин приказывает капитану первого ранга Владимиру Георгиевичу Реданскому провести перекличку личного состава «Дежнёва».

Чётко, по-морскому звучат отклики бывших краснофлотцев. Семь раз в ответ звучит:

– Пал смертью храбрых...

Ныне здравствующие почтили память тех, кто лежит в вечномерзлой земле острова Диксон.

• • •
Эти слова принадлежат одному из организаторов советской полярной авиации, генерал-лейтенанту авиации Марку Ивановичу Шевелёву. Старожилем и энтузиастом Арктики называл его Иван Дмитриевич Папанин. Это Шевелёв был заместителем начальника первой советской высокоширотной воздушной экспедиции «Север-1».

Это он в 1937 году руководил отправкой и высадкой папанинцев на Северный полюс. Маршрут самолётов к полюсу шёл через Холмогоры, Нарьян-Мар, остров

Рудольфа. Номер Золотой Звезды Героя, которой был удостоен за участие в организации этой беспримерной экспедиции М.И. Шевелёв, – двадцать восемь.

«Правда Севера»,
28.12.86г.

Послевоенные судьбы героев

Как сложились судьбы дежнёвцев? Передо мной письма, документы, фотографии. Со многими дежнёвцами удалось встретиться за последние годы.

Командир СКР-19 Александр Семёнович Гидулянов переводит речные суда Северным морским путём. Старший помощник командира капитан второго ранга запаса Сергей Александрович Кротов переехал в прошлом году в Севастополь, работает в порту. Сменивший его в 1943 году Валентин Иванович Дерябин – капитан Архангельского порта.

Первым помощником капитана на одном из судов Северного пароходства плавает бывший командир зенитной батареи Иван Александрович Шерстобитов. Не так давно пришёл с моря бывший машинист

10 мая 1985 года состоялась ещё одна незабываемая церемония – захоронение отважного командира береговой батареи Николая Михайловича Корнякова.

Урну с его прахом доставили из Москвы его родственники и сослуживцы. Корняков умер буквально накануне праздника и перед смертью завещал захоронить его прах в студёной арктической земле, которую полил кровью, защищая в грозный час...

Накануне я вновь заглянул в краеведческий музей Диксонской средней школы. Здесь бережно хранили и собирали реликвии боя: осколки снарядов, гильзы, листовки военных лет, напечатанные в диксонской типографии, воспоминания ветеранов.

Тут хранится и рукопись воспоминаний командира береговой батареи Н. Корнякова, доносящая до нас горячее дыхание того времени, живые детали, подробности. Называются поименно вершители той маленькой победы. Предлагаю читателю сокращённый вариант этих воспоминаний. Предвижу некоторый эмоциональный перегрев отдельных читателей и их нетерпеливый взглас: «В который раз! Об одном и том же... Сколько можно!»

Но не время брюзжать: мы хороним достойного человека. О мёртвых и при мёртвых не принято говорить плохо... Мы не в суде, и я – не судья. Но, пользуясь их терминологией, замечу: чтобы узнать истину о рассматриваемом нами предмете, необходимо выслушать всех свидетелей. Пренебрегать «показаниями» одного из главных действующих лиц было бы преступно с нашей стороны...

Итак, воспоминания командира артиллерийской батареи Н.М. Корнякова...

«Подготовка. С первых дней войны по всему западному арктическому побережью развёртывались стационарные береговые и полевые батареи. 1 октября 1941 года на Диксон транспортом «Сура» прибыли три батареи: 45-миллиметровых универсальных (зенитных) орудий, 130-миллиметровых пушек и 152-миллиметровых пушек-гаубиц. Уже наступили сильные морозы и метели, но личный состав батарей работал сутками, стремясь к концу года закончить их инженерное оборудование. Строили

Н.М. Корняков

«Дежнёва» Алексей Алексеевич Зубарев. Михаил Александрович Пунанцев тоже плавает, на теплоходе «Дорогобуж». На одном из траулеров работает Иван Иванович Чумбаров.

За последние месяцы удалось отыскать и других участников героического подвига. При этом

В.Г. Реданский
– летописец «Дежнёва»,
научный редактор
сборника статей «Диксон
– снежной Арктики
столица» Красноярского
книжного издательства

география дежнёвцев значительно расширилась...

Не всем дежнёвцам удалось дожить до наших дней. В 1952 году умер бывший командир электромеханической части Георгий Георгиевич Звягин, в 1964 году – бывший комиссар Владимир Алексеевич Малюков. Не стало в конце прошлого года и другого комиссара СКР-19 Федора Александровича Козьмина...

Владимир РЕДАНСКИЙ.

«На страже Заполярья»,
20.08.67 г.

жильё и подсобные помещения. В декабре уже приступили к учебным стрельбам.

Усилий одних батарейцев было бы недостаточно. Личный состав нашей батареи, например, насчитывал только 12 человек, ждали пополнения. Помогал созданный на Диксоне отряд ополчения. Возглавлял его главный инженер «Диксонстроя» А.И. Мережков, комиссаром был начальник диксонского политотдела «Главсевморпути» С.А. Шатов, начальником штаба – инженер Ивушкин. Создали также санитарную и пожарную дружины. В свободное от работы время регулярно велась боевая подготовка по ускоренной программе.

Назову особенно активных ополченцев: С.В. Коробов, И.Д. Потылицин, И.А. Сидорин, И. Яковлев, П. Буганков, М. Аносов, К. Якубов, Никитин, Петров, Воробьёв и многие другие. Их помощь в строительстве батарей имела большое значение.

Накануне. К тому времени, как стало известно о «Шеере», батареи Диксона были подготовлены по приказу командования ВМФ к передислокации. Наша батарея находилась на причале, тракторов исправных не было, поэтому два своих орудия мы развернули на узкой (15 на 40 метров) гранитной площадке, соединяющей главный причал с берегом. На этой, непригодной для огневой позиции площадке, нельзя было даже укрепить сошки орудий. По самому обрыву, местами над водой проходила узкоколейка угольной базы, лежащая на поднятом столбами основании. Внизу столбы соединялись сплошной бревенчатой рамой, которую мы использовали для упора орудий.

На вагонетках подвезли снаряды, тщательно замаскировали орудия, подготовили огневой

планишет и схему пристрелянных ориентиров. Усилили наблюдение и охранение.

Бой. В ночь на 27 августа моросил дождь, над бухтой стоял туман. В 1 час 25 минут, проверяя караульную службу, я получил сообщение с наблюдательного поста на Новом Диксоне: «В дымке виден силуэт приближающегося крупного военного корабля».

Объявили боевую тревогу, орудия, направленные вечером в разные стороны обстрела, быстро развернули в сторону пролива Вега. Сквозь туман почти ничего не видно. Едва расчёты приняли целеуказания, из-за полуострова Наковальня показался фашистский рейдер. Он шёл курсом по створным линиям и открыл огонь. Наша батарея дала два залпа. Видно прямое попадание в корму крейсера. Там вспыхнул пожар.

«Шеер» перенёс огонь на батарею. Вокруг рвались крупнокалиберные снаряды. Высоко поднятое основание узкоколейки и обрывистые берега площадки служили нам хорошим укрытием. Тем не менее, град осколков так и сыпался на батарею.

На время мне пришлось встать к первому орудью за наводчика. Дистанция стрельбы была 20-30 кабельтовых. Ещё раз удалось накрыть врага. И он не выдержал: поставив дымовую завесу, повернул назад.

У многих появились улыбки. Краснофлотец В. Нечипуренко, родом из Харькова, сказал:

– Теперь отобьём пирата. Мы выстоим, товарищи!

Только успели развернуть орудия на север, в сторону пролива Превен, там появился, как и ожидали, рейдер и возобновил огонь. Мы дали несколько выстрелов. «Шеер» снова скрылся из

Папины уроки...

Здравствуйте, Никандр Анатольевич!

Письмо и газету от Вас получили. В который раз читаем о подвиге отца и всегда с волнением. Мы гордимся папой, но всё же очень больно, что его нет с нами уже 42 года, как он погиб. Война многим принесла горе, почти в каждой семье кто-то погиб...

Вы просите написать об отце. Какой он был дома? Мама говорит, что папа был любящим, внимательным и добрым человеком. Папа помогал своим сёстрам, родителям

Н.Г. Бочурко
(фото из семейного альбома)

купил половину дома, ухитрялся из Крыма привезти цветок магнолии в плотно набитом чемодане...

А как-то раз привёл собаку показать нам, настоящую, северную лайку привёз с арктических островов. Они взяли её на судно. Эта собака была очень большая, мы таких ещё не видели...

Ёлку к Новому году он покупал большую и пышную. И всегда под ней были гостинцы и подарки.

Один раз я провинилась перед ним. Он не ругал меня, а сказал спокойно и внушительно, что я поступила плохо. Мне было стыдно, и я на всю жизнь поняла, что так

сектора стрельбы, ведя огонь по Новому Диксону. Там запылали пожары.

Горели электростанция передающего радиометцентра, казарма и запасной нефтесклад на острове Конус. Как только крейсер снова показался в секторе стрельбы, батарея опять накрыла его. Пират лёг курсом на север и скрылся за горизонтом.

Подвиги. В бою каждому приходилось работать за троих. Помогли подоспевшие ополченцы.

После первых же выстрелов станины орудий проломили бревна основания узкоколейки. Поэтому перед каждым выстрелом надо было поджечь орудие вперёд, подложить сзади станины какой-либо лесоматериал, и только тогда ЗИС-5, управляемый ополченцем – коммунистом С.В. Коробовым, накатывал орудие. Для ускорения темпа стрельбы его не отцепляли, автомашина чуть отходила назад, останавливаясь как раз под мостом.

Ранило в руку заряжающего первого орудия Василия Нечипуренко. Я приказал ему пойти на перевязку. Но он попросил разрешения остаться. «Покуда жив, – сказал он, – с места не сойду».

Отходить от орудия в момент выстрела, значит, снижать темп и точность стрельбы, поэтому все оставались на своих местах. В какой-то момент замкового Дмитрия Лаврова прижало станиной к бревнам. Нечипуренко помог ему подняться, спросил: «Здорово пришибло, Митя?» – «Нет», – ответил Лавров. Только через три дня попросил у старшины батареи разрешение отбыть в санчасть. Оказалось, у него тяжёлая травма...

Лавров – уроженец Сталинградской области, перед боем сказал: «Будем биться до последнего

дыхания. – И добавил, обращаясь к Нечипуренко. – Надпиши, Вася, несколько снарядиков. На первом сделай надпись: «Смерть фашистам!» Хладнокровный, хорошо знающий своё дело командир второго орудия сержант Иван Петрович Сауляк, бывший учитель с Полтавщины, тяжело был ранен в правую руку. Но, зажав рану носовым платком, продолжал командовать. Я приказал ему уйти в укрытие, но Сауляк, сделав перевязку, ни на шаг от орудия не отошёл до конца боя.

Отлично работал наводчик второго орудия Александр Сергеевич Соколов, тоже уроженец Сталинградской области. После боя он говорил Лаврову: «Мы с тобой, Митя, старые лесорубы и сплавщики, закалённые и привыкшие к тяготам, потому меньше всех утомились». Лавров отвечал: «Тебя, закалённого, ни пуля, ни осколок не царапнули, даже нечего будет продемонстрировать перед женой...»

– Вот это неверно, – заметил я. – Будет награда на груди – свидетельство о подвиге.

Краснофлотец И. Ткаченко охранял на причале штабель боеприпасов. Вокруг рвались фашистские снаряды, но он до конца боя не оставил свой пост.

В момент затишья на батарею добровольно прибыли бойцы народного ополчения Михаил Аносов, Иван Зубов, Петров, комсомолец, зубной врач Галина Назарова и Тася Яковлева. Тракторист Тупенко привёл только что отремонтированный трактор. С их помощью батарея быстро развернулась в новом секторе стрельбы.

Галя Назарова прямо у орудия перевязывала раненых, помогала подносить снаряды. «Маленькая, худенькая, а тащит снаряд в 45

Н.Ф. Бочурко
и А.С. Гидулянов

поступать нельзя. Запомнился отцовский урок...

Дома отца я видела редко, так как больше времени он находился в плавании.

Высылаю вам три фотографии: на одной папа сфотографировался с капитаном «Дежнёва» Гидуляновым. (Вот вам ещё одна побратимская связь! – прим. Н.Е.).

Мама писать не может, так как плохо видит, в этом году ей исполнилось 80 лет.

С уважением дочь
Николая Григорьевича Бочурко –
**Нона Николаевна
КУЛЮКИНА.**

Я точно помню...

Из воспоминаний
М.Ф.Сараева

...Мы долго беседовали с ним. Он показывал фотографии, в том числе фотоснимок, сделанный в послевоенное время, когда проводилась экспертиза для установления инвалидности. Почти всю спину наискось пересекал шрам – след осколка немецкого снаряда весом, как потом оказалось, 325 граммов, вонзившегося при обстреле.

Командир Северного отряда капитан первого ранга Н.П. Аннин (нижний ряд – третий справа) среди награжденных североморцев.

килограммов, как заправский мужик», – восхищались батарейцы. Уговаривали её оставить непосильную работу. Но она продолжала своё дело, как будто не слышала уговоров укрыться в ближайшем доте, когда «Шеер» в очередной раз начал обстрел батареи. Её поведение вызывало восхищение и воодушевляло бойцов...

Награды. К концу боя подошли на катере комиссар Северного отряда Беломорской военной флотилии В.В. Бабинцев и начальник отделения контрразведки. Приняв рапорт, обняли нас и расцеловали.

Командир Северного отряда капитан первого ранга Н.П. Аннин, находясь в то время с походным штабом в проливе Югорский Шар, высоко оценил действия батареи, представил многих к наградам. Меня наградили орденом Отечественной войны II степени, сержанта Сауляка – орденом Красной Звезды, краснофлотцев Лаврова, Соколова, Нечипуренко и шофера Коробова – медалями «За отвагу», а Галю На-

зарову – медалью «За боевые заслуги». Получили награды и многие другие товарищи.

Тяжело раненых поместили в больницу порта Диксон. Хирург, прилетевший из Норильска, сделал операции. Ухаживал за ранеными медперсонал под руководством врача Андреева и его жены, тоже врача. Затем раненых увезли долечиваться в больницу Норильского комбината».

...Николай Михайлович Корняков успел исповедаться перед нами. Урна с его прахом установлена в Диксонском районном Доме культуры. На подушечках – ордена и медали. В почётном карауле – ветераны Великой Отечественной войны.

Медленно движется траурная процессия улицами Диксона. Приспущены флаги, обрамлённые чёрным крепом.

Председатель Диксонского райисполкома Николай Кириллович Князев открывает траурный митинг. Сын комбата Михаил Николаевич Корняков зачитывает строки отцовского завещания, где он изъявил свою последнюю волю: похоронить его в диксонскую землю, а боевые награды и парадную форму передать Диксонскому краеведческому музею.

– Прощай, наш боевой товарищ, – говорит бывший комсорг батареи Степан Кузьмич Сергиенко. Спазмы перехватывают его горло, и он уже не может сказать ни слова, слёзы наворачиваются на глаза, резкий морозный ветер выжимает их и подгоняет по впалым щекам.

Ещё вчера он торопился к причалу вместе с супругами Марфиными – Иваном Андреевичем и Анной Викторовной. Приехали они, бывшие участники диксонского ополчения, из Черногорска. В годы войны работали в Диксонском морском порту.

«...Вот теперь приходилось читать, что перед выходом в этот рейс, якобы, было проведено собрание экипажа, и людей предупреждали о возможной встрече с противником. Всё это не так. Никто ничего не подозревал, все были спокойны. А вот у нашего капитана Качаравы словно было предчувствие. Не хотел он выходить в море в понедельник...

В штабе на Диксоне его ни о чем не предупредили, хотя вроде бы с Северного флота сообщали о выходе «Шеера» в район Новой Земли. Вернувшись, Качарава сказал мне и комиссару Элимелуху: «Так не хо-

чется сегодня выходить!» Но приказ был уже дан...

Самым страшным был третий залп тяжёлыми снарядами по корме. Наши пушки были разбиты, расчёты погибли, многие моряки сметены за борт. На палубе лежало немало трупов. Рвались снаряды, вылетая из артвогребка. Перед моими глазами до сих пор стоит страшная картина: командир БЧ-2 Никифоренко... без головы, с поднятой рукой – он был сражен, когда командовал:

– Огоны!

Через несколько секунд обезглавленное тело рухнуло на палубу...

А в это время из радиорубки Петр Гайдо, сменивший меня, передавал открытым текстом, что судно обстреляно и горит. Я точно помню, что вначале в радиорубке работал Гайдо.

...Когда я пришёл в себя после страшного удара в спину и потери памяти, никого рядом со мной не было. Но отчётливо помню, что носовые пушки продолжали стрелять. Продолжал вести огонь и «Шеер». Я пополз по левому борту... Вижу: бежит по палубе наш врач Валя Черноус, раненная в спину, и кричит: «Не стреляйте! Не стреляйте!» И падает на моих глазах замертво.

С.К. Сергиенко

Сергиенко, волнуясь, говорил: «Вот здесь мы поставили свою пушку». Марфины, оглядевшись вокруг, – после войны тут всё так изменилось, – подтвердили: «Да, здесь!»

Накануне Степан Кузьмич Сергиенко вспоминал Геру Доронина из гидробазы. Он помогал им устанавливать пушку. Гера умер, но его сын работает на Диксоне... Если бы удалось разглядеть «Шеера» раньше, утверждал Степан Кузьмич

Сергиенко, не уйти бы ему от наших снарядов. На старом месте, ныне это район подсобного хозяйства, все орудия были пристреляны по движущим целям на оба пролива...

Воспоминания его сбивчивы. И это понятно: за последние сорок лет впервые на Диксоне. Он рассказывал о том, как хотел встретиться со своим боевым командиром в Москве, но каждый раз перед ним любезно закрывали двери, сославшись на недомогание Николая Михайловича. В последние годы никому из однополчан не удалось встретиться с Корняковым.

Не берусь судить, кто в этом виноват. Может, он сам этого хотел. Но его воспоминания и заветование убеждают нас в обратном. Пробилося одно письмо к корреспонденту ТАСС по городу Норильск и северу Красноярского края Р. Галлямову: «Услышал по радио сообщение о возведении на Диксоне мемориала в честь его защитников от нападения тяжёлого крейсера «Адмирал Шеер» в 1942 году. Говорили также о том, что там установлена одна из пушек нашей батареи. Неужели сохранилась?..»

Об этом газета «Заполярная правда» сообщила 5 мая 1985 года. А через пять дней Корнякова хоронили на Диксоне. Направляя это письмо корреспонденту ТАСС, он уже обдумал своё заветование, от которого перехватило дыхание не только у его фронтового товарища Степана Сергиенко. Он представил себя вновь молоденьким солдатиком, везущим через замёрзший залив на стареньком тракторишке продукты для батареи. Пурга – вытянутая собственная рука теряется из виду. Буквально каждые пять метров он выходит из кабины, чтобы не сбить кабель, приподнятый на деревянные вешки, одновременно он сверял по ним свой путь. Дошёл. Наверное, отсюда у него

Боцман Павловский взял меня на руки и сказал, что бросит меня в воду, и чтобы я доплыл до ялика. Так он и сделал. И спас меня.

Находясь в воде, я увидел в нескольких метрах от себя голову Гайдо со страшно выпученными глазами. Потом чёрные волосы вдруг встали дыбом, и голова погрузилась в воду».

Михаил Федорович любезно дал мне для пересъемки несколько своих фотографий. Шутливо посылал:

«Ох, уж эти писатели! В одной из книг пришлось прочесть, что когда я впервые пришёл на «Сибиряко-

ва», то меня, как салагу, посылали на клотик чай пить. А я ведь до «Сибирякова» пять лет на флоте прослужил!»

Л. ШМИГЕЛЬСКИЙ,

«Правда Севера»,
11.11.1986 года.

«Фронт был ближе, чем мы думали...»

Уважаемый
Никандр Анатольевич!

Получил ваше письмо с газетой и видповидаю анкетные данные. (В письме так и написано – русские

слова попеременно с украинскими, – прим. Н.Е.).

Родился 13 мая 1918 года, на Украине, в Киевской области, в селе Рогизна, Сквирского района, в семье бедняков. С 1932 по 1939 год работал в колхозе. 2 декабря 1939 года призван в ряды Советской Армии.

Через десять дней я уже был в городе Архангельске в 12-м запасном артполку. В начале войны нашу батарею перекинули на полуостров Белого моря, а через три месяца 13 человек вместе с командиром Николаем Михайловичем Корняковым передали в отряд Беломорской

С.К. Сергиенко,
А.А. Пахалкин

и выражение такое выкристаллизовалось, когда рассказывал о себе послевоенном: «Шофёром ветровал много лет». Он так и сказал «ветровал» – 35 лет за шофёрской баранкой, год к годку...

Память его без всяких переходов переметнулась на Новую Землю, куда потом передислоцировалась батарея Корнякова. На барже перевезли 130-мм пушки и два американских трактора. Корняков особенно радовался тракторам. «Одна из машин, – говорил он, – твоя, Степан. Где дровишек подвезёшь, где аэродром почистишь. Думаю, будут летать к нам самолёты».

В бою ему несколько осколков досталось. Рассказывал, как пришлось ножом вспарывать

чехол орудия, второпях затянули завязки, а промедление в те секунды смерти подобно. Ивану Сауляку ногу к брустверу придавило, и Сергиенко снова тянется рукой к тому месту, где, как ему показалось, он вновь почувствовал так явственно чужую боль...

Мне довелось в те дни побывать на встречах ветеранов с юными полярниками. Одно дело, когда они ведут поисковую работу, переписываются с незнакомыми «дядями», пополняют свой школьный музей новыми документами. И совсем – другое, когда они видят этих ветеранов наяву. Блеск их многочисленных наград приводит в трепет юные души, в которых прорастут потом добрые семена будущей памяти. Воспитание историей проходит не по учебникам, не по отвлечённым понятиям. Глаза в глаза – история и её вершители...

...Уходят ветераны. Вернулось наше письмо из Эстонии, где в последние годы жил сибиряковец Иван Алексеевич Алексеев. Пометка на письме была более чем лаконичной: «Адресат умер...»

В том же 1985 году, буквально накануне Дня Победы, в Красноярске скончался дежнёвец Николай Емельянович Волчек. Вопросительный знак поставил я в списках напротив земляка-нижегородца Николая Ивановича Крюкова. По известным адресам посланы запросы, но ответа так и не последовало...

Во время отпуска я заехал на родину – в Горьковскую область. И, конечно же, не мог не предпринять попытку найти Николая Ивановича. Я знал: он – художник. Это упрощало поиск: по городской справке в Горьком узнал адрес областной организации Союза художников СССР. В знакомом городе найти его тоже не представляло особого труда, в центре старого города на площади Минина, затаив дыхание, спрашиваю о Крюкове.

флотилии, погрузили на сторожевик и отправили на остров Диксон.

По прибытии на Диксон, нас высадили на материковый причал. Рабочие порта помогли разгрузиться и выбрать огневую позицию. Установили орудия, оборудовали огневые позиции, установили координаты по морским целям. Так началась наша полярная жизнь. Уже властвовала зима. И, несмотря на полярную ночь, мы проводили стрельбы по морским целям...

В августе 1942 года нас сняли с огневых позиций, чтобы погрузить на «Дежнёв» и отправить поближе к

фронту. Дальнейшие наши действия уже хорошо описаны...

Фронт был ближе, чем мы думали. После известных событий наша батарея была восстановлена на прежнем месте и охраняла Диксон до окончания войны. Потом нас передали в состав Северного флота...

М.Д. ВЕРЕЩИНСКИЙ.

Киевская область.
4.02.1985 года.

Так держать, капитан!

«Вечерний Кишинёв» за 23 июля 1986 года рассказал о сценаристе Александре Ефимовиче Молдавском. В «Командире счастливой «Щуки» и «О возвращении забыть» угадывается реальная основа. Прототипом командира «Счастливой «Щуки» стал капитан А.И. Маринеско, возведённый в ранг «личного врага фюрера».

Уже тогда Молдавский работал над сценарием будущего фильма с необычным названием «Вундерланд». В основе – тоже

Сотрудница поторопилась успокоить меня:

– Жив ваш герой, позвоните по телефону и договоритесь о встрече.

Позвонил. Договорились встретиться сейчас же. «Приезжайте, – сказал Крюков, – жена на работе, дочь в Москве на сессии в Литинституте. С внуком-тёзкой хозяйничаем вдвоём».

И вот мы сидим в тихой квартире, беседуем о днях давно минувших и только что прошедших. Трудная и большая жизнь позади. Пожалуй, это я понимаю скорее не по его рассказу, а глядя в его лицо с крупными резкими морщинами. Он вспоминает, как после войны работал над картиной неравного боя «Дежнёва» с «Адмиралом Шеером», как вновь переживал этот бой. Только длился для него этот бой уже не восемь минут, а почти пять месяцев...

Сразу после Диксона капитан Гидулянов рекомендовал Крюкову воспроизвести картину боя. Но работа затянулась. Вернулся к ней спустя несколько лет. Тогда ему предложили воспроизвести этот бой для музея Арктики. Разработал эскиз...

«Размером вот с этот стол, за которым сидим, – замечает Николай Иванович. – Почти пять месяцев работал. Не хотелось участнику боя в грязь лицом ударить. Нужно было сохранить и историческую правду, но и выйти за рамки официального документа... Меня предупредили: картину будут принимать в Главном политическом управлении Северного морского флота. Но меня не это пугало. К идеологическим оценкам искусства у меня своё независимое отношение. Главное, чтобы не упрекнули меня потом друзья-североморцы, когда картину увидят. Лестную оценку работы получил тогда от известного полярника Эрнста Кренкеля. Иван Папанин, узнав о стоимости моего договора с музеем, сказал

И.А. Алексеев

И.Г. Тарбаев

тоном, не допускающим никакого препирательства: «Выплатить художнику десять тысяч рублей и без всяких вычетов, как студенту...» Тогда я понял: Ивану Дмитриевичу пришлось по душе моя работа...

Чёрно-белый слайд с репродукцией этой картины чуть позже мне переслал Ю.Б. Брен. Материала накопилось столько, что я потихоньку даже стал забывать, что я откладываю в свой архив. Недавно просматривал свои старые бумаги и набрёл на этот слайд. Радовался, как мальчишка, что могу хоть один «документ» Николая Ивановича Крюкова, земляка моего дорогого, представить в конце книги...

«...Работал в Вологде, в Сталинграде, – вспоминал Крюков. – Там жара меня совсем доконала, в сорок три года инфарктом обзавёлся. А какая жизнь после инфаркта? Даже кружку ёрша – пива с водкой – не выпьешь. Это для русского художника одно наказание, а не жизнь. Отец-то мой рождением из Донбасса, а я вот уже больше четверти века в Нижнем приживаюсь».

исторический факт: единоборство в Карском море «Адмирала Шеера» и «Сибирякова». Исход боя, конечно же, предreshён. Но экипаж капитана Качаравы дерётся яростно и дерзко, с какой-то отчаянной лихостью...

Автор не только отдаёт должное мужеству моряков, но и подробно, с любовью исследует корни героизма, социальные и нравственные основы патриотизма советских людей. Нынешний кинематограф эти ценности, видимо, мало волнуют, сценарий пока остаётся невосстановленным...

Участник обороны Диксона

Каждое имя участника обороны Диксона должно жить долго. Как-то случайно мне в руки попал второй экземпляр доклада первого секретаря Диксонского РК КПСС Зои Иннокентьевны Перфильевой (Никулиной) «Диксон – столица Западной Арктики», который она прочитала 18 сентября на торжественном заседании, посвящённом 50-летию Диксона. В докладе нашлось несколько строчек об одном защитнике заполярной столицы:

«...Дегтярёв Михаил Павлович начал свою трудовую деятельность в Диксонском морском порту в 1941 году. За 24 года вырос от грузчика до капитана буксирного катера... Прекрасно ориентируется в сложной обстановке арктической навигации. Михаил Павлович – участник обороны Диксона, за что награждён медалью «За оборону Советского Заполярья».

Н.И. Крюков

Он как-то особо ласково и подчёркнуто произнёс «в Нижнем», хотя в то время город ещё назывался – Горький.

Крюкову везло на хороших людей. Известные художники Игорь Грабарь, Георгий Нисский, Борис Иогансон определили направление его творчества. Умные командиры на флоте помогли ему поступить в художественное училище: они, по словам Николая Ивановича, наверное, понимали, что из пяти солдат можно сделать пять генералов, но не сделать пяти художников...

Лицо Николая Ивановича неожиданно озаряет очаровательная улыбка. Он тербит седой ус боль-

шой жилистой рукой, уж очень похожей на руку труженика, нежели на руку художника, и говорит: «Когда я появился на «Дежнёве», Иван Федорович Петряев встретил, как и подобает боцману, очень строго. Оглядел меня пристально с головы до ног и, заметив неуставные бачки и бородку, сказал строго: «Я тебе сбрую эти интеллигентские штучки...» Потом мы стали лучшими друзьями, и боцман с удивительной находчивостью доставал мне краски, которые не были положены к моему матросскому пайку...»

Николай Иванович долго ведёт меня по своему тернистому пути, и я в который раз ловлю себя на мысли: сколько из-за войны загублено талантов, сколько людей не смогли реализовать свои потенциальные возможности, как Крюков? Да и после войны...

Расцвет творческих сил, а у него сгорает мастерская, превращаются в пепел его лучшие работы, восстановить которые просто невозможно. Поджигателей выловили, но художнику от этого не стало не легче. Наверное, было что жалеть и о чём печалиться, если художнику стоило это инфаркта. До последних дней он так и оставался без мастерской. Был благодарен пароходству за выделенный вагончик, потому честно делал пароходству заказную «продукцию», до творческих разработок чаще всего времени уже не хватало...

Перечисляет работы, отмеченные на республиканских и всесоюзных выставках: «Вологодские кружевницы», «Лесорубы», «Неру на Мамаевом кургане», «Доярка Орлова» (из Чувашии), «Мать Героя Советского Союза Николая Вилкова...»

– Жизнь идёт к закату, что-то удалось, чего-то не успел. Вот разве что Коленька продолжит, – гладит Николай Иванович внука, и тот сразу же откликается на его ласку, прижимается крепче к

Судовая роль

Краснознаменного ледокольного парохода «А.Сибиряков» на 24 августа 1942 года

№№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Должность
1	2	3	4
1.	КАЧАРАВА Анатолий Алексеевич	1910	командир
2.	ЭЛИМЕЛАХ Зелик Абрамович	1911	помощник по политчасти
3.	СУЛАКОВ Георгий Фёдорович	1907	старший помощник командира
4.	БУРЫХ Самуил Фёдорович	1910	II штурман
5.	ИВАНОВ Павел Дмитриевич	1912	III штурман
6.	НИКИФОРЕНКО Семён Фёдорович	1920	командир БЧ-II
7.	БАШЛЫКОВ Николай Георгиевич	1910	штурманский электрик

деду. – Надежды на дочь Елену возлагаю. Она – музыкант, с ансамблем выступала в Италии. Теперь вот в ней ещё одно дарование проснулось: пишет стихи, – и говорят неплохие стихи! – печатается, хорошая подборка была в «Новом мире», готовит к изданию книгу...

Вскоре из Горького, с улицы Нижегородской пришла заказная бандероль от дочери Николая Ивановича Крюкова – Елены Николаевны. В ней – письмо и несколько стихотворений.

«Мы с папой читали вдвоём вашу газету, он обещал сам написать о Качараве и его портрете. Хотя, если он будет медлить с ответом (а эту его особенность я знаю – он очень долго собирается писать письма, а если уж напишет, так объективно, со всеми красочными подробностями), то я сама подробно расспрошу его, и прямо по пунктам – что, когда и как – Вам напишу с папиных слов, выступлю в роли семейной стенографистки.

Этим летом отец отдыхал в саду на Волге – около Кстова. У нас там маленький сад и домик, который папа в шутку называет то «собачья будка», то «Будка Ахматовой» (подразумевая её дачу в Комарове). Он брал с собой туда этюдник, маленькие холсты и писал Волгу, садовые цветы, небо, пристань, яблони, стариков-сторожей и бакенников. И мы с сыном там были почти весь июль. Маленький Коля взрослеет и умнеет, капризы его исчезают, а дед сейчас учит его рисовать красками, тушью и акварелью. Я так чувствую, что дед хочет, чтобы внук стал художником, взял из его рук кисть и палитру... Поэтому сейчас, пока есть силы, он вкладывает в мальчика то, чему посвятил всю свою жизнь.

...Когда была в Ленинграде и стояла у парашета

Это всё, что мы нашли в Интернете о Н.И. Крюкове, – его портрет, краткая биографическая справка, его картина «Спелый крыжовник. Портрет В. Парашковой». 1976 год

1	2	3	4
8.	ЧЕРНОУС Валентина Ниловна	1921	врач
9.	ГАЙДО Пётр Эдуардович	1912	старший радист
10.	САРАЕВ Михаил Фёдорович	1914	радист (парторг)
11.	БОЧУРКО Николай Григорьевич	1904	старший механик
12.	ПАРОМОВ Валерьян Васильевич	1908	II механик
13.	ГИЖКО Николай Яковлевич	1912	III механик
14.	КОЛТАКОВ Александр Васильевич	1911	IV механик
15.	ПАВЛОВСКИЙ Андрей Тихонович	1910	боцман
16.	ЗАМЯТИН Иван Михайлович	1909	плотник
17.	БОРОДИН Константин Николаевич	1912	матрос I класса
18.	КОТЛОВ Иван Кирикович	1908	матрос I класса
19.	МАЛЫГИН Михаил Степанович	1907	матрос I класса
20.	ЖЕРЕБЦОВ Пётр Максимович	1915	матрос II класса

Невы, я словно переселилась в то время, когда отец был молодой, как я. Даже почувствовала на миг, что он – это я. Вместе с ним стреляла в белого медведя на льдине, чтобы не дать команде умереть с голоду. Это я вела баржу с картошкой в голодный Ленинград. Это я видела северное сияние на острове Колгуев и писала портрет малярными красками самодельной кистью, сделанной из собственных остриженных волос...

Я знаю многое – даже не знанием, не по рассказам, а какой-то генной памятью, памятью крови».

Наверное, именно этой памятью проникнуто одно из стихотворений Елены Крюковой, посвящённое отцу.

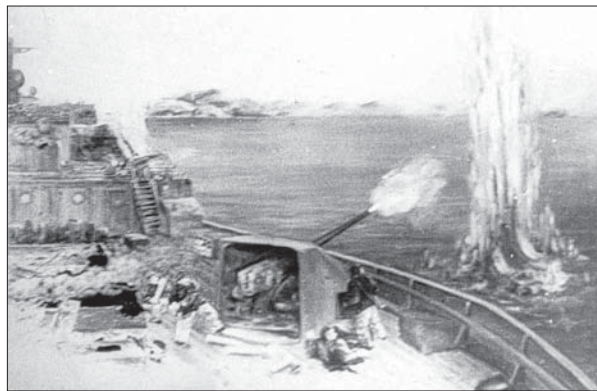
«ДЕЖНЁВ» (СКР-19)

...Какие льдины плыли в Мурманске,
Когда у зачехлённой пушки
Отец, болтанкою измученный,
Пил кияток из чёрной кружки?

Давно осыпалась вся музыка –
Парадная и духовая.
Теперь одно осталось: мужество,
Да жизнь за пазухой – живая.

Плыл запах пота, соли йодистой.
Машинных масел горечь была.
Матросы в зимних формах ёжились:
А на ветру под тридцать было.

И мальчик мой, припав к орудию,
Кровь сплевывая вкупе с матом,
Ты знал: на страшной жатве трудимся
За посевную в сорок пятом!

Репродукция с картины Николая Крюкова
«Бой СКР-19 с «Адмиралом Шеером»

Мерцала жизнь маячной вышкой!
...И вместе с матерью жила я
Под левую твою подмышкою –
Мечтаемая и живая.

И на обледенелой палубе,
Грызая зубами лёд солёный,
На миг увидел ты, как падает –
Отвесно – счастья луч зелёный.

Но недолго светил этот зелёный луч надежды. Я ждал новой весточки из Нижнего Новгорода – рассказ Крюкова о том, как он писал портрет друга – славного капитана «А. Сибирякова» Анатолия Качаравы. Ещё один побратимский дуэт. Письмо пришло от его дочери Елены Николаевны Крюковой:

«...Папа умер. Горе оказалось гораздо страшнее, сильнее и неожиданнее, чем о нём думалось. Мы с мамой держимся: мама, благодаря мужеству своему, а я – тому, что у меня есть в жизни она и сын...

1	2	3	4
21.	МАЛЫГИН Иван Григорьевич	1908	матрос II класса
22.	ЗОИН Леонид Константинович	1924	матрос II класса
23.	КУРАШОВ Владимир Фёдорович	1925	матрос II класса
24.	ШАРАПОВ Дмитрий Андреевич	1915	машинист I класса
25.	АЛФЁРОВ Александр Степанович	1914	машинист I класса
26.	КОПЫТОВ Константин Дмитриевич	1913	машинист I класса
27.	ПРОШИН Юрий Константинович	1924	машинист-ученик
28.	ПЕТРОВ Михаил Иванович	1906	токарь
29.	ВЕШНЯКОВ Герман Павлович	1905	электрик
30.	МАТВЕЕВ Николай Иванович	1915	кочегар I класса
31.	ВАВИЛОВ Павел Иванович	1909	кочегар I класса
32.	ВИКТОРОВ Сергей Фёдорович	1913	кочегар I класса
33.	ГУЦ Александр Михайлович	1913	кочегар I класса

У папы была остановка сердца – фибрилляция. Это произошло в больнице, где он пролежал всего шесть дней. А лёг он туда потому, что почувствовал себя плохо. Мы все решили на семейном совете: надо подлечиться, поколоть лекарства, витамины, обследоваться... И вот нам звонит его лечащий врач – всё внезапно, сразу... Такое горе ещё не поддаётся рассудку, осознанию. Острая, невыносимая боль прошла. Но осталась пустота. Её невозможно заполнить ничем. Я хочу сделать в жизни то, что не успел – или не смог – сделать отец. Он говорил: «Ты знаешь, я все-таки не высказался, как хотел. Будь только сильной. Люблю сильных людей». Он передо мной, во мне – живой. Я буду оставлять его, его жизнь в прозе и стихах, рождать его вновь – как он когда-то родил меня и дал мне – вместе с мамой – всё, что я имею в жизни. Займусь его работами, хочу сделать персональную выставку в Горьком. Вот и о Качараве он Вам не рассказывал... Ушёл... Недавно в областной газете опубликовали мою поэму... Я писала её летом, в августе, когда мы с папой и сыном жили в саду. И писала её так, будто это – моя последняя вещь. Вся боль моя за жизнь и детей – здесь. Женщина, быть может, острее и больнее чувствует сегодняшний трагический вопрос: «Жизнь или?.. Только – жизнь!»

Это стихотворение Елена Крюкова прислала в одном из писем. Оно не просто посвящено художнику, оно теперь, как неизбывная память об Отце.

У моего отца
Крестьянская закваска:
С усердием косяца
Он растирает краски,

И кисть идёт косою
По разноцветным травам...
И курит он, босой,
И солнце, как отраву.

Он тянет едкий дым.
Ладони сводят шрамы.
Останься молодым
В скелете этой рамы!..

И боль свою срубить
Под корень и вразмашку.
И кисти вытирать
Солёною рубашкой.

И тихо мать глядит
Из рамы, как живая,
И на ветру дрожит,
Как травка полевая.

От ветра защитит
Хочу её собою...
А солнце так палит,
И небо голубое.

И падает отец,
Как дед перед иконой,
Как на лугу косяц,
Перед холстом зелёным.

И мамыны глаза
Тревожно шепчут: «Дети,
С полей идёт гроза,
А вы – одни на свете...»

Тем же летом у меня состоялась ещё одна встреча. В Батуми по известному адресу нетрудно было найти жену Анатолия Алексеевича Качаравы

1	2	3	4
34.	ШЕВЯКОВ Егор Семёнович	1912	кочегар I класса
35.	ГУСЕВ Николай Иванович	1913	кочегар I класса
36.	ВОРОБЬЁВ Иван Иванович	1910	кочегар I класса
37.	ЧЕЧУЛИН Николай Фёдорович	1911	кочегар II класса
38.	САФРОНОВ Александр Михайлович	1908	кочегар II класса
39.	ДМИТРИЕВ Матвей Григорьевич	1916	кочегар II класса
40.	ЗАЙЦЕВСКИЙ Сергей Михайлович	1895	повар
41.	УШАКОВ Александр Михайлович	1907	кок-пекарь
42.	РИНКИС Наталья Петровна	1914	буфетчица
43.	КОТЛОВА Анна Васильевна	1915	уборщица
44.	ДЕСНЕВА Варвара Александровна	1909	уборщица
45.	БОГОЯВЛЕНСКИЙ Александр Павлович	1910	дальномерщик
46.	ДУНАЕВ Василий Михайлович	1909	командир отделения комендоров

– Назо Яковлевну. В просторной квартире я увидел большой портрет прославленного капитана, и подумал: «Не тот ли это портрет, написанный Крюковым?» Рядом – цветной снимок большого корабля, носящего имя Качаравы, и строгий барельеф «А.Сибирякова».

В Батуми я встретился с Романом Ивановичем Гологовским. Несколько лет он работал помощником Качаравы.

«Анатолий Алексеевич был удивительно деятельным человеком, – вспоминает Р.И. Гологовский. – Быстро сходилась с людьми. Он любил их, жил их заботами, и они отвечали ему тем же – любовью и признанием. Возрастом он намного был старше меня, но я не успевал за его ритмом жизни. Он всегда вынашивал интересные идеи, обостренно чувствовал пульс времени. Думаю, эти качества помогли Качараве при создании и становлении Грузинского морского пароходства, которое он быстро вывел в число лидеров всесоюзного соревнования. Человек после себя много добрых дел оставил...»

Анатолий Алексеевич видел будущее в молодых

Из письма Назо Качаравы:

«Анатолий Алексеевич с марта 1966 года был переведён в г. Батуми Аджарской АССР начальником Грузинского морского пароходства, до этого в г. Батуми был только порт, пароходство создал он.

...Скончался Анатолий, проболев четыре с половиной года после тяжёлого кровоизлияния. Похоронен в г. Батуми на берегу моря. Танкер «Капитан Качарава» плавает в морях. У нас дочка Надежда Анатольевна, студентка биофака Сухумского университета, ей 23 года и пятилетний внук – маленький Анатолий.

В августе 1983 года я побывала в Карском море, на месте гибели «Сибирякова». Это было желание Анатолия Алексеевича. При жизни он не мог его исполнить, я исполнила его желание: бросила венок из 200 цветов от имени Анатолия Алексеевича. Об этом вы сможете прочитать в статье «Цветы от капитана» в газете «Правда» от 04.10.1983г.

Большое Вам спасибо за память, постараюсь выслать все, что возможно и даже портрет танкера».

Было ещё одно письмо из Батуми:

«Высылаю, скрепя сердце, всё, что Вы просите, сами понимаете, что каждый клочок бумаги, оставленный Анатолием Алексеевичем, очень и очень дорог для меня. Все, что я Вам высылаю, в единственном экземпляре...

Очень прошу: вышлите обратно ценным письмом, чтобы иметь гарантию, что не затеряется где-то...

Большое спасибо Вам за любовь и уважение к моему дорогому супругу. Он был очень хороший мне друг, верный товарищ и настоящий моряк, честный коммунист и человек. Ещё раз большое

1	2	3	4
47.	НОВИКОВ Филипп Васильевич	1906	командир отделения комендоров
48.	ВАРЛЫГИН Николай Максимович	1918	командир отделения комендоров
49.	САФРОНОВ Николай Степанович	1920	комендор
50.	ЛЕСКОВ Александр Николаевич	1920	комендор
51.	ГЕРАСИМОВ Сергей Егорович	1918	комендор
52.	КУЗНЕЦОВ Василий Васильевич	1908	комендор
53.	ДРУГОВСКИЙ Илларион Васильевич	1922	комендор
54.	СКВОРЦОВ Николай Александрович	1920	старшина комендоров
55.	БАРАНОВ Сергей Васильевич	1913	командир отделения комендоров
56.	МАРКОВ Виталий Александрович	1916	комендор
57.	МОРОЗОВ Константин Сергеевич	1914	комендор
58.	КЛИМОВ Михаил Денисович	1907	комендор
59.	ГЛАДИНОВ Гавриил Николаевич	1913	комендор

спасибо всем Вам. Вы хорошо делаете, молодёжь должна знать своих достойных предков. Если вышлете мне экземпляр газеты, буду Вам обязана.

Уважаемому Константину Ивановичу Стёпину передайте спасибо. Это здорово будет (имеется ввиду встреча сибиряковцев и дежнёвцев на Диксоне). Я бы обязательно присоединилась, но 9 мая день нашей свадьбы, 30-летие. День его счастья – День Победы и день его кончины... Видите, как судьба распорядилась с человеком. Я в этот день собиралась в море на его корабле. Встречу его, как всегда и везде встречала. На этот раз в Одессе. Пожелайте и Вы счастливого плавания теперь моему кораблю...

С уважением Назо Яковлевна.

17 апреля 1985 г.»

Первый вопрос, который меня волновал больше всего и который я при встрече задал Назо Яковлевне Качарава: верить ли повествованию Л. Новикова и А. Тараданкина «Сказание о «Сибирякове»? Неоднократно можно было слышать о том, что повесть хоть и документальная, но, якобы, многое в ней надумано и не соответствует действительности.

Назо Яковлевна очень спокойно и рассудительно ответила:

«Всё, что они написали, всё со слов Анатолия Алексеевича. Они не раз встречались с ним, переписывались... Встречался Анатолий Алексеевич и со Степаном Васильевичем Быковым. Они с ним судовую роль того времени восстанавливали... Теперь и спросить некого. Смотрит вот на меня с портрета, а сказать ничего не может. Не обмолвится словом и корабль, названный его именем.

Когда он впервые из Ильичёвска отправлялся в Геную, меня пригласили на торжества. Вспомнили

А.А. Качарава

добрым словом Анатолия Алексеевича. Теперь я раз в год имею право бывать в одном из рейсов этого судна. В первый рейс поехали молодые ребята-практиканты, что мне особенно приятно было узнать. Значит, доброе дело продлится долго.

Я шесть лет работала директором среднего профессионально-технического мореходного

1	2	3	4
60.	НЕСГОВОРОВ Илья Иванович	1908	комендор
61.	КОСТИН Владимир Фёдорович	1908	комендор
62.	БОГДАНОВ Григорий Степанович	1914	комендор
63.	ПУЛЯЕВ Афанасий Васильевич	1911	к/о пулемётчиков
64.	КОКОРИН Максим Иванович	1917	пулемётчик
65.	ТАРБАЕВ Иван Григорьевич	1908	пулемётчик
66.	ПЕТРОВ Иван Михайлович	1921	пулемётчик
67.	АЛЕКСЕЕВ Иван Алексеевич	1921	к/о сигнальщиков
68.	СИНЬКОВСКИЙ Иван Васильевич	1921	сигнальщик
69.	КУЗНЕЦОВ Михаил Васильевич	1915	шифровальщик (комсорг)
70.	КУЗНЕЦОВ Александр Александрович	1920	к/о химик
71.	НОВИКОВ Александр Петрович	1915	строевой
72.	КОЛЕСОВ Владимир Кирикович	1914	строевой

**Народный артист СССР Кирилл Лавров,
писатель Константин Симонов,
начальник Грузинского морского
пароходства Анатолий Качарава**

училища, заслуженный педагог Грузии. Анатолий Алексеевич вообще не хотел, чтобы я работала. В Мурманске он после войны плавал до 1966 года. Потом мы переехали в Сухуми. Дочка у нас родилась поздняя, слабенькая, пришлось перебираться ближе к югу, а уж если точнее – на самый юг, на родину...

Видимо, к этому времени относятся воспоминания таймырской журналистки Галины Забелиной о встрече с капитаном Качарава, оставившей в её памяти яркий след.

«– Ничего не буду рассказывать о себе и о том, что было и августе сорок второго в Карском море. Говорите с сегодняшним экипажем моряков, о чём хотите, только не обо мне. Я не люблю ни мемуаров, ни рассказов о себе. У меня на борту этого судна есть боцман, он мог бы рассказать о том трагическом дне, так как сам был его участником. Но я вам его не покажу, он немного перебрал и отдыхает...»

Примерно так встретил меня капитан парохода «Тбилиси», зашедшего в порт Игарка для вынужденного ремонта, Анатолий Алексеевич Качарава.

...Наша встреча не сулила мне ничего хорошего, и задание редакции написать о Качарава, как говорится, горело синим пламенем. Я уже запаниковала, делая шаг к отступлению, и в это время в каюте капитана раздался телефонный звонок. Качарава поднял трубку:

– Что? Читай! Спасибо. – Телефонная трубка легла на место. Смуглое лицо капитана украсила белозубая улыбка, рука потянулась к курительной трубке. Пуская клубы дыма, капитан прошёл по небольшой каюте, обшитой деревом под морёный дуб, и остановился у небольшого письменного стола.

Он стоял, окутанный дымом, не обращая на меня никакого внимания. Просто не знала, что мне делать, ведь меня почти выдворили.

Ну и ситуация! Позабыл он, что ли обо мне? И чего он там рассматривает? Стараясь не стучать каблуками-шпильками модных в эту пору туфель «утиный нос», я стала двигаться к двери, и в поле моего зрения оказалась фотография. На высокой полукруглой веранде с бортиками, а может, на палубе парохода, стояли женщина и Качарава, поднявший высоко над головой маленькую девочку в кудряшках и в белом платьице. Всё было залито солнцем, лица на фотографии светились. Снимок завораживал. Качарава обернулся и удивлённо посмотрел на меня.

– Как, вы ещё здесь!? Я же отправил вас к экипажу. Там как раз завтрак, попробуйте нашей кухни. Шоколад любите? Ну, так вас моряки накормят им.

1	2	3	4
73.	БОЙНИЧЕВ Михаил Викентьевич	1905	строевой
74.	БАЕВ Николай Константинович	1915	строевой

**Пассажиры с Диксона
а) из штата ледокольного отряда:**

75.	ВАЙНЕР Георгий Борисович	1904	военком ледокольного отряда
76.	МЕДВЕДЕВ Василий Егорович	1911	артиллерист

б) строители:

77.	АВЕРЬЯНОВ Михаил Тихонович	1912	десятник
78.	ГЕРЕГА Серафим Изосимович	1904	бригадир плотников
79.	СМИРНОВ Николай Николаевич	1910	плотник
80.	СЕДУНОВ Фёдор Васильевич	1912	плотник
81.	СУХОТИН Николай Лаврентьевич	1901	плотник
82.	КОЧЕТКОВ Семён Петрович	1898	плотник

И я молча сделала шаг к двери каюты. Но Качарава вдруг предложил:

– А хотите... позавтракайте со мной. Правда, невеста что у меня в холодильнике...

Конечно, я согласилась. Мы ели бутерброды с лососиной, запивая крепким кофе, который Качарава приготовил сам. Настроение его явно поднялось, и мне очень хотелось узнать, не телефонный ли звонок был причиной. Но капитан сам сказал:

– Радиограмму от жены получил. Дочка поправилась. Когда уходил в рейс, приболела.

– Это она на фотографии?

– Да, и моя жена.

Слово за слово, и капитан разговорился.

– А хотите фирменного кофе?

Качарава сварил кофе, разлил по чашкам, налил сверху коньяку и поджёг его. Когда пламя угасло, он пододвинул ко мне чашку.

– Это особый капитанский кофе, его надо пить медленно и маленькими глотками», – так писала Галина Забелкина.

– Анатолий Алексеевич, – продолжала рассказ Назо Яковлевна, – был человеком твёрдого характера. А для семьи – просто уникальный, незаменимый. Я не помню, чтобы он когда-нибудь повысил на меня голос. Он старше меня на тринадцать лет. Я была ещё ученицей, а он – уже капитаном. Любил друзей. Всегда переживал свои ошибки. Если через время, после мучительных переживаний, он признавался самому себе в ошибках, то всегда подходил ко мне и говорил: «Назо, дорогая, прости, я был не прав». Был он человеком дисциплинированным и глубоко порядочным. После войны, сами знаете, как было трудно с продуктами. По его негласному указанию и при общем согласии команда отдавала пайки своим семьям. «А мы посидим на

«диете», – говорил в оправдание Анатолий Алексеевич. – Где рыбки наловим, где ещё чем-то поживимся. Моряк не пропадёт...» Буфетчица знала: после плена Анатолий вернулся ослабленный и больной. Желудком страдал. Однажды возьми и предложи ему: «Может вам, Анатолий Алексеевич, котлетки паровые сделать?» И не рада была своей инициативе. Он не стал её отчитывать, знал, что это исходит от чистого сердца. Он только спросил: «А что это есть в меню команды?» Я, жена капитана, долго плавала с ним на судне и наравне со всеми платила за питание. Как-то намекнула ему, что-де члены команды готовы прокормить жену капитана. Улыбнувшись, он так же спокойно спро-

Имя славного капитана носит современное морское судно

1	2	3	4
83.	КОПЫТОВ Иван Фёдорович	1910	плотник
84.	БАРАБАНОВ Фёдор Степанович	1910	плотник
85.	БОБРОВ Василий Алексеевич	1893	плотник
86.	КАРПОВ Иван Васильевич	1918	плотник-печник
87.	КАШНИКОВ Иван Павлович	1920	плотник-печник
88.	РУМЯНЦЕВ Сергей Александрович	1908	печник

в) полярники:

89.	ЗОЛОТОВ Анатолий Николаевич	нет данных	начальник станции м. Молотова
90.	БУДЫЛИН Михаил Петрович	—	радиотехник
91.	КАЛЯНОВ Иван Ефимович	—	механик
92.	АБАКУМОВ Семён Алексеевич	—	повар
93.	ШАРШАВИН Анатолий Григорьевич	—	начальник станции о. Домашний
94.	СЕНИКИН Владимир Иванович	—	метеоролог

А.А. Качарава с внуком Анатолием

сил: «Хочешь, чтобы тебя другие содержали?» Сам он, будучи большим государственным человеком, никогда не позволял себе подобных послаблений. Не допускал даже мысли – жить за счёт других. Ему нужен был непререкаемый авторитет, и он его поддерживал.

Письмо С.В. Быкова: «Из санатория сбежал на два дня в Батуми, посмотреть, где похоронен Анатолий Качарава, хотел посетить танкер с его именем, но жаль, его не оказалось на месте, ушёл на Кубу.

Насколько был прав А.А. Качарава, отвечая ещё в июле 1968 года, на вопрос корреспондента «Советской России». А сказал он так: «Думаю, что дети наших детей будут помнить о братстве их дедов, соединивших свои судьбы на палубе «Сибирякова».

Степан Васильевич скрупулёзно изучал биографию А.А. Качаравы и поделился многими материалами с нашей газетой. Из его публикаций мы узнали, что Анатолий Алексеевич родился 15 августа 1910 года в г. Сухуми (Грузия). Трудовую деятельность начал на морском транспорте в 1926 году. С шестнадцатилетнего возраста всю свою сознательную жизнь посвятил морю...

Ответственную хозяйственную работу умело сочетал с большой общественно-политической деятельностью. Был делегатом XXIV и XXV съездов КПСС, избирался кандидатом в члены ЦК КП Грузии, членом бюро Аджарского обкома партии, депутатом Верховного Совета Грузинской ССР.

За заслуги перед Родиной и большой вклад в дело развития морского транспорта СССР А.А. Качарава награждён орденом Ленина, орденом Октябрьской революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями и значками «Почётному работнику морского флота», «Почётному полярнику», «Ветеран Краснознамённого Северного Флота»...

...Из Батуми в Сухуми я возвращался на самолёте. И надо же было случиться, этим же рейсом летела Назо Яковлевна. Вечером ей позвонили родственники из Сухуми, просили срочно приехать, нужна её помощь. Ранним утром она уже была в аэропорту. Здесь, у регистрационной стойки мы снова встретились и уже не расставались до Сухуми.

1	2	3	4
95.	КАРАСЁВ Михаил Андреевич	—	метеоролог
96.	ГРАЧЁВ Владислав Иванович	—	начальник станции м. Оловянный
97.	ЧУРКИН Степан Михайлович	—	метеоролог
98.	КОЛКУНОВ Михаил Михайлович	—	механик
99.	КОЛКУНОВА Дарья Фёдоровна	—	повар

Примечание: судовая роль составлена на основании документов, находящихся в Государственном архиве Архангельской области (ф. 2323) и в Центральном Военно-Морском архиве (ф. 2941).

Составил подполковник в отставке С.Быков.

Копия для сотрудника газеты «Советский Таймыр»

Елагина Н.А. составлена 10 мая 1987 года.

Снова вспоминали о капитане Качарава. Чем больше я узнавал о нём, тем яснее становился для меня его образ.

«Вы теперь для меня все, как родные, – признаюсь я Назо Яковлевне. – И очень сожалею, что не сходил на кладбище, где похоронен Анатолий Алексеевич...»

Назо Яковлевна как-то сразу сникла и заговорила медленно, точно сожалея о чём-то: «Нам квартиру дают в Тбилиси. Мы думаем переехать туда в ближайшее время... У дочки астма, её изнуряют влажные субтропики. Не хочется оставлять могилу Анатолия в Батуми. Думаем, перевезти его прах в Тбилиси. Но как на это посмотрят местные власти?»

Несколько писем после этой встречи я посылал по старому адресу. Не знаю, дошли ли они до адресата, но ответа не последовало. Видимо, семья Качаравы всё же выехала в Тбилиси. Другой причины я не находил. Не вызвано же это молчание «разъединением» России с Грузией. Но я живу новыми переживаниями за Назо Яковлевну, её дочь Надежду и внука Анатолия. Сообщения газет того времени были более чем тревожны: братоубийственная война в Абхазии; девяносто процентов населения Грузин живёт за чертой бедности. В некогда процветающей республике, где жизненный уровень был одним из высоких в бывшем Союзе... Переживаю, как в этой национальной катастрофе уживается семья Качаравы. Найду ли я их по новому адресу в Тбилиси, дойдёт ли до них моё письмо?

В 1990 году корреспондент «Советского Таймыра» по заданию редакции находился в существовавшем ещё тогда Закавказском военном округе и вместе с военным журналистом Евгением Раченковым отдал дань памяти славному капитану.

В подтверждение он привёз снимок, на котором запечатлен офицер-пограничник, склонившийся к надгробной мраморной плите с высеченными на ней словами: «Анатолий Качарава. 1910–1982». Память не знает границ ни во времени, ни в пространстве...

И живут побратимы Арктики: дети и внуки североморцев уже приняли эстафету. Более чем десятилетняя переписка с дежнёвцами и сибиряковцами вовлекала меня в это содружество. На разных этапах этой большой работы подключались многие нештатные авторы и профессиональные журналисты окружной газеты. При очередном визите на теплоход «Норильск» молодой журналист Виталий Иванов узнает: подменный капитан судна усиленного ледового класса Михаил Васильевич Соколов имеет прямое отношение к нашему поиску.

– Я действительно работал на «Дежнёве», – говорит он несколько удивлённый вопросом журналиста.

– Но это было значительно позже событий на Диксоне. Скажу больше, в 1959 году на пароходе уже не осталось ни одного участника боя...

Когда Миша Соколов – выпускник Высшего Арктического морского училища имени адмирала С.О. Макарова проходил практику на ледоколе «Ленин» («Владимир Ильич») судьба свела его с Павлом Ивановичем Вавиловым, легендарным кочегаром «Сибирякова».

Наверное, рассказы о бое, о друзьях, о многодневном пребывании на острове Белуха, о краснознаменном пароходе повлияли на формирование характера будущего моряка, его неизменную любовь к Арктике.

– Я по натуре путешественник, – говорит Соколов. – Но больше всего мечтаю повидать всю Си-

Не вспомнить нельзя...

...Корабль-воин, достойно исполнивший свой долг, возвращался к своему основному предназначению грузового ледокольного парохода «Дежнёв». Постепенно пустели кубрики и каюты, демобилизованные моряки уезжали домой, а тем, кому предстояло дослуживать свой срок, расписывались по кораблям и частям Северного флота.

Стало непривычно тихо: не раздавались сигналы громкого боя, не было слышно грохота матросских сапог по боевой тревоге.

Дежнёвцы прощались с кораблём. Целых четыре года был он для них единственным общим домом, местом боя, местом коллективного и личного подвига, местом, где вручались ордена и медали. Палуба «Дежнёва», обильно политая кровью, для некоторых была последним, что видели их глаза в смертный час...

Остались, но уже в составе гражданской команды: А.С. Гидулянов – в качестве капитана, А.А. Назарьев – старшим штурманом, Г.В. Звягин – старшим механиком, и небольшая часть моряков, плававших на судне ещё с довоенного времени.

И хотя война была закончена, но северные моря ещё долгое время оставались опасными для судоходства. Требовалось вести не только траление, но уничтожать артиллерийским огнём целые «банки» и отдельно плавающие мины. По этой причине на «Дежнёве» в полной готовности оставались пушки и пулемёты. Для их обслуживания оставалось 18 матросов из второй боевой части во главе со старшиной А.П. Алимовым. Лишь в январе 1946 года, после окончания первой арктической навигации в Северодвинске с «Дежнёва» было снято всё вооружение. Затем были

бирь. Кстати, вы знаете, что у Сибири, у Таймыра особый запах. Да! Не улыбайтесь. В Мозамбике я скучаю по цветам Заполярья. По белизне его снегов. Возможно, это ностальгия. Но всё равно без этого я не могу... У меня двое детей. Сын избрал мою профессию.

А. Новожилова, да и других дежневцев и сибиряковцев я просил в письмах, чтобы они вспомнили о связях двух кораблей. Побратимские связи имеют более глубокие корни. «По поводу ваших вопросов, – написал А. Новожилов. – Они меня сильно смутили и поставили в тупик. Ничего толком вспомнить не могу. Не припомню, кто из радистов переходил и переходил ли вообще с одного корабля на другой. Больше склоняюсь к тому, что не переходил никто. А вот в памяти что-то отложилось: на «Сибиряков» был переведён сигнальщик Сеньковский или Синьковский, повторяю, что не уверен. На другое судно, но не на «Сибиряков», был переведён радист Ефременко, да и значительно позже, на береговой пост был переведён ещё один радист, а вот фамилию помню неуверенно, вроде Баранов. Пост, на котором он служил, разгромили немцы, он погиб...»

Недавно просматривая книгу В. Реданского «Арктики рядовой», подаренную автором К.И. Стёпину на 85-й странице я нашёл пометку на полях: «Елагину». Читаю: «Дежнёвцы тяжело переживали весть о гибели «Сибирякова». Со многими сибиряковцами они были знакомы: суда не раз встречались в море и во время стоянок в портах. В команде «Сибирякова» был один из лучших сигнальщиков «Дежнёва» Иван Васильевич Синьковский. Много лет спустя оставшиеся в живых сибиряковцы рассказывали, что Иван Синьковский и на «Сибирякове» отличался безупречным выполнением обязанностей и мужественно вёл

себя в бою с фашистским рейдером». Правильно подметил Константин Иванович: это ещё одна побратимская связь.

И ещё об одном побратимском «рукопожатии» повествуется в этой книге. В конце августа 1957 года «Дежнёв» отправился из Архангельска во второй в этом году арктический рейс – в Тикси. А из Тикси судно продолжило свой путь дальше на восток. «Дежнёву» до этого ещё не доводилось проходить насквозь Северный морской путь.

Ранним утром 7 октября «Дежнёв» покинул Тикси. Но успел уйти недалеко, как поступило указание помочь застрявшим во льду без топлива пароходу «Калинин» и лихтеру «Терек». «Калинин» получил уголь, и оба судна на буксире «Дежнёв» вызволил из ледового плена... В кильватер за «Дежнёвым» шли теплоход «Волга», пароход «Кировоград». На третий день плавания суда нагнал дизель-электроход «Байкал», которым командовал бывший командир «Сибирякова» А.А. Качарава. Анатолий Алексеевич попросил поделиться пресной водой. Корабли ошвартовались бортами, по палубам протянули шланги. На дизель-электроход перекачали 100 тонн воды. Караван продолжил путь. Мощный лёд, периодически сжимаясь, сковывал движение. Некоторое время «Дежнёв» шёл на буксире за «Байкалом». Но однажды застрял сам «Байкал». Пришлось «Дежнёву» отдать трос и околоть дизель-электроход. А сколько было ещё таких незабываемых встреч!

Всё чаще в письмах следовали приписки, как у А. Новожилова: «Прошу извинить за почерк, что-то плохо слушается рука, и буквы танцуют...» Ветераны – люди скромные. Дежнёвец Семён Гальковский письмо написал всего-то на полторы тетрадных странички, но уже поспешил повиниться за своё многословие: «Вот вкратце и всё,

перекрашены корпус и надстройки, и судно приобрело полностью гражданский вид.

По-разному в послевоенные годы сложилась жизнь моих товарищей-дежневцев. О многих уже рассказано. Чтобы не повторяться, вспомню лишь о некоторых.

...Матрос М.С. Пунанцев до выхода на пенсию трудился на судах Мурманского арктического пароходства. Несколько лет назад на Острове Свободы кубинские врачи извлекли из его тела осколки снаряда с фашистского линкора, которые он носил в себе с того памятного боя в августе 1942 года...

дорогие друзья, возможно, и лишнее что наплёл, прошу извинить».

Как поётся в известной песне, «...за столом у нас никто не лишний». Только не уверен, «по заслугам ли каждый награждён»...

Отношение к ветеранам – это не просто этическая норма, это степень духовной зрелости человека, это степень его гражданственности. Память в этом ряду человеческих отношений, как совесть, как преодоление времени, преодоление смерти, как нить, связующая бесчисленную гряду человеческих поколений и делающая их народом.

...В Диксонской школе идёт урок мужества, каких ещё не бывало и вряд ли уже состоится. Сюда пришли участники боя с фашистским крейсером «Адмирал Шеер». 1 сентября 1982 года. Ветераны, убелённые сединами, при полной выкладке орден и медалей, развернули перед детьми схему боя и рассказали о том, как они защищали Диксон. Хотя многие из ребят знали подробности этого боя, сами собирали документы, переписывались с ветеранами, сами оформляли для школьного музея стенд «Восемь минут огня», посвящённый этим событиям, глаза их горели неподдельным светом. И казалось, в зале стало светлее, несмотря на то, что солнце не могло пробиться в окна, снежные заряды один за другим обрушивались в этот день на школу. Но тут было тепло ветеранам и детям, которые вместе рассматривали карту «Матросского архипелага» – россыпи маленьких островков в Карском море, названных именами погибших в том бою.

Тогда и было задумано – разместить на каждом острове свой отличительный знак. В школе искусств разработали эскизы и подготовили макеты. В полярную ночь собрались на выставку, обсудили, всем задумка пришлась по душе...

В Диксонской художественной школе В. Королёв учил детей не только художественному ремеслу, а высокому патриотизму...

Идея создать Диксонский мемориал принадлежит Владимиру Королёву, директору и учителю школы искусств. Много различных публикаций посвящено Королёву. Но, пожалуй, одна из удачных публикаций – очерк «Дети Арктики» в книге Владимира Рудного «В море нет обелисков». Позволю ещё немного процитировать:

«Королёв хлебнул в жизни всего. Осиротел после гибели отца и матери под Сталинградом. Выдывали кожи, сапожничал, ткал, чертил, рисовал, обрабатывал камень, кость, дерево, оформлял

Г.С. Толкачёв работал на одном из лесозаводов Архангельска. М.Г. Пашев – в Архангельском областном управлении связи. Командир батареи А.И. Шерстобитов послевоенные годы отдал службе на Северном флоте, был командиром большого морского охотника.

В Архангельске несколько лет назад трагически погиб при исполнении служебного долга старшина электриков СКР-19 Дмитрий Горлышев. На электростанции, где он работал, случилась авария. Людям и предприятию грозила гибель. Горлышев бросился к распределитель-

ному щиту, разъединил цепь и ценой собственной жизни ликвидировал аварию, спас людей...

В Архангельске подвиг экипажа СКР-19 не забыты. В Исакогорском районе города открыта улица Дежнёвцев.

Валентин ДЕРЯБИН.

Вновь заговорил стихами...

Давненько не писал стихов. Но чем больше я узнавал своих героев, тем больше переполнялась моя душа чем-то чистым, неза-

мутнённым, слова сами начинали выстраиваться в стихотворные строки. Я даже напевал их на свой немудрёный мотив, когда мне становилось трудно.

Однажды неожиданно пришлось выехать в отпуск и не удалось мне встретиться ещё раз с североморцами на Диксоне. Как свой привет и поздравление послал им тогда свои стихи через первого секретаря Диксонского райкома партии Анатолия Алексеевича Бойко.

В ответном письме он писал: стихи им очень понравились, они даже отважились послать их в

декоративное полотно и льняные скатерти на комбинате в Смоленске и всегда, работая вдохновенно, учился и учил других. А когда ко льну стали добавлять примеси, ушёл, не приемля профанации. Авторские скатерти хранит, как писатель – свои книги. Был принят в Союз художников СССР, напросился в сквозной арктический рейс и плавание завершил выставкой на судне. Ради заветной цели не чурался любого труда...

Так, он пробился на остров Хейса Земли Франца Иосифа, работал там скотником, семь месяцев выхаживал свиней и рогатый скот, выкраивал время для эскизов, фотографий, слайдов, еженочного дневника и выставил в честь круглой даты обсерватории имени Кренкеля 110 картин. Возвращаясь домой, повторил выставку на Диксоне. Райком партии попросил у него

помощи – при детской музыкальной школе создать художественное отделение. Взялся за это сам. Показывал родителям, школьникам свои картины, объяснял смысл обучения, убеждал, доказывал. Его жена Катя слала ему на Диксон краски, кисти, карандаши, бумагу, наглядные пособия, литературу – в библиотеке Диксона не было ни одного журнала по искусству. У Кати был опыт гранильщика алмазов, экскурсовода картинной галереи, хранительницы музея быта Тенишовой в Смоленске. Они сообща повели занятия в школе искусств. Он обучал обращению с красками, пониманию цвета, композиции, орнамента. Она читала лекции по истории изобразительного искусства...»

Честно признаться, при очередной встрече мне не терпелось узнать от Королёва о его связях с дежнёвцами и сибиряковцами. Запомнилось, как он вглядывался в их лица тогда в 1985-м, как «телевиком» фотоаппарата пытался крупным планом запечатлеть их выразительные лица, когда они несли прах своего товарища на вечное захоронение к мемориалу на Южке...

– Владимир Васильевич, – спрашиваю у Королёва, – вы собираетесь художественными средствами отобразить подвиг защитников Диксона?

– Подвиг защитников арктических рубежей России от фашистских захватчиков не может не волновать проявлением чисто русских характеров. Каждый моряк и офицер готов был пожертвовать собой, чтобы защитить от врага стратегические коммуникации Северного морского пути. Это так запало в мою душу, что я заговорил стихами...

– Если в художнике проснулся поэт, значит, душа готова творить?

– Задумок много. Можно всё это запечатлеть на холсте. Но более реальная и осязаемая дань

Москву, известному композитору Александре Пахмутовой, которая, видимо, очень близка по духу диксонцам. Но то ли письмо где-то затерялось, то ли слова не пришлось композитору, то ли другие причины, но ответа не последовало. Заказанная музыка не состоялась.

Может, и к лучшему. Все вдруг бросились отмывать белый цвет, всех запуржило белой вьюгой... Но хотим ли мы этого или нет, победу одержали советские люди, и цвет у Победы – цвет нашей крови, такой же, как у знамен армии-победительницы!

Посвящение дежнёвцам

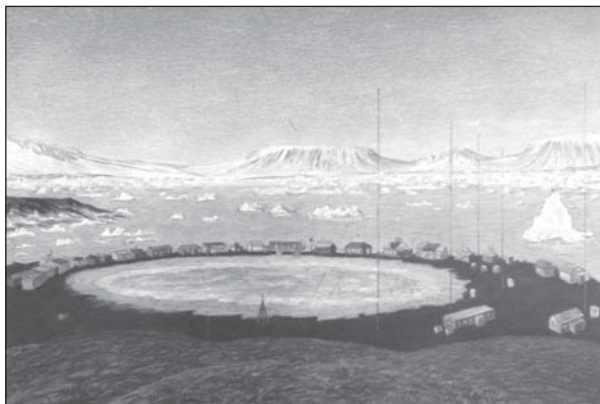
Строчка за строчкой,
Рассказ за рассказом, –
Вас бы восславить
Песней иль сказом...
Только не выдумать
Ярких тех слов –
Подвиг дежнёвцев
И прост, и суров.

Карское море.
Туман на рассвете.
Вражеский крейсер
К Диксону метит.
Не могут дежнёвцы
Остаться в долгу.

Командует Кротов:
Огонь, по врагу!

Огонь – на огонь!
Снаряд – за снарядом!
Кто с жизнью и смертью
Окажется рядом?
Каждому третьему –
Рана иль смерть...
Только не может
«Дежнёв» умереть!

Силы не равны,
Отстаивать трудно
Звание воина
Мирному судну.
– Огонь, батарея?
Берег, огонь!

Репродукция картины В. Королёва «Панорама обсерватории им. Э.Т. Кренкеля на о. Хейса»

подвигу могла бы воплотиться в создании Мемориального комплекса вокруг Диксона. Начало его уже положено на Южке. Можно продолжить на острове Конус, раньше он служил бункеро-вочным причалом для военных и гражданских судов. Пожалуй, тут как судьбы людей, сходились маршруты многих морских и речных транспортов. Есть смысл соорудить на Конусе символический маяк о восемнадцати гранях...

Вы знаете, что в Карском море есть острова, названные именами североморцев. Здесь на островах можно создать целую панораму: на каждом из них поставить свой неповторимый обелиск. Решение найдено, на мой взгляд, оригинальное: если судно идёт со стороны Владивостока, монументы будут создавать иллюзию горящей звезды, с моря – они будут напоминать контуры корабля. Не заходящее полярное солнце летом создаст свои неповторимые теневые эффекты...

– Вижу по вашему настроению, Владимир Васильевич, что в вашем проекте больше теневых эффектов?

– Выдавать сегодня желаемое за действительное, значит, тешить себя несбыточными надеждами. Задуманный мною мемориал требует немало моральных и материальных затрат. Тут одними субботниками и воскресниками, как прежде, не обойтись, нужна крепкая финансовая поддержка в форме пожертвований, спонсорства российских меценатов, вроде Сибирякова, и, возможно, создание специального фонда на уровне округа, края или России...

В мастерской художника на одном из стеллажей словно немой укор стоит макет Диксонского мемориала, выполненный любовно несколько лет назад и до сих пор не получивший право на жизнь

В. Королёв в своей мастерской и на этюдах

Советскую Арктику,
«Шеер», не тронь!

Враг не сдаётся –
Его убивают.
Равняйся, комендоры!
Алимов стреляет!
Рейдер в смятении, –
Пламя сбивает.
Спесь поубавилась –
Враг отступает...

Рана на рану,
Пробоин не счесть.
Но флаг на флагштоке –
Гордость и честь.
Спокойно уткнувшись

В тихую мель,
«Дежнёв» подсчитает
Список потерь.

Много их было!
И все – без возврата...
Потерь боевых
В подвиге ратном.
Над обелисками –
Вечность молчания.
В полярном сиянии –
Конвои отчаянья.

Тогда и теперь,
И на все времена.
Родина помнит
И чтит имена

Всех, кто при Диксоне
Кровь проливал,
И нашу Победу
На щит поднимал.

Песня о полярном «Варяге»

Тише, товарищ,
Песня слышна.
Песня вполголоса,
Как тихая волна.
Трогает душу
Гитары струна,
Песнь «Сибирякова»
Слушай, страна!

среди бушующих волн Карского моря по очень простой причине: «...ввиду отсутствия источников финансирования».

Помилуйте, возмутится отнюдь не обыватель и не скептик-диксончанин, – о каких бушующих волнах вы говорите, когда на земле-то не устоять. Государственной программы по Российскому Северу до сих пор нет, а заявлениями государственных деятелей разных уровней, как обоснованными проектами, кажется, уже не остановить распад когда-то стройной государственной системы развития Арктики и районов Крайнего Севера. С ног сбила обвальная перестройка, а точнее обвальное разрушение всего, где мы имели свои приоритеты и чем не без основания гордились...

В судебной роли не значится

В моей переписке с сибиряковцами и дежнёвцами особое место занимает многолетнее сотрудничество со Степаном Васильевичем Быковым, ветераном Северного флота. Его материалы не раз публиковались на страницах «Советского Таймыра». Параллельно нашей работе он шёл своим путём в поисках родных и близких погибших сибиряковцев, в исправлении допущенных неточностей и фактических ошибок в непростой истории и, в частности, касающейся «Сибирякова», в определении роли каждого члена экипажа.

Во время войны Степан Васильевич принимал участие в формировании экипажей и команд су-

дов, подразделений. Кто-то из ветеранов правильно подметил: «Перед Быковым прошёл весь Северный флот». И тут, пожалуй, нет преувеличения. Тысячи людей прошли перед его пристальным взглядом, он умело подыскивал ключик к каждому, определял каждому место в строю.

...Мальчишка из Новосибирска сбежал на фронт. Поглядел – поглядел на него тогда Степан Васильевич, и сжалилось его сердце: обратно отослать парнишку – затеряется, погибнет. Позвал знакомого капитана и говорит: «Определи в юнги, пусть пока картошку чистит, а потом и фашистов бить будет».

Степан Васильевич лукаво подмигнул мальчонке, по-мужски пожал ему руку, напутствуя в добрый путь. Он был уверен в капитане, как в себе: выведет юнгу в люди...

Начинает рассказывать Степан Васильевич о своей юности, жизни, – заслушаешься. Комсомол, партия бросали его на самые горячие точки. На организацию сельской кооперативной торговли, на лесоповал. В тридцатые годы, это звучало, как в моё время – целина или космос. Страна строилась, и леса требовалось как никогда много. Учился, вновь работал. Служил моряком на флоте, до конца связал свою жизнь с Северным флотом. Свидетелем многих судеб был Быков. Судьбы сибиряковцев по-особому волновали его. После гибели большинства команды, да и после войны, когда несколько человек вернулись из плена и концлагерей, многое оставалось неясным. Пришлось встречаться с капитаном А.А. Качаровой, боцманом А.Т. Павловским...

Началось с малого: хотелось подробнее разузнать о судьбе земляка – комсорга «А. Сибирякова» Михаила Кузнецова. Потянулся к одной судьбе, а получилось, что надо было по кирпичи-

На траверзе – Мурманск,
Арктический курс.
В Архангельск и Диксон
Увозим мы груз.
В конвоях, «по капле»,
Суровыми трассами,
Не зная покоя,
Сражаются транспорты.

Враг всё наглее,
Прёт наугад,
Мурманск бы сбросить,
Сразить Сталинград.
В Арктику рвётся
Вершить «Вундерланд».
Но русские парни
И там постоят.
В эфире – тревога!

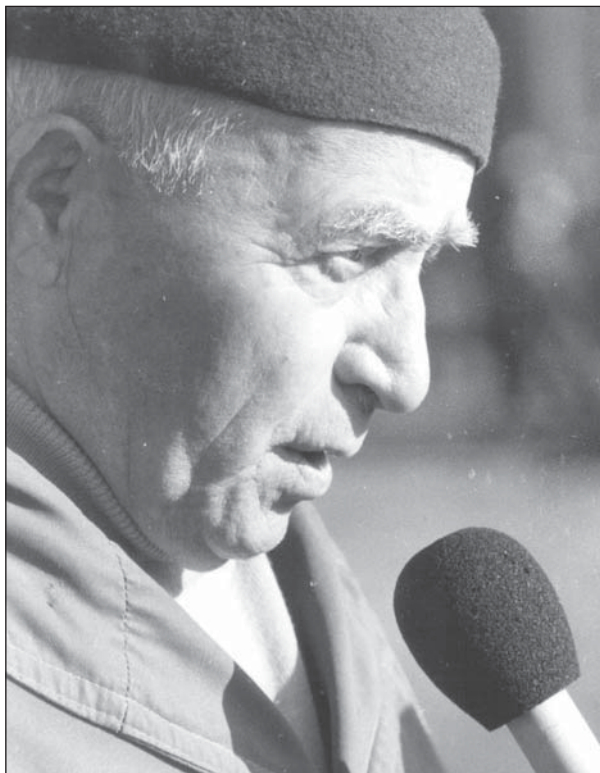
Готовься, моряк!
Врагу не сдаётся
Полярный «Варяг».
Где остров Белуха?
К нему б дотянуть...
Стар ледокол,
Но не хочет тонуть...

Приказано с крейсера:
«Дальше не плыть,
Флаг опустить
И сговорчивей быть!»
Но кто это видел
Во веки веков,
Чтоб на колени
Склонить моряков?
Слышишь ли зов
Матерей и отцов,

Отважный комсорг
Михаил Кузнецов?
Павловский, Вавилов?
Капитан Качарова?
Братались вы с силой,
Сроднились со славой.

Так и ушли.
Навек обнявшись,
В пучину морскую,
В бессмертную жизнь:
Зелик Элимелх
И стармех Бочурко, –
За сыновей,
И за дочурок...

Открыты кингстоны,

С.В. Быков – летописец сибиряковцев

чикам строить и восстанавливать большой дом одной семьи.

...Скоро пришла из Северодвинска ещё одна весточка от С.В. Быкова. На открытке с видом Киевского аэропорта Степан Васильевич на этот раз очень лаконично сообщал, что побывал на днях в редакции газеты Северного флота, передал итоговый материал о своих поисках и сомнениях, о разочарованиях и радостях. Наверное, человек, занимающийся этой работой постоянно, может понять его. Я понимал, радовался за своего стар-

шего товарища. Ему сказали, что и мой материал лежит в редакции. Ждёт своей очереди. В подробности Степан Васильевич не вдавался. Материал ему не показали. Я так понял: он уже дождался и попал в корзину...

Через три месяца Степан Васильевич прислал большое письмо, в котором я нашёл четыре вырезки из газеты «Северная вахта» с его публикациями «По следам сибиряковцев». Возможно, его публикациям не хватало журналистского мастерства и публицистического проникновения, но они подкупали своей искренностью и простотой, дотошностью в познании истины, особой скрупулёзностью в отборе фактического материала.

Как я уже отметил, отправной точкой его кропотливой работы и поиска стал Михаил Кузнецов. Побудительная причина – личный интерес к судьбе этого молодого человека.

Во-первых, Михаила Кузнецова Степан Васильевич Быков хорошо знал ещё по довоенной работе в Емецке, а во время войны – по совместной службе...

Во-вторых, о Михаиле Кузнецове в разных публикациях и изданиях содержались противоречивые факты. Одни утверждали: он был в числе пленённых сибиряковцев и умер, якобы, после допросов. К этому, в частности, склонялись в своих публикациях писатели Л. Новиков, А. Тараданкин, В. Реданский. А писатели Е. Сузюмов, З. Каневский, М. Белов утверждали: М. Кузнецов погиб во время боя 25 августа 1942 года...

Сначала Степан Васильевич попытался ответить для себя только на эти вопросы. И не заметил, как его пленила эта большая тематическая целина – судьбы сибиряковцев, их родных и близких.

По крупицам он собирал биографические сведения своего земляка. Михаил – сын бедной

Дрались до конца...
Парят альбатросы –
Матросов сердца.
Венок на волне, –
Здесь нет обелисков.
Небо над морем
Склоняется низко.

Тише, товарищ,
Песня слышна,
Песня вполголоса,
Как тихая волна.
Трогает душу
Гитары струна,
«Варяг» не сдаётся,
Запомни, страна!

Никандр ЕЛАГИН.

Написать бы книгу для школьников...

...Мы в Архангельске узнали о нападении вражеской подводной лодки на полярную станцию в бухте Малые Кармакулы. 27 июля лодка проникла в бухту и обстреляла пушками посёлок зимовщиков и радиостанцию. В бухте находились два наших гидросамолёта типа «каталина».

Слухи о нападении лодки дошли до архангелогородцев и возбудили беспокойство. Дело в том, что в район Кармакул была

отправлена необычная экспедиция. Она состояла из пионеров и комсомольцев в возрасте от 13 до 17 лет. Цель экспедиции – сбор на птичьих базарах Новой Земли яиц кайры, не уступающих по вкусу и питательности куриным, и заготовка птичьих тушек. Забегая вперёд, скажу, что и яйца, и птичье мясо были доставлены в Архангельск и по решению партийных и советских органов переданы в детские ясли, сады, школы.

Сам по себе сбор яиц кайры требует отваги и сноровки. Обычно морские птицы кладут яйца на уступах высокого берега, и,

солдатской вдовы, остался без отца в два месяца (родился 19 сентября 1915 года). Рано приобщился к труду, с детства помогал матери по хозяйству. Окончил школу, педагогический техникум, работал учителем начальных классов, инспектором районного отдела народного образования (РОНО), пропагандистом райкома партии, был секретарём комсомольской организации, членом Емецкого райкома комсомола. Заочно учился на историческом факультете Архангельского педагогического института имени М.В. Ломоносова.

В 1939 году Михаил Кузнецов призван по спецнабору на Черноморский флот. В учебном отряде освоил военную специальность шифровальщика. Как бы сложилась дальнейшая судьба, если бы он серьёзно не заболел осенью 1940 года? По состоянию здоровья его демобилизовали и сняли с воинского учёта...

Возвратившись в родную деревню, он вновь приобщается к своей работе в РОНО, райкоме комсомола. В первые дни войны призван по мобилизации и отправлен на Северный флот. Получает назначение на ледокольный пароход «А. Сибиряков» шифровальщиком и комсомольским вожаком судна.

Степан Васильевич просматривает десятки документов, материалов и публикаций в библиотеках, музеях, архивах... В Архангельске, Ленинграде, Гатчине, Мурманске, Москве, Диксоне, Дудинке, Красноярске, Николаеве, Одессе. И чем больше находил материалов о Михаиле Кузнецове, тем яснее становилась путаница в публикациях. Степан Васильевич решает, что этому пора положить конец. Правда о земляке восторжествовала...

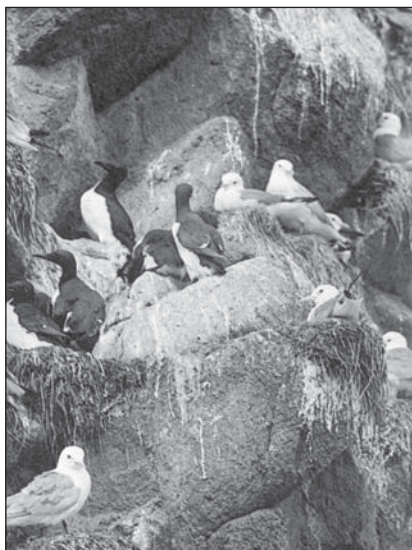
На этот раз помогла газета «Правда» публикацией корреспондента Л. Почивалова «И снова уйдут корабли...» за 1 октября 1972 года. Из неё

Степан Васильевич узнаёт, что жив и здоров славный капитан «Сибирякова» Анатолий Алексеевич Качарава, только командует он ныне не одним, а десятками кораблей. Он – начальник самого молодого в стране Грузинского морского пароходства. Степану Васильевичу удаётся связаться по телефону с Качаровой и договориться о встрече в Батуми.

Несмотря на большую занятость и загруженность работой, болезненное состояние, начальник пароходства, депутат Верховного Совета Грузинской ССР Анатолий Алексеевич находил ежедневно после 18 часов время для беседы со Степаном Васильевичем. Он познакомил его с городом, с сослуживцами, близкими и родными. Перед Степаном Васильевичем раскрылся человек значительной величины, пользующийся авторитетом у жителей Батуми, у работников пароходства.

В одну из таких бесед Степан Васильевич рассказал о Емецком школьном музее, о следопытах, о Т.В. Мининой, которая возглавляла ребятишек в этой трудной работе. Поведал о трудностях, с которыми столкнулись. Зашли в тупик в своих поисках. Показал ему книги разных авторов, противоречащих один другому. Анатолий Алексеевич очень близко принял к сердцу эту несправедливость, заходил по комнате, мял пальцем табак в трубке, говорил взволнованно и громко, словно рубил слова: «Должна быть только одна правда! Кузнецов в плену не был, и не нужно его чернить пленом!»

Затем «по цепочке» Быков узнавал новые имена живых сибиряковцев, незамедлительно искал с ними встречи. С боцманом «Сибирякова» Андреем Тихоновичем Павловским – в Архангельске, с парторгом экипажа, радистом «Сибирякова» Михаилом Фёдоровичем Сараевым – в Ленинграде.

если просто смотреть с сорока – пятидесятиметрового обрыва на море, шумящее внизу, голова может закружиться. А мальчишкам приходилось спускаться по почти отвесным скалам и собирать яйца. Конечно, была страховочная верёвка. Но и с ней было боязно. Ребята, пересиливая себя, постепенно освоили опасный промысел.

Участник экспедиции Николай Вурдов рассказал потом и о другом испытании, которое их ожидало:

– Наша бригада блаженствовала в баньке, поддавали пар,

хлестались вениками из морской капусты, до красноты терли друг другу спину. В предбаннике возмущалась вторая бригада, которая должна была мыться за нами. Дюжина кулаков стучала в дверь, десятки голосов зывали к совести. И вдруг всё стихло, а за окнами заплясали, запрыгали ребята.

– Самолёт! Самолёт летит!

Нас неудержимо потянуло на улицу, но помощник бригадира, рассудительный Володя Дергач, предупредил:

– Не открывайте дверь, это они нарочно, только откроете – ворвутся и выкинут из бани.

И первый, и второй заявили: М. Кузнецов погиб в бою 25 августа 1942 года.

Педантичность кадрового офицера и штабного работника всё же не давала ему права быть уверенным до конца. Он пишет несколько раз письма авторам «Сказания о «Сибирякове» А. Тараданкину и Л. Новикову, просит пояснить, с чьих слов или каких документов они заявляют, что Кузнецов был пленён. Новиков находился в длительной заграничной командировке, ответить не мог. По какой-то причине за три года так и не смог ответить Тараданкин. Или свою ошибку больно признавать, или другие мотивы были. В конце концов, можно было подумать: письма до них не дошли... Только и здесь сомневаться приходится: такие почтовые отправления от Степана Васильевича шли заказными письмами, с уведомлением в получении...

Наконец, Степан Васильевич обращается в газету «Правда» с просьбой устранить разногласия и поставить точку в этой истории. Но в уважаемой в то время газете тоже нашлись люди, не понявшие его благих намерений. Военный отдел в лице А. Хоробрых посчитал нецелесообразным публикацию письма Быкова, рекомендовал исправить неточности в отношении гибели товарища Кузнецова М.В., обратившись в издательства, которые выпустили работы Л. Новикова, А. Тараданкина и В. Реданского...

После нескольких попыток Степан Васильевич добивается разрешения лично ознакомиться с документами сибиряковцев в Центральном Военно-Морском архиве. И вот, наконец, получена официальная справка ЦВМА №299/11 от 17 января 1978 года, где написано: М. Кузнецов погиб в бою 25 августа 1942 года и погребён в Карском море. Эта справка теперь хранится в краеведческом музее Емецкой школы.

Знакомство с историей «А. Сибирякова», с судьбами членов его экипажа как бы расширило круг видимости С.В. Быкова. Яснее становилось несоответствие причисленных к гибели людей с судовой ролью. Но где и как найти этот документ, написанный перед последним походом ледокольного парохода? Знающие люди посоветовали Степану Васильевичу: такой документ может быть только на Диксоне. Быков срочно едет в арктический посёлок в августе 1980 года. Благо, каким-то чудом подвернулась случайная туристическая путёвка по енисейскому маршруту Красноярск – Диксон – Красноярск на теплоходе.

Тогда Степан Васильевич впервые побывал в краеведческом музее Диксонской средней школы. Остался доволен, как юные диксонцы занимаются поисковой работой и оформлением музейных экспонатов. Но и немало был удивлён тем, что в музее совсем нет материалов, рассказывающих о «Сибирякове». Пообещал учителю-экскурсоводу Надежде Сергеевне Дятел помочь в сборе материалов.

Судовой роли на Диксоне он, конечно, не нашёл, но не огорчился, обрёл здесь новых друзей, преданных патриотическому делу. Сразу же по возвращении домой подбирает большое количество материалов и отправляет их в адрес школьного музея. Так началась активная переписка с военруком школы Виктором Николаевичем Лисициным и школьниками Савельевой, Масаловой, Худяковой...

С особым нетерпением Степан Васильевич ждал перехода в новое здание и открытия областного архива в Архангельске. И не напрасно. В первый же день поиска он нашёл здесь судовую роль, составленную по состоянию на 20 июля 1942 года, приказы начальника Архангельского

Всё же мы открыли дверь и, не одеваясь, высыпали на улицу. Из-за сопки с выключенными моторами планировал самолёт. И вдруг спреди у него забилась огонёк, слух резанула пулемётная очередь, от створного знака, стоявшего рядом с банькой, полетела щепка. Оглушив включёнными моторами, самолёт пронёсся над нами, на крыльях у него были чёрные кресты.

Мы, голые, врассыпную. Но резкий холодный ветер скоро заставил бежать обратно к баньке.

Через несколько дней мы увидели посёлок зимовщиков,

На встрече с личным составом в Северодвинске. 1978 г.

морского пароходства, другие документы. К этому времени было обнаружено ещё несколько документов в Центральном Военно-Морском архиве. Началось кропотливое составление судовой роли по состоянию на 24 августа 1942 года, на день выхода «Сибирякова» из порта Диксон в свой последний рейс...

В день гибели ледокольного парохода на его борту находилось не 104, как значилось во всех ранее публикуемых материалах, а только 99 человек: экипаж гражданских – 39, военная команда – 35 человек, 25 – пассажиров, из числа строителей, полярников и офицеров, направлявшихся для работы и службы на острова и полярные станции. Трое, числившиеся в последней судовой роли, В.В. Старковский, Н.С. Михайловский, А.А. Савочкин были списаны из экипажа ещё до выхода в Белое море. А двое, проверявшие качество угля, В.И. Личутин и В.В. Ермолин, прибыв на Диксон с «Сибиряковым», сошли на берег и на борт больше не поднимались. Выполнили свои обязанности и вернулись в Архангельск 24 октября 1942 года. С этими уточнениями при личной встрече согласились А.А. Качарава, А.Т. Павловский, М.Ф. Сараев.

...Итак, мы выяснили: их было 99. Теперь предстоит разобраться: сколько же сибиряковцев осталось в живых, сколько пленено? В различных публикациях приводятся тоже самые противоречивые сведения. В газете «Советский Таймыр» за 25 августа 1977 года начальник сектора истории Центрального Военно-Морского музея М. Ефимов писал: «Из 123 человек (вот даже как!? – Н.Е.) «А.Сибирякова» большинство погибли в неравном бою. Тяжело раненные, отходящие на шлюпках от корабля, а также плавающие на воде, держащиеся за обломки корабля и рангоуты, советские моряки были расстреляны.

Фашистам удалось захватить в плен 18 раненых...

В марте 1945 года воины Советской Армии освободили в живых 13 сибиряковцев...»

Насколько верны эти данные? Первая же цифра сразу даёт нам право усомниться.

Не вызывают сомнения шесть фамилий, которые мы установили и которые чаще других упоминаются в большинстве публикаций, потому что после тех событий и пленения им довелось жить дольше других. Это – А.А. Качарава, А.Т. Павловский, М.Ф. Сараев, И.А. Алексеев, И.Г. Тарбаев, П.И. Вавилов.

По другим публикациям, и, прежде всего, по рассказу А.Новикова и А.Тараданкина в «Советской России» и в последующей их книге «Сказание о «Сибирякове», бесспорно определилось ещё несколько фамилий, о чём есть подтверждения и самих участников тех событий, родственников и коллег по работе.

Из заповедного Тикси пришло подтверждение сразу на двоих сибиряковцев: И.Е. Калянов работал после войны в техническом отделе местного морского порта, А.Г. Шаршавин – радист одной из полярных станций.

Всего год прожил после войны И.М. Замятин, сказались былые раны. Гидролог А.Н. Золотов погиб годом позже в авиационной катастрофе в Арктике. В Архангельске в 1950 году умер И.К. Котлов. Сталеваром на крупнейшем заводе «Сибтяжмаш» испытал радость труда Иван Копытов. Не надо путать его с однофамильцем Константином Копытовым, машинистом первого класса, обозначенным в судовой роли под номером 26.

Долго искали письма и телеграммы Серафима Изосимовича Герегу. Четырнадцать лет он строил дома на Таймыре, в вахтовых посёлках и зимовьях

который был обстрелян и сожжён вражеской подводной лодкой.

Совсем рядом с нами шла война... Однажды мы заметили, что море вокруг острова Пуховый всё покрыто слоем нефти. Кайры садились в море, пачкали белые грудки. Мы понимали: где-то потоплено судно. На берег выбросило два мешка с мукой. Сверху мука подмокла, покрылась коркой, а внутри нисколько не испортилась. Потом прибило бочку со спиртом, смешанным с эфиром. Ясно – это тоже следы кораблекрушения.

Тревожно стало на сердце у

нас, но мы гордились тем, что рядом с опасностью делаем свою работу. С этим чувством легче переносились все трудности, которых было предостаточно...

Вот как показали себя советские ребята на дальнем северном острове! Написать бы о них кому-то из нас не две странички, а книгу для школьников...

Константин БАДИГИН.

«На морских дорогах».

Северо-Западное книжное издательство.

Архангельск. 1985, стр. 162-165.

Один из тех, оставшихся в живых...

Иван Григорьевич Шнейдер живёт на окраине Ленинграда, извините, Санкт-Петербурга, в одной из высотных многоэтажек. После телефонного звонка встретил нас. Приветливо улыбнулся, блеснул искорками живых глаз: «Пожалуйста, за мной». Легко, словно непоседливый мальчишка, взбежал по ступенькам лестницы.

Мы с коллегой невольно переглянулись – ведь Ивану Григорьевичу 73 года!

Хатангского района. Здесь для автора этих строк начинался Крайний Север. Я шёл по следам Гереги. И, наверное, чудом не встретился с ним. Нас разделило время, он немного опережал меня...

Не довелось мне найти его и в Игарке, он уехал оттуда опять чуть раньше меня. Здесь я неоднократно бывал как собственный корреспондент краевой газеты «Красноярский рабочий», когда весь Таймыр, Туруханский район и Игарка были переданы в «моё владение». В редакции меня называли самым богатым собкором, не только с точки зрения богатств этих необъятных просторов, но по своему историческому назначению этих мест. Они связаны с массовыми ссылками инакомыслящих при царе – декабристы, социал-демократы, большевики... Последние превратили эти места в «оплот социализма» под зловещим названием ГУЛАГ...

Последняя весточка пришла от Гереги из посёлка «Памяти 13 борцов» с улицы Гурского, 12. Он работал в последние годы вахтёром на стекольном заводе в Емельяновском районе, под Красноярском.

Пришла весточка и о том, что жив, здоров и работает плотником в портовом Мурманске Фёдор Седунов.

Среди пленённых упоминаются ещё две фамилии: Скворцов и Воробьёв. Первый принимал участие в предпринятом побеге группы сибиряковцев из плена. О послевоенной судьбе этих сибиряковцев ничего неизвестно.

По некоторым сведениям трое пленённых Иван Малыгин, Михаил Будылин, Сергей Зайцевский скончались от ран и ожогов. Николай Матвеев предпочёл плену смерть. Не ведаю, знал ли он о том, что ещё в 1720 году в первом петровском морском уставе было записано: русские моряки

никогда не спускают флаг перед противником, предпочитая гибель сдаче в плен. Но знал наверняка о традициях российского флота, уходящего своими корнями к дням своего рождения, знал о судьбе непокорного «Варяга» и, наверняка, подпевал друзьям в едином порыве любимую моряками песню «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...»

Фашистский катер встал рядом со шлюпкой сибиряковцев, острые крючья вражеских багров вцепились в борт. Немецкий офицер на ломаном русском языке приказал всем сдаваться в плен.

– Накоси-выкуси, фашистская гадина! – крикнул Матвеев, вскочил с места и метнул что было сил в гитлеровца топор. В ту же секунду он был сражён короткой автоматной очередью. После расправы над сибиряковцами в вахтенном журнале «Шеера» будет записано: «Катер обнаружил в шлюпке двадцать восемь человек. Но несколько русских отказались погрузиться и пошли ко дну». По мнению авторов «Сказания о «Сибирякове» девять матросов презрели плен... Значит, пленных должно было быть 19 человек. Комсорга Михаила Кузнецова не было, он погиб с кораблём. Пленено 18 сибиряковцев, 15 из них испытали радость Великой Победы.

Правда о войне, как и правда вообще, не терпит приблизительности и тем более неточности.

Принципиальный, дотошный даже в мелочах С. Быков не допускал приблизительности в истории. По его мнению, выпавшее даже малейшее звено из исторического ряда уже делает её неточной и недостоверной.

При посещении музея в Дудинке всем ветеранам были вручены памятные буклеты «Таймыр в годы Великой Отечественной войны», подготовленные отделом истории советского периода.

Энергии этого человека можно позавидовать. Хотя, по словам самого Ивана Григорьевича, его дело идёт под горизонт. Здоровье пошаливает, не так давно перенёс инсульт – результат борьбы за парусники «Крузенштерн» и «Седов».

Иван Григорьевич до сих пор не без волнения вспоминает эту эпопею. Суть её в том, что «прибалты» после отделения от Союза намеревались оставить эти легендарные парусники себе. И почти добились своего, не вмешайся в это дело команда ветеранов во главе со Шнейдером и его коллегой Митрофановым.

Братья Свиныны – Александр и Павел – тоже дежнёвцы

Сразу, видимо, Степан Васильевич не прочитал. Уже дома обнаружил несправедливость и прислал мне этот буклет с надписью: «Погибшие сказать не могут, но почему музей умалчивает о подвиге сибиряковцев?.. А что было бы, если бы сибиряковцы не вступили в неравный бой? Их погибло 65 человек (только из экипажа, плюс пассажиры).

Степан Васильевич Быков, этот великий подвижник, установил для истории ещё одну очень важную деталь, определено место каждого в героической судовой роли «А. Сибирякова». У славы не должно быть лишних людей, поскольку воздаваться она должна каждому персонально. Жаль, в этой судовой роли не значится фамилия С.В. Быкова. Нарушив строгие порядки, среди первых я бы в судовую роль славного ледокольного парохода записал имя человека, преданного делу сибиряковцев.

Ещё один человеческий документ оставил после себя Степан Васильевич Быков. В своих рукописях он назвал это так: «Судьбы потомков и родственников погибших североморцев».

Его нельзя читать без волнения, хотя кому-то и покажется канцелярским, скучным и сухим документом. Но я представляю, каких трудов стоило написать эти краткие биографии потомков и родственников сибиряковцев, тех, кто в трудные военные и послевоенные годы остались вдовами, сиротами...

Хочу соблюсти ту же последовательность и нумерацию, какой сопроводил документ Степан Васильевич. Для него, это, видимо, имело особое значение.

1. Семья машиниста первого класса Алфёрова Александра Степановича – жена Валентина Михайловна и двое детей: сын Валентин двух лет и дочка Людмила шести лет.

В настоящее время (списки были составлены на 1987 год) Валентина Михайловна на заслуженном отдыхе. Сын Валентин Александрович после окончания Архангельского пединститута работает учителем физкультуры в школе. Живёт с семьёй в Архангельске. Людмила Александровна со своей семьёй – в г. Севастополе.

2. Семья штурманского электрика Башлыкова Николая Георгиевича – жена Валентина Александровна, сын Альберт пяти лет.

Валентина Александровна на заслуженном отдыхе. Альберт Николаевич окончил семь классов и ремесленное училище, работает шофёром, живёт с семьёй в Архангельске.

3. Семья матроса первого класса Бородина Константина Николаевича – мать и сестра Анна Николаевна. Матери уже нет в живых, а сестра А.Н. Рудакова живёт с семьёй и работает в колхозе «Заречный» Холмогорского района.

4. Семья старшего механика Бочурко Николая Григорьевича – жена Мария Петровна, дочь Нонна четырнадцати лет.

Мария Петровна на заслуженном отдыхе; Нонна Николаевна – медицинский работник, трудится и живёт с семьёй в Москве. В Архангельске проживает сестра Бочурко – Ольга Григорьевна Борзая.

В газете «Моряк Севера» за 10 февраля 1987 года В. Дерябин, ветеран Северного морского пароходства, и Г. Попов, заведующий музеем истории Архангельского мореходного училища, написали, что коллективный подвиг складывается из личного подвига каждого члена экипажа. Старший механик Николай Григорьевич Бочурко выполнил приказ капитана, сознавая, что вместе с судном погибнет и сам. Бочурко повторил подвиг двух русских моряков эскадренного миноносца «Сте-

Борьба, в общем-то, неравная, закончилась победой ветеранов. Парусники остались в России. Шнейдер получил инсульт. Его коллега поплатился за это жизнью. Ну, это, так сказать, к слову... В качестве иллюстрации к неугомонному характеру Ивана Григорьевича.

Чем сейчас занимается ветеран? На его попечении больная жена. Она последние три года лежит без движения...

Шнейдер много пишет. Правда, работать в прежнем ритме уже тяжело. Устают руки, глаза, сам устаёт... Но тем не менее – вы-

ходят книги. Иван Григорьевич показал стопку книг, написанных им в соавторстве с другими. Его публикации появляются в газетах и журналах. Обещал и для «Советского Таймыра» подготовить серию материалов, посвященных 50-летию обороны Диксона и к 50-летию первого конвоя по Северному морскому пути военных караванов союзников.

Кстати, этому событию недавно была посвящена встреча участников конвоев. Она прошла в Архангельске. По словам Ивана Григорьевича, была прекрасно организована. Тёплая встреча.

Памятные вымпелы, значки, медали, фотографирование.

На встречу приехали 632 участника тех событий – 632 человека, оставшихся в живых из более чем двух тысяч участвовавших в той операции. На этой встрече были и четыре дежнёвца.

Расспрашивая Ивана Григорьевича о его сегодняшнем житье-бытье, я подспудно ожидал услышать от него старческие жалобы. И даже «подливал масла в огонь», напоминая ему о пустых полках в питерских магазинах. Говорил, что должна же команда Собчака заботиться о ветеранах-

регуций», открывших кингстоны и погибших вместе с миноносцем.

Сын железнодорожного мастера со станции Шалакуша Архангельской области Николай Бочурко шестнадцатилетним юношей начал работать на судах пароходства. С 1924 года – в комсомоле, через два года – член партии. По окончании Архангельского морского техникума в 1932 году работал на ледорезе «Ф. Литке». Прошёл путь от третьего до старшего механика. Награждён орденом «Знак Почёта».

В 1940 году назначен старшим механиком «Сибирякова». Дом №22 по улице Карельской, где до войны жил Николай Григорьевич с семьёй, сохранился. И было бы целесообразно установить на нём мемориальный знак...

5. Семья штурмана Бурых Самуила Федоровича – жена Валентина Андреевна и две дочери: Бэлла девяти лет и Марина трёх лет.

Валентина Андреевна на заслуженном отдыхе; дочь Бэлла Самуиловна Куневич окончила Ленинградское художественное училище имени Крамского, работает преподавателем в школе; Марина Самуиловна Козьмина, выпускница лесотехнического института, работает старшим научным сотрудником в институте леса и лесохимии. Все живут в Архангельске.

6. Семья электрика Вешнякова Германа Павловича – жена Татьяна Владимировна, три сына: Валентин девяти лет, Анатолий семи лет, Виталий двух лет.

Татьяны Владимировны и Валентина уже нет в живых. Анатолий Германович после Архангельского мореходного училища работал в пароходстве, теперь – инженер; Виталий Германович после семилетки и ремесленного училища работает слесарем на гидролизном заводе. Живут Вешняковы в Архангельске.

7. Семья старшего радиста Гайдо Петра Эдуардовича – жена Анна Дмитриевна, сын Эдуард трёх месяцев.

Анна Дмитриевна на заслуженном отдыхе, сын Эдуард Петрович – кандидат технических наук, доцент, преподаватель института. Живёт с семьёй в Архангельске.

8. Семья артиллериста Дунаева Василия Михайловича – жена Мария Иосифовна, дочка Люба шести лет. Жили в колхозе «Новая Выя» Верхнетоемского района.

Мария Иосифовна на заслуженном отдыхе, Любовь Васильевна Дьячкова успешно окончила семь классов, Архангельское педучилище, работала учителем. По состоянию здоровья вынуждена сменить свою профессию, много лет проработала на Архангельском промкомбинате мастером, награждена медалью «За доблестный труд», орденом Трудового Красного Знамени, избиралась депутатом Архангельского городского и областного Советов народных депутатов. По состоянию здоровья вышла на пенсию, живёт с семьёй в Архангельске.

Брат Василия Михайловича – Дунаев Андрей Михайлович с женой и тремя детьми живёт в деревне Осятино Верхнетоемского района.

9. Семья третьего штурмана Иванова Павла Дмитриевича – жена Александра Тихоновна, дочь Алла восьми месяцев.

Александры Тихоновны нет в живых. Алла Павловна Шаларёва после окончания рыбопромышленного техникума до 1965 года работала на Дальнем Востоке, затем вернулась на родину.

10. Семья комсорга шифровальщика Кузнецова Михаила Васильевича – мать Пелагея Васильевна и сестра Анастасия Васильевна.

Пелагея Васильевна умерла в 1950 году. Ми-

фронтовиках, хотя бы организовав продпайки, бесплатный проезд и другие льготы.

На это Иван Григорьевич отвечал: «У нас в Питере из пяти миллионов жителей миллион ветеранов-льготников. Так что льготы нужны по сути каждому пятому. А где взять денег? Это пока нереально...»

В его словах я не уловил ни старческого брюзжания, ни так знакомого и популярного нынче говорить на эту бытовую тему. В общем, чувствовалась какая-то старая, добрая закваска крепкого бойца, привыкшего к жизненным невзгодам.

Встреча за встречей,

рассказ за рассказом...

**А.П. Шаларёва (Иванова) –
подвижница семьи сибиряковцев**

хайлова Анастасия Васильевна в последние годы находилась в областном доме ветеранов города Новодвинска, умерла в 1983 году. Никого из живых в семье Кузнецовых не осталось. Война оборвала род Кузнецовых...

11. Семья матроса второго класса Малыгина Ивана Григорьевича – жена Валентина Ильинична, дочь Анна четырнадцать лет.

Валентины Ильиничны и Анны Ивановны нет в живых, но осталось шестеро внуков: Валентина Фёдорова – закройщица, Галина Герасимова – до-

ярка, Нина Владимировна – бухгалтер, Любовь Таранчукова – библиотекарь, Виктория Герасимова – учащаяся, все проживают в Мезенском районе, Брюшнина Елена – бухгалтер, живёт в Каргопольском районе, Архангельской области.

12. Семья матроса первого класса Малыгина Михаила Степановича – жена Вера Александровна, дочь Алла четырёх лет.

Вера Александровна на заслуженном отдыхе, Алла Михайловна по окончании Архангельского техникума связи в 1955 году направлена для работы по специальности в город Молотовск, более тридцати лет работает радиотехником. Уже бабушка. Внучка Марина Ефанова окончила девять классов, работает, депутат районного Совета народных депутатов. Внук Михаил Александров отлично окончил техническое училище, отслужил срочную службу в Краснознаменном Северном флоте, работает.

13. Семья второго механика Парамонова Валерьяна Васильевича – жена Юлия Сергеевна, два сына – Владимир, пяти лети, и Юрий, трёх лет.

Юлия Сергеевна умерла. Владимир Валерьянович окончил с золотой медалью Суворовское училище, но по состоянию здоровья оказался непригодным к военной службе, окончил лесотехнический институт и Московский институт дипломированных инженеров, работает в «Энергобумпроме», живёт в Москве. Юрий Валерьянович – врач, временно служащий.

14. Семья коцегара второго класса Чечулина Николая Фёдоровича – жена Лидия Егоровна, дочь Нина шести лет и сын Николай трёх лет.

Лидии Егоровны нет в живых. Кононова Нина Николаевна работает диспетчером, живёт с семьёй в Архангельске. Николай Николаевич Чечулин с семьёй живёт и работает в Молдове.

Правда, Иван Григорьевич не лишён внимания своих детей. В этом городе живут дочь и сын. К слову сказать, яркое подтверждение нашей непутёвой действительности. Его дочь – инженер с двадцатилетним стажем. Известнейший специалист в своей отрасли в Питере до сих пор не имеет своего жилья. Сын – военный майор. После скитания по военным весям нашей страны наконец-то «приписался» в Санкт-Петербурге. Вот уже четыре года со своей семьёй не может получить квартиру. «Да и я до сих пор не имел бы этой кооперативки, если бы не скопил денег и всеми правдами и

неправдами не купил её», – сказал Иван Григорьевич.

Кстати, о квартире. Рабочий кабинет Ивана Григорьевича напоминает музей. Стеллажи с книгами. Очень много фотографий. На одной из них Иван Григорьевич смотрит на нас бравым молоденьким морским офицером. Парадная форма. Лихие усы. Весёлый взгляд. По всему видно – не было отбоя от женщин...

Время не остановишь. годы всё настойчивее дают о себе знать. Но Иван Григорьевич, несмотря на пошаливающее здоровье, по-прежнему очень бодрый, актив-

ным и совсем не по-стариковски жизнерадостным. Он много и увлечённо рассказывал о своём прошлом и настоящем.. С весёлым юмором, с шутками-прибаутками подтрунивал над сегодняшними своими маленькими и большими проблемами, прямо-таки заряжая оптимизмом.

У него отменная коллекция морских раковин, собранных за годы службы буквально со всех уголков земного шара. Засушенные образцы обитателей морских глубин – крабов, раков, рыб. И даже есть малёк голубой акулы.

Честно говоря, нам не хотелось

15. Семья машиниста первого класса Шарапова Дмитрия Андреевича – жена умерла, без матери осталось трое детей: дочь Людмила четырёх лет и братья-близнецы Саша и Володя двух лет.

Детей воспитала мать Дмитрия Андреевича – Прасковья Николаевна Ластина. Карпова Людмила Дмитриевна с отличием окончила Архангельское медицинское училище, а затем – медицинский институт, работает врачом-терапевтом.

Братья-близнецы окончили ремесленное училище. Вот они смотрят на меня со страницы архангельской газеты «Правда Севера» (11 марта 1986 года). Улыбающиеся, симпатичные, похожие друг на друга...

У братьев Шараповых было принято, не под присягой, конечно, но старшинство одного над другим. Так жизнь продиктовала. Александр Дмитриевич раньше Владимира Дмитриевича пришёл работать на Архангельский промкомбинат. У него армейская закалка. Когда подошёл срок солдатской службы, в армию был призван только Александр, Владимира оставили, чтобы было кому ухаживать за Прасковьей Николаевной, которая внуков вырастила, да и сама успела состариться. Теперь и её уже нет в живых.

Владимир с малых лет признавал за братом старшинство. Похожи они не только внешне. На работе их уже научились различать и по особой хватке шофёрской – оба за баранкой более двух десятков лет. Увлекались в молодости футболом, играли на одной линии – в защите. Спортсмены-разрядники. За какую работу ни возьмутся, – всё горит, всё спорится в их руках.

Дома братья не сидят без дела. Жены за ними, как за каменной стеной. Крепко дорожат семейным счастьем братья, мало им досталось этого счастья в детстве. Последний раз перед уходом в море отец,

словно в предчувствии последней встречи, долго играл с двойняшками-сыновьями, то одного, то другого подкидывал к потолку, то любовно гладил по головкам. Им тогда не было ещё и двух лет...

Как дорогую реликвию хранят в доме Владимира Дмитриевича значок «Почётный полярник», удостоверение от него – в семье Александра Дмитриевича. Хранят вырезку из газеты «Звезда Заполярья» от 23 апреля 1939 года с большим портретом отца и текстовкой под ним: «Участник совещания хозяйственного актива – машинист ледокола «Сибиряков», комсомолец-стахановец Д.А. Шарапов».

Внучка Оля, дочь Александра Дмитриевича, ещё будучи школьницей, собирала материалы о дедушке и бережно хранила их, чтобы лучше узнать его.

Оля окончила Вологодский пединститут. Живут Шараповы в Архангельске.

16. Семья комиссара Элимелаха Зелика Абрамовича – жена Мария Соломоновна и сын Альфред двух лет.

Марии Соломоновны уже нет в живых, Альфред Зеликович работает инженером.

17. Артиллерист Баранов Сергей Васильевич – холост, родителей нет в живых.

Ближайшие родственники – брат Баранов Степан Васильевич, инвалид Великой Отечественной войны II группы, живёт в г. Кохма, Ивановской области. Второй брат Баранов Павел Васильевич живёт и работает в г. Владимире. Сестра Болотова Серафима Васильевна живёт в Суздальском районе, Владимирской области.

18. Артиллерист Морозов Константин Сергеевич – холост, родители умерли. В настоящее время из родственников жена брата Морозова Валентина Васильевна проживает в г. Иванове...

Ещё один снимок на память о встрече товарищей по флоту

...Степан Васильевич с облегчением поставил точку. Посидел, подумал и поставил рядом ещё две точки. Многоточие – вещь значительная.

Мы прочитываем это сегодня так: работа не закончена, она требует продолжения, надо уточнить судьбы всех погибших сибиряковцев. А каковы судьбы военных и полярников, находившихся в августе 1942 года на борту «Сибирякова»? Много ещё других вопросов ставил перед собой Степан Васильевич. Но не успел ответить на них, годы взяли своё, ушёл из жизни, не завершив свой труд.

Обращение к его рукописям не случайно, дело придётся продолжать нам, живым. Война ещё идёт через наши сердца...

Ветер Диксона в парусах

Пожилой, подтянутый датчанин поднялся по шторм-трапу, сброшенному с шестиметрового борта «Крузенштерна», молча пересмотрел поданные документы (груз, длина, ширина, осадка), неожиданно оживился и уже почти дружески заговорил:

– Впервые за свою долгую жизнь поднимаюсь на борт такого огромного парусника.

Капитан парусника Иван Григорьевич Шнейдер коротко пояснил датскому лоцману: полная высота матч над водой 57 метров. Сам же невольно припомнил, как год назад проходили под строящимся мостом через Босфор между Европой и Азией. По всем расчётам должен оставаться между вершиной мачты и мостом двухметровый

Барк «Крузенштерн». Художник А. Федяев

просвет, но сердце чуток замерло, смотреть было жутковато...

Связавшись по радио с диспетчерской, лоцман многозначительно объявил: «Вам определено место на Лангелинии! Глубоководный причал, парадный! Здесь швартуют лучшие пассажирские лайнеры!»

Крупнейший в мире из плавающих парусных кораблей справедливо удостоен такого почёта. Его встречали тысячи датчан. Организаторы операции «Парус» позаботились заблаговременно оповестить копенгагенцев.

С каждым годом всё меньше дежнёвцев приходило на встречи...

уходить из этой уютной квартиры в суету ленинградских улиц, в зимнюю непогоду с мокрым снегом, пронизывающим до костей балтийским ветром. Здесь мы, как говорится, ощутили не только физическое, но и душевное тепло, как бы окунулись в иной мир. В мир, в котором, несмотря на все неурядицы и разлад сегодняшнего бытия, по-прежнему царствует и живёт вера в хорошую и справедливую жизнь... Он как бы согревал нас в этом незнакомом городе.

Александр ПРОСЕКОВ.

«Советский Таймыр»,
14 декабря 1991 года.

Здесь, видимо, следует пояснить: операция «Парус» – международный праздник парусов, слёт парусных судов, плавающих под флагами морских держав. Организует эти традиционные операции Союз учебных парусников более полувека.

В 1974 году в XI Операции «Парус», посвящённой 30-летию Польской Народной Республики, впервые принимали участие советские учебные парусники – барки «Товарищ» и «Крузенштерн».

Тогда «Крузенштерну» и воздавали почести в Дании. В благодарность лоцману Иван Григорьевич Шнейдер вручил корабельный значок с изображением «Крузенштерна» под всеми парусами. Прощаясь, датчанин сказал: «Очень здорово, что наши парни встречаются, как друзья. Паруса – это всегда молодость, это мир...»

Эти чувства понятны были всем, кто стоял на мостике, кто молод и знает о самой страшной из войн по книгам, кино и рассказам ветеранов. О чём думал в те минуты Иван Григорьевич Шнейдер, о чём вспоминал человек, прошедший вторую мировую от начала до конца, защищая арктические подступы нашей страны?

...Расстреляв в открытом море «А. Сибирякова», захватив в плен оставшихся в живых членов экипажа и участников экспедиции, фашистский крейсер, уверенный в безнаказанности, смело продвигался к Диксону. Дежнёвцы готовятся к бою. Крейсер уже в районе бухты Хеймен. Об этом поступает громкий доклад сигнальщиков. Шнейдер, как и все, кто находился в это время на мостике, обращает свои взоры на юг. У входа в гавань, в лёгкой сизой дымке хорошо различимы очертания стройного и длинного корабля. Сомнений нет – военный корабль: над прямой линией корпуса по-линкоровски высоко вздымается с

многочисленными уступами-мачтами чуть скошенная труба.

– Это «Шеер», – говорит лейтенант Стёпин.

Всё приходит в движение. Хотя «Дежнёв» не годится ни в какое сравнение с «непрощённым гостем» по своим военным доспехам, не дрогнув, пошёл на врага. Как-то осязаемо тогда почувствовал Шнейдер своё место. Он знал: никто из них не свернёт с этого пути.

Пройдёт много лет, и он напишет в своей книге: «Нами давно усвоена, принята сердцем, выстрадана простая истина: врага, разбойника, ворвавшегося в наш дом, надо бить, не страшась его силы, не жалея собственной жизни. Идёт такая война, что иначе нельзя. Война идёт больше года, многие с честью погибли и на земле, и на море. Пришёл, видно, и наш черёд... Такие вот примерно мысли теснятся в моей голове. Мысли не очень связанные, но не трусливые, мужские».

На одной из встреч с диксонцами Иван Григорьевич честно признается:

– Должен вам сказать, когда шёл бой, у нас ни о каком героизме и мысли-то не было. Никто об этом не думал, не стучал себя в грудь кулаком. Только позже, когда этот бой «появился» во многих литературных произведениях (художественных, специальных, исторических, морских), мы, знаете ли, загордились. Чуть-чуть... Со мной был такой случай. После войны командовал учебным кораблём на Балтийском море. И был командиром дивизии учебных кораблей контр-адмирал Лырин, очень известный среди моряков, командир гвардейского эсминца «Гремящий». Однажды, проходя мимо моего корабля, зашёл, я его встретил. Был вечер, работа и занятия уже закончились. Зашли в кают-компанию... Сидим, пьём чай... «А ты где воевал?» – спросил меня адмирал. «Товарищ адми-

Мои товарищи – матросы

Время, как будто идёт медленно, и мы пытаемся торопить его, а, глядь, жизнь уже прошла и пора подводить итоги: всё ли сделано в нашей быстротекущей жизни или мы чего-то могли сделать, и не сделали...

Война, участниками которой стали мы, в каких бы должностях мы не участвовали в ней, была нашим «звёздным часом». По ней мы сверяли все последующие даты своей жизни. К счастью ни я, ни мои товарищи-матросы не жалеют ни об одном дне, ни об одном событии,

Посёлок Диксон и одноимённый морской порт конца 80-х...

рал, – говорю, – я же дежнёвец». – «Как дежнёвец?» – «Очень просто. Я был в экипаже «Дежнева». – «И в бою был?» – «Был и в бою!» – «Ах, как жалко, что в нём меня не было!». Это была не поза. Военный человек, военная косточка, действительно жалел, что в таком жарком и неизмеримом по силе бою он отсутствовал. Другому мог бы не поверить. Адмиралу – поверил. Это был хороший человек, боевой офицер. Вот какое значение приобрёл бой у Диксона позже. А тогда – бой есть бой. И мы знали, что нас ждут ещё более трудные бои...

В первые минуты боя отмечены попадания по юту и в районе фок-мачты корабля противника. «Дежнёв», не сбавляя хода, сближался с крейсером. Старший помощник капитана лейтенант Кротов направляет корабль к самому узкому месту в проливе Вега, чтобы закрыть вход на базу. Поэтому он кричит, перекрывая грохот залпов:

– Карту пролива Вега – на мостик!

Шнейдер хорошо знает, где лежит эта карта. Но сейчас он торопится, волнуется и хватается совсем не те листы. Бежит с найденной картой, на которой будет уточнена точка, где «Дежнёву», возможно, придётся пойти ко дну. Вдруг жёлтое пламя бросается в глаза, и в грудь ударяет упругая воздушная волна. Шнейдер, совсем не чувствуя тела, волчком кружится на месте, и – проваливается в темноту. Слова звенят, его зовут. Он открывает глаза. Штурман, склонившийся над ним, что-то говорит, несколько раз повторяет приказ, пока до него доходит его содержание:

– Заступайте на руль! Транкова контузило...

– потом уже одобряюще, заметив на голове Шнейдера кровь, кричит. – Ерунда, царапина. Скорее на руль! Право на борт! Право!

Транков, бледный, со струящейся кровью из ушей, ещё стоит за штурвалом, он, видимо, уже ничего не слышит и вряд ли что соображает.

Оттеснив старшину, Шнейдер быстро крутит руль. «Дежнев» с трудом поворачивает на заданный курс...

Пройдёт много лет, прежде чем Шнейдер, как и его товарищи-дежнёвцы, назовут этот бой при Диксоне своим звёздным часом. Где бы потом ни плавал Иван Григорьевич, каким ветрам планеты не подставлял своё лицо, он всегда чувствовал обжигающий ветер Арктики. Его паруса всегда наполнял удачей ветер Диксона.

А поплавать пришлось немало. В 1953 году Иван Григорьевич назначен капитаном «Крузенштерна». Слава хорошего ходока-парусника, носившего первоначальное название «Падуя», уже была утеряна. Вид у некогда гордого морского красавца был крайне запущенный и даже, как показалось Шнейдеру, траурным. Энтузиаст парусного дела Петр Сергеевич Митрофанов, с которым Иван Григорьевич прослужил более шести лет, напутствовал: «Попутных ветров, Иван Григорьевич! Берись, как следует, за восстановление «Крузенштерна», чтобы два наших судна скорее начали плавать вместе».

После трёхлетнего ремонта «Крузенштерн» встал под паруса. Шесть лет выполнял спецрейсы Академии наук СССР и проводил учебную практику курсантов. Побывал на Бермудах и Ямайке, в Галифаксе и Касабланке. Судно имеет, как говорят моряки, неограниченный район плавания, может находиться в море без пополнения запасов до пяти месяцев.

Богатство человека можно определить по-разному. Но, как считает Иван Григорьевич, без преувеличения, он самый богатый человек: при его активном участии более десяти тысяч курсантов прошли оморачивание на «Крузенштерне». Настоящий моряк рождается в море. Этому рож-

**Через несколько минут арктический «вездеход» Ил-14
возмёт курс из Дудинки на Диксон**

которые случились с нами в августе грозного 1942 года.

В этом месяце из Архангельска ушёл на восток караван торговых судов. Охранять его на переводе должны были сторожевые корабли «Дежнёв» (СКР-19), «Литке» (СКР-18), тральщики ТЩ-102, ТЩ-59, ТЩ-63.

Перед отходом на «Дежнёв» прибыл командующий Беломорской флотилией вице-адмирал Г.А. Степанов. Он вручил первые боевые награды – за сбитые ещё в 1941 году фашистские самолёты пятерым членам нашего экипажа: медали «За отвагу» – командиру

дению предшествует не просто встреча с морем, а большая воспитательная работа.

Почему нужны паруса? Это не дань овечной романтикой далёкой, полной приключений и открытий морской жизни. Адмирал С.О. Макаров считал: кто не плавал под парусами, тот не моряк. Сын боцмана, выбившийся в адмиралы, пошёл в море в тринадцать лет...

Восемнадцатилетним юношей произведён в морские офицеры первый русский мореплаватель вокруг света И.Ф. Крузенштерн.

За многие годы работы на учебном паруснике Иван Григорьевич пришёл к выводу: учить морской работе надо с детства. Практически все известные мореплаватели и флотоводцы начинали самостоятельную службу как раз в том возрасте, в каком наши современные дети только собираются поступать в училище или вуз. Издержки акселерации?

Прежде чем дать очередное задание курсантам, Иван Григорьевич по-отечески напутствовал:

– Известный капитан барка «Сагреш» Хенрик-Альфонсо де Сильва говаривал: «Обучая на теплоходах, мы иногда упускаем частности, детали подготовки моряка. Парусник же никогда не позволяет забывать о мелочах, здесь мелочей нет!» На паруснике, как нигде, проявляется морской закон братства «один за всех и все за одного». Это вы поймёте, работая на фор-марсель-рее. Плечом к плечу сразу двенадцать парней на опыте убеждаются в необходимости железной дисциплины, слаженных действий, дружеской взаимопомощи. В одиночку здесь не сделаешь ничего! Ошибка одного моряка может дорого обойтись всем.

Чего стоит поднять на большом парусном корабле верхний марсель вместе с его двадцатиметровым стальным реем!

Надо одолеть три с половиной тонны. И достаётся же парням, когда приходится укладывать парус весом до полу-тонны, подтягивая вверх намокшую парусину! Кровь выступает из-под ногтей. Зато потом, на того, кто пройдёт через это, положится можно. Он и с коллективом сработается, и сам по себе кое-что стоит...

Проходит два-три месяца. При вручении свидетельств на право матроса, особенно пристально вглядывается в лица Иван Григорьевич. Радует: из хрупких мальчишек-подростков получились настоящие мужчины. Совсем другие люди, никакого сравнения с теми, впервые ступившими на корабельную палубу. Они уверены в себе. Они видели море не всегда ласковое. Они победили страх...

Они не уронили чести русского матроса во время операции «Парус», с которой начался наш рассказ: «Крузенштерну» за участие во всех этапах операции присуждён главный приз – серебряная модель прославленного клипера «Катти Сарк». Крупнейший в мире парусник был приглашён на празднование 200-летия США...

Роберт Семпл-младший из газеты «Нью-Йорк Таймс» так писал в те дни об этом событии: «Отличное представление! – Вскричал стоящий рядом со мной морской волк, британский адмирал, который половину жизни затратил на выяснение советского военно-морского потенциала и который сегодня искренне болел за команду Шнейдера».

Наверное, и сейчас ещё по нашей бывшей необъятной стране можно найти много свидетелей той «русской церемонии», когда по центру Нью-Йорка наши brave моряки, по полной курсантской выправке прошли, чеканя шаг, а простые американцы с величайшим удивлением и востор-

корабля Александру Семёновичу Гидулянову, старшине 1-й статьи Алексею Гушину, старшине 1-й статьи Александру Алимову, старшему матросу Василию Скребцову, медаль «За боевые заслуги» – комиссару Владимиру Алексеевичу Малюкову.

До этого на весь экипаж, состоящий из 120 человек, пришлось всего 3 правительственных награды: кроме командира, награждённого орденом «Знак Почёта», такую же награду получили помощник командира лейтенант С.А. Кротов и машинист Геннадий Майсюк.

Современный Дудинский порт – главные транспортные ворота ОАО «Норильский горно-металлургический комбинат»

гом, без всякой боязни кричали, как самое дорогое приветствие нашим парням: «Русские идут!»

Такого свидетеля мне неожиданно пришлось встретить в Тирасполе. Бывает же такое стечение обстоятельств! Я подарил первое издание своих «Побратимов Арктики» Владимиру Николаевичу Васильеву, директору местной школы искусств. Он с интересом начал листать мою книгу. Дошёл до очерка об Иване Григорьевиче Шнейдере и неожиданно воскликнул: «Боже, так это же мой учитель! Именно благодаря ему я научился править парусами, много лет плавал по морям и океанам. Это он благословил нас на тот нью-йоркский парад, сказав что-то вроде таких слов: «Мы им покажем русскую статью!»

Не знаю, удалось ли тому британскому адмиралу при жизни выявить наш морской потенциал, но уверен в том, что он так и не смог выявить потенциал русской морской души. Нет таких измерений! В бою при Диксоне дежнёвцы ещё раз подтвердили свои качества... И в Нью-Йорке – тоже не ударили в грязь лицом.

И.Г. Шнейдер: «Тогда у нас было трудное время в стране, очень трудное во всех отношениях. Народ наш, трудно живущий от Владивостока до Ленинграда, от Диксона до Кушки собрал все свои способности в кулак. Это был единый коллектив почти из двухсот миллионов людей. И мы на «Дежнёве», испытав тяжелейший бой, сплотились и до сих пор продолжаем поддерживать друг друга. Из членов нашего экипажа вышли офицеры военно-морского флота. Перед вами – один из них. Многие ушли в торговый флот... Офицеры военно-морского флота – старший лейтенант Гудин, лейтенант Подлесный... Они были рядовыми на «Дежнёве», они продвинулись вперёд. Все мы изменились. Раньше мы были молодые и красивые, а теперь просто красивые...»

Стройный, подтянутый, с лучистыми глазами, с развитым чувством юмора, он был всегда в центре ветеранов, прибывших на Диксон. При встрече он с доброй улыбкой представлял каждого из них. Его же представить взялся Владимир Александрович Рудный, писатель-маринист: «Иван Григорьевич Шнейдер, русский краснофлотец, рулевой «Дежнёва». Офицер, командир знаменитых барков-парусников, автор книг «Дежнёвцы» и «Операция «Парус»...

– Надо заметить, высокохудожественных произведений, – шутя, добавляет Иван Григорьевич. Все смеются. Его умение, кажется, в самую критическую минуту найти в себе силу пошутить по-доброму, всегда с достоинством ценили офицеры, служившие рядом с ним и под его началом. Для курсантов он был строгим отцом-наставником и добрым другом одновременно.

...Мы вместе шли на морской причал, недалеко от которого принял бой «Дежнёв». Все вдруг разом заговорили, заспорили, где и как стоял корабль, где располагалась береговая батарея...

Иван Григорьевич стоял в сторонке, молча, чем удивил меня. Он, заводила всех дел, вдруг уединился.

Потом он пояснит своё состояние: у него заболела голова. Объяснил он это не сменой климата, привык к самым неожиданным превращениям погоды, побывал в кругосветке, с Арктикой знаком не по рассказам... Наверное, бывает такое с человеком. Здесь на этом месте, где, как током, прожгло ногу Степана Сергиенко... «Нелегко даются воспоминания, – признался Шнейдер. – Проходят через сердце...»

– Я тут не был сорок лет, – говорил он, обращаясь к диксонцам. – Я видел Диксон сорокалетней давности и теперь смотрю. Мы живём на острове

На прощанье командующий пожелал нам успешно выполнить боевое задание и благополучно вернуться домой. А задание у нас было как будто простое: доставить на Новую Землю грузы для организованной там военно-морской базы, а затем следовать на Диксон, принять на борт артбатареи и вернуться с ними снова на Новую Землю. Попутно мы должны были охранять несколько транспортов, которые шли в караване на восток.

На траверзе Колгуева «Литке» и «Дежнёв» взяли курс на северо-восток, а караван, сопровождаемый тральщиками, пошёл к проливу

Югорский Шар. Вскоре подошли к Новой Земле, губе Белушье, где по приказу командования создавалась временная военно-морская база «для обеспечения прикрытия и сбора конвоев в районе Новой Земли и для защиты Новоземельских проливов и подходов к ним».* Сдав здесь батареям разборные дома, кирпич, лес и всё остальное, без чего не прожить на продуваемом арктическими ветрами берегу, «Дежнёв» 22 августа взял курс на Диксон.

Одинокое плавание проходило в сравнительно тихую погоду и почти без происшествий. Всё шло,

как в мирное время, и всё же курсы «Дежнёва» пролегли значительно южнее рекомендованных, по малым глубинам, где не могли действовать вражеские лодки. Наблюдение за обстановкой на море велось постоянно: сигнальные вахты на мостике и на боевых постах артиллеристов, сигнальный пост был установлен на фор-марсе, в так называемом «вороньем гнезде». Именно из «вороньего гнезда» вскоре и поступило в ходовую рубку донесение наблюдателя:

– Вижу судно, которое следует параллельным курсом, но несколько мористее.

уже пять суток. Встречались с вами. На улице к нам подходят школьники, спрашивают: «Дяденьки, вы по-настоящему защищали от фашистов Диксон?» От встреч голова кругом. Но накапливается мнение о том, что здесь изменилось. Всё это мы можем оценить с высоты своих седых волос, с высоты своего опыта. Мы не сразу прыгнули в золото и в ордена. Этому предшествовал тяжёлый пот и тяжёлая кровь. Наше общее мнение: здесь живут и работают настоящие люди. Климат на острове мне лично понравился... А любовь у нас обоюдная: вы помните нас, мы помним Диксон!

Встречи с Иваном Григорьевичем в Дудинке, в Диксоне вызвали неподдельный интерес к его персоне. И он, не скупясь, рассказывал, открывал душу. Так и родился...

...Диалог с самим собой через 40 лет

Вглядитесь в эти два снимка. Не позволяйте вам усомниться: это один и тот же человек – Иван Григорьевич Шнейдер. Но это и два разных человека – по годам, по жизненному опыту. Между ними пролегла целая жизнь: 1942 год – Иван Шнейдер, рулевой знаменитого «Дежнёва»; 1982 год – Иван Григорьевич Шнейдер, ветеран Великой Отечественной войны, капитан знаменитого парусника «Крузенштерн». Они смотрят друг на друга. Узнают и не узнают. Так хочется спросить друг друга о многом, о главном, ради чего прожиты эти долгие сорок лет.

– Как ты ещё молод! Сколько тебе стукнуло, когда ты с товарищами принял бой под Диксоном на СКР-19?

– Если точно, со дня моего рождения на берегу Азовского моря прошло 24 года, четыре месяца и один день...

– Страшно...

– Что страшно?

– Подумать страшно, что вражеский осколок или снаряд мог убить тебя...

– О смерти не думалось, мы выполняли приказ командира. Он вёл нас в бой от имени Родины. И все-таки трудно об этом вспоминать. По документам, воспоминаниям дежнёвцев и военачальников, да и самих немцев, в книге «Дежнёвцы» ты воссоздал подробную картину боя...

– Но чего стоит каждое такое воспоминание! В день сорокалетия обороны Диксона мне посчастливилось побывать на многих встречах с полярниками арктического посёлка, на торжествах, посвященных этому событию, и знаешь через пару дней сердце начало сдавать. Наш боевой товарищ красноярец Федосей Фирсин потерял здесь ногу,

127

Вскоре выяснилось, что это лесовоз «Куйбышев». Догнав судно, «Дежнёв» начал его обходить. С лесовоза в мегафон обратились к нашему командиру:

– Куда спешите, Александр Семёнович?

– На Диксон, капитан.

– Мы тоже на Диксон. Может быть, пойдём в паре? Какой ход можете дать?

– Если нажмём, дадим десять узлов.

– Мало. У нас двенадцать, а сбавлять ход не имею права.

– Ну что ж, счастливого плаванья. Ждите нас на Диксоне.

– Благодарю. Держитесь ближе к берегу, капитан.

Но «Дежнёв» и «Куйбышев» больше никогда и нигде не встретятся. Очевидно, лесовоз потопила вражеская подводная лодка: примерно через месяц гидрографический бот «Мурман» обнаружил в море странную вежу – верхушку мачты затонувшего судна, а затем на острове Сибирякова была обнаружена шлюпка с двумя замёрзшими в ней моряками, членами экипажа «Куйбышева».

Через два часа после встречи с «Куйбышевым» на мостик бежал радист Тимофей Васильев:

– Радиограмма с «Сибирякова». Срочная, – едва переведя дух, доложил он.

Гидулянов вначале про себя, а затем вслух прочёл: «В районе острова Белуха обнаружен корабль неизвестной национальности...»

Вскоре радист принёс ещё одну радиограмму, командир прочёл её тоже вслух: «Гонится за нами... Принимаем бой...» Последняя радиограмма, принесённая на мостик радистом, не имела конца: «Продолжаем бой, судно...»

На мостике воцарилась гнетущая тишина. Все думали об одном – «Сибиряков» погиб...

он так разволновался на встрече с друзьями, что надолго слёг в больницу...

Это была не первая встреча дежнёвцев, но одна из важных, на диксонской земле.

Мы, конечно, поддерживали между собой связь – писали письма друг другу, назначали встречи. С годами, однако, многие связи разрывались. Но нельзя было давать гаснуть огню той славной дружбы, которая сплавивала экипаж «Дежнёва» в дни войны. И вот родилась идея – дать всем дежнёвцам сигнал по-старому, по-морскому: «Большой сбор!»

В первый раз это было сделано в 1962 году – в 20-ю годовщину боя «Дежнёва» с крейсером «Адмирал Шеер». Местом сбора назначили мурманский клуб моряков. Собралось тогда 30 человек – четверть бывшего экипажа. Мы, как полагается, встали в строй, вынесли пробитый осколками вражеских снарядов флаг своего корабля, устроили переключку. Это были волнующие трогательные минуты и часы. Закрыли сбор, договорились, что сделаем эти встречи регулярными. Состоялось ещё несколько встреч, на которых прошли переключку абсолютное большинство оставшихся в живых членов экипажа. В результате мы получили возможность проследить за тем, как сложились послевоенные судьбы дежнёвцев... В конце одной такой переключки мы подвели итоги. И вот что получилось: из состава нашей команды вышли девять капитанов дальнего плавания, двенадцать штурманов и судоводителей, восемь механиков и большое число других специалистов торгового и рыбопромыслового флота. И наград не перечесть: два ордена Ленина, семь орденов Трудового Красного Знамени, много орденов и медалей рангами пониже, но достойных...

Первым правительственную награду получил командир корабля Александр Семёнович Гидулянов. Командующий Беломорской военной флотилии вице-адмирал Г.А. Степанов прикрепил на китель нашего командира медаль «За отвагу». Такую же медаль получили старшина 2-й статьи Александр Гушин, старшина 1-й статьи Александр Алимов. Медалью «За боевые заслуги» были награждены комиссар Владимир Алексеевич Малюков, пулемётчик Василий Скребцов. Это всё – память о Мурманске и сбитых вражеских самолетах.

Но мы помним, что та победа была омрачена горечью потерь... 13 августа «Дежнёв» стоит отшвартованным у пирса и отражает очередной налёт вражеских бомбардировщиков, не имея возможности маневрировать и уклоняться от бомб. Одному из «юнкерсов» удаётся прорваться сквозь нашу огневую завесу. Он пикирует и сбрасывает бомбы. Кажется, они нацелены точно на мостик, где я стою... близко грохает мощный взрыв. Пушки не смолкают. Вижу, что выходящий из пике бомбардировщик находится под огнём орудия старшины 2-й статьи Алексея Гущина. Самолёт кренится и, не набрав высоту, врывается в каменную сопку, совсем недалеко от причала. Там поднимается столб чёрного дыма. Самолёт сбит. Но одна из сброшенных им бомб наделала дел – она разорвалась у основания деревянного пирса рядом с кораблём. Вместе с осколками на палубу и надстройки «Дежнёва» летят камни и бревна. Сила взрыва была столь велика, что бревна забросило даже на ходовой мостик.

У артиллеристов тяжело ранены два краснофлотца – наводчик Алексей Рябов и заряжающий Семён Хомяков. Их отправили в госпиталь. На мостике ранен командир планшетного расчёта

Капитан прикинул: расстояние от места столкновения «Сибирякова» с фашистским пиратом до Диксона было в два раза короче того, что разделяло нас с Диксоном. Значит, надо быть готовыми ко всему. Вполне возможно, враг рискнёт ещё на одну добычу. Но в сторону не повернёшь. Есть приказ, и его надо выполнять. «Дежнёв» шёл вперёд прежним курсом.

Поздним вечером 25 августа – над морем стлался туман. «Дежнёв» тихо, словно ощупью, вошёл на рейд Диксона. Одноэтажные домики посёлка будто растворились на каменных берегах острова. Ни огонька, ни

звука. Всё мертво. Отдали правый якорь, когда судно поравнялось с бункеровочной угольной базой – островом Конус. Прогрохотала якорная цепь – и снова тишина, напряжённая, звенящая.

В мирное время этот арктический порт имел огромное значение. Каждый ледокол, каждое торговое судно при плавании на восток или на запад обязательно заходили в его просторную бухту, чтобы пополнить запасы угля, воды, получить подробную информацию о ледовой и метеорологической обстановке на трассе Севморпути, – без этого плавание в Арктике немыслимо. В

войну же Диксон по этой причине приобрёл стратегическое значение. И наш командир, бывший капитан «Сибирякова», конечно же, понимал, что фашисты могут напасть и на порт, и на корабли, которых в это время здесь собирается немало...

Нелёгкая это вещь – воспоминания.

Они ворвались в память ещё в Архангельске, хотя это совсем не тот город, который мы, дежнёвцы, видели и знали в годы войны: поднялся он ввысь, разросся, зазеленел.

По приглашению Диксонского поселкового Совета автор этих строк – рулевой СКР-19 и машинист

Николай Русанов, контужен интендант корабля Борис Ануфриевский, помогавший командиру боевой части управлять огнём.

Вскоре из госпиталя пришло печальное сообщение: Рябов и Хомяков скончались от ран. Первая и непривычная для нас потеря. Нам особенно трудно с ней смириться, хотя разумом понимаем, что войны без потерь не бывает. Алексей Рябов до войны плавал на рыболовецком траулере, Семён Хомяков призвали на флот из колхозного села в Кировской области. Ещё не прошло и месяца, как мы поздравляли этот расчёт с первым сбитым фашистским самолётом. И вот теперь нет этих славных парней...

Раны рубцуются на теле, в сердце остаются долго, если не навсегда... Надо помнить! Плавая уже на тральщике, о «Дежнёве» помнил всегда. Часто наши курсы совпадали. Не раз наш ТЩ-62 эскортировал караваны транспортов, возглавляемые «Дежнёвым». И, работая в своей небольшой штурманской рубке, я живо представлял себе, как прохаживается по просторному мостику «Дежнёва» командир Гидулянов, как ведёт расчёты на карте мой бывший отделенный командир Саша Транков, как стоит за штурвалом заменивший Транкова в должности старшины рулевых Костя Шпакович... А в тех случаях, когда мы плавали раздельно, я ждал в базе возвращения «Дежнёва» и, как только он швартовался у причала, шёл к своим друзьям. Бывали и дежнёвцы у меня на тральщике. Меня переводили штурманом на минный заградитель «Юшар». 9 мая сорок пятого года этот минзаг и «Дежнёв» стояли рядом у Красной пристани Архангельска. Тут нас и застала весть об окончании войны.

На кораблях взвились флаги расцвечивания. Я побежал на «Дежнёв», чтобы поздравить дру-

зей. Мы обнимались, не скрывая слёз. Это был необыкновенно великий праздник после четырёх лет испытаний и лишений. Мы как будто сбросили с себя что-то невероятно тяжёлое, и радость переполняла сердца. Война закончилась, но о ней мы помним до сих пор. «Если мы войну забудем, – как поётся в песне, – вновь придёт война...»

– Не надо войны. Пусть парусники бороздят моря-океаны. Не авианосцы. Впрочем, откуда у тебя любовь к парусникам?

– А это у тебя надо спросить! От твоих лет хожу под парусами...

– Верно, всю жизнь мы с тобой, с маленькими перерывами, ходим под парусами! Прадед наш, Франц Шнейдер, занесённый в рабочий посёлок под Таганрогом, женился на рыбачке, сам рыбачил. Дед Владимир Францевич, отец Григорий Владимирович рыбачили на парусных дубках (так звали наши судёнышки). В одиннадцать лет я ушёл в море. Ещё раньше, эдак, с трёх-четырёх лет просыпался по утрам с отпечатками сетки на щеке, спал на сетях. По окончании Ростовской мореходки пошёл штурманом на учебный парусник «Вега».

– Проклятая война лишила парусов...

– У военной биографии свои незабываемые строки. Только русские способны на такой подвиг. На верную гибель пошёл ледокольный пароход «Сибиряков» или «Саша», как его любовно называли моряки. Бой с «Шеером» помнишь? Что мы могли противопоставить, кроме береговой батареи, главному калибру вражеского рейдера? Враг отступил не из прихоти. Он побоялся прямых попаданий и пожара, возникшего на его борту...

– Помню, двадцатичетырёхлетний Шнейдер в это время на руле стоял...

– Я закрою глаза, расскажи мне, пожалкуйста, о «Крузенштерне»...

«Дежнёва» Алексей Подлесный, рулевой Юрий Гудин поехали на празднование 40-летия обороны Диксона.

Теплоход, погрузившись овощами нового урожая, в ночь на 20 августа 1982 года снялся с якоря. В лёгкой предрассветной дымке проплыли мимо расстроившегося пригорода Архангельска. Лесозаводы, лесобиржи, суда, дремлющие у причалов.

Ровно сорок лет назад, в августе, таком же жарком, пронизанном сухим юго-западным ветром, уходил «Дежнёв» из Архангельска. Измотанный тревогами (фашисты

часто бомбили город), экипаж без особого сожаления покидал порт. На сей раз, мы покидали его с какой-то щемящей болью. Впереди у нас поход той же трассой, теми же курсами, впереди у нас – наша молодость...

Сбившись тесной группой, мы стоим на спардеке «Котласлеса», напряжённо глядя в пелену тумана, в ожидании появления Диксона. Вот сквозь дымку проступил берег, а затем стали видны тонкие иглы мачт радиоцентра. Вот и рейд, то место, где «Дежнёв» вступил в бой с фашистским рейдером...

С первых же шагов по Диксону

бросились в глаза перемены: голубые, синие пятиэтажные здания вытеснили незаметный среди бурых камней посёлок, который стоял здесь сорок лет назад. Чётко обозначились улицы, носящие имена арктических капитанов, исследователей Арктики, знаменитых жителей этого полярного края.

Конечно, первый наш визит к товарищам, которые похоронены здесь, на острове Диксон.

...Просты и скромны были похороны дежнёвцев. Руководил ими комиссар В.А. Малюков. Всего несколько человек смог отрядить пошедший экипаж «Дежнева», чтобы

– Сам частенько закрываю глаза, чтобы лучше представить его. Наверное, не одна Ассоль мечтала увидеть его силуэт у размытого горизонта, где соединяется море и небо...

– Так много тебя любили?

– И меня любили! И моих курсантов любили...

Тысячи курсантов прошли здесь практику... У каждого – своя Ассоль. Курсанты приходили к нам на парусник, имея лишь теоретическое представление о работе с парусами. Но проходили здесь отменную школу и становились настоящими моряками. На «Крузенштерне» вместо утренней зарядки было принято перебираться по вантам и мачтам с правого борта на левый. Больше, никаких упражнений не нужно! С этого начинается, по словам Грина, «отделка щенка под капитана».

...Осенью 1973 года пошли мы из Риги на Чёрное море. Из двухсот курсантов ста пятидесяти не исполнилось ещё и девятнадцати. Шестидесят девять парнишек даже не имели паспортов. А впереди – тяжёлые ноябрьские шторма. Специальная комиссия проверила судно и сделала вывод: может идти. На Балтике получили штормовое предупреждение: ожидается ветер силой до шести баллов. Вслед за предупреждением налетел ветер в двенадцать баллов! Мои ребяташки выдержали трёхдневную непрерывную схватку с самым настоящим ураганом. Какая это была схватка, можно судить по числу потерянных парусов: за три дня непогода разорвала, разбила и унесла одиннадцать парусов! Зато ребята узнали, что такое море! Одолели страх перед бушующим морем, перед высотой, научились не обращать внимания на качку – это действительно занятие настоящих мужчин.

Всего-то ничего:

*подняться над водой
и сделать сто шагов.*

*Подняться над водой,
над болью и бедой,
над морем и судьбой
и над самим собой...*

Известны факты, когда после первых дней практики на парусниках некоторые курсанты подают заявления с просьбой отчислить из училища: «Ошиблись в выборе профессии...» Эти парни достойны уважения. Каждый из них нашёл в себе мужество честно сказать: я взялся не за своё дело. Так, кажется, ответил Олег Павлович Ванденко, капитан барка «Товарищ» корреспонденту «Правды». Знаю этого человека – соперника по соревнованиям и соратника по совместной работе. Полностью разделяю эту точку зрения («Правда», 23 мая 1983 год. Г.Ястребов. «Высокие паруса»).

– А стоило ли подвергать подростков такому риску?

– Стоило! Курсанты должны пережить победу над страхом. Риска не было. Основной экипаж и без них бы справился со штормом. Но на реи всё-таки шли и новички. Им предстояло стать командирами. А командиры должны побывать в роли рядовых, чтобы понимать потом психологию подчинённых. В учебниках этого не вычитаешь. Не усвоишь со слов. Тут надо самим. Я вообще за ускоренное взросление и возмужание наших парней. Могу назвать имена многих мореплавателей, кто начинал постигать мореходное дело в 13–14 лет. Верю в пятнадцатилетнего капитана Жюля Верна...

– Как семья относится к твоей работе?

– Нормально. Моя жена Евфалия Николаевна из старинного рода: её отец капитанил на Енисее, два старших брата – на Северной Двине и Волге.

В одной из публикаций подбросили в мой адрес развесистую клюкву. Эту ошибку я допускал! Но

проводить своих товарищей в последний путь. На окраине посёлка взрывом отрыли могилу. Под залпы из десятка автоматов и артиллерийских орудий «Дежнёва» опустили в неё тела героев. На небольшой мо-

**Первый командир
и капитан барка
«Крузенштерн»
И.Г. Шнейдер
прощается с флагом
знаменитого парусника
в день возвращения его
из кругосветного плавания
1995 – 1996 гг.
Фото А. Грохольского**

гильный холм установили сделанную на корабле пирамиду с бронзовой звездой на вершине.

– Прощайте, друзья! – говорил каждый, кто подходил к памятнику, на котором были начертаны имена дежнёвцев.

Но мои товарищи – матросы, погибшие на борту корабля на Диксоне, не были нашими первыми потерями. 13 августа 1941 года, во время налёта самолётов погибли два артиллериста – дежнёвцы: Алексей Рябов и Семён Хомяков. Мы не успели по-настоящему сдружиться с ними. Нам было известно только, что Алексей плавал до войны на рыбо-

не могу принять другое: одна из зарубежных газет договорилась вообще до того, что я был в команде «Шеера». Видимо, их очень смутила моя нерусская фамилия. Многие в это поверили...

Двое детей: дочь – инженер по лёгкой промышленности, делает чертежи для машин обувного производства; сын – офицер морской авиации. В семье я всегда находил поддержку. После военной службы некоторое время работал на дизельном судне, преподавал на берегу, тяготился такой ролью. Когда же я вновь очутился на «Крузенштерне», дома все за меня радовались, говорили: «Наконец-то опять – настоящее судно!»

– Ты так и не рассказал мне о «настоящем судне»...

– В двух словах о «Крузенштерне» не скажешь. Но попробую, как можно короче. Даже по современным понятиям, это – громадина: 114,5 метра в длину, общая площадь тридцати одного паруса 3700 квадратных метров. При ветре до пяти баллов несёт все свои паруса. В шесть баллов убираются бом-брамсели, самые верхние. При ураганном ветре остаются только штормовые марсели. Выжимает скорость до 16 узлов (почти 30 километров в час).

– Смотрю на тебя и не узнаю себя в тебе: подтянутый, гордый, строгий.

– Это отпечаток прожитой жизни. Да, я горд: позади славные годы, отмеченные четырнадцатью орденами и медалями Родины. Подтянут и строг? Каким же быть капитану! Мне было у кого учиться. У моего капитана Александра Семёновича Гидулянова. После войны мы часто встречались с ним. И вот, встречаясь с Гидуляновым, я старался повернуть беседу таким образом, чтобы рассуждал о командирском, капитанском становлении. Эта тема обычно его увлекала – было чем поделиться

ему, опытному моряку Арктики, с бывшим своим подчинённым.

В одной из таких бесед я рассказал о тяжёлом штормовом походе «Крузенштерна» в Атлантике. Не спал несколько суток. А потом, когда шторм стал утихать, присел на раскладной стульчик у обвеса мостика, закрыл глаза, и сразу вахтенные вокруг приглушили свои голоса. Какому-то матросу, ворвавшемуся на мостик с громким докладом, было выдано сквозь зубы энергичное: «Разорался тут!.. Командир отдыхает!» И хотя я не спал, а так, подрёмывал только, на сердце как-то сразу потеплело. Вместе с тем вспомнилось, что и мы, матросы «Дежнёва», когда-то вот таким же образом оберегали короткий отдых своего командира. «Этого и мне не забыть, – признался тогда Александр Семёнович, – это одна из немногих, но одна из больших командирских радостей...»

Последний раз я видел его в 1972 году. К тому времени он уже покинул Север и жил в Москве – здоровье уже пошаливало. В тот год и не стало моего командира. Седого, боевого арктического капитана приняла московская земля...

За много лет службы на парусниках у меня не было ни одного ЧП. Приходилось быть предельно жёстким командиром. Это же мальчишки! Если бы с кем-нибудь из них что-то случилось, я бы не вынес. Как бы я его матери в глаза посмотрел? Помощникам со мной было нелегко. Парусными авралами командовал лично. Более двадцати лет на «Крузенштерне». Это редкое и уникальное явление в истории флота, по оценке печати...

– А ещё что писали в печати? «Стремительный, строгий корпус корабля, как на параде, поражает своим величием. Когда смотришь, как движется он по водной глади при полных парусах, невольно вспоминаются легендарные мореплаватели от

ловном траулере, а Семён призван на флот из Кировской области. Третьим членом экипажа был Николай Русанов, который после выписки из госпиталя, добился назначения на «Дежнёв», и вскоре мы встречали нашего товарища, похудевшего, бледного, но радостного...

Память о матросах, погибших в бою за Диксон, все эти годы жива. Из Архангельска, Игарки и Дудинки на их могилу привозят живые цветы. Местные пионеры ухаживают за могилой. Они разыскивали родных и близких моряков, захороненных на Диксоне, переписываются с теми, кто остался в живых.

Навещают могилу и дежнёвцы. «Дежнёв», которым после войны командовал А.А. Назарьев, и в экипаже которого долгое время работали участники боя, часто заходил на Диксон. И каждый приход в гавань был отмечен митингом у могилы погибших, возложением венков. Бывал здесь и командир «Дежнёва» А.С. Гидулянов. Приходил не один – с женой. Она плавала вместе с ним радисткой на перегоне речных судов в сибирские реки. Всякий раз приносили они на могилу живые цветы – знак памяти, дань мужеству моряков.

В 1962 году гидрографы занимались съёмкой нескольких групп малых островов, прилегающих к Диксону и матерiku. Острова назывались: Северо-Восточные, Долгие, Южные... По предложению инженера-гидрографа Владлена Александровича Троицкого решением поселкового Совета островам были присвоены имена героев дежнёвцев и сибиряковцев. Сегодня на морских картах и в справочниках географических названий нашей страны значатся имена семнадцати моряков из экипажей этих кораблей...

Нелёгкая это вещь – воспоминания...

флотоводца Ушакова до первого российского капитана Крузенштерна, совершившего кругосветное путешествие под андреевским флагом...

– Было дело! У нас была другая экспедиционная работа по программе третьего Международного географического года. Было – участие в праздновании 700-летия Амстердама. Было – международная регата «Операция «Парус». Восемьдесят капитанов при тайном голосовании отдали предпочтение «Крузенштерну» и его капитану Ивану Григорьевичу Шнейдеру. В числе лидеров мы были и в регате «Операция «Парус-76»; «Крузенштерн» через 122 дня вернулся к родным берегам, оставив за кормой 13 765 миль. Впервые мои ребята пронесли Красное знамя по Бродвею и показали свою строевую выучку американцам. Помнится, после торжественной встречи в Риге, ко мне подошла взволнованная женщина и протянула мне цветы: «Товарищ капитан, это вам от матерей». Вот когда у строгого капитана дрогнул голос... Их было больше двухсот человек команды и курсантов, за каждого на берегу волновалась мать. Капитан волновался и отвечал один за всех...

И прочитаем историю заново...

В самом начале поиска мы ставили перед собой более скромную цель: не вдаваясь в подробности военной ситуации вокруг Диксона лета 1942 года, последовать за судьбами моряков-северморцев. Подвиг «Сибирякова», бой «Дежнёва», участие в обороне Диксона

артиллеристов береговой охраны и народного ополчения достаточно подробно отображены в исторической, документальной и художественной литературе. Но чем больше я знакомился с книжными и газетными публикациями, тем больше убеждался в том, что эта тема неисчерпаемая, в ней ещё достаточно много противоречивых сведений и субъективных суждений. Придут новые историки, журналисты, следопыты, у них будет свой взгляд на эти события, они будут оперировать новыми фактами, «заставят» действовать других людей, которые, возможно, до сих пор оставались в тени. Сегодня важно предупредить о некоторых источниках, которыми мы пользовались. Наши преемники, минувя пройденный нами путь, скорее выйдут на новый фарватер...

Одними из первых и наиболее полно об этом рассказали в документальной повести Лев Новиков и Александр Тараданкин. Их «Сказание о «Сибирякове» содержало около двухсот страниц текста. Вышла повесть в издательстве «Молодая гвардия» в 1961 году, а предисловие к ней написал командующий Северным флотом адмирал Арсений Григорьевич Головкин.

«Авторы повести проделали большую, нужную и хорошую работу, – писал адмирал. – Сибиряковцы заслужили, чтобы весь советский народ знал об их подвиге».

По свидетельству другого автора, Николая Шинкарёва в книге «В высоких широтах» (Издательство ДОСААФ СССР, 1987 г.) командующий флотом сожалел: поздно пришла информация о блуждающем по нашим водам неприятельском рейдере. «Могли бы проучить врага и покрепче, – с сожалением думал тогда

У серых скал пролива Вега нет и не может быть памяти. А у нас, сражавшийся в этом проливе, она есть. Есть – на наше счастье и на наше мучение. Мы, уцелевшие в том бою, и теперь иногда собираемся вместе. Проводим переключку поредевших наших рядов и вспоминаем друзей, которых потеряли в войну и после неё, годы назад и совсем недавно.

А когда нас уже не будет, память останется жить в молодых, наших детях и внуках, в сердцах тех мальчишек и девчонок, что несут сегодня цветы к подножию монумента на острове Диксон.

Иван ШНЕЙДЕР.

(Этот очерк был написан по моей просьбе специально для «Советского Таймыра», публикуется с некоторыми сокращениями, – Н.Е.).

И это всё о нём же – И.Г. Шнейдере. Теперь уже можно поставить рядом год его рождения и год его смерти: 1918 – 1996 г.г. и помянуть его же стихами:

*Не умирают моряки,
А в белых чаек превращаясь,
Их души плавают над морем,
В просторе голубом купаясь.
Тревожен крик тех чаек-душ,
Неблагодарен их удел:
Летать и слать приветы тем,
Кто их давно забыть успел.*

Во всём соглашаюсь с Иваном Григорьевичем, но последних строк не приемлю: мы помним тебя великий труженик моря, славный капитан. И вот ещё одно свидетельство тому.

«Мой старый кортик очень дорог мне...»

...Войну И. Шнейдер встретил рулевым эсминца «Карл Либкнехт», а с августа 1941 года – на СКР-19. С кораблём участвовал в конвойных операциях, во всех внутренних плаваниях, обеспечивал военно-морские базы и полярные станции

Арсений Григорьевич. – Но полагаю, и сейчас он не скоро рискнёт сунуться в наши территориальные воды...»

Обращаясь к своим читателям, любителям военных мемуаров, бывший нарком Военно-Морского Флота СССР Николай Герасимович Кузнецов в своей книге «Курсом к победе» (Воениздат. 1989 г.) замечает: он видел свою задачу в том, чтобы осветить, прежде всего, самые важные, с его точки зрения, события на флотах, поделиться своими наблюдениями и размышлениями. Он действительно считал очень важными события августа 1942 года в районе Диксона, если посвятил им несколько страниц.

«Опыт первых лет войны убедительно показал, как важны внутренние морские сообщения на Севере. Недооценка их защиты была нашим серьёзным просчётом в подготовке Северного флота в предвоенные годы. К тому же сил там явно было недостаточно», – писал адмирал флота, Герой Советского Союза Н.Г.Кузнецов. И тем важнее подчеркнуть, что небольшие потери наших кораблей и судов на внутренних морских путях Арктики – результат правильных мер, которые были приняты, хотя и с опозданием. Вместе с тем, этот факт свидетельствует о крупных промахах вражеского командования».

Адмирал очень тепло вспоминает о назначении уполномоченным Государственного Комитета Оборона начальником «Главсевморпути» контр-адмирала Ивана Дмитриевича Папанина, человека смелого ума. Вспомнил адмирал и телефонный разговор в начале войны с Иваном Дмитриевичем. Папанину трудно было отказать в знании условий Аркти-

ки. Он просил, казалось бы, о самой малости – «дать хоть сколько-нибудь пушечек, чтобы прикрыть остров Диксон». В ту пору на флотах с оружием было туговато, но несколько старых орудий все же послали на Диксон. И, как показали дальнейшие события, этот шаг имел свои неоценимые последствия. По признанию командира крейсера «Адмирал Шеер» капитана первого ранга В. Меедсена-Болькена, он не ожидал встретить ответный удар береговой батареи, меткие попадания которой по крейсеру заставили отказаться немцев от высадки десанта на Диксон, что могло привести к непредсказуемым последствиям. (Р.С. Стененсон, «Северный морской путь». Копенгаген, 1957 г.).

Иван Дмитриевич Папанин в книге «Лёд и пламень» (Издательство политической литературы, 1988 г.) тоже вспоминает об этом факте. Он просил наркома Кузнецова отменить приказ о демонтаже батареи. Но Кузнецов настаивал на своём: «Эти пушки нужнее на передней линии обороны, а у вас они год без пользы стоят».

Папанин понимал, что нарком действует в интересах фронта, но согласиться с ним полностью не мог. Штаб Северного флота уже прислал на Диксон отряд артиллеристов-монтажников, подогнал туда СКР-19 «Дежнёв» и баржи, моряки начали готовить пушки к отгрузке. Возможно, по этой причине знатный полярник не поставил вровень подвиг «Дежнёва» и «Сибирякова», которому посвятил в своих мемуарах более достойное место.

Об этом очень подробно расскажет Герой Советского Союза Константин Сергеевич Бадигин, возглавлявший в то время штаб

военными грузами, людьми и техникой в акваториях Баренцева, Белого и Карского морей. Летом 1944 года приказом Верховного Главнокомандующего всем дипломированным специалистам – нижним чином – были присвоены офицерские звания. И Победу Шнейдер встретил младшим лейтенантом, командиром БЧ-1 минного заградителя «Юшар»; но салютовал он ей с экипажем «Дежнёва».

На снимке 1943 года (слева направо) группа рулевых: Юрий Гудин, Александр Транков, Иван Шнейдер

морских операций при начальнике «Главсевморпути». Его знаменитые записки капитана «На морских дорогах» вышли отдельной книгой в Архангельске в Северо-Западном издательстве в 1985 году. Особую теплоту Константин Сергеевич вложил в слова, посвященные капитану «Сибирякова» Анатолию Алексеевичу Качараве. Они знали друг друга, сидели за одной партой судоводительского класса мореходного училища, вместе прокладывали курсы на учебной карте. Спустя много лет Бадигин и Качарава встретятся. Первый запишет подробно эту беседу, уточнит при последней встрече...

Событиям на острове Диксон и героическим делам «Дежнёва» автор посвятил целую главу. Трудно не согласиться с его точкой зрения: «Я с гордостью вспоминаю подвиги на острове Диксон. Стойкость и мужество всех участников боя выше всяких похвал. Все они оказались настоящими советскими людьми, в трудную минуту до конца выполнившими свой долг.

...Я рассказал о делах, в общем-то, известных, кое-что появлялось на страницах печати. Но когда сел за воспоминания, перечитал всё опубликованное, поговорил с людьми, пришёл к выводу, что подвиг островитян, особенно дежнёвцев, не оценён в должной мере.

Не следует забывать, что экипаж «Дежнёва» состоял в основном из торговых моряков, а сражались они с кадровыми военными гитлеровского флота».

Когда стали известны некоторые подробности боя «Сибирякова» и «Дежнёва», всех беспокоила судьба сибиряковцев. Что случилось с командой, с пассажирами? В предполагаемый

район гибели, к острову Белуха, были посланы шхуны полярной гидрографии, самолёты ледовой разведки. Летали ежедневно целую неделю и безрезультатно. Поиски затруднялись сложными очертаниями берегов, множеством островов, больших и малых, часть из них потом войдёт в матросский архипелаг...

Через месяц – 26 сентября – капитан парохода «Сакко» В.С. Введенский по прибытии на остров Диксон сообщил: видел на острове Белуха человека, размахивающего белым полотенцем, лютовал шторм, приблизиться к берегу не представлялось возможным.

«Немедленно к Белухе вылетел гидросамолёт, пилотируемый М.Н. Каминским, – повествует далее Константин Сергеевич Бадигин. – Однако сесть из-за крупной волны он не смог. Самолёт сделал несколько кругов низко над островом. Разобрал написанное из выложенных по берегу досок: «Команда Сибир... Спасите».

Каминский сбросил на остров спальный мешок, пакет с продовольствием. Летал на следующий день, но спуститься на воду опять не удалось.

Только 28 сентября возле острова посадил самолёт И.И. Черевичный. И сразу увидел: на прибрежных камнях стоит человек и размахивает чем-то белым. Самолёт приближался, человек бежал навстречу. Человек вошёл в воду по пояс, Черевичный сильным рывком втащил его в кабину.

Спасли сибиряковца Павла Вавилова.

Смеясь и радуясь, благодаря лётчиков, Вавилов показывал им свой дневник, который вёл на острове по обычаю мореходов-поморов.

Мой старый кортик
очень дорог мне,
Ведь заслужил его я на войне,
Плыл под ногами у меня причал,
Когда его мне адмирал вручал.
И вместе с ним вручал погоны он
(Таков традиции
неписанный закон!).
Оркестр при этом туша не играл,
Но адмирал, помедлив чуть, сказал:
– Служил ты честно рядовым,
матрос,
И на войне до кортика дорос...
Служи достойно, помни,
что когда-то
Суворов тоже начинал с солдата!
Где б я ни плавал, кем бы я ни был,

И на шестой встрече участников плавания в конвоях снова узнаваемые лица – И.Г. Шнейдер, С.А. Кротов, К.И. Стёпин, А.П. Алимов и Ю.С. Гудин.

На Диксоне Вавилова подробно расспрашивали Минеев и его сотрудники. Однако Павел Иванович далеко не всё видел и мало что мог рассказать о судьбе своих товарищей. Ничего не знали о капитане А.А. Качараве».

Снова искали сибиряковцев, пока не потеряли всякую надежду найти ещё кого-либо из команды «Сибирякова».

Павел Иванович покинул тонущее судно последним. Очутившись в воде, он успел ухватиться за шлюпку, которую не потопили фашисты. На шлюпке и добрался Вавилов до острова...

Во многих документальных рассказах утверждается, что операция под кодовым названием «Вундерланд» («Страна чудес») была обречена на провал. Немцы, дескать, не знали ледовой обстановки, плохо ориентировались в Арктике. Возможно, кому-то была выгодна подобная историческая оценка ситуации. Тогда, почему столько дней германский, «карманный» линкор оставался незамеченным в нашем далёком тылу?

24 августа 1942 года старший офицер союзнической военной миссии Великобритании в Архангельске капитан первого ранга Монд сообщил командованию Северного флота, что по данным английской разведки, «Адмирал Шеер» покинул Вест-фьорд в Норвегии, скрывшись в неизвестном направлении, обнаружить его пока не удалось.

Утверждённый 13 июля морским Генеральным штабом в Берлине план операции начал осуществляться 10 августа выходом подводных лодок в назначенные районы Арктики. Утром 16 августа из Нарвика вышел «Адмирал Шеер». Активные действия фашистских

подводных лодок на большом пространстве западного сектора Арктики уже не вызвали сомнений.

Данные, опубликованные в седьмом номере «Военно-исторического журнала» за 1990 год, проясняют некоторые детали милитаристского сговора Германии и Советского Союза. После активных переговоров советских официальных лиц с военным атташе Германии в Москве генералом Кестрин и опытным разведчиком, военно-морским атташе, капитаном первого ранга бароном Баунбахом, немцы получили разрешение оборудовать «Базис Норд» в губе Западная Лица в Мотовском заливе. Сюда немцы могли заходить скрытно практически в любое время года.

Они собирались соорудить здесь передовую базу в самые сжатые сроки. Вторжение в Норвегию было предрешиено. Гитлеровские адмиралы, заглядывая далеко вперёд, предвидели необходимость в пунктах снабжения и дозаправки своих кораблей в территориальных водах Советской Арктики. Почуввав вкус огромного российского «пирога», германские представители, помимо Западной Лицы, попросили предоставить им ещё бухту у тихоокеанского побережья, к северу от Владивостока. Уговорили Москву дать согласие обеспечить проводку немецкого торгового судна «Дунай». На самом деле это был вспомогательный крейсер «Комета».

После оккупации немцами Норвегии само собой отпала необходимость строить «Базис Норд» на Кольском полуострове. Между тем, решение о проводке Северным морским путём «Кометы» оставалось в силе. О деталях этого уникального перехода позднее очень подробно

Доверия и слов тех не забыл...

Поцеловав мой кортик,

словно мать,

Я Родину поклялся защищать.

Иван ШНЕЙДЕР.

...Ещё в далёкой юности Иван Шнейдер посещал в Ростове литературный кружок, и всю жизнь не расставался с бумагой и пером. Он постоянно оттачивал своё литературное мастерство. Из-под его пера вышло несколько книг, множество рассказов и очерков на исторические морские темы, много стихов, не оставляющих читателей равнодушными. Некоторые из его очерков были напечатаны в сборниках воспоминаний ветеранов

северных конвоев в Архангельске, в газетах и журналах страны.

Летом 1945 года Шнейдер был направлен за границу в составе специальной команды для раздела ВМС поверженной гитлеровской Германии. Находясь в краткосрочной командировке в Берлине, он стал участником Парада Победы войск победителей. И для него, воевавшего против германского фашизма все четыре года, этот парад в Потсдаме был незабываемым событием...

После раздела флота Германии Советскому Союзу были переданы две плавбазы, бывшие парусники «Коммодор Енсен» и «Падуя». На палубу

притопленного, загруженного песком, без рангоута парусника «Коммодор Енсен» (первое название – «Магдалена Виннен») первыми ступили в Свинемюнде 18 моряков и один офицер – младший лейтенант Иван Шнейдер... Оба парусника были крупнейшими барками мира, которым через полгода дали имена русских моряков «Седов» и «Крузенштерн». Именно на этих знаменитых парусниках в течение 13 лет проходила служба капитана дальнего плавания И.Г. Шнейдера, оттачивалось его мастерство.

Негладкой была дорога, которой шагал по жизни Шнейдер: ходил на знаменитых парусниках (именно ему

рассказал командир «Кометы», решительный и инициативный офицер, капитан первого ранга Роберт Эйссен.

3 июня 1940 года (за год до начала Великой Отечественной войны) корабль вышел из оккупированного немцами польского порта Гдыня. Вдоль побережья Норвегии крейсер прошёл в сопровождении тральщика, маскируясь под советский ледокольный пароход «Дежнёв». Какое коварное совпадение!

Из соображений конспирации немецкое командование отклонило предложение зайти в Мурманск и там подождать до конца проводки, намеченной на 4-6 августа. Теперь уже, как немецкий транспорт «Дунай» – «Комета» подошла к острову Колгуев, почти месяц занималась гидрологическими и метеорологическими наблюдениями в Печорском заливе, ежедневно меняя место якорной стоянки. Можно пересказать некоторые подробности разрешенного шпионского вояжа фашистского корабля. В этом вскоре убедились и опытные советские лоцманы Д.Н. Сергиевский и А.Г. Карельский, которые подсели на борт «Кометы» в проливе Маточкин Шар с гидрографического судна. При первой возможности они сообщили об этом руководителю операций по проводке судов в Западном секторе Арктики Марку Ивановичу Шевелёву...

Надо же такое совпадение: 25 августа, следуя за ледоколом «Ленин», «Комета», не встречая опасных ледовых полей, прошла проливом Вилькицкого. В море Лаптевых капитан Эйссена встречал на борту ледокола «Сталин» гостеприимный капитан М.П. Белоусов. Он ознакомил прибывших с навигационными поправками к ранее переданной на «Комету»

советской морской карте №2637 1940 года и ледовыми прогнозами.

Когда же Шевелёву раскрылась настоящая картина, он немедленно сообщил о военной организации службы на корабле, о круглосуточных дежурствах радистов, о незапланированных высадках части экипажа «Кометы» на берег, где они, якобы, фотографировались в память о стоянках...

В Восточно-Сибирском море, следуя указаниям высокого начальства, капитан ледокола сопровождения «Каганович» А.П. Мелехов сообщил на «Комету», что он намерен посетить её. В беседе с Эйссеном он сказал: Москва приказала прекратить движение на восток и идти в обратном направлении, так как в Беринговом проливе замечены американские сторожевые суда и подводные лодки.

Такой оборот дела не устраивал Эйссена, он попытался договориться с Мелеховым. В ответ услышал решительный отказ, дескать, это указание Ивана Дмитриевича Папанина, а он не намерен обсуждать приказ своего непосредственного начальника. Тогда Эйссен заявляет: у него есть своё начальство, он намерен выполнять только приказы из Берлина, и теперь ни в чьей помощи не нуждается...

В тот же вечер под прикрытием густого тумана «Комета» снялась с якоря и взяла курс на восток.

Подведём итоги: «Комета» прошла Севморпуть в рекордно короткий срок – за 23 суток (до сих пор у нас самая короткая проводка длилась 26 суток). Этот «волк в овечьей шкуре» затем долго действовал в Тихом океане, потопил 9 судов союзников. «Комета» вернулась из автономного плавания только через

К.Э. Кузнецова

в 50-е годы обязан «Крузенштерн» тем, что остался в строю), служил преподавателем морской практики в Ломоносовском мореходном училище; писал учебные пособия, командовал небольшим учебно-парусным судном «Вега» Таллиннского мореходного училища и УС «Курсант» Ломоносовской мореходки...

И – снова «Крузенштерн»! 1974 год – главный переходящий приз Международной парусной регаты «Катти Сарк» заслуженно вручается капитану советского барка «Крузенштерн» И.Г. Шнейдеру...

Будучи уже на пенсии, он по-прежнему служил морю, много зани-

17 месяцев – в начале 1942 года. Конечно же, фашисты не преминули воспользоваться «промысловым опытом» «Кометы», приступая к активным действиям в Арктике. Им много было известно. Не хватало, видимо, самого малого – знания оперативной ледовой обстановки...

«Адмирал Шеер» прошёл путём «Кометы» арктическими водами почти незамеченным, именно в те же августовские дни. Правда об этом к нам пробивалась почти полвека. (Материал «Секрет «Базис Норда» перепечатан окружной газетой «Советский Таймыр» в номерах за 24 и 27 августа 1991 года).

...Стало известно и о том, зачем на самой деле летал в Арктику дирижабль «Граф Цеппелин» под благородным прикрытием международной экспедиции. «Исключительно научная экспедиция, – как утверждала «Независимая газета» от 8 августа 1996 года, – стала крупномасштабной разведывательной операцией. Стало известно, что большая часть экспедиции состояла из офицеров немецкой разведки, которые имели конкретные задания по фотографированию районов Советской Арктики.

Советский радист Э. Кренкель, один из участников этой экспедиции в своей книге «ВАЕМ – мои позывные» напишет: «Фотографы бушевали. К тому же условия для съёмок были воистину царскими. «Цеппелин» в отличие от самолёта, летит неторопливо – со скоростью 150 км/час. В окно можно высунуться и снимать, сколько угодно твоей душе».

И немцы снимали всё, что попадалось по маршруту полёта. А путь проделал «Граф Цеппелин» большой: облетел огромную тер-

А здесь «Дежнёв» выступает в роли артиста: Съёмки фильма «Красная палатка» с участием К. Кардинале

риторию советского Севера длиной почти в тысячу и шириной в сто километров.

Дирижабль от берегов Земли Франца-Иосифа взял курс к Северной Земле, а затем на остров Домашний, где в это время работала группа советских зимовщиков Георгия Ушакова и Николая Урванцева. После этого дирижабль пролетел над Таймырским по-

мался литературным трудом. В своём эссе «Романтика «Алых парусов» он напишет: «Влечение человека к воде – одна из самых устойчивых его привычек, восходящая к заре разумного человечества... Не всегда профессиональные моряки влюблены в море, но большинство из них – романтики, не представляющие свою жизнь и труд за пределами моря... Мощь циклонов такова, что ей необходимо противопоставлять не только технику, но и искусство управления судном, огромные знания, напряжение воли человека. Море бывает жестоким и безудержным, и покоряется оно знающим, упрямым и настойчивым, идущим

наперекор слепым силам природы.

«Алые паруса» романтики вербуют всё новых рыцарей мечты, которым предстоит трудная, но прекрасная жизнь».

И не случайно то, что И.Г. Шнейдер поддержал в 80-е годы проект экспедиции «Из варяг в греки» известного путешественника-исследователя Юрия Жвиташвили. У истоков первой экспедиции «Нево» стояли адмирал Ю. Пантелеев, академики Б. Пиотровский и Д. Лихачёв, писатель В. Каверин, доктора исторических наук А. Микляев и Г. Лебедев. Капитан дальнего плавания И. Шнейдер более десяти лет оставался капитаном-

наставником экспедиции, принявшей статус Международной.

Закончить эту статью хочу словами Ивана Григорьевича:

Кем лучше быть:

безвестным или известным?

Вопрос не прост –

попробуй, разберись!

Конечно, быть известным

очень лестно,

Но – быть или не быть –

решает жизнь!

Камилла КУЗНЕЦОВА,

секретарь региональной общественной организации «Полярный конвой».

«Морская газета», 17 мая 2003 года.

луостровом, потом повернул к острову Диксон. От Диксона, пересекая Карское море, пролетел над северной оконечностью Новой Земли – мысом Желания, а оттуда взял курс на Ленинград, где должен был сделать посадку. Но зачем ему были лишние хлопоты: этот район был отснят раньше от Ленинграда до Петрозаводска и Архангельска; Прибалтика, Таллинн, Хельсинки, просторы Белого и Баренцева морей тоже не остались без фиксации их окуляров...

Четверо суток летал «Цеппелин»... Дело сделано: командир дирижабля доктор Эккенер отменяет посадку в Ленинграде и приказывает следовать в Германию. Как похожи эти действия с действиями известного нам уже командира «Кометы»!

Офицеры разведки старательно засняли всё, что встречалось им в этом увлекательном путешествии, и нарушили договорённость с советской стороной о передаче всех материалов экспедиции. Волк сбросил овечью шкуру. Благо, для этого не надо было мудрствовать: русские поверили в легенду, которая лежала на поверхности – негативы испорчены. Но скоро они «проявились» во время боевых действий 41–43 годов.

В специальном научно-информационном центре с кодовым названием «Раумкоппель» (это вершина германской разведывательной мысли: здесь было сосредоточено свыше 250 тысяч карт, 50 тысяч фотографий и огромное количество географических журналов из всех стран мира). Здесь же находились и великолепные аэрофотоснимки, сделанные с борта дирижабля «Цеппелин».

Вот почему столько дней «Адмирал Шеер»,

как «по Дерибасовской гулял постепенно» и оставался незамеченным в нашем тылу! Всё больше документов убеждает нас: к боевым действиям в Арктике в годы второй мировой войны германский флот шёл не наугад, а «с открытыми глазами».

Оказывается, ещё в 1931 году правительство Советского Союза разрешило пролёт немецкого дирижабля ЛЦ-127 «Граф Цеппелин» через нашу территорию. В то время у нас с Германией существовали неплохие отношения, основанные на подписанном в Раппало в 1922 году договоре и дополнительном секретном соглашении, известном в трудах западных историков под названием «Договор Радека – фон Секта». Он предусматривал подготовку военных кадров и организацию военного производства для нужд германской армии и ВМФ на советской территории, запрещённые для побеждённой Германии Версальским договором...

Как этот закулисный военный сговор Германии и СССР напоминает официальную доктрину России и присоединение к НАТОвской программе «Партнёрство во имя мира». Да и другие государства, опьянённые собственным суверенитетом, бросились в объятия НАТО: Молдова готовит своих военных спецов в США и проводит совместные тренировки и учения; Украина «открывает» Чёрное море НАТОвским военным кораблям; Казахстан подпустил врага поближе к Байконуру; прибалтийские республики готовы платить любую мзду, лишь бы примерить НАТОвский мундир. Правда, Владивосток не пустил американские военные корабли в свой порт для совместных учений...

«ГНОМИКИ» Ивана Шнейдера

Да, жизнь на море тяжка,
но привольна.
Я счастлив, что богатств
не накопил,
Свою судьбу я выбрал
добровольно,
Ни разу в жизни ей не изменил.
«Приговорила» к морю
нас судьба.
И нам не нужно в жизни
лучшей доли, –
Властителя и, вместе с тем, – раба,
До смерти верного своей юдоли!

Как важен руль для хода корабля,
Когда штормит,
а впереди – земля...
Но безопасность, верьте, далека,
Коль руль сжимает слабая рука!
Ушедшим с гор ночами снятся горы,
Они без гор чернеют от тоски.
Мне ж – знаю точно! –
будет сниться море
До гробовой доски!
Ах, жажда, жажда – хуже раны,
Зачем не глотку, сердце жжётся?
Нет, не пустыне – в океане
Цену глотка воды поймёшь.

У моряков особая походка,
В ней отражается их труд.
И всё же моряков не по походке,
По верности, по сердцу узнают.
Я видел, что жизнь
за кордоном – не мёд!
Глупцы, не спешите туда:
Родная земля без вас проживёт,
А вы без неё – никогда!
Морю честно служит сердце,
Без побегов, без измен...
Не отпустит море сердце,
Взяв его в надёжный плен.

Я, человек сугубо штатский, могу ошибаться в оценках военной политики. Но есть вещи, которые, как говорят, лежат на поверхности и понятны всем. Но что говорят военные? По мнению консультанта Академии Генерального штаба, генерал-майора Юрия Ефремова, «создаются так называемые миротворческие войска, которые повязывают все страны, вошедшие в программу, а это, в свою очередь, даёт возможность в любое время покарать любую страну».

Генерал-майору виднее, он не без оснований предположил, что американские участники совместных учений на Тоцком полигоне в Оренбургской области постараются вывести у российских коллег всю необходимую информацию о нынешнем состоянии Вооружённых сил России. Приняв участие в учениях, американцы просчитают, сколько времени, в случае необходимости, потребуется на переброску войск США в центр России, а заодно узнают и реакцию русских людей на присутствие иностранных войск в их стране.

Пришли победителями в Германию. Кем ушли из этой же страны под фанфары немецкого оркестра с великим дирижёром современной политической музыки Борисом Ельциным? Теперь нас, кажется, хотят потеснить и в собственной стране. «Маскируясь общими словами о «борьбе с беспорядками и терроризмом», – говорит подполковник запаса Г. Гриняев, участник акции протеста на Тоцком полигоне против попыток американской военщины утвердить своё присутствие в России, – на деле отрабатываются методы подавления народных выступлений. Попутно преследуется и политическая цель: проде-

монстрировать поддержку США теперь уже бывшему режиму Ельцина. Чтобы остудить народ, который всё активнее протестует против творящегося в России произвола». («Гласность», 23.09.94 г.)

Неужели история нас так ничему и не научила? Реформа в армии и конверсия военно-промышленного комплекса на деле послужили целенаправленному развалу и того, и другого. Россия стала Меккой для шпионов. В то время, тогда мы бравурируем перед всем миром своей демократией, вседозволенной открытостью, иностранные разведслужбы действуют наступательно, бесцеремонно и тотально по всем направлениям. Сколько вдруг объявилось миссионеров всяческих религиозных течений и конфессий. Сколько издаётся всевозможных справочников с телефаксами, телефонами и домашними адресами новоявленных бизнесменов, работников прессы и культуры? И многие соглашаются дать свои исходные данные, соблазнившись на дешёвые посулы, что ему передадут в качестве презента бесплатный справочник. А это, на первый взгляд, безобидное и даже полезное дело, не что иное, как обвальный сбор необходимой информации теми, кто эту «музыку заказывает». Очень сомневаюсь, чтобы предприимчивый западный бизнесмен пошёл на дело без заведомой выгоды для него. Поздним умом мы опять будем просчитывать наши преимущества, которые не учёл противник в русском характере, в российском образе жизни, как говорят нынче, – в российском менталитете...

...Было же это преимущество у наших моряков-североморцев, которое не мог оценить лютый враг. Это с волнением за-

На море опасно и тревожно:
Тонкий борт; за ним –
шторма, вода.
Храбрым притвориться
невозможно,
В море трус откроется всегда!
Зачем мне товарищей
лучших искать?
Нашёл их, ходивших
до смертной черты,
Умеющих в трудностях не унывать,
И с морем всегда быть
просто на «ты»!
Зачем мне товарищей
лучших искать?

Я испытал: морская доля –
Путь из лишений и утрат.
Но будь то в человеческой воле,
Я б повторил его стократ!
Ведут в далёких рейсах корабли
Сплав опыта, бесстрашия, науки:
Седоголовых капитанов ум,
Матросские надёжнейшие руки.
Кто этот человек?
Надёжный друг иль плут,
Враль и бездельник он,
или труженик большой –
Скорей всего на море узнают,
Каков он есть, что за его душой?

Как выюнная лошадь, не кована,
По жизненным склонам скользил.
Но как же светло и раскованно
Я жизнь свою честно прожил!

Тут, как говорится, комментарии излишни.

Остров Хайруллина

В газете «Правда» 18 июня 1978 года была опубликована статья писателя Владимира Рудного под названием «Продолжение памяти». В ней автор рассказал

свидетельствовал ветеран Великой Отечественной войны, в прошлом военный врач Евсей Львович Баренбойм в документальном рассказе «Погибаю, но не сдаюсь», который опубликован в книге «В конвоях и одиночных плаваниях» (Архангельск, Северо-Западное издательство, 1985 г.)

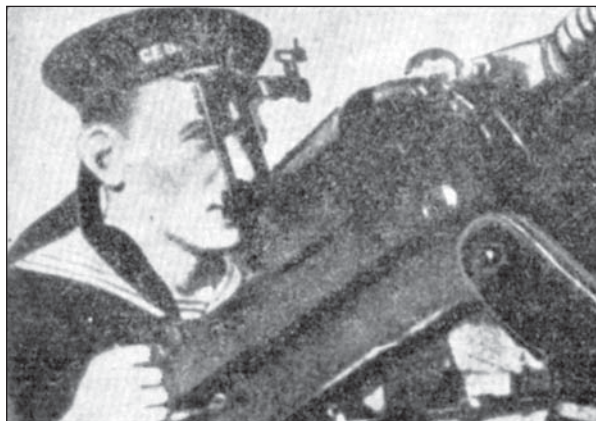
«...Старенький русский пароходик, полуза-топленный, горящий, обречённый на верную гибель, ни за что не хотел сдаваться. Будто люди на его борту не понимали, что, очутившись в ледяной воде с температурой не выше двух градусов тепла, они, спустя десять минут, окоченеют и пойдут на дно. Будто они твёрдо знали, что впереди у них есть ещё одна, другая и лучшая жизнь. Нет, честно говоря, он не понимал их. И всё же в глубине души Болькен не мог не преклониться перед мужеством русских.

– Спустите вельбот с вооружёнными людьми и подберите всех уцелевших, – приказал он старшему офицеру.

Тот удивлённо взглянул на командира, но ничего не сказал, отдал необходимые распоряжения.

Едва вельбот отошёл от борта «Адмирала Шеера», как «Сибиряков» стал сильнее и сильнее оседать на корму и, задрав кверху нос, быстро ушёл под воду».

Не эту ли слабость имели в виду, прежде всего, высокопоставленные фашистские офицеры, когда Вильгельм Меедсен-Болькен был вызван сразу же, на другой день, после возвращения из рейда в норвежский порт Нарвик, к командующему северным театром военных действий генерал-адмиралу Рольду Карлсу. Капитана обвинили во всех смертных гре-

Участник боя у Диксона – пулемётчик «Дежнёва»
Василий Скребцов. 1942 год

хах вместо присвоения ему очередного чина контр-адмирала. Карлс упрекал его в том, что крейсер не выполнил ни одной из поставленных задач, упустил оба каравана с ледоколами, не уничтожил важную перевалочную базу в Амдерме, не порвал сети и не потопил ни одного рыболовецкого судна, снабжавшего своими уловами русский Север.

Но с особым раздражением военно-морской адъютант Гитлера адмирал Кранке говорил о факте расстрела «Сибирякова». Наверное, штабисту легче делать оперативные выводы: по его мнению, следовало бы подойти к русскому пароходу на минимальное расстояние, высадить под прикрытием артиллерии штурмовую партию и захватить «всё, что удалось бы захватить, прежде всего, карты, без которых невозможно выполнение намеченных операций». Каких операций? На этот вопрос подробно ответил в своё время игарский журналист Ростислав Горчаков в

о подвиге и героизме советских моряков, защитников острова Диксон. «В море нет обелисков, – пишет В. Рудный, – но есть точки на морских картах, есть проливы, мысы, острова, носящие имена не только знаменитых первооткрывателей, но и рядовых защитников нашей земли... Восемь островов носят имена сибиряковцев в Карском море, семь названы именами погибших на «Дежнёве» – Давыдова, Карагаева, Хайруллина, Майсюка, Ульянова, Суслова, Борисихина...»

Остров Хайруллина. Что он из себя представляет? Кто такой

Хайруллин? Откуда он? На эти вопросы, к сожалению, в статье ответов не было. «Вам следует обратиться к оставшимся в живых дежнёвцам, – посоветовал мне В. Рудный, – уверен, кто-то из них обязательно что-либо вспомнит». Писатель прислал мне адреса ветеранов СКР-19.

Пока шли письма в разные концы нашей страны, мне удалось связаться с архивами Военно-Морского Флота и найти документы, ярко и глубоко раскрывающие подвиг моряков в августовские дни 1942 года близ острова Диксон.

Бывший командир боевой артиллерийской части СКР-19, ныне контр-адмирал Константин Иванович Стёпин вспоминает:

«...Совсем юношей приехал Хайруллин в Мурманск из своей родной Башкирии. Был сначала матросом, потом кормщиком на небольшом беспалубном рыболовецком судне. Кормщик – капитан этого судна и старший промысловой артели... И когда Фахрулла появился на «Дежнёве», старшина второй статьи Карагаев сразу кинул на него свой опытный взгляд – будет отличным подносчиком снарядов.

публикации «Пламя во льдах» («Красноярский рабочий», конец июня – начало августа 1985 года). Скорее всего, не столько техническое состояние «Адмирала Шеера», сколько немилость командования стала причиной отстранения Меедсена-Болькена от вторичного похода в Арктику и от участия в последующей операции «Доппельшлаг» («Двойной удар»). Но это уже другая тема...

А мы вернёмся абзацем назад. Рольд Карлс был прав, придавая стратегическое значение рыболовецким судам-снабженцам. Одной из заслуг «Сибирякова», как подметил в разговоре с Анатолием Качаровой Иван Папанин, был промысел тюленя, снабжение людей мясом и жиром, перевозка из Сибири хлеба для фронта. Так было перед последним рейсом.

В газете «Правда» за 10 февраля 1985 года я натолкнулся на любопытный очерк журналиста В. Черткова, многие годы «осваивающего» историю Севера, открывающего людей, отдавших Арктике свои лучшие годы жизни, горячие помыслы и труды. На этот раз – очерк об удивительном человеке, известном учёном, профессоре Льве Осиповиче Белопольском.

А привлекла меня эта публикация, естественно, сопричастностью с одним из моих героев... В тридцать втором году Л.О. Белопольский был одним из участников легендарного перехода «Сибирякова»: впервые в истории мореплавания был преодолен весь Северный морской путь за одну навигацию.

Второй раз он отправлялся на восток от мурманского причала на «Челюскине» зимовать на остров Врангеля. Пережить знаменитую эпопею в лагере Шмидта. Два ордена – Трудового Красного Знамени за номером 194

и Красной Звезды за номером 327 – украсили его грудь за эти героические рейсы.

Новый прорыв в Арктику по времени почти точно совпадает с развёртыванием фашистами операции «Вундерланд». В это же время Мурманский обком ВКП(б) затевает свою операцию под неброским кодовым названием «Продовольствие». Да и цели её более мирные – расширить местную продовольственную базу за счёт сбора яиц морской птицы на Новой Земле. Установлен план: 500 тысяч продовольственных яиц.

Как учёный Лев Осипович сразу возмутился, узнав об этой затее: «Мы же низведём, уничтожим редкую колонию птиц... Вряд ли восполним когда этот урон!»

Но как человек-патриот понимал: люди недоедают на фронте, раненым не хватает полноценного питания, без этого просто не поправить здоровье сотням людей, прежде всего солдат, необходимых фронту. Махнул рукой: «Ах, что я, простите, до того ли теперь...».

После войны, как бы памятуя о своём долге перед природой Арктики, он станет одним из инициаторов создания заповедника на Новой Земле. Монументальный труд Белопольского – книга «Экология морских колониальных птиц Баренцева моря» – лучшее подтверждение тому, что он всю жизнь пытался искупить свою вину перед легко ранимой природой Крайнего Севера.

О необычной экспедиции «Продовольствие» знал узкий круг людей. Помощником Белопольского назначили вызванного с фронта орнитолога Вячеслава Успенского (он погиб в сорок третьем). Суда «Исследователь»

Так оно и оказалось. Фахрулла легко поднимал снаряды. Смышлёный парень, он вскоре освоил обязанности трубачного. А в бою, когда расчёт понёс потери, Фахрулла стал наводчиком орудия. Трубачный – установщик трубки, дистанционного приспособления на артиллерийском снаряде, один из важнейших, наряду с наводчиком, специалистов боевого расчёта артиллерийской установки».

«Все четыре года войны я служил на СКР-19 начальником медсанслужбы корабля в звании военфельдшера, – пишет в своих

воспоминаниях Юрий Борисович Брен, – а попросту корабельным доктором, как меня называли. Фахрулла Хайруллин был на хорошем счету у своих командиров и пользовался уважением товарищей как дисциплинированный и отлично знающий своё артиллерийское дело матрос. Мне часто приходилось наблюдать слаженные, чёткие действия расчётов 76-миллиметровых орудий старшин-командиров орудий Алимова и Карагаева. Матрос Хайруллин спокойно устанавливал трубки снарядов и передавал их заряжающему.

Перебоев не бывало. Фахрулла был человеком скромным, тихим, но мужественным.

...Звёздный час Фахруллы Хайруллина оказался для него и смертным часом. Мне не пришлось оказывать ему медицинской помощи... Находясь в расчёте орудия №4 старшины Карагаева, также получившем смертельное ранение, он одним из первых был поражен вражеским снарядом...»

Бывший рулевой, капитан парусного судна «Крузенштерн» Иван Григорьевич Шнейдер в книге «Дежневцы», выпущенной в 1978 году Воениздатом напишет:

и «Осётр», назначенные на эту операцию, возглавили опытные полярные капитаны – П.А. Полисадов и А.С. Нохрин. Призвали сюда и восемнадцать бывалых рыбаков, врача, повара, тридцать ребят-старшеклассников средней школы с улицы Софьи Перовской.

Настороженно встретили их новоземельцы. Чем смутили полярников суда экспедиции? На них отсутствовали флаги. На борту – незнакомое зарубежное вооружение. Одиннадцать бригад добывали птичьи яйца и кайру. Чтобы яйца не испортились, их опускали в расплавленный парафин и складывали в ящики с опилками. Кайру били гарпунами, солили в бочках...

Уже начали привыкать к работе, как почти каждый день стал наведываться к побережью Новой Земли немецкий «фокке-вульф». Рано или поздно он мог бы заметить суда, как бы они ни укрывались у берега. Увели флот чуть дальше на Север, к Архангельской губе...

Но вот трюмы заполнены. Пора домой. По пути экспедиция заходит в становище Новые Кармакулы. Оказалось, что неделю назад здесь побывала немецкая подводная лодка, потопила два гидросамолёта, почти полностью сожгла посёлок зимовщиков.

Члены экспедиции не подозревали, что в это самое время фашисты разыгрывали козырную карту с целью парализовать всякое движение на трассе Северного морского пути. Самолёты и подлодки прощупывали подходы более мощному и вероломному врагу.

Всё осталось позади. И встреча с немецкой подлодкой, которая буквально в километре прошла мимо. Наши суда остались незамеченными только потому, что сказала игра

света и, очевидно, транспорты сливались по цвету с берегом.

Позади – Новая Земля. 26 августа у мыса Канин Нос экспедицию встретил конвой и сопровождал до самого Мурманска. Полмиллиона яиц кайры, равноценных по весу миллиону куриных, доставлены для госпиталей Северного флота. Мальчишки, участвовавшие в операции «Продовольствие» вскоре ушли на фронт. Многие из них так и не узнали тайной войны фашистов. В действительности большее чудо совершили эти подростки, чем их старшие братья и отцы в те же августовские дни.

Рассказывал бы о них и рассказывал. Да разве всё перескажешь? Одно греет: пока жив, буду говорить о них в полный голос. Буду рад, если живые свидетели тех событий, их родные и близкие успеют поделиться своими воспоминаниями. Если кому известны новые документы и редкие публикации, проливающие свет на те события, пусть подскажут их содержание или место расположения. Мы непременно воспользуемся ими.

История Великой Отечественной войны ещё не написана. Чем подробней и детальней будут выписаны её отдельные эпизоды, тем понятней будет общая картина войны и её непреходящая роль для настоящих и будущих поколений. Исчезнут «белые пятна» истории, а историческая правда станет бескомпромиссным учителем в воспитании нового человека Большой России – патриота и миротворца.

...В последней судовой роли ледокольного парохода «А. Сибиряков» под номером двадцать семь значится Прошин Юрий Константинович, машинист-ученик, 1924 года рождения. Самый молодой в команде... Каким по счёту

«Трагически сложилась обстановка на одном из кормовых орудий главного калибра. Как только наши орудия при повороте «Дежнёва» вправо получили возможность вести огонь, они развили максимальную скорострельность. Но вот на корме разорвался крупный вражеский снаряд. Упал на палубу смертельно раненый командир орудия Александр Карагаев, зацепило осколком подносчика снарядов краснофлотца Андрея Курушина. Орудие прекратило огонь, но совсем ненадолго. Командирские обязанности взял на себя навод-

чик Василий Андреев. Трубочный Хайруллин и подоспевшие сюда пулемётчики Тонунц и Волчек оживили замолкнувшую было огневую точку. Опять снаряд за снарядом полетели на врага...

Новый взрыв и снова рядом с орудием. Находившийся на месте наводчика краснофлотец Фахрулла Хайруллин получил смертельное ранение. Теряя кровь и сознание, он слабым голосом выкрикивал:

– Братцы! Бейте их гадов!

Итак, удалось установить, что мужественный краснофлотец Фахрулла Хайруллин оказался

нашим земляком – родом из Башкирии. А вот недавно, благодаря сообщениям из архивов, мы узнали, что Фахрулла Хайруллин – уроженец деревни Чишма нашего Дюртюлинского района.

Помнят жители Чишмы о своём земляке.

«Мы – одноклассники, – вспоминает ветеран колхоза и Великой Отечественной войны Ахмет Кашфуллин. – Фахрулла был настоящим тружеником. Вообще все дети Хайруллы-ага отличались трудолюбием. И в учебе Фахрулла был старательным. Особенно увлекался изучением

Ю. Прошин с Н. Михайловским

он погиб, сегодня уже не установить.

«Но не обязательно прожить долгую жизнь, – писала в письме Алла Шаларёва, дочь механика «Сибирякова» Павла Иванова, – чтобы оставить о себе память в последующих поколениях».

Алла Павловна, большой подвижник семьи сибиряковцев, не первая, кто пытался узнать судьбу Юры Прошина. Но именно ей посчастливилось разыскать его семью. Каким-то женским, материнским чутьём прощупывала она этот путь. Не зря говорят, если человек превратил слабость в силу, этот человек – женщина. Были и другие причины поиска и удачного его завершения – до войны семьи Ивановых и Прошиных жили в Мурманске по соседству. Отец Аллы Павловны – первый наставник Юры Прошина...

Горькое детство досталось Юре и его младшему брату Косте. События на фронте не имели к судьбе этих детей никакого отношения: отец был репрессирован, а мать, надрываясь

на работе, растила двоих сыновей и дочь. Ещё при переезде семьи в Мурманск, в поезде, мать слышала, как Юра, глядя в окно, тихонько напевал, переиначивая известную в то время песню:

*Штурмовать на полуостров
Посылает нас нужда...*

Кем бы он был, если остался жив? Поэтом, композитором, матросом? Или его ждала, как и отца, жестокая машина репрессий?

– С приездом на новое место жительства, – продолжает свой рассказ Алла Павловна, – в Мурманске, в первый же день братья побежали в порт. Проникнуть туда никак не удалось: вахтенный при полной военной выкладке завернул братьев от проходной. Пришлось наблюдать жизнь порта издали. Суда и буксиры, перекликаясь гудками, медленно переходили из одного участка акватории порта в другой. День был туманный, суда ходили с включенными ходовыми огнями. Порт жил напряжённой жизнью. Его часто бомбили. Фронт стоял у порога города-порта всего в 40-50 километрах.

Вечерами Юра встречал мать с работы. Молодую, красивую, её часто принимали за Юрину старшую сестру. Однажды мать от непосильной работы и переживаний за мужа потеряла сознание. Перепуганный сын вызвал «скорую», просил соседей побыстрее вызвать маму из беды. Тогда он окончательно решил пойти работать. Выбор без колебаний – плавать. Этому решению способствовали не только частые посещения порта, но и долгие беседы с дядей Пашей. Он и привёл Юру на «Сибиряков». Юношу определили в машинную команду к механику Н.Г. Бочурко.

родного языка, арифметики. Этому в какой-то степени способствовала, наверное, помощь, получаемая со стороны отца. Ведь Хайрулла-ага считался тогда одним из грамотнейших людей нашего аула.

Приблизительно в 1934 году Фахрулла уехал в Мурманск. Как сейчас помню, я продал ему вятскую гармонь, мечтал купить тальянку. Играл и пел Фахрулла, как настоящий артист.

Вместе рыбачили. В ауле не было ни одного сабантуя, где бы Фахрулла не принимал участия: и боролся, и бегал. Говорил он,

не торопясь, был внимателен к старшим и младшим.

Младший брат Фахруллы – Хатмулла, 1924 года рождения, жив и сейчас. Он проживает с семьёй и детьми в посёлке Шойна Архангельской области. Участник Великой Отечественной войны. (Письмо его жены опубликовано в этой подборке материалов, – Н.Е.)

Виль КАЗЫХАНОВ,
член Союза журналистов СССР.
«Советский Таймыр»,
26.10.1982 г.

Погруз «Дежнёва»

У меня хранится несколько реликвий на стене – дар капитана: приборы с «Дежнёва». Рядом книга со штампом корабельной библиотеки: «Руководство по метеорологии для судоводителей», изданная «Водным транспортом» в 1938 году. На титуле надпись: «Книга из библиотеки л/п «Дежнёв» находилась на борту судна во время боя с немецким линкором «Адмирал Шеер». Под приборами – листок из блокнота с торопливо написанными строками: «Пелен-

Заполярный Норильск

Вскоре судно выходило в рейс. Елизавета Александровна пришла проводить сына, познакомилась с его товарищами по работе. Первый визит со словами благодарности – в каюту к штурману Иванову. Поговорила и с Николаем Бочурко. Он сказал добрые слова о сыне, совестливом, не по годам серьёзном.

Юра проводил мать до дому. Но в дом не зашёл, боялся выдать своё состояние. Мать хорошо понимала его и не настаивала. Так и простились у крылечка. Одного она тогда не могла предположить, что видит сына в последний раз...

Кто знает, может Юрий Прошин, юнга «Сибирякова», был рядом со старшим механиком Н.Г. Бочурко, открывающим кингстоны...

Разве может кого-нибудь оставить равнодушным судьба этого юноши?

– Люди многое узнали о подвиге сибиряковцев, – вспоминает А.П. Шаларева, – но даже наш «отец», как мы любовно называли меж собой Степана Васильевича Быкова, не смог

ничего ответить диксонским школьникам о судьбе Юры Прошина или дать адрес его родственников. Война разбросала по великой стране много семей... И это обстоятельство мне тоже не давало спокойно жить. У меня была малая зацепка. Со слов моей матери знала: мы были соседями... Дальше-больше. От дальней родственницы узнала адрес Прошиных. Правда, родственница высказала сомнение, дескать, вряд ли кто жив из стариков, да и дети, поди-ка, разлетелись. Но я пишу письмо по известному адресу. К своему удивлению и большой радости получаю ответ от родителей Юры Прошина... Нашлись Прошины под Тулой, в посёлке Первомайский... Сюда и направилась сразу при первой возможности, ехала к незнакомым людям, уезжала, как от самых близких мне людей.

Елизавета Александровна, несмотря на преклонный возраст, очень энергична, её воспоминания свежи, не замутнены временем, «разворошённым нашим бытом»...

– Юра – старший из детей, – говорит Елизавета Александровна. – Родился 10 сентября 1924 года. Ему не было и восемнадцати, когда он ушёл в своё первое и последнее плавание. Он таким для нас и остался. До сих пор помню этот день, как провожала Юрочку. Боль моя – до последнего вздоха. У нас с мужем было немало тяжёлых дней, но день гибели старшего сына – самый горький... Вот и фотография Юрина на самом видном месте. Смотрит на нас, стариков, а сказать ничего не может. Больно сознавать, когда дети уходят раньше родителей...

Константин Демьянович – интеллигентный, выдержанный человек. За внешним

гатор и прибор для определения курсовых углов, принадлежащий л/п «Дежнёв» (находились на борту судна во время его боя с немецким линкором «Адмирал Шеер»). Переданы капитаном л/п «Дежнёв» Маковым В.Н.». Рядом – кусок ангара дирижабля Нобиле «Италия» и китовый позвонок со Шпицбергена. Их привёз мой друг Д.Виницкий, главный художник фильма «Красная палатка».

Реликвии – символические вехи пути этого удивительного героического корабля...

Когда 22 мая 1937 года под звуки «Интернационала» он со-

шёл со стапелей в Ленинграде, ему присвоили гордое имя «Дежнёв» – имя человека легендарной судьбы и отчаянного мужества.

23 июня 1941 года – дата памятная для дежнёвцев: корабль стал солдатом. Его призвали в состав Северного флота... И в песенную судьбу его почти сразу ворвались вой пикирующих «юнкеров», визг осколков, рвавших прокалённую лютый стужей сталь корабля, грохот собственных стволов, бивших в стылое полярное небо.

Июль принёс первую победу, август – вторую. Два гитлеровских пирата, сражённых метким огнём

корабельных пушек, прочертив дымный след над заливом, врезались в сопки.

Я помню тебя, «Дежнёв», в мёртвом, сожжённом Мурманске... Помню и ярость твоих залпов и армады бомбардировщиков, закрывших, казалось, само солнце.

Я листаю твой вахтенный журнал, «Дежнёв», где каждое слово, как строка фронтового рапорта: «Охраняем конвой...» – «Цель – конвойная операция Колгуев – Югорский Шар – Диксон» – «Замечен перископ подводной лодки» – «Артиллерийская батарея на Канин Нос доставлена»

спокойствием чувствуется непреклонный характер и твёрдая воля... Рассказ о нём – это особая повесть жизни. Большевик с 1925 года, репрессирован в 1942 году, находился в Норильске... Превратности судьбы! Сюда позже он вызвал и семью. О подробностях гибели «Сибирякова» им сообщил Замятин, плотник с «Сибирякова», который потом замёрз где-то по дороге к ним в Норильск 9 мая 1947 года. Так, кажется, если не перепутала что, – вносит пояснение в письме А.П. Шаларёва.

Повернись ко мне лицом, Норильск. Я взгляну в твои глаза и спрошу: «Где твой громкий народ!» Так норильчан назвал известный писатель Константин Симонов. Он же сказал и другое: «В Норильске надо побывать хотя бы дважды – за один раз многое можно не заметить».

В Норильске я бывал десятки раз, но так и не понял его. Смотрю на него теперь со стороны. Узнаю и не узнаю. Открываю, отрекаюсь, принимаю и люблю. Письмо от Аллы Шаларёвой ещё одно напоминание о том, чем был Норильск во времена сплошной гулаговщины. Через его жернова прошёл К.Д. Прошин.

Недавно, уже в Приднестровье, вновь вернулся к своей теме – истории большого молдавского села Незавертайловка. Оказывается, и это село имеет прямые связи с Норильском. Да не только специалистами, которые уехали на строительство газопровода Мессояха-Дудинка-Норильск после строительства Молдавской ГРЭС. Известный молдавский поэт Николай Максимович Цуркан, уроженец Незавертайловки, был сослан в Норильск за «инакомыслие». Его недоброжелатели и оппоненты, ставшие затем известными писате-

лями Молдавии, хотели, чтобы он сгинул на Крайнем Севере, чтобы умолк его поэтический голос. Но даже сатанинские стихи, если они написаны талантливым человеком, имеют право жить... Норильск не остудил Николая Цуркана.

Мы знаем и другой Норильск. Металл его заводов – медь, никель – был не последним в победе нашего народа. Первым руку помощи расстрелянному Диксону 1942 года протянул Норильск. Раны залечивал дежнёвцам... Не только членам экипажа, но и самому судну. Это ещё раз засвидетельствовал ветеран Норильского комбината В.П. Шарапов, живший до недавнего времени в городе Березники, Кемеровской области. Попал он в Дудинский порт тоже не по своей воле. Ему не было и девятнадцати лет, как его на станции Славянка Ленинградской области военный трибунал приговорил к восьми годам тюремного заключения и трём годам поражения, объявив его участником заговора с целью покушения на жизнь Сталина и его соратников...

«Был я на «Дежнёве» летом 1942 года. У него ещё на носу, помнится, были полутораметровые цифры 19. Первый раз мы его заправляли углём: бункер забили до отказа, в этот раз он был целым и невредимым.

Второй раз он пришёл с пробойной над машинным отделением диаметром примерно 1,2 метра. Делали ему ремонт специалисты из РМЦ, я был в подсобниках – подать, принести. Руководил ремонтом Жидков, так вроде его фамилия, а имя, отчество и вовсе забыл. Другого звали Василием, он был техноруком РМЦ, фамилию забыл. Остальных тоже уже не помню. Память совсем стала плохая, у

– «Задание выполнено. Артиллерийские орудия в Югорский Шар выгружены» – «Груз – артиллерийские орудия. Курс следования – архипелаг Норденшельда». Груз остаётся прежним, а точки направления меняются: острова Русский и Нансена, Усть-Таймыра и мыс Челюскина.

А охрана конвоев... Сколько их было! Шедших в неопределённой полярной ночи и под незакатным полярным солнцем.

У каждого корабля, как у человека, рано или поздно настают свои, как писал Стефан Цвейг, «звёздные часы», мгновения наи-

высшего испытания и высокой ратной славы.

«Дежнёв» встал на пути «Адмирала Шеера»... «Когда я был на корабль, – рассказывал впоследствии капитан «Дежнёва» А.С. Гидулянов, – то увидел такую картину: исковерканное железо, местами вздыбленная палуба, зияющие пробоины в борту, убитые, раненные... Но никакой паники. Тяжело раненный старпом с обычной своей невозмутимостью доложил обстановку. Шла борьба за живучесть корабля...»

Пришли мирные дни, и долго ещё видела Арктика близкие и

далёкие моря, корабль, ставший символом мужества и верности флоту.

Когда он уходил в свой последний рейс, на борт корабля пришла телеграмма: «С глубоким волнением мы, ветераны-дежнёвцы, шлём прощальный привет пароходу-бойцу, уходящему со своего славного боевого пути...» Ныне славное имя «Дежнёв» носит новый морской ледокол.

А. ЁЛКИН,

(В сокращении из книги «Корабли - герои».

Издательство ДОСААФ СССР, 1976 г.)

меня был инсульт, нарушено мозговое кровообращение...» Для несведущих замечу, что Дудинский морской порт – это одна из технологических транспортных линий Норильского горно-металлургического комбината имени А.П. Завенягина.

Вышел я на Владимира Петровича Шаропова, ветерана комбината (его ветеранское удостоверение №273 от 3 ноября 1971 года) через Александра Федоровича Канарейкина, работника портового флота. После первых публикаций под рубрикой «На поверке – дежнёвцы» он позвонил в редакцию газеты и сказал, что знает человека, который помогал латать дыры СКР-19. В последние, перед пенсией, годы работал на нефтебазе, сейчас где-то на материке. Александр Федорович предположил, что найти его нетрудно: в Дудинке живёт сын в доме, где магазин «Олимп», средний подъезд, второй этаж...

Никогда не думал, что вот так запросто на одной странице, могут встретиться известный Симонов и малоизвестный Шарапов. Первый говорил: «Радуюсь твёрдости, силе, здоровому реализму *романтиков севера*...» Второй вспоминал: «После Крестов я попал отбывать тюремное время в политизоляторе города Вологда. В мае 1939 года погрузили в телячий вагон, так их называли, и – до Злобино. 9 августа выгрузили на берег Дудинки, началась моя рабская жизнь *романтика на севере*...»

Как близки по смыслу выделенные мной слова, вырванные из контекста... Какой контекст, скажите вы, жизни вырывали. Но виноват ли в этом Норильск?

Прости, Москва, Прости, Россия...

Грустный эпилог

Спать положили меня в большой светлой комнате высокого староарбатского дома, в самом центре Москвы. Честно признаться, это поселение было вынужденным. Часто бывая в Москве, я старался не надоедать своим присутствием друзьям и знакомым. Как правило, останавливался в гостинице или в общежитии, будучи студентом-заочником факультета журналистики Московского государственного университета. И хотя каждая поездка была сопряжена с большими заботами по учебе, работе, я ездил в столицу с большой охотой.

Раньше быстрые людские потоки на улицах Москвы неуловимо втягивали во внутреннюю жизнь огромного города. Сегодня после известных событий, новые центробежные силы стараются выпихнуть тебя из этого круговорота, как нечто чуждое, инородное. Я, русский человек, нигде не чувствую себя таким нерусским, как в современной Москве, обюрократившейся, обуржуазившейся, оболваненной чужой культурой, отравляемой чужими продуктами... Что так и кажется: сойдёт сейчас с огромного щита рекламы сигарет «Мальборо» самоуверенный техасский

Незабываемое

Шёл я в порт. Шёл на смену. И вдруг вижу: вверх по Неве легко, разрезая ледовую кольчугу, идёт «Александр Сибиряков». И хотя это был не мой старый друг «Сибиряков», а новое современное судно, великолепной архитектуры и куда более высоких ледовых качеств, сердце забило так сильно, что хотелось придержать его рукой...

Когда впервые я поднялся на «Сибиряков», ему было уже много лет. А я, в новеньком кителе старшего лейтенанта, только начинал свою военно-морскую службу.

Вначале я недоумевал, почему пароход, борта которого изранены лютыми бурями, назван именем русского золотопромышленника Александра Сибирякова. А дело в том, что Сибиряков был не просто золотопромышленником. Не кто иной, как Александр Михайлович снарядил на свои деньги две экспедиции шведского полярного исследователя Норденшельда. А через некоторое время и сам на шхуне «Оскар Диксон» вышел на единоборство с Арктикой. В 1880 году Александр Михайлович попытался продолжить путь через Карское море к устью сибирской

реки Енисей. И хотя попытка эта не увенчалась успехом, она вошла в историю как самая яркая страница мужества и любви к Родине.

1942 год... Страшной силы взрыв словно подбросил пароход. Чувствую: этот снаряд попал в самое сердце корабля – машинное отделение. Пытаюсь связаться по телефону – безрезультатно. Связь порвана. Кричу в переговорную трубку:

– В машине!

Сразу не ответили.

– Что там у вас? – кричу, стараясь быть спокойным.

– Заливает... Вода хлынула, – доносится голос Николая Бочурко.

ковбой и затянет длинное ремённое лasso не на норовистой лошади, а на твоей шее. Уже не однажды ловил себя на мысли, что руки мои тянутся к шее, чтобы предупредить мёртвую хватку скользящей петли американского аркана...

Меня положили спать в центре Москвы... Я не могу уснуть. Как кипятком обжигает обида за Москву, превратившуюся в мгновение ока из соборной в поборную. Побирается, где только и чем может. Толстосумы уже не скрывают, что взятки стали в порядке вещей. Налоги такие, что уже кажется ты платишь за воздух Москвы (не самый чистый), и за то, что ты ходишь по земле Москвы (не самой уверенной). Всё это не что иное, как обращённые в законную форму миллионные поборы правительства столицы. За что-то же надо закатывать балы и званые обеды...

Грустно от подобных мыслей, озноб прошибает: я, россиянин, оказавшийся волею судьбы в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике, платил налог Москве через портье гостиницы «Киевская» Н.М. Скибину, И.М. Мантейфель, О.Н. Горизонтову. Три дня подряд приносил взятку в размере полутора тысяч рублей ежедневно, потому что у меня прописка, видите ли, не российская.

Я не сплю. Есть причины для бессонницы. То, что поведала мне жена дежневца контр-адмирала Константина Ивановича Стёпина, Злата Юлоновна, не располагало ко сну.

Вечером мы долго сидели с ней и говорили о нашем житье-бытье. Чай давно остыл в наших чашках. А Злата Юлоновна всё рассказывала и рассказывала. Неторопливо,

звонливо, будто каждое слово от сердца отрывала:

– Мы с Костей более полувека вместе... Заболел он, я сразу забеспокоилась. Он же всегда солидный, подтянутый. А тут у него что-то даже с психикой разладилось. Его же уложили в неврологическое отделение... Я вырывала всеми правдами и неправдами его оттуда. Знакомый доктор помог. Диагноз предварительный установил: аппендицит, возможно оперативное вмешательство. И перевезли в больницу. Оперировать не пришлось. Когда стали известны анализы, исчезли все сомнения: рак печени. Костя перед этим очень похудел. А тут вообще стал таять, как свечка. «Сколько проживёт?» – спрашиваю врачей. «Может, полгода... Может, три месяца». А он и месяца не дотянул...

Признаюсь Злате Юлоновне, что буквально перед отъездом в Москву получил письмо из Севастополя от Сергея Александровича Кротова. Он сообщил мне о смерти Константина Ивановича.

– Мы дружили семьями с Кротовыми. В гости ездили друг к другу. Сейчас перезваниваемся. Сергей с Костей – оба августовские. Буквально месяц не дожил до семидесяти пяти, а Сергею Александровичу восемьдесят пять исполнилось. Говорят, тоже всё дома сидит, по магазинам уже не бегает, как раньше. Делал он это с удовольствием. Как говаривал, что всё воюет с внучками, по характеру они ничуть не отличаются от шустрых мальчишек. Его сын работает на супертраулере. По полгода дома не бывает...

Мы с Костей поженились перед войной. Сын Костя в 1941 году родился. А помер

Вот и пришёл момент, когда пароход стал неподвижной мишенью. Теперь – конец. Это было ясно каждому из нас.

– Открой, Николай, кингстон! – кричу в переговорную трубку. – Всем выходить наверх!

В эту минуту что-то острое впиывается мне в живот, с силой отталкивает руку...

...Что было дальше, узнал много времени спустя. Агония корабля продолжалась долго. Увидев, что советский пароход тонет, фашисты начали расстреливать сибиряковцев шрапнелью. Комиссар и боцман Павловский старались принять все

меры для спасения людей. Но спастись было не на чем: все спасательные шлюпки были разбиты.

И вдруг:

– Сюда, товарищи! – раздался голос механика Калянова. Схватив меня в охапку, он бросился к сильно повреждённой снарядами шлюпке. Она-то и спасла жизнь шестнадцати сибиряковцев. Был среди них и семнадцатый – кочегар Николай Матвеев. Но когда отошла шлюпка от тонущего судна, её нагнал фашистский катер с приказом всем сдаваться в плен. Николай вскочил, что-то громко крича, и тут же был сражён автоматной очередью.

...С того дня, как повстречался я на Неве с пароходом, возрождённым в честь того, что ушёл под воду, не сдавшись врагу, прошло много лет. Но где бы я ни был, в какое бы из морей мира не забросило меня беспокойная морская служба, «Александр Сибиряков» всегда идёт рядом, борт о борт.

Анатолий КАЧАРОВА,
бывший капитан «Сибирякова»,
ныне начальник Грузинского
морского пароходства.
(В сокращении из книги
«Корабли – герои»).

раньше отца, – Злата Юлоновна оглядывается на стенку, где висит большой портрет сына. – Рано вы уходите от нас. Берегите себя, мужчины. Как мы без вас? Жить-то мне вот теперь никак не хочется. Невестка приходит, что-то сготовит, поедим вместе. Одной мне в этих хоромах ничего делать не хочется, ни готовить, ни есть. Сын Костя, как вы, журналистом был. Долго работал в журнале «Наука и религия», в других изданиях. На волне новых течений ушёл в какую-то коммерческую структуру, рекламой занялся. Приступ с ним случился прямо на работе, инсульт, правостороннее кровоизлияние. Неотложка довезла до больницы, в приёмном покое скончался... Жена уехала от него с девочкой, более двадцати лет не давала о себе знать.

Появились сразу после смерти Константина Ивановича. Внучку пожалели, прописали в квартиру. Она сразу же приобрела все права на жилплощадь приватизированной квартиры. Теперь вот ищем размен. Мне-то уже надоела эта круговерть, я соглашалась на некоторые варианты, – так её не устраивает, то квартира ей мала, то далеко от центра. Да и я не согласна коротать последние дни в какой-нибудь конуре или однокомнатной хрущёвке. У меня же квартира в центре города, как видите, угол Калининского проспекта и Кольцевой, комнаты большие, просторные, высокие, времён Сталина. Из окна виден Белый дом и московская мэрия – бывшее здание СЭВ. Такой близостью к руководству гордиться бы надо. У нас кроме хлопот да постоянного страха уже ничего, кажется, не осталось...

События у Белого дома год назад ещё так свежи в памяти. Смотрите: на комодѣ два

следа от пуль и осколков, один – на серванте. Тут вот у нас кресло стояло. Константин Иванович сидел в нём, когда началась перестрелка. Пуля в нескольких сантиметрах от его головы пролетела. От фашистов во время войны не погиб, а тут чуть свои не угробили... Говорили, что вроде бы на крыше нашего дома снайпер засел. Вот и палили по нему невпопад.

Мы на шестом этаже, и нам попало... В угловой квартире всё выгорело. Рядом с нами в квартире успели потушить пожар, хозяйева оказались дома. Соседи этажом ниже звонят: «Вы как – на полу лежите? Нет!? А мы лежим. Приходите к нам, полежим вместе...» Смех? Смешного мало. Сколько крови невинных пролилось. Думаю, во многом Ельцин виноват... Не знаю, почему, но я не верю ему... Встречаю своих одноклассниц, все уже старушки, мужей схоронили, так они горой за Ельцина... Говорят, они при нём жить стали. Да как же вы живёте, бабоньки, говорю им, на пятьдесят-то тысяч пенсии много ли разгонитесь? С воды, поди-ка, на хлеб перебиваетесь. Это разве жизнь? Раньше мяса и колбаски мог позволить каждый даже с самой малой пенсии...

Вы меня сегодня долго прождали на лестничной площадке? С утра на кладбище пошла. Надо было заказать надпись на плите. Когда сына хоронили, местечко оставили. Невестка от другого брака, говорит, чтобы я взяла сто тысяч рублей... Она всем руководит. Пошла я, с меня заломили – сколько бы вы думали? – 200 000 рублей! Хорошо, что я из своих запасов немного прихватила денег... Вот какие ныне цены! Только смерть не очень

География и биография

...Множество интереснейших знакомств завязалось тогда у начинающего журналиста, и все они стали в будущем путеводными нитями к новым странствиям по Северу. При этом судьба нередко сводила меня с людьми, друг о друге ничего не знавшими, но связанными общностью интересов.

Итак, полетать с Сигизмундом Леваневским мне не привелось, но годы спустя после его гибели в трансполярном перелёте (уже в послевоенную пору) оказался я

на борту ледокольного парохода «Леваневский» гостем капитана Анатолия Алексеевича Качаравы, человека тоже замечательного.

Жгучий брюнет с медальным профилем и резкими шрамами на кисти правой руки, он стоял на мостике, держа под козырёк, пока вахтенные матросы приспускали кормовой флаг близ скалистого островка Белуха. Место памятное, отмеченное на картах, упоминаемое в лоциях Карского моря. Место, прославленное неравным боем маленького, вооружённого одной пушечкой парохода «Сибиряков» с фашистской плавучей крепостью «Адмирал Шеер».

В августе 1942 года, когда встретились корабли, «Сибиряков» командовал старший лейтенант Качарава. Он первым открыл огонь, отказавшись спустить флаг перед противником. И вместе с изрешеченным вражескими снарядами пароходом пошёл ко дну. Был выловлен гитлеровцами, взят в плен. Три года провёл в концлагерях. Вернувшись на родину после войны, получил сразу два ордена Красного Знамени.

Мне всё это известно и по годам военной службы на Северном флоте, и по исторической литературе о той поре, и по рассказам

приценивается к старикам, подбирает с каждым месяцем всё больше и больше...

Мы же с Костей свои ваучеры в пенсионный фонд отдали. На похороны Кости мне выдали страховку 200 тысяч рублей. Но предупредили: на мои похороны уже будет не положена страховка. На похоронах был Гурген Тонунц. Спасибо Владимиру Георгиевичу Реданскому, он всё так организовал хорошо и торжественно, добрые слова сказал... Затем укрыв урну с прахом флагом Военно-морского флота. Это было так трогательно и волнующе...

Последние слова Златы Юлоновны передаю на другой день Владимиру Георгиевичу Реданскому. Он тяжело вздохнул:

– Я как живой катафалк... Не бывает недели, чтобы я кого-то не хоронил. Недавно проводил Игоря Чернышёва, Бориса Масленникова. Мы в таком возрасте, что всё чаще не досчитываемся в живых своих друзей... К Константину Ивановичу у меня любовь особая. Он мне оказал неоценимую помощь при подготовке рукописи книги о дежнёвцах «Арктики рядовой».

Эту книжку я выпросил потом у Златы Юлоновны. Она призналась, что не знает, куда девать старые книги...

– Жалко расставаться с книгами. Многие из них приобретены Константином Ивановичем, многие подарены ему. Но что делать? Готовлюсь к переезду на новую квартиру, а она не будет просторнее этой. Мне здесь их некуда девать. Приезжает тут один знакомый старичок, забирает помаленьку, перевозит книги на дачу. Говорит, печку ими хорошо разжигать... У Кости много специальной

литературы по военно-морской тактике, по компьютерной технике, современному техническому оснащению боевых судов, зарубежных и наших. Куда она теперь?

– Может, Владимир Георгиевич Реданский взял бы себе или в институт военно-морской истории, где он работает?

– Предлагала. Он посмотрел, сказал, не годится. Он историей занимается, а тут сплошная техника. Да и где ему всё это разместить? В своей тесной двухкомнатной квартирке? Одна комната заложена книгами да рукописями. Жаловался, что дома совсем работать не может. Дочка с внучкой живут... Только на работе находит отдушину.

Знакомлю Злату Юлоновну с проектом издания своей книги. Говорю, что её будет открывать вступительная статья Константина Ивановича. Он написал по моему заказу для «Советского Таймыра», а некоторые дополнения мы предварительно обговорили при последней встрече.

– Если бы вышла ваша книга, доброе и большое бы дело вы сотворили. Низкий поклон все живые дежнёвцы и сибиряковцы отвесили бы тому издательству, которое возьмётся за выпуск книги. Может, от меня какая помощь нужна? Так вы скажите. Вот тут у Константина Ивановича много публикаций, посвящённых этим событиям, берите, что посчитаете нужным. Фотографий много, посмотрите, может, что пригодится для дальнейших публикаций.

Мы перебираем фотографии. Злата Юлоновна поясняет:

– Вот смотрите, какой интересный снимок. Это – Гидулянов. Саша с Костей были друзья-

общих знакомых, которых у нас с Анатолием Алексеевичем не мало.

Заочно знакомые со времён войны, мы встретились лично лишь в послевоенные годы. И сразу почувствовали себя сверстниками, давними друзьями, с места в карьер перешли на «ты». Я расспрашивал капитана о подробностях боя «Сибирякова» с «Шеером» – о подвиге «полярного «Варяга», он меня – о Первой Ленской экспедиции, о том, как выглядел тот, чьё имя носил теперь его корабль.

Мне вспоминался хмурый расцвет над лагуной Сого, крупная

фигура лётчика, перелезавшего из шлюпки в кабину гидросамолёта, его уверенные движения за штурвалом, мастерский взлёт в снежных облаках.

А Качарава дополнял мои описания сегодняшними деталями Тикси:

– В Сого нынче обсерватория. В Булункане, где вы в тридцать третьем выгружались на рейде, теперь механизированные причалы... Да всего не перескажешь... Вот придём в Тикси – сам увидишь. Капитана порта расспросишь. Запечатательный там капитан порта. Некто Жуков...

– Уж не Василий ли Константинovich, который Первую Ленскую встречал?

– Он самый.

– Да не может быть. Значит, больше двадцати годов тут в Заполярье служит...

И я вспоминал, как с лёгкой руки седого курчавого Василия Константиновича тиксинские портовики присвоили шуточные клички двум юным репортёрам из редакции «Водного транспорта», оказавшимся в те дни в здешних заполярных краях. Клички – по названиям популярных в стране журналов. Рыжеватога с бородкой Серёжу

ми. Он не раз бывал у нас в Москве. А рядом с ним – Алексеев. На обороте надпись: «На добрую память боевому тов. Палеха А.М. от Гидулянова А.С. Снимок 1967 г. Слева Александр Николаевич, родной брат адмирала Владимира Николаевича Алексеева (известной семьи революционеров Алексеевых), справа – я. Координаты довольно высокие, ледовая – дрянная. Придавило! Очевидно, выпутались!» Не знаю, как эта фотография оказалась у нас. Может, сам Палеха передал Константину Ивановичу. А вот он и сам – флагманский артиллерист А.М. Палеха, вместе с Костей. Палеха тоже частенько бывал у нас. Мужичок, как петушок... О, а это я с Сашей, Костиным шофёром. Совсем молодые! Ныне Александр Яковлевич Губий живёт в Феодосии. Мы помогли ему окончить морское училище, а потом – академию. На больших судах ходил. Кстати, он здесь в Москве, обещал зайти... А это снова Саша Гидулянов. Великолепный человек, сложной судьбы. Жена во время войны вроде была замечена в связях с американским военным атташе. Знаете по тем временам, что полагалось за это – тюрьма. И её посадили. После войны Саша очень долго искал её и нашёл. Вроде бы даже через самого Ивана Дмитриевича Папанина ему удалось повидаться с ней, а потом и вовсе освободить. Она забеременела, родила сына... Потом плавала вместе с ним на судах, радисткой. Чаше других на Диксоне бывали.

– Да времена меняются. Внучка сибиряковцев Бурых вышла замуж за англичанина. Об этом даже в газетах писали. Нынче это все в порядке вещей, – рассказываю я.

– Наверное, всё это к лучшему, – говорит Злата Юлоновна. – А фотографию эту вы всё

А.С. Гидулянов

же возьмите. Мы не вечны и помогать должны друг другу, пока живы... Пока я жива, будете в Москве, обязательно заходите, нечего отираться по гостиницам. Оттого, что они подорожали, роднее не стали. А мы все – свои, поймём и поддержим друг друга...

Шапошникова прозвали Огоньком. Меня, носившего большие роговые очки, – Прожектором.

Воспоминания мои нарушает приближающаяся картина оживлённого портового рейда Тикси. Сколько здесь кораблей! И каких только не встретишь: лесовозы с открытыми палубами, танкеры! Среди них сновали посыльные катера.

На одном из них, полным ходом мчащемся к борту «Леваневского», грузноватый человек с выбившимися из-под фуражки седыми волосами. Нет, не очень изменился он за минувшие два десятилетия. Молодецки вскарабкался по

штурмтрапу на палубу нашего «Леваневского», обнял Качараву, вопросительно повернулся в мою сторону, сощурился:

– Ба, Прожектор... Ну, давай поцелуемся.

– Здравствуйте, Василий Константинович. Разрешите доложить, я нынче не Прожектором зовусь, а Огоньком. В журнале «Огонёк» работаю спецкором.

– Ладно, не в этом суть... Важна память...

Савва МОРОЗОВ.

«Солдаты слова». Книга третья. Москва. Политиздат. 1981 г., стр. 133-135.

Диксон даёт отпор!

При всём обилии публикаций об обороне Диксона фамилия Бабинцева почти нигде не упоминается, а если и упоминается, то вскользь, дескать, старшим военным начальником в «ту пору» был В.В. Бабинцев – и всё. А его роль трудно переоценить, ибо он, а никто другой, от начала и до конца руководил обороной посёлка и порта.

Василий Ваптосович Бабинцев был в составе Северного отряда с первых дней его организации.

Не от этих ли слов мне стало тепло и уютно: я заснул. Мне снился Белый дом. Его багровые, горящие окна, как кровоточащие раны, заставляли содрогаться. Я бегу, задыхаясь, по лестничному маршу, всё выше и выше... Мне надо шестнадцатый этаж, там – наш депутат, коллега по работе Альбион Бречалов. Заглянуть бы ему в глаза... Из распахнутых дверей сквозняком выдувает ненужные никому бумаги. Я врываюсь в его кабинет и содрогаюсь от увиденного: другой мой коллега, редактор «Красноярского комсомольца», народный депутат Людмила Батынская словно на минутку прикорнула от усталости, прислонившись к столу. Из прострелянного виска стекает струйкой ещё живая кровь... Я дотрагиваюсь до её плеча, она исчезает.

Сознание возвращается ко мне: Людмила умерла своей смертью задолго до этих событий. Но кто знает, насколько раньше пришла смерть, потому что не на живот, а на смерть Батынская отстаивала каждый пункт закона

А.Н. Алексеев и А.С. Гидулянов
(снимок 1967 года)

А.Я. Губий и З.Ю. Стёпина

о печати, который был расстрелян в тот же чёрный октябрь у стен Белого дома. Сколько погибло журналистов! Сколько репортёров подвергнуто нечеловеческим унижениям... Кому-то очень не хотелось, чтобы об этом узнали правду... Потому и сейчас противоборствующие стороны предпочитают только свою «правду».

Прости меня, Москва. Прости меня, Россия! Я тоже ищу правду. Свою. Не осмелился бы взять на себя ношу пророка. Это ближе к святым. А я грешен, остаюсь атеистом. Мне не перед кем заискивать, некому подыгрывать. Если есть он – Бог, то простит меня, я искренен перед ним и перед собой...

Прости меня, Москва. Прости, Россия! Простите за то, что я – русский, в родном Отечестве, не нахожу поддержки в своём благородном деле. То ли я изгой какой, то ли я – диссидент шиворот-навыворот, вопреки всему не хочу предавать Родину и никуда

Василий Бабинцев

Старый большевик, с семнадцати лет – в Красной Армии. После завершения гражданской войны командовал пулемётным взводом в отряде по борьбе с белобандитами в Крыму и на Украине. Закончил авиационный факультет военно-политической академии им. В.И. Ленина. Отечественная война застала его в должности комиссара тыла Северного флота, а вскоре он получает новое назначение – комиссара Северного отряда.

Комиссар Бабинцев стоял в ходовой рубке ледокольного парохода «Дежнёв», ставшего в годы

войны сторожевым кораблем. Море горбатилось зеленоватыми волнами от горизонта до горизонта, а над ним голубел чистый небосвод с ярким солнцем. Был август. Время, когда и сюда в Арктику, приходит тепло. Лёд, обычно укрывающий здешние морские просторы, то ли растаял, то ли его унесло ещё севернее, к полюсу, где он никогда не исчезнет. И можно было радоваться такой редкой тихой погодке, если бы это был обычный август. Но это был август 1942 года...

Вглядываясь в морские просторы, Бабинцев невольно искал

А.М. Палеха

уезжать не хочу. Глаза мои глядят и видят во сне и наяву русские берёзы, белоствольные. «Почему так в России берёзы шумят?» Да ещё я вижу стоящих под каждой из них людей убеждённых сединой, которые спасли меня от коричневой чумы, и тех, кто сегодня пытается историю переписать, с пьедесталов почёта повергнуть подчистую даже саму ПОБЕДУ, кто пытается ветеранов войны уравнивать с предателями и прихвостнями фашистов. До какого же края мы дошли?

Прости меня, Россия! И обедневший Север мой, меня прости. Я ждал от вас не столько материальной, сколько моральной поддержки и не получил. Более чем в сорок адресов написал я письма с просьбой откликнуться и помочь в издании книги памяти. Получил только четыре ответа. Первым выразил готовность встретиться на предмет долевого участия (спонсорства) в издании моей книги генеральный директор московской акционерной организации «Тема» Владимир Алексеевич Попов, с которым в своё время познакомились в заполярной Хатанге. Он был пионером освоения Арктики и открытия её для большого туризма и отдыха, особенно для иностранцев, охочих до экзотики.

Получил ответ от руководства Мурманского морского пароходства, от А.А. Назарьева – сына дежнёвца Назарьева, от главы администрации города Дудинка Владимира Алексеевича Серкова. «Хотелось бы видеть эту книгу изданной!» – почти в один голос писали они. Но честно признавались, что тогдашнее финансовое положение пароходства и столицы Таймырского автономного округа очень шатки. Однако, они выразили

следы фашистской подводной лодки. Погода над Карским морем благоприятствовала действиям гитлеровцев. Визиты их подводных кораблей к берегам Новой Земли уже нанесли немало бед. Гитлеровцы не раз обстреливали беззащитных полярников на берегу, потопили несколько грузовых пароходов и барж с людьми. Вот командование и приняло решение перевезти с Диксона на Новую Землю три батареи, по две пушки в каждой. Для обороны от нападения подводных, а в дальнейшем, возможно, и надводных гитлеровских кораблей.

Это был риск: Диксон оставался беззащитным. Но что делать? Береговых батарей не хватало. Пушки нужны были там, где шли бои. А Диксон был за тысячи миль от фронта. И сомнительно, что бы враг посмел забраться столь далеко, к берегам Красноярского края, где расположен этот мирный рабочий посёлок.

Сторожевой корабль вышел из бухты Белушья на Новой Земле 21 августа с задачей взять на Диксоне пушки и как можно быстрее доставить их на Новую Землю. Пока он дойдёт до Диксона, они будут подготовлены к

отправке, будут ждать у причала. Командование этой срочной и ответственной задачей было возложено на Василия Ваптосовича Бабинцева, комиссара Северного отряда, кадрового военного, незадолго до войны окончившего Военно-политическую академию имени В.И. Ленина.

Вечером 25 августа сторожевой корабль подходил к Диксону. Было светло как днём: стояла та пора года, когда солнце здесь не уходит за горизонт. На чёрном скалистом берегу лепились серые бревенчатые дома, над которыми возвышалась пожарная каланча.

готовность оказать другую посильную помощь. Возможно, она нужна будет при доставке изданной книги к северному читателю в Мурманск, Дудинку, Диксон, Норильск, Архангельск, Красноярск...

Ещё раз я был в Москве в июле 2000 года. Злата Юлоновна жива-здорова. Рассказала мне последние новости. Ушёл из жизни Гурген Тонунц. Хотели похоронить в Армении, но кусочек земли для него там оказался очень дорогим, то ли кому-то не хотелось признавать его великим земляком, «преданным России». На похоронах в Москве всё же было много земляков. На траурной церемонии выступил писатель-историк Владимир Реданский, рассказал о военных заслугах Тонунца, моряка и разведчика. Для многих это было настоящим открытием популярного артиста в совершенно новом амплуа. Злата Юлоновна задумывается, потом её лицо озаряет добрая улыбка.

– В эти дни исполнилось 77 лет Михаилу Пуговкину, известному артисту, – сказала Злата Юлоновна. – Разные московские программы телевидения вспомнили об этом сразу. Удивительный актёр и человек. Почему я об этом вспомнила? Мы отдыхали вместе на юге: он – с женой, я – с Костей. С тех пор поддерживаем хорошие отношения. Как-то Костя разговорился с Пуговкиным о Гургене и обмолвился, что, дескать, тот воевал во флоте, был разведчиком. Пуговкин удивился: «Тонунц – разведчик? Не может этого быть!» Костя поспешил его успокоить: «Сам бы не поверил, но волей судьбы пришлось служить с Гургеном в одном экипаже на СКР-19, защищали Диксон в 1942-м». Оказывается, как

Диксон – самый северный центр России

мы ещё мало знаем друг друга. А вроде бы близкие люди...

Дошли вести о кончине Ивана Григорьевича Шнейдера. В Архангельске доживает свой век Юрий Гудин. Живёт с двумя старушками-сёстрами, объединили свои пенсии, еле хватает на пропитание, болеют, почти все средства уходят на лекарства. А нынче цены на них «неподъёмные». Саша Губий недавно

Таким был Дудинский порт в сороковые годы (ряжевые причалы)

За ними, на камнях, зелёным покрывалом лежали мох и лишайник. Невдалеке от материкового берега виднелся большой остров, тоже чернокаменный, с высокой антенной и несколькими домишками возле неё.

Но ситуация быстро изменилась: как только СКР-19 стал на якорь, было получено сообщение, что «Сибиряков» вблизи острова Белуха встретился с вражеским кораблём, вступил в бой и, видимо, погиб...

Боевой надводный корабль противника намного опаснее подводных лодок. На нём артиллерия,

он может высадить десант. Бабинцев сразу понял: предположение о том, что гитлеровцы не рискнут заходить восточнее Новой Земли, не оправдалось. Можно ожидать нападения и на Диксон. Береговую батарею нужно не увозить, а наоборот немедленно устанавливать на позиции, с таким расчётом, что бы она взяла под прицел все подходы к посёлку.

Шифрограмма об изменившейся обстановке тут же ушла командованию. А Бабинцев незамедлительно провёл на берегу военный совет с участием местных руководителей. Он принял

решение установить орудия на позиции...

Комиссар Бабинцев и командир СКР-19 Гидулянов, находившиеся на катере в море с целью разведки, услышав канонаду, сразу развернули катер и пошли в порт. Перед ними открылась тяжёлая картина. СКР-19 лежал на мели, в обоих бортах было множество пробоин. На транспорте «Революционер», загруженном игарским пиломатериалом, пылал огонь. На берегу дымили постройки.

Только транспорт «Кара», имевший на борту 250 тонн взрывчатки для Норильскстроя, стоял невре-

заглядывал, приезжал из Крыма, говорит, что жить стало ещё труднее...

Мы пригубили трехзвёздочного коньяка Тираспольского завода «КВИНТ» за упокой близких и за здоровье живых. Но Злата Юоновна медлила с самой страшной новостью. Коньяк придал ей, видимо, смелости, и она поведала мне:

– Накануне Дня Победы, обычно, звонила в Севастополь и поздравляла Сергея Александровича и Ольгу Петровну Кротовых. Ольгу Петровну хорошо знали мурманские моряки: много лет она работала заместителем начальника тралового флота. Её уже несколько лет нет в живых... Перед 55-летием Победы набрала номер телефона Сергея Александровича, но никто не ответил. Потом пришла эта вест, от которой я долго не могла прийти в себя... Сергей Александрович перенёс инсульт, жил с внучкой. Она куда-то ушла. Загорелся телевизор. Сергей Александрович бросился его тушить. Но какие силы у больного старика? Сильно обгорел, руки так до костей... Несколько дней пролежал в больнице и помер. Кто знал: прожить такую славную и долгую жизнь, и так уйти из этого мира... Страшно подумать! Давайте выпьем за Сергея Александровича. Славный был человек!

Выпили, вспомнили...

Когда я вернулся домой, отыскал последнее письмо от Сергея Александровича. Это было пятое письмо с поддержкой моей затеи издать книгу о побратимах Арктики. Он честно, по-ветерански признавался: уже давно на пенсии, связи все потеряны. А что из пенсии не выкроишь на такое солидное предприятие,

«Тогда мы были молодые и красивые. Сейчас мы просто – красивые!»
Запомним их такими...

димым у острова Конус. Бабинцев приказал «Каре» немедленно уходить на Енисей.

Однако самое неприятное произошло с буксирным пароходом «Молотов». Он оставил среди бухты баржу с орудиями и людьми, а сам укрылся под берегом. Молодёнский лейтенант, командовавший буксиром, растерялся и повёл себя, мягко говоря, не лучшим образом.

Бабинцев гневно отчитал его. Буксировщик тотчас пошёл за оставленной на произвол судьбы баржей с людьми и орудиями. «Адмирал Шеер» открыл огонь по

нему. Над мачтами свистели снаряды, но буксировщик провёл баржу к берегу. Затем он направился к пароходу «Революционер» и принял участие в тушении на нём пожара. Потом увёл из-под обстрела лихтер и баржу со снарядами...

Поговорив с краснофлотцами, Бабинцев заспешил к главным героям дня – артиллеристам Корнякова. Выслушав рапорт командира батареи, обнял и расцеловал его: «Благодарю! Вы спасли Диксон. О вашем подвиге будет сообщено Военному Совету!»

Леонид ЩИПКО.

Памяти героев

...В память моряков-героев диксонские гидрографы в 1968 году построили на острове Белуха бетонную башню высотой 18 метров, а в 1975 году установили бронзовую мемориальную доску с надписью: «Башня построена гидрографами Диксонской гидрографической базы в память ледокольного парохода «А. Сибиряков», погибшего 25 августа 1942 года в бою с немецко-фашистским линкором».

На открытии мемориала присутствовала дочь одного из погибших

как издание книги. И всё-таки я был благодарен ему за добрую поддержку.

Не всё ещё потеряно в России! Может, прощения просить мне надо не у неё, а у тех, кто её сегодня представляет.

Простите, если вас здесь не вспомню.

Есть Бог на свете! В июне 2002 года меня, бывшего редактора пригласили в Дудинку на празднование 70-летия окружной газеты «Таймыр». Тогда и состоялась моя встреча с новым председателем Думы Таймырского автономного округа Виктором Владимировичем Ситновым. Тогда сразу и оперативно решились все проблемы. Он сказал: такая книга нужна округу к 60-летию обороны Диксона.

Возраст Виктора Ситнова наилучшим образом сочетает опыт и энергию, ещё не пик карьеры, но когда человек становится Учителем, не превращаясь в ментора.

Ситнов – из тех, кто сделал себя сам. На таких испокон веку держалась и держится земля Русская. Родился 26 мая в первый послевоенный год в городе Горький. С начала шестидесятых слесарил на знаменитом и поныне Горьковском автозаводе, одновременно обучался в авиационном техникуме и аэроклубе. Мечтал о небе, о самолётах новых конструкций, о воздушной стихии. Но долг Родине отдавал в стихии водной, моряком-подводником, призванным на Северный флот. Участвовал в испытаниях новых видов вооружений для атомного подводного флота. В глубине души Ситнов и сейчас считает себя моряком, потому так близка ему морская символика буквально во всём.

Как Виктор Ситнов оказался на Крайнем Севере? Да очень просто, как и десятки тысяч

его сверстников. В семидесятом году brave подводник Ситнов, уволившись в запас, по комсомольской путёвке приехал «искать себя» в Норильск. Освоил несколько рабочих профессий на Норильском горно-металлургическом комбинате, работал агломератчиком, мастером, избирался секретарём парткома агломерационной фабрики. Заочно учился в Красноярском институте цветных металлов и золота, получил квалификацию инженера-экономиста. С 1990 года – Председатель Совета трудового коллектива Норильского комбината, Председатель Координационного центра СТК РАО «Норильский никель». С 1996 года – директор по связям и работе с акционерами АО «Норильский комбинат», директор по реструктуризации, директор по корпоративной работе ОАО «Норильская горная компания». Все это время Ситнов учился главному – умению работать с людьми, понимать людей, помогать им.

С началом перестроечных девяностых начинается большая политическая карьера Виктора Ситнова. В 1990-1993 годы он – депутат Верховного Совета РСФСР. Его имя стоит одним из первых в списке авторов федерального закона «О гарантиях и компенсациях для лиц, проживающих и работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях». Депутат Ситнов приложил немало усилий к тому, чтобы этот закон вошёл в жизнь северян в наиболее полном своём воплощении. В 1990-1995 годах, представляя регион в Союзе городов Заполярья, Виктор Владимирович участвует в подготовке документов, которые легли в основу законодательных актов в области налогов, банковской деятельности, приватизации, акционирова-

членов команды парохода «А. Сибиряков» Михаила Аверьянова – Галина Михайловна Манонинова.

Г. ДОРЕНИН.

«Советский Таймыр»,
13 ноября 1975 года.

Два часа войны

По официальным источникам, бой у острова Диксон длился около двух часов. Если мерить этот поединок человеческими судьбами, он займёт целую страницу в истории героической борьбы нашего народа с фашистами.

Недавно я встретился на Диксоне с Виктором Ивановичем Сокольским – инженером-гидрометеорологом отдела новой техники радиометцентра. Он уже оформлял свои пенсионные дела – более тридцати лет отдано Арктике. Этот седой человек с усталыми глазами помнит и август 1942 года:

– Как открылось море, пеленгатор стал ловить мощные радиосигналы. Мы были настороже. Я был старшиной катера... На Диксоне успели получить сообщение с «Сибирякова» о встрече с военным кораблём. Потом пришёл сигнал «SOS». Диксон стал готовиться к

обороне... В то время мы на своём катере вели гидрографические работы в проливе. Вот и назначили нас с Александром Гавриловичем Дралкиным дозорными. Однако встретить «Шеера» в дозоре не удалось. Дали новое задание: отвезти детей и женщин в Лемберово, что в 12 километрах от Диксона... Под утро нас подняли по боевой тревоге. Около Нового Диксона проходил неизвестный военный корабль. Спокойно я всё переживал. Тогда молодым был, а сейчас, может, и напугался бы. На следующий день поехали в Лемберово. Успокоили семьи, а вскоре привезли всех на

ния и социальной защиты северян. Его вклад в законотворческую деятельность отмечен Благодарностью Президента Российской Федерации, Грамотой Государственной Думы. Немного найдётся в России руководителей представительных региональных органов со столь солидным политическим опытом федерального уровня.

На рубеже веков в жизни юбиляра происходят изменения из разряда судьбоносных. Он выставляет свою кандидатуру на выборах в Думу Таймырского автономного округа и одерживает убедительную победу. Люди отдали голоса человеку дела, человеку, знающему их проблемы и готового содействовать их решению. В 1999 году Ситнов избирается депутатом, а в январе 2000 года – Председателем Думы Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа.

Возглавив законодательный орган Таймыра, Виктор Ситнов поставил своей целью улучшение материального обеспечения работников бюджетной сферы, получавших тогда заработную плату, которая не достигала даже уровня прожиточного минимума. В результате многочисленных переговоров с основными налогоплательщиками о своевременной уплате налогов, объединения усилий с исполнительной властью округа принимается постановление «О компенсационных выплатах, связанных с неблагоприятными условиями проживания», увеличившее заработную плату бюджетников более чем в три раза.

С приходом на Таймыр нового губернатора Александра Хлопонина и новой управленческой команды открылись новые перспекти-

Александр Хлопонин и Виктор Ситнов

вы развития округа. Только объединённые усилия исполнительной и законодательной властей – залог поступательного развития региона. Это понимание и является основой сегодняшних взаимоотношений между государственной администрацией и Думой Таймырского автономного округа.

Время неумолимо мчится вперёд. И я рад, что Россия одумалась и вместе со временем возвышает и продвигает к власти людей достойных. Александр Хлопонин – бывший губернатор Красноярского края, ныне вице-премьер правительства РФ, полпред президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе. Уверен, что XXI век станет для Таймыра и всей России веком процветания и благоденствия, веком стремительного экономического и гуманитарного развития. Наш путь – это путь к цивилизованному правовому государству, гарантирующему демократические права и свободы, это вни-

Диксон. После ухода «Шеера», в эфире стало тихо. Повреждения, причинённые обстрелом по берегу, были устранены в течение трёх суток. В посёлках Диксона человеческих жертв не было...

Вот как вспоминает об этом Екатерина Кузьминична Аверьянова:

– Раздалась тревога, все думали, что учебная. А я уже знала, что пароход потопили, и что мой муж, Михаил Трифонович (он прорабом был), уже погиб. Мне не страшно было: убьют так убьют.

Я слушаю Екатерину Кузьминичну и представляю, что тогда она, совсем молодая женщина, осталась

первой вдовой на Диксоне, первой военной вдовой.

Горе не свалило её с ног. О своём долге она не забывала ни на мгновение. Официантка Аверьянова заняла своё место в столовой вместе с поваром Василием Зобовым.

– Все были там, на фронте, – продолжала она. – Потом раненых возили. Мне пришлось поучаствовать в перевязках... Некому было говорить: «Сиди дома!» Да и некогда. Правда, Алексей Васильевич Баранов и Александр Гаврилович Гончаров, спасибо им, они оба из редакции, были возле меня. Успо-

каивали. От них я и узнала, что потоплен пароход...

Любопытно свидетельство и Михаила Харитоновича Устинова:

– Загружали мы тогда «Дежнёв» – пушки грузили. Полный причал снарядов. Тут заходит этот «Шеер». Как ему кто сказал. А накануне ночью мы много работали. И сразу в общежитие. Вдруг – взрыв. Я только на другой бок перевернулся: рвали скалу на причале в те дни, и я к взрывам привык. Прибегает в это время дежурная, кричит: «Немец бомбит!» А я ей: «Пошла ты!» А он как вжарит – зашатался наш барак. Нас сразу на Конус – там

мание и забота о старшем поколении, это востребованность молодёжи по её профессиональной подготовленности, неугасающей энергии, движущей нас вперёд.

Именно поэтому государственный человек Виктор Ситнов с нежностью относится к своему самому любимому человеку – внучке Настасье, передает ей чувство любви к своей Родине, старается обеспечить ей счастливое детство. Виктор Владимирович твёрдо верит: будущее будет светлым...

...Время уходит. Мы уйдем. Останется память. Пусть живёт память о достойных. В словах, в памятниках, в Вечном огне...

*И, может быть, обмолвятся словечком,
Припоминая наших дней черёд.
О Прометее будут помнить вечно,
А мы его огонь несли вперёд!*

Продолжение следует...

Документально-публицистическая книга «Побратимы Арктики», к которой я шёл двадцать долгих лет, вышла в 2002 году – к 60-летию обороны Диксона. Право, не знаю, порадовала ли она диксонцев (меня не пригласили на этот юбилей), но было сделано всё, чтобы она появилась на свет именно к этому знаменательному событию. Меня до сих пор переполняет чувство исполненного долга, прежде всего, перед ветеранами Великой Отечественной войны – защитниками арктического форпоста. Это своеобразный поклон благодарного потомка, который,

видит Бог, запоздал не только и не столько по своей вине...

Десять лет я искал спонсора, чтобы издать эту книгу. Летом 1987 года в очередном письме я посетовал на свои проблемы Ивану Григорьевичу Шнейдеру. И получил короткий ответ на почтовой открытке с видом на барк «Крузенштерн» при всех парусах:

«Никадр Анатолевич! Письмо Ваше получил, сочувствую Вашим мукам, которые мне хорошо известны: «Дежнёвцы» «ходили по мукам» 12 лет». И, конечно же, он не мог не поделиться последними новостями: «Нахимов» – вернее событие с ним – позор нашего флота! Я участвовал в разделе немецкого флота, но «Нахимов» – «Берлин», как и «Ганза» и «Кордильера» в разделе не участвовали, т.к. они были утоплены и подняты советскими водолазами после раздела флота. В нашем флоте носили имена: «Нахимов», «Долгорукий», «Русь».

Сожалею, но он не увидел книги, которая посвящена ему, его сослуживцам, товарищам по оружию...

С той поры, когда я получил письмо от Шнейдера, прошло достаточно времени: я вышел на пенсию и перекочевал с Таймыра в Тирасполь, где мои «Побратимы...» были рекомендованы к изданию Союзом писателей Приднестровья накануне полувековой годовщины Победы в Великой Отечественной войне вместе с книгой воспоминаний П.А. Шпакова, ветерана той большой войны из славного города Бендеры. Я хорошо знал Петра Александровича, ныне уже покойного. Он был человеком лёгким, с развитым чувством юмора. Ему удавалась в равной степе-

на небольшом острове в бухте находились угольные склады и вся наша механизация. Тем временем «Шеер» с «Дежнёвым» перестрелку начали. Разбомбил немец «Дежнёва». Чтоб не затонуть, выбросился наш пароход на мель. Но скажу – если бы не «Дежнёв», заставил бы нас «Шеер» концы подавать...»

...В те годы Ивану Сергеевичу Ушакову было около сорока. Только несколько месяцев назад он, кочегар авиапорта, ушёл на пенсию. Память сохранила всё живо и ясно:

– Было у нас два стрелковых взвода и пулемётный (два «Мак-

сима»). Пулемётчиками занимался Ивушкин Павел Иванович, техник «Диксонстроя». Было нас 56 человек самообороны.

У Ивана Сергеевича был армейский опыт. В финскую войну он, пограничник, воевал на острове Рыбачьем. Ушаков продолжает:

– Перед приходом «Шеера» Корняков советовал распустить людей отдохнуть. Накануне же договорились в штабе МПВО провести учебную тревогу, потревожить людей. Люди об этом не знали. А получилась настоящая тревога. Окопы у нас, конечно, были готовы. Они и сейчас остались.

Так вот, как появился «Шеер», Ивушкин по нему из пулемёта попробовал. А он как сунул снарядов штук пять. Я послал связного – прекрати, мол, Павел Иванович. Словом, «Шеер» дал 250 залпов из пяти орудий. Корняков тоже дал залпов 200... Ну, а потом, как «Шеер» ушёл, появилось 12 пушек 45-мм. Патронов и снарядов было много. Николай Михайлович Корняков помогал нам. Орудия устанавливали, пристреливали. Я до 9 мая 1945 года по бухте тренировался...

27 августа 1967 года полярники Диксона отмечали 25-летний

ни и публицистика, и стихи. Он, кажется, и умер с ручкой в руках...

Мне искренне было радостно за него: слава Богу, хоть его книга вышла вовремя...

После распада Союза вдруг кто-то удивительно поделит сферы местечкового влияния, доведя до абсурда итоги той войны и уравнивая всех вне зависимости, кто и за какую идею воевал, манипулируя бессовестно тождеством идеологии (один к одному) социализма и фашизма... Я не состою ни в одной из партий, но подсознательно остаюсь коммунистом. После преступного разрушения СССР антинародный режим и его придворные средства пытались уверить нас в том, что у России более нет врагов и нам незачем заниматься укреплением армии. Это подлый обман народа. Огромные средства, в которых нуждается современная армия, легче разложить по карманам толстосумов. Наша территория с её плодородной землёй, энергетическими и природными ресурсами была, есть и будет первоочередным объектом агрессии. Не представляет секрета нынешний вероятный агрессор – блок НАТО, в который входят страны так называемого «золотого миллиарда». Нас опять разводят, как в лохотроне. Организация Варшавского Договора ликвидирована, а НАТО продолжает наступать по всем направлениям, окружая Россию кольцом военных баз, ежегодно растёт военный бюджет США.

В такой ситуации просто грешно не говорить о высоком чувстве патриотизма и строить козни к появлению изданий по пропаганде боевых традиций нашего многонационального народа, когда предприятия

ВПК проданы за бесценок в частные руки, а патриотическое воспитание молодёжи подменяется неприкрытым разглагольствованием о чуждых нам псевдоценностях.

Сегодня надо говорить и об этом!

Первая часть книги вышла и нашла уже своего читателя. С разницей в месяц в октябре-ноябре 2002 года в Тирасполе и в Дудинке прошла презентация «Побратимов Арктики»: представлено новое издание, произошло его первое осмысление. Особенно приятно было услышать слова ведущей презентации в Дудинке, неугомонной работницы окружной библиотеки Маргариты Провоторовой: «Побратимы Арктики» будут востребованы северным читателем, поскольку ещё мало издаётся подобной литературы по истории и краеведению, во-первых, с таким богатым набором невыдуманного, фактического и иллюстративного материала, во-вторых...

В эти же дни в Тирасполе появилась первая рецензия на книгу в республиканской газете «Приднестровье». Вышла она из-под пера уважаемого человека, ветерана Великой Отечественной войны, одного из старейших членов Союза писателей России Бориса Чельшева.

«...Одним из тружеников-журналистов, – писал он, – является Никандр Анатольевич Елагин. Его жизнь – не писательское сидение в кабинетном кресле; вся она из путей-дорог. От деревеньки Стечкино, что в Нижегородской области, через Таймыр, Игарку, Туруханск, Норильск, далёкую Кубу, наш Днестровск и, наконец, Тирасполь, в котором живёт много лет.

юбилей обороны Диксона. На торжества прибыли командир береговой батареи, ныне подполковник Николай Михайлович Корняков, бывший начальник штаба народного ополчения Диксона, журналист Алексей Васильевич Баранов, бывший командир ледокольного парохода, капитан дальнего плавания «Дежнёв» Александр Семёнович Гидулянов.

Валерий КРАВЕЦ.

«Два часа войны»,
отрывок из книги
«Возвращение на Диксон»,
(Газета «Таймыр»,
28 августа 2002 года).

Бережно храним...

...В 1944-1946 годах мне довелось работать на Диксоне. Глубокий след оставили в моей памяти эти годы. Бережно хранит память образы великолепных людей, с которыми пришлось там работать и встречаться.

Валентин Игнатенко. Высокий, худой, чернобородый, с доброй белозубой улыбкой, не изменяющей ему даже в минуты предельной усталости. Человек высокой моральной чистоты, которого любили на острове все. Руководитель умный, чуткий, заботливый, никогда не принимающий во-

левых, опрометчивых решений, уважавший людей, умевший их слушать. На Диксоне он проработал двадцать два года. Высшим орденом страны отмечен его труд. Горько думать, что так рано ушёл из жизни.

Люда Шрадер... Во время варварского налёта на остров фашистского крейсера «Адмирал Шеер» в августе сорок второго была разбита шестидесятиметровая мачта, и выведена из строя электростанция радицентра. Перестала поступать энергия для питания основных передатчиков, и радисты включили резервные аппараты. И когда были переданы по назначению все служебные радио-

Он был собственным корреспондентом, редактором многих газет, работал на кафедре журналистики Приднестровского госуниверситета, даже начальником «палаточного городка» (не путайте с палатками, какие иногда устраивают у зданий госадминистраций!). У него палатки – при начале строительства Молдавской ГРЭС.

...Два года тому назад Никандр Елагин принёс мне рукопись – «Побратимы Арктики». Она показалась интересной, даже оригинальной. Чем?..

Дело в том, что историю вполне можно «подгонять» под тот или иной общественно-политический строй, что чаще всего и делается. Её можно переписать в угоду кому и чему. Но что бы ни изменяли, ни ломали, ни приспособливали, незывлемыми остаются факты. Правда, их можно шулерски подтасовать. Но не придумать. И тот, кто собирает факты, занимается неподкупным, благородным делом. Он не даёт им пропасть в забвении, стусеваться на задворках истории.

Вот таким «охотником за фактами» и является журналист Никандр Елагин – летописец судеб боевых кораблей Северного морского флота в дни Великой Отечественной войны.

Факты, эпизоды на страницах рукописи – это ещё не книга. И путь от строчек, написанных карандашом, до многотиражной книги, пахнущей свежей типографской краской, – длителен и тернист.

На первой же странице книги, как на мраморной плите, отчеканены строки:

«Побратимы Арктики». Документально – публицистическое, эпистолярно – библиографическое, поисковое повествование». А чуть выше: «Памяти отца, Елагина Анатолия Яковлевича, без вести пропавшего в Великую Отечественную, посвящается...».

Авторское «я» почти на каждой странице. Это – доверительная беседа журналиста с читателем. Она и в описании боёв, и в описании поисков героев-североморцев...

...А перед этим были два добрых напутствия. Ещё при жизни успел написать предисловие к «Побратимам Арктики» контр-адмирал Константин Иванович Стёпин, с которым мы встречались несколько раз. Молодой лейтенантик военных лет вырос до высокого звания в мирные дни, и в последние годы преподавал в военной академии...

Напутствуя в добрый путь книгу, он писал:

«Достоинства «Побратимов Арктики» неоспоримы: искренность повествования, достоверность фактов, открытие неизвестных судеб отдельных североморцев, редкие фотоиллюстрации... Используя богатый библиографический материал, личные встречи и переписку, автор, на мой взгляд, последовал за лучшими публицистами Сергеем Смирновым, Константином Симоновым, Владимиром Рудным, Константином Бадиным, Владимиром Реданским, которым удалось запечатлеть неповторимые образы североморцев...

С этих позиций настоящее издание ожидает признание благодарных ветеранов

граммы, в паузе между разрывами снарядов прозвучал вопрос Люды, обращённый к начальнику смены: «Валентин Игнатьевич, «частник» передавать будем?» («Частник» – личные телеграммы. – Н.С.). Этот будничный вопрос, резко контрастировавший с обстановкой, лучше всего свидетельствовал о мужестве радистки и её товарищей, о готовности их выполнить свой долг при любых обстоятельствах! Наверное, такой же спокойной и уверенной в себе была Люда и в Уэлене, на берегу Чукотского моря, в 1934 году, когда держала великой ответственности радиосвязь с челюскинцами,

находящимися на дрейфующих льдах...

...Мне рассказали (я был в командировке), как пришёл на Диксон День Победы. Светившиеся счастьем люди собрались в неизменной кают-компании. Подняли бокалы с разведённым вишнёвым экстрактом – ничего более подходящего случаю не было. Обнялись – поздравили друг друга с Великим Праздником и разошлись – вахта на скалистом острове в Карском море продолжалась...

Николай СТРОМИЛОВ.

Из книги «Впервые над полюсом».

Ленинград. Гидрометеиздат, 1986, стр. 113-114.

«Наша Людочка»

...Особую роль в борьбе за спасение челюскинцев играло радио, регулярная связь с Большой землей. Главным действующим лицом, если не считать челюскинских радистов, была юная радистка полярной станции «Уэлен» Людмила Шрадер, «наша Людочка», как ласково называли её на льдине. Эрнст Кренкель сказал о ней так: «Она была воплощением всей красоты радио!» Людмила Шрадер являлась к тому же и воплощением самоотверженности. Её напарник-радист в то время тяжело болел, и в течение

войны – защитников и побратимов Арктики, всех, кого любим мы, и кто нас помнит на общее наше мученье и наше общее счастье».

Так уж получилось, что одной из первых читательниц этой книги стала жена Стёпина – Злата Юлоновна. Живёт она по-прежнему в Москве и встречает меня каждый раз, как самого дорогого гостя. Она помогала мне советами, любезно предоставила архивы мужа. Пролистав сначала бегло «Побратимов Арктики», Злата Юлоновна прижала обеими руками книгу к груди и сказала: «Вы даже не представляете, какой вы нам всем – дежнёвцам, сибиряковцам, жителям Диксона, их близким и родным – подарок сделали!»

И Злата Юлоновна снова принялась вспоминать те далёкие и суровые годы: «После 1943 года, если вы знаете, на Диксоне создавалась Карская база. Сюда Костю и перевели служить. Жить негде было. Нам дали то ли туалет, то ли сараюшку какую-то. В этом убогом строении на вечной мерзлоте мы и устроили себе жильё. Зимой его задувало снегом вместе с крышей. Трактора ездили, кажется, над самой головой... А в Ленинграде, когда Костя учился в академии, мы снимали комнатку возле Адмиралтейства, в самом центре города. Комната большая, а крысы, кажется, были ещё больше... Я всё время панически боялась, как бы они не съели моего маленького сына Костеньку... Но ничего выжили, выдюжили и всё победили!..»

Открыл эту книгу своим предисловием-напутствием председатель Думы Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа Виктор Владимирович Ситнов:

«...Рассказы, письма, воспоминания, фотографии, документы создают многогранный образ русского моряка, североморца, побратима Арктики. И теперь на каждой странице как будто стоят обелиски: в память о гибели «Сибирякова», судовая роль которого впервые точно называет поименно каждого члена команды этого легендарного ледокольного парохода; в память о погибших и живых членах экипажа «Дежнёва» (СКР-19), экипажей «Кары», «Революционера», «Кооператора», береговой батареи и народного ополчения, – мало кто из них дожил до сегодняшних дней.

Это – священная дань памяти их детей, внуков и правнуков. Для многих из них август 1942 года стал тоже как бы временной точкой отсчёта: что было до него и что стало после... В этом смысле «Побратимы Арктики» – своеобразная книга памяти: ни в одном издании, посвящённых Диксону, до сих пор не упоминалось сразу столько замечательных имён!

Преклоним головы и помолчим. А потом, когда вы пролистнёте последнюю прочитанную страницу, подумаем вместе, во имя чего и кого вершился этот подвиг. И быстротечное время воссоединит в наших благодарных душах прошлое, настоящее и будущее».

Виктор Владимирович Ситнов благословил это издание не только словом, но и делом. Он первый из многих, кому адресовались просьбы о спонсорской помощи в издании «Побратимов Арктики», откликнулся и оперативно решил все вопросы финанси-

нескольких месяцев она в одиночку несла круглосуточную радиовахту, оставаясь единственным связующим звеном между «Челюскиным» (а потом ледовым лагерем) и материком.

Нужно ли тратить слова, чтобы уяснить, сколько нервов и сил требовала надёжная радиосвязь? Но как бы «за кадром» оставалось другое: уже после завершения эпопеи челюскинцы с волнением узнали о том, что «их Людочка» все эти месяцы страдала от непрекращающихся приступов аппендицита, порой теряя сознание от боли. Тамошний врач Фавст Леонидович Леонтьев (после вывоза челюскинцев на берег он помог очень многим из них,

сделав, в частности, несколько сложных операций) настаивал на хирургическом вмешательстве. Однако мужественная радистка наотрез отказалась оставить свой пост и согласилась на операцию только тогда, когда незнакомые, но ставшие ей такими близкими люди оказались в безопасности. Правительство наградило Людмилу Шрадер в числе наиболее отличившихся участников тех событий орденом Трудового Красного Знамени.

Зиновий КАНЕВСКИЙ.

Из книги «Зачем человеку льды?».

Москва, Издательство политической литературы, 1989, стр. 74-75.

Достоинство капитана

...Вторично старпомом я оказался в 1949 году у Качаравы на «Леваневском». Об Анатолии Алексеевиче я уже упоминал, фигура эта была очень, очень примечательная, мы с ним встречались и прежде, но не на мостике, а в дружеских компаниях. Моряк он был хороший, любил порядок, чтит морские традиции, имел авторитет у начальства, был избалован вниманием прекрасного пола. Но, к сожалению, бывал груб, невыдержан, деспотичен, не

рования книги к 60-летию обороны Диксона. И тут он ещё раз проявил себя не только как государственный человек, уловивший «момент истины». Он действовал как народный депутат, избранный в Таймырскую Думу по Диксонскому избирательному округу. Здесь проявился и характер моряка-североморца, который помнит и чтит славную историю флота.

Вскоре я узнал, что таймырцы избрали его депутатом в Государственную Думу Российской Федерации. В конце концов, мы сошлись с ним как земляки, открыв для себя ещё одного нижегородца, после Николая Ивановича Крюкова. Во время событий под Диксоном он – рядовой матрос на «Дежнёве», после войны – заслуженный художник России. И оставался до последних дней своей жизни настоящим побратимом Арктики...

Честно говорю: не привык я расшаркиваться перед чинами. Но низко склоняю голову перед Виктором Ситновым в знак глубочайшего уважения и благодарности от себя лично и от имени ветеранов войны, их родных и близких. Я же дал им негласный зарок: «Не умру, пока «Побратимы Арктики» не увидят свет!» Всё вышло благополучно: и книга вышла, и я ещё живу! Может, успею сделать второе дополненное, исправленное издание и его продолжение.

Потом было первое короткое и взволнованное письмо из Архангельска, с улицы 40-летия Великой Победы:

«Никандр Анатольевич, здравствуйте! Пишет Вам жена Валентина Алфёрова, так как его с нами нет уже семь лет. Очень жаль, что он не увидел Вашу книгу.»

Большое Вам спасибо и низкий поклон от всех нас – Алфёровых. Книгу нам выслали из Дудинки – Дума... С остальными сибиряковцами сейчас не общаемся, была Алла Павловна, но давно. Книга замечательная. Ещё раз Вам большое спасибо. Письмо Ваше получили. Валентин был бы рад всей информации, Вашему письму и особенно книге. До свидания. С уважением Любовь Ивановна».

Любовь Ивановна сказала правду: по просьбе окружной Думы я сообщил около 60 адресов, по которым раньше встречался или вёл переписку с дежнёвцами и сибиряковцами, и кто помогал мне в поисковой работе. По всем адресам были разосланы книги. Эту миссию взяла на себя помощник председателя Думы по связям со средствами массовой информации Лариса Хороших. Она же и сообщила мне радостную весть: «Побратимы Арктики» выдвинуты на соискание таймырской литературной премии имени Огдо Аксеновой за 2002-2003 г.г. Но потом по каким-то причинам она «выпала» из конкурсного течения, не уложившись в прокрустово ложе условий этого конкурса – и не стихи, и не художественное произведение, которые можно «сообразить», не выходя из дома, и дважды наступить на одни и те же грабли... В документалистике это непростительно. Но как я радовался каждой находке, как, скажем, вот этому эпизоду из жизни «Дежнёва». Его рассказал красноярский литератор Леонид Щипко в своей книге «Арктический фронт»:

«Крепкой дружбой были связаны с начала войны военные моряки с труженниками

Май 1985 года. 40 лет Великой Победы. В Диксон высадился самый большой десант защитников арктического посёлка

торгового флота, полярниками. С первого дня североморцы взяли под свою защиту берега Сибири, а полярники помогали им преодолевать и климатические, и хозяйственные трудности. Северный отряд ещё в 1941 году выводил морские транспорты через льды и туманы из Карского в Баренцево море. Не была исключением и последняя военная навигация 1944 года... С переходом военных на Диксон им оказывали содействие портовики, гидрографы, авиаторы. Все понимали: в дружбе, братстве немалый залог к победе над врагом. В конце навигации североморцы взяли на себя выполнение одного из труднейших и сложных заданий – снабжение углём, продуктами питания полярных станций. И это помимо обеспечения всем необходимым войсковых подразделений, береговых батарей.

Первым к выполнению этого задания приступил «Дежнёв» под охраной двух кораблей. Командование и руководство всей операцией было возложено на капитана III ранга Николая Вениаминовича Попова. Свою службу на флоте Попов начал в 1881 году на Чёрном море, затем был переведён в Москву. С 1925 года до нападения фашистской Германии на Советский Союз Попов – солист театра имени Станиславского. С первых же дней войны – на Северном флоте.

«Дежнёв» взял в свои трюмы пятьсот тонн угля для полярников, четыреста двадцать три тонны продовольствия, одежду и прочие грузы. На рассвете 26 сентября взял курс на восток.

В конце того же дня на своём пути обна-

ружили подводную лодку, обстреляли её, сбросили глубинные бомбы... Лодка больше не появлялась. Конвой вошёл в густой туман...

На другой день появились льды. Усилился ветер. Море было посечено белыми линиями пены, а сверху его закрывал рыхлый туман. Но всё бы ничего, да появились крепкие, многолетние льды. Их принесло ветром из центральных районов Арктики.

«Дежнёв» маневрирует, стараясь найти трещину, место, где льдины послабее. И на рассвете 28 сентября выходит на чистую воду. На юге в тумане прячется берег. Там Усть-Таймырская полярная станция.

До бухты оставалось около семи миль, но подходить ближе пароходу опасно из-за мелководья. Спустили на воду катер и баркасы, началась на них погрузка.

Усилился ветер, развело большую волну, пошёл густой снег. Катер и баркасы ушли к берегу, но вскоре они появились из тумана. У катера отказал мотор, и судёнышко несло ветром в море. Пришлось его спасать.

Одного баркаса не было. Оказывается, у самого берега его вынесло на отмель и едва не опрокинуло.

В конце дня ветер утих, перестал идти снег. Суда под командованием офицеров Назарьева и Лебедева вновь пошли к берегу и на сей раз благополучно достигли его. Но затем налетел туман, и снова всё закрыло вокруг. В таких условиях продолжалась разгрузка.

стеснялся подмять под себя тех, кто послабей.

Работа у нас, по меркам сегодняшнего дня, была очень тяжёлой. Мы снабжали полярные станции Западного сектора Арктики. В среднем доставляли на каждую станцию по сто тридцать тонн груза. Из трюма его надо было выгрузить на кунгасы, доставить на берег и в плечевую вынести поближе к станции, чтобы, не дай Бог, не смыло штормом. Бочки с ГСМ катали. Условия все ещё были послевоенными, всего не хватало. Тёплой одежды – ватные брюки и куртки – было всего

двенадцать комплектов. Сушить её было некогда. Отработав на берегу двенадцать часов, люди возвращались на судно. Новая смена переодевалась в промокшую одежду прибывших и ехала работать на берег. И так смена за сменой, двенадцать через двенадцать. Платили смехотворно мало. Но команда не сетовала, принимала это как должное и работала великолепно. Случались у нас и пассажиры-зимовщики, которые на нашем пароходе добирались до своих полярных станций или возвращались с них на Большую землю. К островам мы добирались

через битый дрейфующий лёд самостоятельно, без ледоколов, и здесь требовалось и умение, и осторожность.

Зимой и весной трудились на зверобойном промысле в Белом и Баренцевом морях, били гринландского тюленя. «На зимней зверобойке добывали бельков и самок, на весенней – самцов, отдохавших после свадебных обрядов. Осенью ходили на Шпицберген, к нашим угольным рудникам. Загранрейсов не было, только каботаж. Мы были в определённой степени чернорабочими торгового флота, и само определение «торговый» к нам

На «Дежнёве» капитан Гидулянов приказал включить прожектора, давать гудки. Благодаря этому баркасы не заблудились, благополучно вернулись к пароходу.

После Усть-Таймырской полярной станции «Дежнёв» прошёл к мысу Челюскина. Здесь пришлось работать в ещё более тяжёлых условиях. Но матросы мужественно преодолевают натиск суровой природы, зная, что от быстроты и слаженности их действий зависит своевременность доставки грузов на другие точки. Через четыре дня дежнёвцы подошли к острову Русскому, в намеченные сроки разгрузились и в остальных пунктах.

17 октября «Дежнёв» возвратился на Диксон. В своём рапорте об этом переходе капитан III ранга Попов писал: «Выгрузка производилась почти исключительно силами личного состава, «СКР-19» в крайне тяжёлых условиях начинающейся арктической зимы, ледообразования, непрерывных штормовых погод и при ограниченных плавсредствах для выгрузки. Неоднократно личный состав работал в воде, не считаясь с усталостью».

За образцовое выполнение заданий по снабжению полярных станций и береговых батарей всем участникам операции была объявлена благодарность начальника штаба Беломорской военной флотилии. Кроме рейсов на восток под командованием Попова и к Новой Земле под командованием капитана II ранга Мардарьева, боевые корабли Карской военно-морской базы ходили на острова Уединения, Белый, посёлок Усть-Кара. В итоге было

перевезено более полутора тысяч тонн грузов и произведена на зимовках замена полярников».

«Побратимы Арктики» всё-таки есть! Их продолжение следует... Об этом я могу сказать уже без всякого сомнения после письма, пришедшего из Москвы, от жены Гургена Тонунца – Валентины Ивановны Кобзевой:

«Уважаемый Никандр Анатольевич!

Очень признательна Вам за такую дорогую для меня книгу – «Побратимы Арктики».

Прочитала очень внимательно, некоторые страницы перечитывала. Гурген Тонунц рассказывал, да и мама его Нина Агеевна... Есть у нас фотографии – из училища Мурманского, и из госпиталя... Мама мне рассказывала, как она выхлопотала перевод Гургена из Диксонской больницы в Москву, к Бурденко, где его долго лечили. И потом он снова ушёл на фронт.*

Мы познакомились во ВГИКе, в 1947 году, он поступил на режиссёрский факультет к Кулешову. Я же училась на третьем курсе актёрского факультета у народного артиста СССР В.В.Ванина. 7 октября мы познакомились, а 28 января 1948 года поженились.

Прожили почти 50 лет. Сыну нашему 49 сейчас. У него своя семья. Будете в Москве,

* Николай Нилович Бурденко (1876-1946), один из основоположников нейрохирургии в СССР, создал в Москве научно-исследовательский институт нейрохирургии, который носит его имя. О нём тепло написал известный советский журналист Евгений Кригер в очерке «Николай Бурденко» («Дорога к людям». Москва. «Советский писатель», 1981, стр. 19-29).

как бы не относилось. В то время морякам полагалось только два выходных дня в месяц. Объясняя: чуть ли не в конце двадцатых годов из четырёх месячных дней отдыха моряки жертвовали в пользу МОПРа два дня.

Да так это и осталось на несколько десятилетий. Морское начальство делало вид, что такой порядок закреплён законодательно. Отпуска были чуть короче теперешних. Но, несмотря на тяжёлую работу, мизерную оплату, изнурительные рейсы в штормах и льдах, без захода в порты, команда на судне держалась, никто не стре-

мился уйти. Работа старшего помощника на таком «чернорабочем» судне пароходства, была, конечно, не сахар. Но – старались, делали всё, что было в наших силах и для поддержания порядка, и морально – человеческого – климата.

Здесь уместно вспомнить слова С.О. Макарова: «Дело командира составить имя своему кораблю и заставить команду полюбить своё судно». «Леваневский» в этом смысле мог бы служить живым примером. Команда любила судно, а заслуга в этом, безусловно, принадлежала, прежде всего, Анатолию Алексеевичу Качара-

ве. При нашей работе от всех требовалось гораздо больше, чем простая исполнительность. Нужна была одержимость и полная отдача своей морской службе. Работа захватывала и отнимала всё время. Отдыхать в арктических рейсах почти не приходилось.

Скоро мы поняли с капитаном, что вполне подходим для совместной работы. И мы научились это ценить. Взаимно. Не было ни единого случая, чтобы Анатолий Алексеевич просто повысил бы на меня голос. А уж чтобы меня подмять, по-капитански, – об этом не могло быть и речи. Постепенно

звоните, может, подъедете... Буду очень рада, если что-нибудь Вам пригодится из того, что у нас есть о Гургене.

С глубоким уважением Анна Ив. Кобзева».

В ноябре 2002 года я был проездом в Москве по пути в Дудинку на презентацию книги, и наша кратковременная встреча состоялась. Любовь Ивановна с глубочайшим уважением вспоминала о Гургене Тонунце, человеке и актёре, вспомнила и о том, как она помогла ему перебраться в Кустанайский театр... Мы договорились, что в следующий раз вместе посмотрим их «архивы», семейный альбом и предадимся воспоминаниям...

За это время я много нового узнал о семье моряков-архангелогородцев Гудиных. Вот один из фрагментов очерка С.Согриной «Капитан Сергей Васильевич Гудин», который приоткрывает нам значимость этой морской фигуры:

«...Действительно, Сергей Васильевич был влюблён в море, в природу Арктики, о которой он писал: «Кругом ледяная пустыня, мудрая, безмолвная. Свист обжигающего ветра, мощный гул, треск льда. Что-то таинственное и в то же время величественное, поражающее своей красотой... Что-то манящее для человека с твёрдой волей и в то же время предостерегающее: попробуй осмелюсь узнать тайну, красоту мою...»

Во время проведения спасательных экспедиций из ледового лагеря С.В. Гудин вылетел со льдины в Ванкарем 12 апреля 1934 г. с лётчиком Каманиным, а оттуда в Уэлен – с лётчиком Молоковым. Из Уэлена до залива Святого Лаврентия шли на собачьих упряжках. Затем на самолёте Доронина летели в

бухту Провидения. На весь путь, начинавшийся от Ванкарема до бухты Провидения, ушёл месяц. Пароход «Смоленск» доставил членов экипажа во Владивосток, откуда они были отправлены на экспрессе в Москву.

Сохранились пропуска для входа на Красную площадь в день встречи челюскинцев, пригласительные билеты в Кремль и на другие праздничные мероприятия, посвящённые этому событию.

27 июня 1934 года участники экспедиции – архангелогородцы прибыли в Архангельск. За участие в «челюскинской эпопее» Сергей Васильевич был награждён орденом Красной Звезды. В 1934 году правительство подписало постановление о сооружении в Москве монумента, посвящённого походу «Челюскина», но оно так и не было исполнено...

С января 1935 года Гудин переходит на береговую должность, он становится капитаном-лоцмейстером Гидрографического отдела Севморпути в Архангельске. На гидрографическом судне «Лоцмейстерский» он участвует в экспедиции на Новую Землю, в результате которой описывается юго-восточная часть архипелага. В 1936 году его назначают старшим помощником капитана ледокола «Ф. Литке». В 1937 году за успешную ледовую проводку военных кораблей с запада на восток С. В. Гудин награждается орденом «Знак Почета» под № 5334.

В 1937 году в Арктике создаётся тяжёлая ледовая обстановка. На зимовку у Новосибирских островов остаются ледокольные пароходы «Малыгин», «Садко», «Георгий Седов». Среди моряков эту зимовку называли «Три богатыря». Ледокол «Ф.Литке»,

ко мне перешли все кадровые, хозяйственные и организационные функции. У капитана остались чисто капитанские и «дипломатические». На первых порах возникали недоразумения с боцманом. Кстати, подобное случается и на других судах. Боцман был отличный, хотя и несколько «дерзкий на руку». Он не признавал старших помощников и демонстрировал свою личную преданность капитану, возникая в каюте, если не был согласен с решением старпома. И это удалось быстро уладить, отучить боцмана от излишне верноподданнической манеры.

Качараву любил совершать традиционные обходы судна. В особенности, если среди пассажиров встречались хорошенькие.

Обход был почти церемониальным: впереди шёл капитан, в мерцании позументов, за ним старпом и замыкал шествие боцман. Хорошая практика: если старпом и боцман не любят получать замечания, да ещё прилюдно, они не должны давать и повода для таких замечаний... И тогда порядок на пароходе поддерживается как бы сам собой, естественным образом.

...Анатолий Алексеевич не раз рассказывал о сражении «А. Сиби-

рякова» с «Адмиралом Шеером», о тяжёлых испытаниях, выпавших на долю пленённых сибиряковцев в немецком лагере. В те годы на «Леваневском» работало несколько человек из тех, кто был вместе с Качаравой в плену. Относились они к капитану с громадным уважением. Меня интересовало, как удалось Качараве сохранить свой престиж и достоинство в лагерных условиях, не утратить власть и авторитет капитана. Он сам объяснял это так:

– В лагере я никогда не нарушал элементарных правил хорошего тона, не жаловался, не ныл,

который проводил шесть судов с востока на запад, застревает во льдах на подходе к проливу Вилькицкого. Зимовка получила название «Семеро смелых». Попытка ледокола «Ермак» вывести пароходы не увенчалась успехом. Тогда принимается решение о переходе людей по льду. После трёхдневной подготовки группа из двухсот человек под руководством старшего помощника капитана С.В.Гудина совершила удачный переход на ледокол «Ермак», который затем взял курс на Мурманск.

В 1939 году Гудин становится старшим ледовым лоцманом. В сентябре этого же года он, в качестве ледового капитана, получает спецзадание по проводке землечерпательного каравана из порта Диксон. Караван состоял из земснаряда, трёх шаланд для отвоза грунта и буксира для завоза якорей (всего 5 судов) и принадлежал Главному управлению лагерей НКВД. В радиотелеграмме И.Д.Папанина от 26 июля 1939 года написано: «Связи особой важностью довести землечерпательные снаряды текущей навигацией до Провидения. На все суда назначить опытных ледовых капитанов, среди которых капитан Гудин. Вполне уверен товарищ Гудин, имеющий многолетний опыт плавания во льдах, полностью обеспечит выполнение государственного особо важного задания».

В середине июня 1941 года Гудин прибывает на ледокол «Ф.Литке». Судно в это время находилось на северном рейде Мурманска, готовое выйти в Арктику, но 22 июня война нарушила эти планы. Гидроотдел СМП назначает Сергея Васильевича капитаном гидрографического судна «Папанин», которое

в навигацию 1941 года обслуживало район от пролива Карские ворота до пролива Югорский Шар.

В марте 1942 года Гудин приказом по ГУ СМП назначен капитаном ледокола «Монткальм», одновременно, как и все капитаны ледоколов, он призывается на военноморскую службу в звании старшего лейтенанта. Но долгожданный канадский ледокол «Монткальм» приходит в Мурманск только в конце 1943 года.

19 апреля 1942 года старший лейтенант Гудин назначен командиром СКР-18 (ледокол «Ф. Литке»). Назначение это не было случайным. Сергей Васильевич в довоенное время работал на нём и знал все его сильные и слабые стороны. СКР-18 участвует в проводке судов через льды Белого моря. Кроме того, ледокол являлся штабным кораблём Северного отряда Беломорской военной флотилии.

Весной 1943 года союзники прекратили отправку конвоев через Атлантику до осени, мотивируя это тем, что в условиях полярного дня плавание опасно. Основная нагрузка по приёму грузов из США легла на порты Дальнего Востока. Для проводки транспортов по Северному морскому пути требовались опытные военные лоцманы, в числе которых был старший ледовый лоцман С.В.Гудин. В мае 1943 года его отзывают с СКР-18 и направляют на Дальний Восток в бухту Провидения, где он занимает место ледового лоцмана на головном транспорте «Архангельск». В море Лаптевых у пролива Вилькицкого собрали караван из 4 судов (конвой ВА-18).

не показывал, что голоден, устал, что мне плохо и тяжело. Какой бы гадкой не была пища, в какой бы гнусной посуде не подавалась — я ел аккуратно, не торопясь, как будто в кают-компании. Очень важно, как ты носишь свою одежду. Не секрет — что на некоторых и рваные обноски выглядят аристократичнее, чем на других хороший костюм. Я всегда защищал наших ребят от лагерного произвола и издевательств. Не давал им упасть духом и опуститься. Даже в лагере у нас не было нарушений субординации. Мы оставались корабельным экипажем, тем же сплочённым

коллективом, но не на палубе, а в плену. Наши люди выгодно отличались от прочих и внешним видом и поведением. На рожон мы не лезли, но не позволяли и не давали повода себя унижать. Лагерь — место не обычное и не простое. Что на воле может считаться мелочью, то в лагере может приобретать совсем необычный вес и значение. Однажды меня вызвали к коменданту лагеря. Немцы уже предвидели своё неминуемое поражение и внезапно заметно подобрали. Прихожу. Встречает меня жена коменданта и говорит: «Капитан, я сегодня именинница,

напекла много вкусного и кое-что осталось. Хочу передать угощение вашим морякам». Я поблагодарил её, поздравил и сказал: «Спасибо, сейчас пришлю матроса». Нести самому — не по чину! И знаете, немцы никогда не забывали, кто в нашем экипаже капитан.

Да уж, надо отдать должное — Анатолий Алексеевич умел вести себя подобающим образом (капитан!) в любой обстановке. Мы с ним вели доверительные беседы, посещали рестораны, бывали вместе в гостях. Но при этом никогда, ни в каком виде не возникало панибратство: всегда на «вы» и по

30 сентября 1943 года в Карском море вблизи острова Русский от попадания торпеды немецкой подводной лодки пароход «Архангельск» затонул. Погибло 15 человек экипажа, среди них и ледовый лоцман Сергей Васильевич Гудин. В последний момент он бросился в каюту за документами и остался там... Он погиб на боевом посту, но выполнил свою задачу, вывел конвой на чистую воду.

Сергей Васильевич Гудин принадлежал к плеяде известных полярных капитанов, которые родились на северной земле. За свои 49 лет жизни он успел сделать очень многое – участвовал в известных экспедициях, которые сыграли важную роль в изучении и освоении Арктики. Имя прославленного капитана было увековечено в 1978 году: среди судов Мурманского морского пароходства появился теплоход «Капитан Гудин».

Вот почему особенно порадовало меня письмо от Юрия Сергеевича Гудина, пожалуй, единственного здравствующего тогда дежнёвца, юнги, как он любил называть себя. Он действительно на СКР-19 был самым юным моряком. С присущей ему пунктуальностью он описал подробно встречи североморцев в последние годы. Особое значение он придавал встрече участников первого союзного конвоя, полувековой юбилей которого отмечался в августе 1991 года на государственном уровне. Были приглашены американские и английские ветераны конвоев. Но события «жаркого» лета 1991 года внесли некоторую сумятицу в подготовку и проведение мероприятий, связанных с этим знаменательными юбилеем...

Правда, вспоминает Юрий Сергеевич, начальник Северного морского пароходства (СМП) принимает смелое решение и говорит: «Юра, бери яхту и иди в Англию». Восемь яхтсменов (в их составе Юрий Сергеевич с сыном) на яхте «Архангельск» (название судна неизменно сопровождает на протяжении многих лет семью Гудиных!) идут в порт Уитби. В королевском яхт-клубе проходит встреча с тридцатью ветеранами конвоев при переполненном зале. Юрий Сергеевич возвращается домой на одном из судов СМП, а яхта под командованием сына заходит в порт Эдинбург, берёт на свой борт прилетевшего сюда американца и успевает к празднику в Архангельск. Корвет с группой американских ветеранов возвращается домой в связи с событиями в Москве. Но английские ветераны оказались смелее, пришли в Архангельск на своём корвете и приняли самое активное участие во всех праздничных мероприятиях...

Далее Гудин с сожалением вспоминает, что по состоянию здоровья не смог участвовать в праздновании 60-летия обороны Диксона в 2002 году, хотя официальное приглашение получил. Несколько раз уже увозила его неотложка в больницу, и он опасается, дотянет ли ещё пять месяцев, оставшихся до своих 80 лет! Будем надеяться, что дотянул...

Как человек обязательный, секретарь ветеранской организации, Юрий Сергеевич сообщил, что за последние три года ушли ещё восемь дежнёвцев. От многих уже нет весточек. Из его списка я узнаю, во всяком случае, ещё три новых дежнёвских адреса – бывшего кочегара А.А. Зубарева, комендора

имени-отчеству. Качарава для меня в любой обстановке оставался капитаном. Он ко мне относился не только как к старшему помощнику, но – я это чувствовал – и как к коллеге, временно, волею судьбы, вынужденному находиться у него в подчинении.

Для сохранения нравственного равновесия между капитаном и старпомом важны многие условия, всего не перечислить. Просто нужно быть всегда в этом смысле внимательным и вдумчивым, всегда немного настороже, чтобы не допустить непростительного промаха. Подменяя Качараву на время

отпусков, я никогда не занимал его каюту. Никогда не позволял себе заочно критиковать капитана или иронизировать в его адрес. Никогда ничего не менял в порядках, заведённых на судне штатным капитаном, ни в случаях с Качаравой, ни тогда, когда подменять приходилось других капитанов.

Согласно Уставу, старпом, при наличии четвёртого помощника, несёт лишь одну – ночную – вахту. Я всегда, и не только на «Леваневском» нёс обе ходовые вахты. Это надёжней и облегчает работу капитана. Помнится случай на ледоколе «Капитан Белоусов», когда

молодой старший помощник отказался нести вторую вахту, ссылаясь на Устав. Этим он вынудил капитана, а им был всеми уважаемый Константин Константинович Вызов, находиться на мостике чуть ли не по восемнадцать часов в сутки. И это с большими ногами!

Качараву я помнил всегда, наши пути и впоследствии не раз сходились. Он стал первым начальником Грузинского пароходства. Скончался он в начале 80-х годов после мучительной болезни. Для меня Анатолий Алексеевич остался сильной непотворимой личностью, – что бы ни

М.Е. Пашева, машиниста Б.Д. Фёдорова. По известным адресам написал письма в надежде, а вдруг кто-то откликнется... Прошло достаточно времени, ответа не последовала. Эх, чуть бы пораньше...

В конце своего письма Юрий Сергеевич познакомил меня ещё с одним интересным человеком Камиллой Кузнецовой, секретарём Санкт-Петербургской региональной общественной организации «Полярный конвой», объединившей бывших участников северных конвоев. Скоро от неё пришло письмо, в котором она популярно объяснила, почему верой и правдой служит флоту. Её отец ещё в 1925 году окончил военно-морское училище имени Фрунзе (ныне – Морской корпус Петра Великого). Прошёл всю войну на Северном и Балтийском флотах...

Пути господни неисповедимы... К знакомству с Камиллой Эдуардовной, оказывается, я шёл и другим путём. В Тирасполе отдыхал наш хороший знакомый, ветеран войны, североморец Виктор Иванович Гагарин, сейчас он живёт в Санкт-Петербурге. Естественно, я подарил ему свою книгу, и в разговоре с ним узнал, что среди моих героев – много общих знакомых. Особенно он тепло вспоминал А.А. Назарьева, с которым был лично знаком. Тогда я и попросил Виктора Ивановича передать по экземпляру «Побратимов Арктики» семье рулевого «Дежнёва» Ивана Григорьевича Шнейдера (я знал, что его уже нет в живых) и главстаршине радистов «Сибирякова» Михаилу Фёдоровичу Сараеву, если, конечно, он жив... Как дальше развивались события, я узнал из письма К.Э. Кузнецовой:

Георгий Кононович

шептали его недруги о причудах и странностях «Черкеса», как все называли его заглазно. Прекрасно мне работалось и под началом таких замечательных капитанов, какими были Михаил Яковлевич Сорокин, Герман Васильевич Дранидын, Дмитрий Николаевич Чухчин. То были истинные рыцари моря, люди без страха и сомнения, сильные духом и благородные сердцем. Их имена достойно носят большие современные корабли.

Георгий КОНОНОВИЧ.

«Законы моря». Мурманск. 1996 г., стр. 77-81.

Охота «волчьей стаи»

– Как складывались ваши взаимоотношения с пилотами?

– Я провёл в небе Арктики около 24 тысяч часов, летал более чем с 600 лётчиками. Все они были на редкость выдержанные, дружелюбные люди. Вот хотя бы Водопьянов, Черевичный, Мазурук, Титлов, Сыровкашин, Махоткин...

– А кто из них самый любимый?

– Иван Иванович Черевичный, ныне уже покойный. Его за смелость звали «казаком». Потому и

стенгазета экипажа называлась «Запорожская сеча». С Черевичным мы в 1940 году впервые летали в район относительной недоступности. Во время войны вели ледовую разведку в арктических морях и поиск вражеских подводных лодок.

– А с фашистским рейдером «Адмирал Шеер» не пришлось встретиться?

– Не пришлось. Когда «Шеер» потопил «Сибирякова», обстрелял Диксон, мы были в Мурманске, осуществляли проводку транспортных конвоев союзников. Фашистскому линкору нужны были ледовые коды

«Уважаемый Никандр Анатольевич!
С запозданием (в силу обстоятельств) пишу Вам эти строки, которые (если письмо дойдёт до Вас) доставят Вам, несомненно, большую радость. Спешу сообщить, что В.И. Гагарин вышел сначала на семью Ивана Григорьевича Шнейдера, да именно так, – вот уже 6 лет, как его нет с нами. Дочь его – Татьяна дала Виктору Ивановичу мой телефон, сказав, что я могу найти Сараева Михаила Фёдоровича. Сначала у меня состоялось знакомство с В.И. по телефону, а затем я передала Михаилу Фёдоровичу Вашу (чудную!!!) книгу, оставленную у Татьяны... Как видите из записки Михаила Фёдоровича (идея, конечно, моя), он ваш подарок получил и сделал Вам ответный...

Теперь о нём – чувствует себя он очень плохо: годы, раны и прожитая жизнь (включая последние годы беспредела – он пострадал от бандитов в собственном подьезде) берут своё. Живут втроём: он, жена и его больная сестра; ухаживает, – помогая во всем! – их дочь. У нас с ним (и всей семьёй) очень хорошие отношения, и я, как могу, стараюсь, чтобы о них, об их подвигах во имя Родины и нас, помнили и знали не только в нашем городе. (В подтверждение в конверт она вложила ксерокопию свежей публикации «Подвиг полярного «Варяга» из газеты «Невское время», – Н.Е.).

О Шнейдере – особый разговор. Для меня он не просто историческая личность. Он был близким другом. И я благодарна судьбе за это. В память о нём я сделала

Нато Вачнадзе

интереснейший альбом (где, кстати, есть знакомые и Вам материалы из газеты «Советский Таймыр», им мне подаренные), даже получила некоторые предложения относительно альбома, но... Это мой альбом, могу его только показать достойным (Вас полагаю в их числе). Здесь фото

и карты – на Диксоне он их не взял, получил отпор.

За картами ледовой обстановки и кодами охотились и немецкие подводные лодки, из подразделения «Волчья стая» адмирала Риделя – они разгромили несколько наших полярных станций. Возле одной из них – на мысе Стерлегова Таймырского полуострова они едва не захватили гидросамолёт Черевичного...

Кстати, на острове Земля Александра ЗФИ действовала во время войны глубоко замаскированная немецкая полярная станция – как раз там, где сейчас наш аркти-

ческий посёлок и аэропорт Нагурский.

Из интервью
красноярского журналиста
Валерия ЯРОСЛАВЦЕВА
с заслуженным штурманом СССР
В.И. Аккуратовым.
«Красноярский пилот»,
22.10.77 г.

Движение русской души

Почему мы побеждали, как в отдельно взятых военных операциях и эпизодах, как скажем, – оборона Диксона, и в Великой

Отечественной войне? Залогом наших побед, явились, прежде всего, советский патриотизм, нерушимая дружба народов СССР и непоколебимое единство армии и народа, фронта и тыла... Во время войны отмечен массовый героизм: более 11 тысяч участников Великой Отечественной войны удостоены звания Героя Советского Союза – в их числе русские, украинцы, белорусы, татары, евреи, представители других национальностей и народов.

Встречное движение советского фронта и советского тыла я бы назвал движением души, которое

последних лет, и самое последнее – от 25 декабря... Одним словом, приезжайте в Питер! Услышите и голос И.Г. и стихи его (все его стихотворное наследие – у меня есть), и чудный видеофильм, где он главный герой («300-летию Флота России посвящается...»). И мой рассказ и фото о собственных встречах, не только с ним, но и его друзьями – с Гудиным Юрием Сергеевичем и Кунниковым Рудольфом Александровичем (он умер в Архангельске 30 августа 2002 года)...

Кстати, на с.92 и с.94 ошибки в известных именах: капитан «Товарища» Ванденко, а адмирал флота Кузнецов Ник. Герасимович (мой отец учился и служил на «Красном Кавказе» вместе с Н.Гер., знаком с ним и мама.)

В общем, вы поняли, надеюсь, какой увлечённый человек – «больной» Флотом и Севером – Вам пишет и благодарит за книгу (Михаил Фёдорович разрешил мне сначала прочесть, потом принести ему). И прошу Вас – по возможности! – один экземпляр для меня «достать» («За ценой не постоим...»).

С уважением и надеждой Камилла Эдуардовна Кузнецова».

Сами понимаете, что на этом наша связь не прекратилась. Напротив, меня заинтересовала работа Камиллы Эдуардовны в «Полярном конвое», поскольку к этому времени я уже работал над рукописью о союзных конвоях. Мне было приятно это общение ещё и потому, что мне судьба подарила ещё одного преданного друга моих дорогих дежнёвцев-североморцев, и в первую очередь – Ивана

Григорьевича Шнейдера. Я слышал от него много шуток-прибауток и теперь уверен, что он в полной мере мог разделить крылатую фразу: «Я – человек простой, говорю стихами». Поспудно где-то в душе я понимал: такой человек не мог не писать стихов. Теперь я получил подтверждение. И мне очень захотелось увидеть Ивана Григорьевича в роли поэта. Об этом я попросил в очередном письме Камиллу Эдуардовну.

И добрая душа – Камилла Эдуардовна – откликнулась, прислала мне одну из своих публикаций в «Морской газете», которую в сокращённом виде можно прочитать «В штрихах к коллективному портрету...» вместе со стихами Ивана Григорьевича, которые он, «неизвестный поэт XX века», опять-таки со свойственным ему юмором, озаглавил совсем оригинально: «Гномики».

Конечно же, меня сразу заинтересовала одна из приписок в письме от августа 2003 года: «...Привет Вам персональный от моей мамы, Вы очень понравились ей (она видела Ваше фото на четвёртой странице обложки книги), ей 91 с половиной год, и родилась она в Суклее...» Разве могла меня, нынешнего жителя Суклеи, оставить равнодушным эта информация. «Где, почему, когда?» – посыпались сразу мои вопросы. И вскоре получаю ответы на все вопросы.

«Уважаемый Никандр Анатольевич! – писала Камилла Эдуардовна. – Получила Ваше письмо, которое прочитала маме с интересом. Сразу по поводу «родства»: в Суклее, поженившись, родители мамы обосновались с 1900 года, там купили усадьбу, там родились трое девочек – 1906, 1907,

можно продемонстрировать на простейшем примере одного из членов экипажа «Дежнёва» – Степана Александровича Моськина, о котором рассказал Владимир Реданский в своей книге «Арктики рядовой». Мне показалось, что это название очень созвучно с «Побратимами Арктики».

...«Дежнёв» отшвартовался в Северодвинске. Заполняя вахтенный журнал сторожевика, командир штурманской боевой части А.А. Назарьев подсчитал, что с июня по ноябрь 1943 года, то есть до вступления в состав конвоя «АБ-55», корабль прошёл

6232 мили; в составе конвоя – ещё свыше 1500 миль.

Тысячи нитей связывали дежнёвцев в дальних и трудных боевых походах с Большой землёй, с семьями, с родными и близкими.

А когда приходили на базу, их ждали письма, весточки с родных мест.

По возвращении из арктического похода 1943 года большой сюрприз ожидал коммуниста Степана Александровича Моськина.

Корреспондент газеты «Северная вахта» побывал в далёком лесном селе Митино Вытегорского

района Вологодской области, где жил и работал до войны Степан Моськин, передал привет от беломорцев, рассказал о боевых делах моряков и вручил Евдокии Ефимовне Моськиной письмо:

«...С первых дней Отечественной войны Ваш муж плавает на корабле, которым я команду. Не один, а много раз участвовал Степан Моськин в боях с немецко-фашистскими захватчиками и действовал так, как всегда, испокон веков, действовали наши русские моряки.

Степан Моськин за это время стал настоящим воином, смело

1912 годов. Последней была – моя мама. Фамилия моих бабушки и дедушки – Турнштейн (Ольга Петровна и Фёдор Робертович). В 1919 году они продали усадьбу, купленную на паях с родственниками. На вырученные деньги купили небольшую корзину продуктов (!!!) – и всё... И уехали в Николаев, где к тому времени жили все другие родные. В то время никаких улиц в Суклее не было (а, может быть, и не помнит моя мама, тогда девочке было всего семь лет), и фамилий, конечно, никаких не осталось в памяти. Но добрая память о Молдавии и Суклее в ней и сейчас живёт и радуется. Кстати, там – специально! – побывал мой старший сын после службы на Северном Флоте, когда приезжал в гости к другу-молдаванину в 1982–1983 годах. И у всех нас Суклея вызывает добрые эмоции...»

Лишний раз убедился, до чего ж удивительна наша жизнь! Я уже начинаю сомневаться в условных пересечениях параллелей и меридианов матушки Земли. По-моему её в натуре, как ныне говорит молодёжь, пересекают линии наших судеб...

«Побратимами Арктики» заинтересовались в музее Мурманского морского пароходства. Здесь на связь вышла заведующая музеем, секретарь президиума Ассоциации исследователей Арктики Валентина Карепова.

«Уважаемый Никандр Анатольевич! – Писала она. – Спасибо Вам за книгу. Прочитав её, я узнала много интересного о судьбах дежнёвцев и сибиряковцев. Вы проводите огромную работу по сохранению исторической памяти о русских моряках-

участников Великой Отечественной войны. Я посылаю Вам книгу, написанную капитаном Мурманского пароходства Георгием Осиповичем Кононовичем. Она рассказывает о морских традициях и может Вам пригодиться в Вашей благородной работе.

В Ваших «Побратимах» ничего не сказано о машинисте «Дежнёва» Борисе Фёдорове. Он мне кажется был последним дежнёвцем, ушедшим в иной мир. Это произошло в июне 2002 года. Он мне очень интересно рассказывал о том бое. Он был близким другом Майсюка. Из участников тех событий у нас никого не осталось.

Я даю Ваш адрес тем, кто интересуется Вашей книгой. Так что, если кто-то проявит интерес, то он у Вас приобретёт книгу.

Извините, сейчас практика приобретения книг для судов, ушла, к сожалению, в прошлое. Поэтому я буду показывать Вашу книгу всем, кто занимается историей флота и пропагандировать её.

С уважением Валентина Карепова».

Тогда я сразу же написал в Мурманск письмо на имя Бориса Фёдорова в надежде, что кто-то откликнется из родственников. Ответа не последовало. Разве только от него?.. Можно в который раз посетовать на плохую работу почты. Но скорее всего всё-таки потеряно время, и мы, вспыхнув, начинаем осознавать, что многое уже ушло безвозвратно...

Но ещё возможен вот такой «бартерный» обмен: я бандеролью передал для фонда музея свою книгу, а В. Карепова прислала мне

смотрящим опасности в глаза. Он бьёт по врагу хладнокровно и смело.

...Сейчас обстановка не позволяет отпустить Вашего мужа на побывку домой, но близится час нашей победы, когда все мы, разбив врага, встретимся со своими родными.

Рад Вам написать, что такими, как Ваш муж, справедливо гордится экипаж нашего корабля. Пишите ему почаще... Работайте ещё лучше, помня, что Ваш честный труд приближает победу над врагом. А мы, моряки, не подкачаем! Весь Ваш гнев, всю

ненависть к фашистским захватчикам мы вложим в наш удар по фашистскому зверю. Желаю Вам удачи в делах, здоровья Вам и Вашим детям!

Командир корабля капитан-лейтенант А. Гидулянов».

Письмо, адресованное жене фронтовика, передавали из рук в руки. Прочитали его и в райкоме, и в сельсовете, и в соседних деревнях.

В районе хорошо знали и помнили Степана Александровича, два с половиной года назад ушедшего по повестке военкомата в армию.

Был он бригадиром, председателем колхоза, секретарём Кушнозёрского сельсовета, уважаемым в селе человеком.

Теперь на одной из стен в просторной, опрятной горнице Моськиных рядом с другими семейными портретами почётное место заняла фотография моряка в бескозырке с надписью «Северный флот».

Здесь же фотографии родичей краснофлотца: отца и отцовых братьев. Александр Григорьевич Моськин и четыре его брата: Алексей, Михаил, Егор и Николай – дрались с немцами в 1914 году,

сразу две книги – «Законы моря» Георгия Кононовича и «Мурманский арктический сборник» 2002 года. Оба издания, безусловно, представляют живой интерес для «северных» читателей, к которым я отношу себя безраздельно. Но, пожалуй, наиболее значима для меня книга Г. Кононовича, истинного моряка и настоящего северянина, с его бесценным человеческим и капитанским опытом, который стал и моим достоянием. Книга очень близка мне по духу. Буквально с первых строк она покоряет своей откровенностью. Вот, скажем, автор ведёт рассказ о крещении корабля – великом таинстве обретения души: доселе мёртвый, неодушевлённый металл при спуске на воду вступает в родную стихию и оживает...

Мне понятен «мотив» автора, негодующего от того, как по чьей-то воле, по чьему-то мелочному расчёту пытаются предать забвению вековые традиции. Как он пишет о первом ледокольном пароходе «Ермак»! Как о человеке: прожил долгую и славную жизнь, совершил много подвигов...

«Его палубы помнили шаги многих великих людей. Моряки его любили, гордились своей службой на ледоколе, бережно хранили традиции, заложенные ещё при Макарове. И многие не смогли сдержать слёз, когда в 14 часов 17 декабря 1964 года полярные сумерки зимнего Мурманска озарились отсветом багрового огненного столба – это жигали постаревшего «Ермака» перед тем, как разрезать его корпус на лом... Господи! О каких морских традициях ещё поворачивается наш язык говорить, когда великая, богатая наша страна, в угоду

копеечному расчёту предаёт огню такое историческое судно! Реликвию флота! Это всё равно, как если бы ботиком Петра Великого растопить печку, чтобы разогреть тарелку супа...»

И ещё эта книга оказалась мне дорога не просто упоминаниями об одном из моих героев – капитане «Сибирякова» Анатолии Алексеевиче Качараве, с которым старшим помощником уже на «Леваневском» ходил по морям и океанам Георгий Кононович. Он вспоминает, как однажды по приказу Качаравы списали на берег ... чёрную кошку, из-за которой, по мнению капитана, произошла целая цепочка несчастий: у второго помощника случился приступ аппендицита и его пришлось оперировать в море; при спуске спасательной шлюпки матрос сломал руку; курсант запнулся о трос и сломал ногу; уронили тяжеловесную стрелу; лопнул перегнивший лопарь шлюпталей спасательного бота; взорвалась пустая бочка из-под бензина, в которую ученик из дурацкого любопытства сунул горящую спичку...

«Как вы, такой опытный моряк, могли допустить на пароходе чёрную кошку! – отчитывал капитан своего помощника. – Ищите любой способ, чтобы завтра её на борту не было. Это приказ».

Утром кошечку отвезли на берег и от имени капитана подарили начальнику полярной станции в бухте Темп. В благодарность тот прислал Качараве бочонок солёного омуля. И Кононович искренне жалел потом, почему на борт взяли всего одну кошечку. Но для себя заметил и другое: до конца рейса с ними ничего не случилось. Качаравы и многие из

братья погибли в боях за Родину, отец Моськина попал в плен, но сумел бежать из Германии. Фотографии старого русского солдата и его сына в красnofлотской форме висят рядом.

Нелегко приходилось односельчанам Степана Моськина: в деревне мужчин почти не осталось, все ушли на фронт. Их место на полях, за плугом заняли женщины, подростки. Даже старейший житель села Ерофей Ефимович Яшев, котолрому без малого сто лет, и тот не сидел сложа руки.

Колхозники послали экипажу «Дежнёва» письмо:

Дежнёвец С.А. Моськин с семьёй после войны

экипажа вслух высказывались за правильность избавления от кошки. Когда людям хочется верить – не стоит им мешать.

Для меня было настоящим откровением, что первой женой Анатолия Качаравы была знаменитая киноактриса Нато Вачнадзе. «Замечательно красивая, романтическая женщина, – пишет Г. Кононович, – Ната снималась ещё в немом кино, в «Разбойнике Арсене», в фильмах «У позорного столба», «Наездник из Уальд-Веста» – теперь мало кто помнит те фильмы. Немножко ближе к нам картины «Последний маскарад» и «Золотистая долина», уже звуковые ленты, в которых Нато запомнилась зрителям. Она была лауреатом Госпремии СССР, награждена четырьмя орденами. Словом, такая жена есть не у каждого капитана. Нато приезжала к нам на пароход из Тбилиси. Вскоре Нато погибла при авиакатастрофе...»

Вот так приоткрылось ещё одно имя, взошедшее до энциклопедической ценности и имеющее прямое отношение к нашему повествованию. Открываю «Советский энциклопедический словарь» и сразу нахожу краткую информацию об этом человеке, чего удостаивается не каждый простой и смертный. А «Кинословарь», к которому я обратился в городской библиотеке, расширил мои знания о Нато Вачнадзе. Кто же она такая, кроме звания жены легендарного командира «А. Сибирякова» Анатолия Качаравы?

Нато Вачнадзе (настоящее имя – Наталья Георгиевна) родилась в Варшаве 3 апреля 1904 года – советская актриса, пленившая сразу две республики: народная артистка Грузинской ССР (1941) и заслуженная ар-

тистка РСФСР (1935). Благодаря превосходным данным, присущим ей женственности и лирическому обаянию Нато Вачнадзе обратила на себя внимание ещё в первых своих ролях – Нино («Разбойник Арсен», 1924) и Нуну («У позорного столба», 1924), – кадр из этого фильма, который мы воспроизводим здесь, нам удалось найти в том же «Кинословаре». К числу лучших достижений Вачнадзе в немом кино относятся романтические образы Эсмы («Три жизни», 1925), Деспинэ («Дело Таризла Мклавадзе», 1925), Незнакомки («Закон и долг» по повелле С.Цвейга «Амок», 1928), Джемы («Овод» по одноимённому роману Э. Войнич, 1928). В звуковом кино значительные роли Вачнадзе – Тамара в фильме «Последний маскарад» (1934), жизнерадостная, непринуждённо весёлая девушка-колхозница Нани в фильме «Золотистая долина» (1937), за что она удостоивается Государственной премии СССР (1941). В 1940-50 годах Вачнадзе сыграла ряд небольших ролей, среди них – роль матери-крестьянки Мано, олицетворяющей народную мудрость и доброту («Колыбель поэта», 1947). Она сыграла более двадцати ролей в разных фильмах. В перерывах между съёмками работала практикантом, ассистентом режиссёра в документальном кино. Погибла в авиационной катастрофе 14 июня 1953 года.

(«Советский энциклопедический словарь». Издательство «Советская энциклопедия», Москва. 1982., стр. 201.

«Кинословарь» в двух томах. Издательство «Советская энциклопедия». Москва. 1966 год, стр. 271).

«Мы гордимся своим односельчанином. В эти дни наша Красная Армия успешно наступает и пядь за пядью очищает нашу родную землю от немецкой мрази. Мы клянёмся работать не покладая рук, чтобы дать фронту больше хлеба, картофеля, мяса, овощей. Каждый из нас, бойцов тыла, мысленно видит себя в цепи наступающих советских воинов, плечом к плечу с теми, кого Родина благословила на ратные подвиги...»

Много личных писем прислали сельчане Степану Моськину и его товарищам.

Председатель колхоза Евдокия Есина писала:

«Товарищи моряки-беломорцы! От имени колхозников примите привет и наше заверение, что мы ничего не пожалеем для вас... Район наш прифронтовой. Очень крепко мы чувствуем свой долг перед вами, воинами. Поэтому и сев провели, как полагается, несмотря на трудности, и сейчас работаем по-стахановски. В колхозе – в большинстве женщины, но они трудятся так, что мужчинам не уступят. Да и не может быть иначе! Ведь мы заменили вас, мы несём вашу вахту, всё хозяйство держится на нас».

С волнением читал С.А. Моськин письмо от жены:

«Примите привет, Степан Александрович, от Вашей жены Евдокии Ефимовны. Кончайте поганого врага и приходите домой с победой. Моськина Евдокия».

Через год Степан Александрович Моськин был поощрён краткосрочным отпуском, побывал в родных краях. А в 1946 году демобилизовался и вернулся в свой колхоз.

Ничего замысловатого: всё просто и ясно, как в настоящем движении русской души.

«...Вторично старпомом я оказался в 1949 году у Качаравы на «Леваневском», – вспоминает Георгий Кононович. – Об Анатолии Алексеевиче я уже упоминал, фигура эта была очень, очень примечательная, мы с ним встречались и прежде, но не на мостике, а в дружеских компаниях. Моряк он был хороший, любил порядок, чтит морские традиции, имел авторитет у начальства, был избалован вниманием прекрасного пола. Но, к сожалению, бывал груб, невыдержан, деспотичен, не стеснялся подмять под себя тех, кто послабей.

Работа у нас, по меркам сегодняшнего дня, была очень тяжёлой. Мы снабжали полярные станции Западного сектора Арктики. В среднем доставляли на каждую станцию по сто тридцать тонн груза. Из трюма его надо было выгрузить на кунгасы, доставить на берег и в плечевую вынести поближе к станции, чтобы, не дай Бог, не смыло штормом. Бочки с ГСМ катали. Условия все ещё были послевоенными, всего не хватало. Тёплой одежды – ватные брюки и куртки – было всего двенадцать комплектов. Сушить её было некогда. Отработав на берегу двенадцать часов, люди возвращались на судно. Новая смена переодевалась в промокшую одежду прибывших и ехала работать на берег. И так смена за сменой, двенадцать через двенадцать. Платили смехотворно мало. Но команда не сетовала, принимала это как должное и работала великолепно. Случались у нас и пассажиры-зимовщики, которые на нашем пароходе добирались до своих полярных станций или возвращались с них на Большую землю. К островам мы добирались через

битый дрейфующий лёд самостоятельно, без ледоколов, и здесь требовалось и умение, и осторожность.

Зимой и весной трудились на зверобойном промысле в Белом и Баренцевом морях, били гренландского тюленя. «На зимней зверобойке добывали бельков и самок, на весенней – самцов, отдохавших после свадебных обрядов. Осенью ходили на Шпицберген, к нашим угольным рудникам. Загранрейсов не было, только каботаж. Мы были в определённой степени чернорабочими торгового флота, и само определение «торговый» к нам как бы не относилось. В то время морякам полагалось только два выходных дня в месяц. Объясняю: чуть ли не в конце двадцатых годов из четырёх месячных дней отдыха моряки пожертвовали в пользу МОПРа два дня.

Да так это и осталось на несколько десятилетий. Морское начальство делало вид, что такой порядок закреплён законодательно. Отпуска были чуть короче теперешних. Но, несмотря на тяжёлую работу, мизерную оплату, изнурительные рейсы в штормах и льдах, без захода в порты, команда на судне держалась, никто не стремился уйти. Работа старшего помощника на таком «чернорабочем» судне пароходства, была, конечно, не сахар. Но – старались, делали всё, что было в наших силах и для поддержания порядка, и морального – человеческого – климата.

Здесь уместно вспомнить слона С.О. Макарова: «Дело командира составить имя своему кораблю и заставить команду полюбить своё судно». «Леваневский» в этом смысле мог бы служить живым примером.

Летям взгонку письма...

«Здравствуйте, Никандр Анатольевич!

С наступившим Новым 2007 годом Вас! С прошедшими январскими праздниками. Здоровья и творческих удач Вам не только в текущем году, но и в будущем.

Я, Полищук Владимир Иванович, в течение 30 лет жил и работал в Норильске, в «Норильскснабе», потом ещё десять лет в службах, конторах Норильского комбината – в Мурманске, Москве. Сейчас на

пенсии, активно занимаюсь в обществе «69 параллель», возглавляемое И.С. Аристовым, а «Красноярское землячество» возглавляет Б.И. Долгих. Возможно, это Вам известно?..

Родился-то я в Николаеве, но жил в основном в России, институт «Водный» закончил в 1955 году, потом – Северное морское пароходство, а с 1957 года – Норильск...

Это предисловие. Почему меня побудило Вам написать? Да вот такой случай. Долго я искал своего однокашника Эдуарда Тихомирова и случайно обнаружил его в Королёве, там живут многие норильчане, в том числе Валерий Кравец. Мой

однокашник жил в Молдавии, отсюда поступал в Одесский водный, а потом из Архангельска попал на завод «оборонки», стал главным конструктором. Завод крупный, поставлял свои разработки военноморскому флоту. Он и рассказал, что произошло с заводом после развала Союза: его разграбили, документацию и оборудование вывезли в Румынию, и т.д. и т.п. Стало горько, тошно на душе. А я читаю «Заполярный вестник», в том числе и Ваши исторические статьи. Мне показалось, Вы, живя в «горячей точке», объективно могли бы написать о существующем положении

Команда любила судно, а заслуга в этом, безусловно, принадлежала, прежде всего, Анатолию Алексеевичу Качараве. При нашей работе от всех требовалось гораздо больше, чем простая исполнительность. Нужна была одержимость и полная отдача своей морской службе. Работа захватывала и отнимала всё время. Отдыхать в арктических рейсах почти не приходилось.

Скоро мы поняли с капитаном, что вполне подходим для совместной работы. И мы научились это ценить. Взаимно. Не было ни единого случая, чтобы Анатолий Алексеевич просто повысил бы на меня голос. А уж чтобы меня подмять, по-капитански, – об этом не могло быть и речи. Постепенно ко мне перешли все кадровые, хозяйственные и организационные функции. У капитана остались чисто капитанские и «дипломатические». На первых порах возникали недоразумения с боцманом. Кстати, подобное случается и на других судах. Боцман был отличный, хотя и несколько «дерзкий на руку». Он не признавал старших помощников и демонстрировал свою личную преданность капитану, возникая в каюте, если не был согласен с решением старпома. И это удалось быстро уладить, отучить боцмана от излишне верноподданнической манеры.

Качараву любил совершать традиционные обходы судна. В особенности, если среди пассажиров встречались хорошенькие.

Обход был почти церемониальным: впереди шёл капитан, в мерцании позументов, за ним старпом и замыкал шествие боцман. Хорошая практика: если старпом и боцман не любят получать замечания, да ещё при-

людно, они не должны давать и повода для таких замечаний... И тогда порядок на пароходе поддерживается как бы сам собой, естественным образом».

Сколько добрых слов сказал Г. Кононович о славном капитане. Действительно, человек познается в разных ситуациях, когда на него смотрят с разных сторон и разные люди...

«...Возвратившись из фашистского плена, капитан «Сибирякова» А. Качараву заказал художнику большую картину, изображающую последний бой и гибель парохода. Картину повесили в кают-компании парохода «Леваневский», в командование которым вступил Качараву. Первое время, проходя у острова Белуха, Качараву приказывал приспустить флаг, давались три прощальные гудка, а сам Анатолий Алексеевич в парадной форме, при всех орденах, становился на мостике по стойке «смирно», лицом к острову, приложив руку к козырьку. Это было трогательно, красиво и – достойно. Здесь остались навсегда его товарищи, и капитан никогда не забывал этого!»

Вспоминает Георгий Осипович ещё и о встрече с «Дежнёвым»:

«На зверобойном промысле охотничий азарт охватывает и промышленников – охотников и моряков. Порой это мешает делу и становится не на шутку опасным. Был такой случай. Мы подошли к многотысячной лёжке тюленей. Видим, сюда же вопреки охотничьей этике, устремляется «Дежнёв», он встал в полумиле от нас. Качараву сказал: «Георгий Осипович, я пойду в радиорубку и поговорю по-мужски

Рабочая встреча у директора Надеждинского металлургического завода Д.Т. Хагажеева с Б.И. Колесниковым и В.Н. Ксинтарисом (фото 80-х годов)

с Толмасовым, а вы, тем временем, пройдите немного вперёд и скрытно, с левого борта, спускайте на лёд гарпунёров (т.е. стрелков). Как только они сойдут, берите вправо и, что есть мощи, отрезайте путь гарпунёрам «Дежнёва»!

Так мы и сделали. Но «Дежнёв» имел в зверобойках опыт, не уступающий нашему, и выполнил такой же маневр. Гарпунёры, прыгая с льдины на льдину, а они умеют это делать виртуозно, преодолели разводье, выбрались на сплочённый лёд и устремились к зверю. Кто кого опередит?!

И началась пальба. Но не по зверю, а – по верх голов соперников, чтобы не дать им подняться и бежать вперёд. Обе группы залегли, открыли предупреждающий огонь, а тюлени благополучно ушли в воду, – слились, как говорят охотники. Оба судна остались ни с чем. Но стада гренландского тюленя были огромными и, несмотря на подобные случаи, все суда перевыполняли план. Помню, мы в тот год добыли семьдесят пять тысяч голов».

Далее Георгий Осипович допускает одну изъезженную, старую неточность при описании событий 1942 года у острова Белуха, как и Валерий Кравец в газете «Таймыр» (28 августа 2002 года) в материале «Два часа войны». Они придерживаются первой ходовой версии, что при встрече «Сибирякова» с «Адмиралом Шеером» на его борту находилось 104 человека. Но, скрупулёзно изучив архивные данные, обосновав их при встрече воспоминаниями очевидцев, С.В. Быков, ветеран Северного флота, доказал, что на борту в это время находилось всего 99 человек. Это

подтверждает и опубликованная в «Побратимах Арктики» судовая роль «Сибирякова» на день его гибели... Первая, непроверенная версия перекочивает из одного издания в другое. Никому не приходило в голову проверить её достоверность. Степан Васильевич усомнился и устранил эту несправедливость, – часть прикомандированных людей действительно пришли на борту «Сибирякова» в Диксон, но там остались и вернулись позднее в свои ведомства. Им не было необходимости плыть на полярные станции на этом ледокольном пароходе...

И вот ещё одно свидетельство мы находим в воспоминаниях капитана дальнего плавания, кавалера ордена Трудового Красного Знамени Евгения Петровича Дударева, опубликованных в книге «Полярный конвой» (Издательство «Остров», г. Санкт-Петербург, 2005 год):

«В 1950 году мне пришлось проходить практику на ледокольном пароходе «Леваневский», названном в честь отважного полярного летчика. Капитаном был А.А. Качарава... Каждый раз, когда «Леваневский» проходил мимо острова Белуха, капитан А.А. Качарава и три сибиряковца из рядового состава одевались в парадную форму, поднимались на мостик, выстраивались в шеренгу, отдавая честь погибшему кораблю и погибшим товарищам. Басовитый троекратный продолжительный гудок возвещал о том, что уцелевшие товарищи живы и пришли вспомнить о своих боевых товарищах.

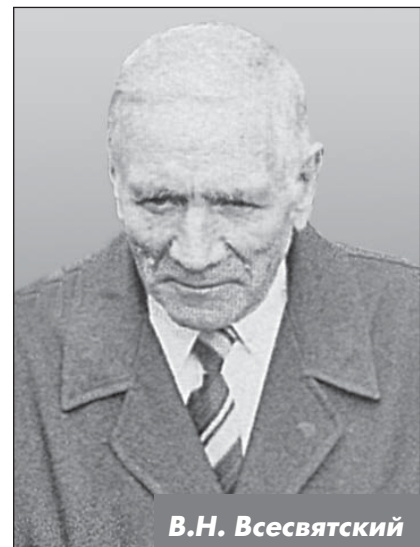
...Завершая навигацию, снабдив полярные станции всем необходимым – продовольствием, топливом, одеждой, мы покидали

в Молдове и главное – в Приднестровье. История того края очень интересна, истоки славянского заселения тех мест уходят корнями в далёкие времена. Вы же по духу и по существу – исследователь.

Ваша книга «Побратимы Арктики» мною внимательно прочитана. Я ведь её развозил (по просьбе В. Ситнова) в Северное и Мурманское пароходства, передал в музеи, ветеранам-морякам, в том числе Т.Б. Гуженко, Г.Д. Буркову, Б.Н. Майнагашеву, С. Вересоцкому, А. Горшковскому и другим... Подарил в Одессе диксонцу. Подарил Вашу книгу В.Н. Ксинтарису

в день его рождения. Он ведь её держал всё время на тумбочке, построчно изучал. Он один из многих получил медаль «За оборону Заполярья». В те годы Василий Николаевич работал в Дудинке, заместителем начальника порта, начальником водного отдела, принимал участие в восстановлении Диксона после боя, организовал ремонт «Дежнёва»...

Василий Николаевич Ксинтарис, великий наш земляк, был и председателем Красноярского Совнархоза и Министром СССР. В этом году ему исполнилось бы 90 лет. Хотим установить в Дудинке мемориальную

В.Н. Всесвятский

арктические моря последними в караване. Караван возглавлял ледокол «Ермак», на котором мы после войны работали с Павлом Вавиловым, тоже сибиряковцем, единственным, кому удалось спастись и избежать плена... Проходя архипелаг Норденшельда, мы увидели еле заметные отблески факела в шести милях от нашего пути. Доложив об этом на «Ермак», получили распоряжение следовать в направлении огня. Подойдя ближе, мы увидели небольшой катер, зажатый льдом, безжалостно уносимый в суровые арктические просторы. Люди и катер были подняты на борт л/п «Леваневский» и доставлены на о.Диксон. Радость возвращения к жизни была безмерна, спасённые люди забыли о холоде, голоде и отчаянии. А мы ещё раз убедились, как необходимо внимательно нести вахту. По теории вероятности каждая из них может быть оценена в чью-то человеческую жизнь».

Прошло много лет, Качарава больше не бывал в Арктике, он стал начальником Грузинского морского пароходства. Серьёзная большая работа занимала всё время. И всё же он очень хотел вместе с женой, Назо Яковлевной, отправиться в Карское море и опустить две сотни алых роз, сплетённых в венок, на месте гибели «А.Сибирякова». Тяжёлая болезнь и кончина не позволили выполнить намеченное. Назо Яковлевна была верным другом и очень любила Анатолия Алексеевича. Она решила исполнить задуманное старым капитаном, до конца дней

своих чтившим память о своих товарищах. Когда она собралась выезжать на Север, герберы уже отцвели. Но их ещё можно было достать в Тбилиси, оттуда успеть самолётом в Архангельск. Из Архангельска в Арктику уходил пароход «Беломорлес»...

Капитан Демченко рассказывал, как были поражены моряки, когда узнали, что их пассажирка, вдова легендарного капитана, идёт с ними в Арктику, чтобы исполнить последний долг мужа перед погибшими соратниками.

– Перед тем, как опустить в море венок, – рассказывала потом Назо Яковлевна, – я передала капитану часы Анатолия Алексеевича. Просила остановить их, как только цветы упадут в воду. Теперь часы лежат у его портрета. А водой, зачерпнутой у острова Белуха, я окропила его могилу, – как памятный привет от его друзей, павших за Родину.

М. Монастырский, свидетель тех событий, написал стихи:

*У острова Белуха, в море Карском,
У острых скал, где пенится прибой,
Склонилась женщина к могиле братской,
Чтоб зачерпнуть воды и взять её с собой, –
И ею окропить могилу капитана,
Что вёл корабль в жестокий
и неравный бой...»*

Мне, взволнованному и просветлённому от радости бытия и новых открытий уже ничего не понять: то ли это повторение пройденного, то ли это действительно продолжение в бесконечном времени и пространстве действия, постоянно освежающего нашу благодарную память.

доску. Издали о нём книгу «Человек по имени «Грек».

Почему надо бы получить из Тирасполя объективную информацию? Там проживало и, надеюсь, проживает много бывших норильчан, в разных городах, посёлках Приднестровья. Думаю, небезынтересно будет читать, как живущим в Норильске и в Дудинке Ваши будущие статьи (надеюсь на это), так и нам, живущим сегодня за пределами Таймыра...

Для сведения: постоянно общаемся с В. Кравцом, А. Львовым, М. Важновым, М. Колпаковым, Р. Смоковой, Г. Касабовой, А. Просековым; участвовал и помогал в издании серии

книг Г. Касабовой – «О времени, о Норильске, о себе», «Эвакуация», книги о В.Н. Всесвятском – М. Важнова, «Норильскнаб: люди и годы», воспоминаний о Б.И. Колесникове, П.Ф.Ломако, А.П. Завенягине и др. Сейчас с П. Соловьёвым заканчиваем книгу воспоминаний об А.Г. Кизиме. Так и живём.

Но Вы в другом измерении, поэтому хочется знать: а что там дальше, к чему придём? По моим понятиям очень сложно выстроить взаимоотношения Приднестровья с Молдовой, даже в условиях признанной автономии. Такая кровотокающая рана вряд ли в бли-

жайшей перспективе заживёт.

В этом году 65 лет диксонской эпопеи, годы идут, люди уходят, а Ваша книга остаётся, как большая Память.

Извините за беспокойство. С уважением В. Полищук.

14.01.2007 г.

Хотелось бы поставить точку. Но жизнь не остановить, – она уже предлагает своё продолжение. И меня уже возносит, как на морской волне, на более высокие измерения в пространстве и во времени.